

Российский
Межрегиональный
Союз
Писателей

Академия Русской
Словесности
и Изящных Искусств
им. Г. Е. Державина

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Литературно-художественный
журнал

16-й

ВЫПУСК

*По благословению
Патриарха всея Руси
Кирилла*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
"ГАММА"
2017

3 79

*Литературно-художественный
журнал
Российского Межрегионального
Союза писателей
при участии
Академии русской словесности и
изящных искусств им. Г.Р.Державина*

Под общей редакцией Е.П. РАЕВСКОГО

Шеф-редактор: Н.А. ВЕСЕЛОВА

Редактор отдела поэзии: Е.П. Раевский

**Редколлегия: Л.Б. Ильина, Н.Е. Кострицына, Л.П. Кизик,
Т.Л. Беляева, Е.В. Сакс, Ю.В. Бондарев (почетный член)**

При перепечатке ссылка на журнал «Золотое слово» обязательна

Официальный сайт
Российского Межрегионального союза писателей:
www.rmssp.pro

Официальный сайт АРСИИ им. Г.Р.Державина
www.arsii.ru

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

*Журнал «Золотое слово» признан Президиумом Международного
Сообщества Писательских Союзов лучшим
литературным изданием по итогам 2016 года*

**На первой странице обложки:
Поэт Евгений Раевский
Фотография Елены Сакс©**

ISBN 978-5-4334-0360-4

© Коллектив авторов, текст, 2017
© Н.А.Сафронова, оригинал-макет
и обложка, 2017

*Академия русской словесности
и изящных искусств
им. Г.Р. Державина*

**Портрет работы Владимира ТИХОНОВА,
действительного члена Академии русской словесности
и изящных искусств им. Г.Р. Державина**

2017

Слово шеф-редактора

«Пока любовь неистово жива...»

К юбилею поэта Евгения Раевского

*А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней.*

А Ахматова

В современной русской поэзии мужская любовная лирика как одна из главных тем поэта – явление исключительное. Любовь – настолько традиционно женская тема в литературе, что это привело даже к некоторому «кривозеркальному» искажению читательского восприятия: автор – женщина, значит, про любовь, читать не буду: опять бабьи причитания. Появляются, конечно, любовные стихи и у поэтов-мужчин, но обычно это единичные вкрапления в массу философских размышлений, брутальных призывов и обличений очередного социального зла... Не знаю, осознанно или нет, но «нормальные герои» от поэзии часто ощущают любовную лирику мелкоотъемлем, своего рода «ступенькой вниз» от глобальных тем, подходящих зрелому мужу.

Евгений Раевский – единственный в своем роде, потому что его поэтическое имя сразу ассоциируется с любовной лирикой, причем эта лирика, при всей ее внешней «женской» красоте, по сути своей очень мужественна.

Как Песнь Песней Соломоновых. Пусть эта часть Ветхого Завета только традиционно приписывается великому древнему царю, а настоящий автор доподлинно неизвестен, пусть, кроме поверхностного смысла (сборник свадебных песен – не более того!), в ней скрыто множество смыслов глубинных – все равно человеческое сердце, с его первозданной простотой, стремится воспринимать ее как историю счастливой взаимной любви мужчины и женщины.

О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные под кудрями твоими; волосы твои – как стадо коз, сходящих с горы Галаадской (Песн. 1:4, 2:10, 6:4); как лента алая, губы твои, и уста твои любезны; как половинки гранатового яблока – ланиты твои под кудрями твоими... (Песн.6:7)

А вот – Раевский:

*В твоих есть формах бело-шелковистых/
Соцветье лепестков волос душистых,/ Таинственный родник, подобный утру,/ Блистающий цветами перламутра...*

Снова Соломон:

О, как любезны ласки твои, сестра моя, невеста! О, как много ласки твои лучше вина, и благовоние масел твоих лучше всех ароматов! (Песн. 1:3).

Снова Раевский:

Любимая, волшебствуй, ты прекрасна,/ Ночь в страсти от волнения ненастна,/ Но ею наш восторг не отвлечен,/ Бессонное тепло Любви сильнее...

Параллели очевидны? Ничто не меняется. От того Храма, что построил Соломон, не осталось ни камня. От его великого царства... скажем, мало что осталось. А Песнь Песней читают – и вдохновляются ею – три тысячелетия спустя. И в двадцать первом веке – «Пока любовь неистово жива» – русская мужская любовная лирика по праву носит имя:

Раевский.

**Шеф-редактор журнала
«Золотое слово»,
писатель**

Нашаева

Весслова

ИЗБРАННЫЕ ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ О ЕВГЕНИИ РАЕВСКОМ

Поэзия Евгения Раевского – это поэзия будущего.

Поэт-песенник Эдуард Кузнецов

Не говорите мне о поэте Раевском – мне это неприятно.

Поэт Андрей Вознесенский

Не смейте плохо говорить о Раевском – в это никто не поверит.

Поэт Адриан Протопопов

Ну какой балбес придумал о Раевском пaskвильные книги издавать и подмётные статьи писать – это только подтверждает, что Раевский – выдающаяся личность.

Поэт Сергей Новиков

Я знал в Петербурге одну сволочь – Ивана Сабилу, теперь появилась вторая – Борис Орлов. Вдумайтесь, кто сотрудничает с руководителем русской писательской организации Б. Орловым и заливают грязью Евгения Раевского – рутманы, брутманы, дамбы, кнопы, вишневатые, макухи, кацеленбогены и другие литературные мони и зямы, «журналисты-бутербродники». Правда, некоторых Б. Орлов уже принял в Союз писателей. Безобразие! Раевский – личность, Орлов – просто трус, поэтому и гадит. Будущее за Российским Межрегиональным союзом писателей, которым руководит русский поэт Евгений Раевский. Счастья ему и здоровья!

Поэт Олег Шестинский

Любой здравомыслящий человек, интересующийся русской поэзией и радеющий за русскую культуру, после ознакомления с Интернет-сайтом Евгения Павловича Раевского поймёт: все заказные статьи и передачи, направленные против его личности, – примитивная дешёвка, сколько бы денег ни было в них вложено. Оппонентам Евгения Раевского просто нечего предъявить, кроме переполняющей их грязи.

Поэт Дмитрий Киришин

С песнями на стихи Раевского не стыдно выступать на конкурсах Евровидения.

Народный артист России Эдуард Хиль

Раевский – потрясающий человек, выдающийся поэт.

Народный артист СССР Игорь Горбачёв

Академия русской словесности и изящных искусств имени Г.Р. Державина, возглавляемая Евгением Павловичем Раевским, – одна из старейших и самых престижных академий России!

Председатель Исполкома
Международного Сообщества
Писательских Союзов,
Герой Социалистического Труда
Юрий Бондарев

На переломе эпох время, наряду с разрушителями, выдвигает и личностей – создателей, берущих на себя ответственность за те сферы деятельности, которые влияют на судьбу Отечества. К таким личностям, объединяющим лучших представителей творческой интеллигенции Санкт-Петербурга, я отношу выдающегося русского поэта и общественного деятеля Евгения Павловича Раевского. Запечатлеть его образ на полотне было для меня чрезвычайно интересным делом. В искусстве портрета меня, прежде всего, волнует передача характера человека и его времени. В процессе создания произведения я испытал радость творчества и удовольствие от общения с интересным собеседником.

Заслуженный художник России
Александр Полозов

Женю знаю давно. Он восхитителен во всём – эстет и профессионал высшей пробы. Человек исключительной порядочности, чести и совести, знаток своего дела. И, пожалуй, берет Евгения Раевского – не менее важный символ Санкт-Петербурга, чем шляпа Михаила Боярского.

Заслуженный деятель искусств России,
Ирина Гайманова

Поэт Евгений Раевский – мой великий соратник на пути к литературному бессмертию.

Поэт Сергей Новиков

Евгений Раевский – один из самых заметных поэтов России, чувствуется его тяга к поэтам Серебряного века, но лексика его стихов не старомодна, напротив, он стоит особняком – это результат его долгой кропотливой работы над словом.

Поэт, член Союза писателей СССР
с 1950 года
Николай Кутов

Евгений Раевский – поэт Санкт-Петербурга, Москвы и Всяя Руси.

Поэт Вячеслав Орлов

Удивительно, порой Раевский бросается как в омут, когда затевает какие-то фантастические проекты. Мне часто в его затеи не верилось... но как ни странно, у Раевского всё получается, равных ему в этом нет.

Поэт Сергей Макаров

Если бы писатели-межрегионалы реже бегали по всяким местечковым литературным тусовкам и чаще просили совета у своего председателя Правления, то толку было бы больше. Ни в одном Союзе писателей нет такого значимого и доброго лидера.

Заслуженный деятель искусств РФ,
писатель Виктор Потиевский

Стихи Раевского, как думаю я, в комментариях не нуждаются. Они – словно золотые россыпи.

Поэт Вячеслав Кузнецов

Поэт Евгений Раевский – золотое эхо Серебряного века.

Писатель Владимир Фёдоров

Сегодня ясно всем, кто интересуется литературой и, в частности, русской поэзией, что стихотворческая звезда Евгения Раевского давно стала доступной не только невиской галактике, но свет этой далёкой звезды освещает и российские, и столичные горизонты.

Поэт Андрей Романов

Стихи Евгения Раевского – божественны.

Заслуженный поэт Мордовии
Павел Любаев

Добрый призыв А. Прокофьева наконец-то услышан! Ну, что же, наш поэт нежности и мужества, перед тобой уже XXI век. В счастливый путь, Евгений Раевский!

Ведущий сотрудник Пушкинского дома,
профессор Владислав Шошин

Творчество петербургского поэта Евгения Раевского в последние годы раскрылось с новой стороны. Он стал больше писать о любви. И словно наступил переход на более высокий уровень творчества. Большая чувственность и эротичность теперь присутствуют его стихам, написанным в форме сонетов.

Радиожурналист Лев Привалов

Стихи Жени Раевского – это молитвы.

Член Совета старейшин
Союза писателей СССР
Сергей Воронин

Желаю Вам успехов и крепкого здоровья!

Заместитель председателя
Государственной Думы
Российской Федерации
Владимир Жириновский

Стихотворения Евгения Раевского являются учебником русской современной поэзии.

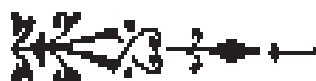
Поэт Виталий Летушев

В истории России есть два национальных героя – Минин и Пожарский, а в истории русского романа – композитор Валерий Минкин и поэт Евгений Раевский, которые создают необыкновенные, душевные произведения.

Народный артист России
Григорий Баскин

В стихах известного и очень любимого мной питерского поэта Евгения Раевского меня привлекает изысканность стиля и их необыкновенная романсовость.

Певица и актриса Наталья Сорокина

О русском поэте Евгении Раевском говорят и пишут зло, с ненавистью, с чувством восхищения, с экзальтацией и, что чаще всего, с признанием за ним таланта яркого и возвышенного, таящего в себе очарование любви и музыки, которое он передает нам своими стихами. Пожалуй, в наше время ни об одном современном петербургском поэте не пишут так «многогранно», как о Раевском, что, по сути, и подтверждает его яркий талант и несомненную индивидуальность. А на все остальное, как говорится...

Писатель Юлия Андреева

Если, скажем, принять за точку отсчёта то, что поэзия – дерево, то ветвь творчества Евгения Раевского качается, лиственнет и плодоносит рядом с ветвями таких поэтов, как Д. Веневитинов, М. Волошин, В. Брюсов, И. Северянин, В. Рождественский, В. Соколов.

Поэт Сергей Макаров

Рано или поздно, но писатели всё равно поймут, что единственный человек, который бескорыстно и верно может вести писателей вперёд, – это поэт Евгений Раевский, в Петербурге следует создать единую организацию под руководством Раевского.

Поэт Семён Ботвинник

Евгений Павлович Раевский – это человек с большой буквы, именно на таких людях держится Земля русская. Возглавляемый им Российский Межрегиональный Союз писателей – единственная на всём Северо-Западе действующая творческая писательская организация.

Писатель Григорий Липартелиани

Стихотворения Евгения Раевского, нашего легендарного русского поэта, переполнены светом и теплом доброты, и в этом он превзошёл всех!

Поэт Игорь Сахарюк

Если бы писатели делали для Раевского столько, сколько он делает для них, то Раевский давно бы при жизни жил, как в раю. Я удивляюсь порой человеческой неблагодарности его писателей.

Писатель Пётр Проскурин

Женечка Раевский – это прелесть, чудный человек, писатели не завидовать ему должны, а помогать, Раевский достоин лучшей жизни, подумайте об этом.

Писатель Вера Лукницкая

Живу, пишу и радуюсь. Для меня Российский Межрегиональный Союз писателей – родная семья, нигде нет такой доброй, светлой атмосферы, мне здесь хорошо. Раевский объединил вокруг себя самых передовых людей города.

Поэт Марина Ермошкина

Евгений Раевский – самобытный, неожиданный для меня поэт, прекрасный организатор.

Поэт Глеб Горбовский

Поэт Раевский одаривает нас чудесными сказками и легендами, которых нам не хватает в жизни.

Татьяна Петрова, радиослушатель

Ну, кто сказал «богатыри – не вы»? – Лермонтов? Вы на Раевского посмотрите и после этого можете поспорить с Лермонтовым.

Заслуженный артист России
Ефим Шифрин

Евгению Раевскому – любви, радости, удачи и...

Актёр Дмитрий Нагиев

У нас с Раевским – всё ещё впереди, на крыльях ночи.

Мистер Голос, певец Юрий Охочинский

Люди! Берегите Женю Раевского, он очень хороший человек.

Левон Оганезов, музыкант-виртуоз

Дорогой Женя, поздравляю! Спасибо за любовь, дружбу и верность!

Заслуженный артист России и Татарстана, певец Альберт Асадуллин

Как поэт Евгений Раевский очень нежен, открыт и непосредственен. Как мужчина – очень обаятелен и притягателен для женщин. При ярко выраженном мужском

начале он, тем не менее, сохраняет некое мальчишество – и это делает его молодым в любом возрасте.

Заслуженный работник культуры РФ
Наталья Соловьёва

Стихи Евгения Раевского талантливы, чувственны, откровенны. В них живёт романтическая, высокая личность автора. Уверен, что именно небесное звание Поэта, а не многочисленные земные награды и титулы, – то главное, чем будет знаменит Евгений Раевский в последующие столетия. Его имя вписано в историю русской культуры.

Поэт Дмитрий Киршин

«...Евгений Раевский давно зарекомендовал себя интересным поэтом, пишущим без намеренных изысков и вывертов, называемых чудными словечками с префиксом «пост». Его поэзия глубоко традиционна: в сонетах чувствуются плечи гигантов русской и европейской поэзии, на которых он стоит, не шатаясь. Вместе с тем его стихи совершенно оригинальны. Когда книжные полки отделов поэзии в магазинах полны поэтическими сборниками и антологиями расходящимися, по признанию книгопродавцев, очень туго, небольшая книжечка Раевского «Власть сонетам», изданная тиражом 4000 экземпляров, раскуплена была в несколько недель...»

Газета «Час Пик»
№ 22 (293) от 08.02.1995

Истинный романтик пера, тонкий ценитель прекрасного, каждой своей строчкой открывает перед читателем невидимую для обычного человека красоту. Иногда образы поэта рождаются, как УТРО, а иногда он их конструирует, что не снижает их достоинств, а лишь, наоборот, делает ещё белее элегантными или эфемерными. Большинство стихов поэта – о любви, о жизни и её смысле:

*«Зачем я верю в сны и сказки,
толкую нежностью с пера,
в любовь бросаюсь без опаски,
как мотылек в огонь костра».*

Поэт Игорь Деордиев

Избранные отзывы о стихотворениях Евгения Раевского на Интернет-сайте www.stihi.ru

Евгений, в Ваших стихах есть что-то колдовское.

Ирина Гоношилина о стихотворении
«Звёзды-осторожницы, трепетницы мира»

Поэт, воспевающий возвышенным слогом красоту и любовь всегда прекрасен! Нежность не может не откликнуться на «таинство вечности, честность природы, ликование чистоты». Мудрое и чарующее стихотворение!..

Татьяна Крыжановская
о стихотворении «Голос света»

Очень красиво и глубоко. До мурашек.

Юлия Алямовская о стихотворении
«Приглашение в нежность»

Пусть боги радуются той нежности бескрайней... и душам сил дадут... терпения... чтоб та любовь росла... цвела... плодами усыпая Вечность... которая застынет сладко на устах...

С восторгом, Натали Гончарова
о стихотворении «Великий пустяк»

Добрый день, Евгений! Прочитал, Ваше стихоТворение, глубоко задумался над смыслом жизни. И сделал для себя вывод: а жизнь-то продолжается, и надо спешить сделать как можно больше добрых дел.

С уважением, Геннадий Зенцов
о стихотворении
«Брызги осени дождем...»

Удивительная способность сердца – всегда быть готовым к прекрасному...

Татьяна Крыжановская о стихотворении
«Прочесть меня – не свойственность труда...»

Как ласково и мило убаюкивают ваши строки! Будто птицы свирелями наполнили душу...

С теплом, Натали Гончарова
о стихотворении «Написал я в мороз теплом...»

Евгений, привет от тёзки! Вот и встретились, Вы так строги, что даже барышням запрещаете выпить винца при встрече. А коньячку-то, можно им? Вам надо повесить здесь Ваши музыкальные записи. Спасибо Вам за подарки!

С уважением и пожеланием счастья,
Евгений Крюков о стихотворении
«Весенний романс»

Замечательные стихи, Евгений, прекрасная лирика! Чувствуется талантливая рука мастера. Осень – извечная любимейшая тема поэтов. И какая же она разная бывает – от шаловливой рыжей девчонки до степенной матроны в дорогой парче. Дальнейших Вам творческих успехов!

С уважением, Игорь Князь Чегодаев
о стихотворении «Осенняя радость»

Сколько прекрасных образов... Душа откликается надеждой и светлой мечтой, читая ваши строки... Спасибо Вам за это!

С теплом, Натали Гончарова
о стихотворении «Голос света»

Евгений, удивительно красиво и ярко. Прекрасные стихи. Очень впечатлили. Удаchi во всем и всегда буду рада видеть на своей страничке.

Любовь П. о стихотворении «Я»

*«Теснится фантастическая сладость
В желаниях и ласках без конца».
Боже, как красиво!!!*

Людмила-Душечка о стихотворении
«Рябиновый сонет»

«Певцу не петь – мучительнее смерти...» – полные глубокого смысла строки. Изящно написано. Понравилось очень.

Виктория Викторова
о стихотворении «О себе и о сонете»

*«Я причащался нежностью добра».
Какая мудрая строка...*

Людмила-Душечка о стихотворении
«О беззащитности честности»

Прочитал Ваше «Я бесконечно горд, что был рожден в России», порадовался свету слов и чувств, представленных в нем... Спасибо! Вы не только Певец, но и Защитник.

Михаил Иркутский о стихотворении
«К сегодняшней России»

Удивительные строки: напор, страсть, грация. Просто наслаждение от прочтения. С последней строкой не согласен. Такое может быть, только если твоя любовь – свобода!

С уважением, Михаил В. Смирнов
о стихотворении
«Когда написанная страсть...»

Клянусь небом, это лучший стих на сайте!!!

Константин Изнуренков
о стихотворении «Нам лжет эпоха»

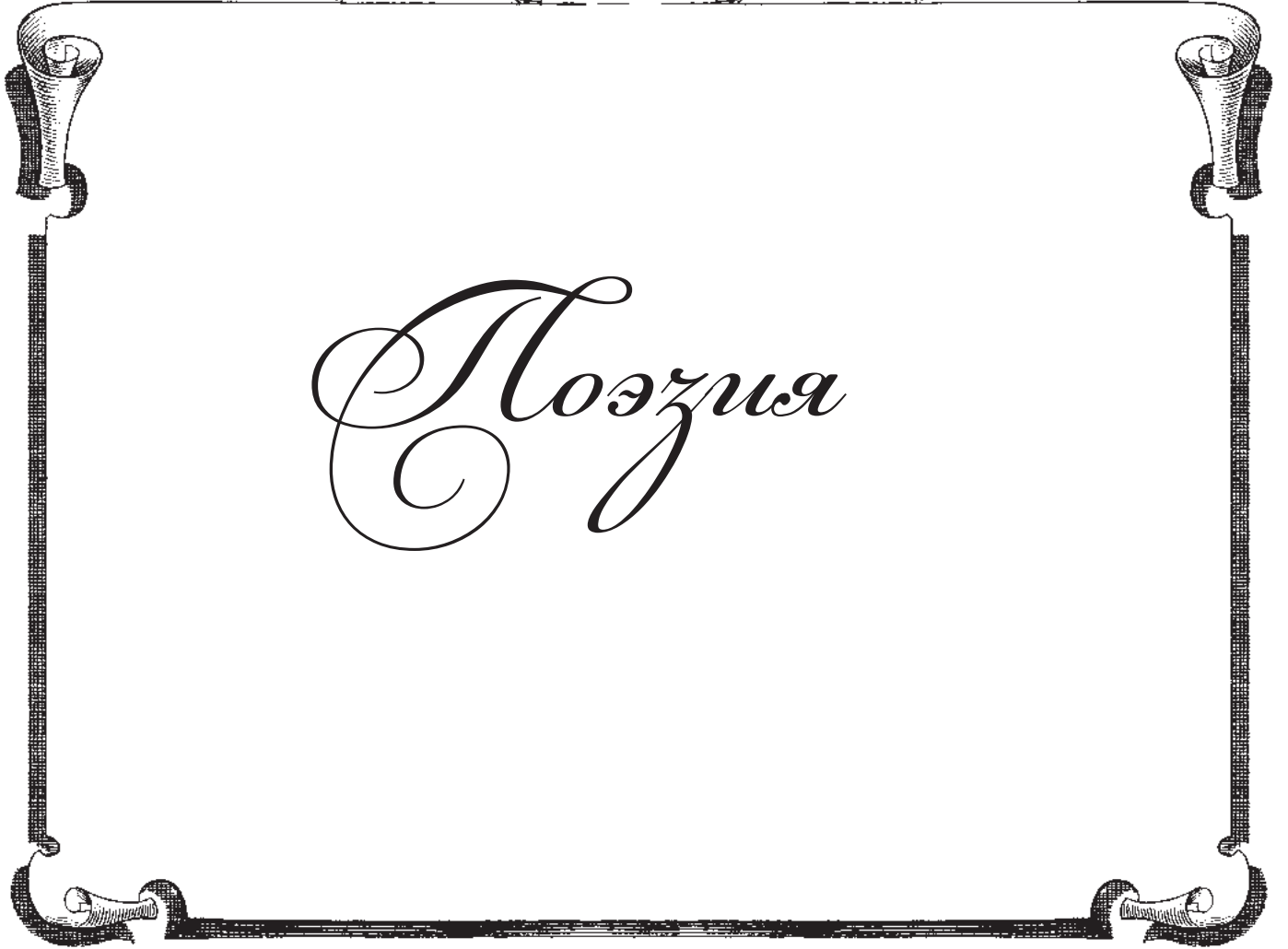
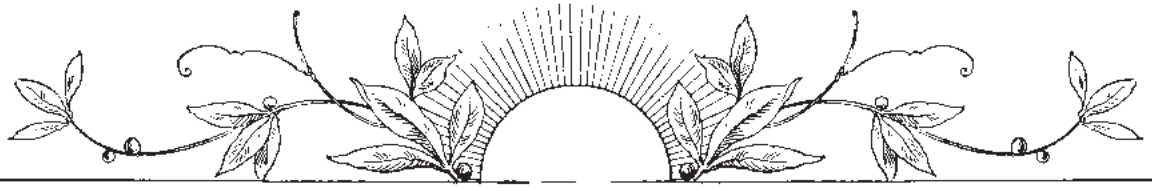
Взъерошенное море понравилось, и что его лучи расчешут лунные – красиво. Вдохновений!

Леров о стихотворении
«Влиянье звезд. Я с ночью в споре...»

Евгений, красиво пишете. Мне очень понравилось. Рада, когда на сайт приходят колоритные авторы.

С уважением, Любовь П.
о стихотворении
«В безумии блистающих ночей»

Андрей МАНИЧЕВ

Попытка метанойи

Убей и закопай меня,
как собаку, напавшую
на почтальона,
принесшего дурную весть;
чтобы я не стоял
хромой цаплей,
переноса вес тела
на правую ногу.
Знаешь, на этих заборах
даже нет пыли,
руки чисты.
...Вращаясь в трёх измерениях,
я застываю в четвёртом,
как собака,
напавшая на почтальона,
впившись клыками
в лиловые строчки...

* * *

на линии чистилища бои
за одиночь; одические рати
полощут флаги в море-на-крови,
кончаются осколочные яти
в ячейках перекрещенных миров;
соль растворилась в вавилонской яме
до точки насыщенья; номерок
в зашитом белой ниточкой кармане,
заветный, как разрыв- и трын-трава,
не вытащить; где ножницы, голуба?
бери шинель!.. пустые рукава
и личное оружие – как глупо...

No Lullaby

Глухая медь пустых колоколов
язычника смутит уже едва ли,
так на мосту Отрубленных Голов
менялы над монетами дремали.
А на холстах – идёт ночной дозор,
в трик-трак играют, башмаки хохочут, –
дурман застывший разъедает взор;
но в школе надо, и ребёнок хочет
забыть н а в е к соль материнских вод,
несмертья хлеб, до вечности теплоту –

и начинает явственный исход
в чужую жизнь, в плотяную работу.
... Что гребень золотой, что блеск ножа
десантного под яркую витриной –
здесь собирают всё, что точит ржа;
и Пан стоит пред собственной картиной.
Тому и быть – ведь ПОСТОРОННИМ В.
Умри в утробе, не смотри сквозь щели
на танки, церкви, мюзиков в мове –
смешное царство смертного Кощея.

* * *

кто справился с жизнью на твёрдое «пять»,
а мне на ветру отвлечённо стоять,
с посудой, наполненной днями на треть,
на землю и в землю смотреть;
прошитою стёжкой брести в тишину
и складывать в кузов худую вину,
с пятном на сетчатке уже не борясь,
заметьте себе, милый князь...

* * *

Питера Пэна под потолком
больше нет...
От проезжающих машин
отсвет фар, почти свет.
Думаешь иногда, что этот свет – тот,
откуда Слононок и Крошка Енот.

И ты берёшь в руки флейту,
пальцы сжимают перо...
Начинаешь петь, приделывать
единичку-птичку к зеро.
Но твой единственный день –
шагреновый акваланг,
и неизбежна «кессонка»,
если не перерезать шланг.

А продолжишь дудеть в дуду,
будь готов, что и флейту отнимут, и нож.
И не вырежешь больше
пустяшной свистульки даже...
Я думал, что с тобою дольше
(дальше) пройду,
но всё же, чёрненький, всё же
мы почти добрали до Стража.

* * *

Из разбитой чаши
плоток тяжёлой воды,
из голубой гайдаровской чашки
пьёшь песок,
выходя из пламени
вечного фосфора
неизвестных солдат...

Односельчане

Кенотаф перед сельсоветом,
И звезда в позолоте тусклой.
Я, с игрушечным пистолетом,
Доверяюсь азбуке русской.

И читаю, забыв про «пестик»:
...МО-РЕВ...
...СОЛ-НЫШ-КОВ...
...ХУ-ДО-РУ-КОВ...
И стоит перед каждой крестик,
И ещё две – р а з н ы е – буквы...

...Позатысячелетним летом
Я считаю до ста, и – осень...
Кенотаф перед сельсоветом,
Где фамилий всего-то восемь.

* * *

завтра будет утро
завтра ты умрёшь
ничего не бойся
под землёй есть дождь

родовые воды
пляшут во гробах
мотыльки в корзине
венчики на лбах

* * *

Хлеб – порохом, душу – молитвой,
охота тебе горевать.
И там, где заоблачной битвой
ты бедствуешь чуждой ловитвой,
Илья Ильич видит кровать.

Он жив невозможною верой,
что можно и нужно проспять
всю жизнь, и какую вы мерой,
хоть ладаном, хоть бы и серой...
Страница семнадцать опять.

* * *

Посмотри, как эта звёздочка пляшет,
Да послушай, о чём говорит.
Рядом со мной да кто-нибудь ляжет,
Как-то проживём – между нот, между бит.

Видели восходы, видели закаты,
Сердце плачет, голова болит.
Страшно сказать, но слышу: «Куда ты?!...»
Вот и вся война, доктор Айболит.

А кто-то во мне рисует по горлу,
Кто-то во тьме легко несёт свет.
Вечерняя вода приближается к молу,
А меня там нет, меня вообще нет.

Я просто смотрю, как моя звёздочка пляшет;
Я говорю – и она говорит...
Просто всё плохо, и кто же нам скажет,
Скоро ли приидет доктор Айболит.

* * *

винт ранорасширителя
давно потерял резьбу
на болевом пороге
как на карусели

тело теряет поляну,
душа – избу
тело смеётся в душе,
как чугун в карамели

вытряхивая крайние капли
високосного вискаря,
понимаешь про дым отечества
что-то совсем другое

после декабрьских дождей
увидеть бы снегиря,
осколок льда в руке медсестры
и так далее и всё такое

* * *

Памяти М.М.

Не успели в «верёвочку», в «классики»,
А косая косится всерьёз.
Умирили мои одноклассники,
Совопросники – с водкой и красненьким.
Кто случайно, и все не без слёз.

Рядовые – а смерти без разницы,
Из рогатки стрелял, ДШК.
Умирают мои одноклассницы,
В чёрных юбках смешные, проказницы,
Так сияли... ох! душно-то как...

Путь в Ростов

Хранитель в поднебесной ложе,
Среди снежинок и крестов.
А я твержу одно и то же:
«Мы все попутчики в Ростов».

Дымится от мороза паперть,
Пар вырывается из ртов.
Дорога белая, как скатерть.
Нас ждёт загадочный Ростов.

* * *

...И, наверно, сюда не вернусь,
не пройду по тропиночке крёстной, –
потому что уже не боюсь
пересадки до «Звёздной».

Но куда же мне деться, когда
вся трепещет на ветке синица, –
предпоследняя в небе звезда
будет падать и биться...

Фарфоровская

Мама в жёлтом плаще,
На платформе открытой...
Что я помню, вообще,
Очевидец небритый?..
Говорю не о том,
Ничего не осталось.
Мама с чёрным зонтом,
Не заплакать пыталась...

Ноябрь

Это осень на чистом спирту,
патефонной иглою под сердце;
это флаг на жестоком ветру,
локти единовеца;
это жизнь угадала впритык,
мятной мутью в лицо надышала;
на открытке гвоздика и штык,
и кремлёвские жала.

* * *

...Мне Батюшкова не противна спесь.
Всесчастлив человек в уютном кресле.
Он говорил про то, что т а м не здесь,
миротворив предбудущее: е с л и...

О Господи, Свет Верних Держав,
Предмирное Стояние Благое,
остановись, орешек грецкий сжав –
не раздави Вседетскую Рукою...

Виктор ОРЕШКИН

* * *

Анне Егоровой

Букеты родины моей
Не в вазах чопорных и чинных –
Дары лугов, полян, полей
В простых стаканах и кувшинах.

Через года, через века
Событий, судеб, испытаний
Их ставит легкая рука
Под шепот добрых пожеланий.

Вдруг с удивлением найдем,
Как ветка листья опускает.
Что ж, и в отечестве моем
Порою что-то увядает...

А жизнь растений коротка
(Щедра природная беспечность!),
И лишь художника рука
Им в натюрморте дарит вечность.

* * *

Что за лето – ливни льются,
Лижут мутное стекло!
Маки маются и мнутся,
Им опять не повезло.

Гость желанный и мохнатый,
Шмель до них не долетит
И любовную кантату
Лепесткам не прожужжит.

Дождь от края и до края
Между нами целый день.
И, ржавея, опадает
В прошлом белая сирень.

* * *

«Утром – весна!» - вы обмолвились было,
Не посмотрев в законную даль,
Там непогода бесилась и выла,
И по деревьям стекала печаль.

Верить ли нам очевидности серой?
Пить комплиментов лукавый бальзам?
Или довериться мудрому телу,
Чуткому сердцу и грустным глазам?

Так быстротечны весенние скачки,
Глядь – уже полдня почет и хвала,
Гранты для грандов, значки и зачатки...
Только кудрявая юность прошла.

Ластится осень дождем, сквозняками,
Мудрым запасом сушеных грибов.
Вас обнимаю сегодня стихами:
«Утром – весна. И без срока – любовь!»

Сонет темноты

Сменив костюм на что-то неземное,
Как я тебя узнаю в темноте?
Обманет слух – останется лететь
На запах розы, ладана и хвои.

Прости меня – я тоже был в пути,
Закрашивая опыт сединою,
Теперь стою, как перст, перед тобою,
Но где же ты? Прости меня, прости...

Разбросанное в суетливых буднях
Не жаль, когда мы более не врозь,
И вспоминая все, что не сбылось,
Друг друга ощутить уже не трудно.

Что для души полезнее на свете?
Стихи и кофе... и любовь... и ветер.

Сонет души

Одна душа – что твой песок прибрежный,
Легко воспринимающий следы,
Но круче испытание воды –
И стерто все, забыто безнадежно.

В иной душе – тропинка через поле,
Заброшенная, будет не видна,
И в памяти останется она
Июльским поцелуем на приволье.

А вот как будто кольца древесины:
Зарубки от влюбленного ножа,
Здесь тучный год, а здесь неурожай...
Красноречив бывает Буратино!

Ты говоришь, моя душа – гранит?
Зато твой след навеки сохранит.

* * *

Веди меня вдоль берега реки,
Где я с тобой еще ни разу не был,
Там взгляды откровенные легки,
И прошлое перетекает в небо.

Оно себя в воде не узнает
И хмурится, клубится, возмущаясь,
По рощам дальним молниями бьет
И гонит прочь воспоминаний стаи.

Идем на фронт! – Все ближе и грозней
Обиды, обвинения, упреки –
На струнах ослепительных дождей
Гремят дуэты, льются монологи...

Все минет – станет радугой гроза,
А встречи будут ярче и желанней.
Смотри-ка, вот и высохла слеза! –
Открыта жизнь для счастья и страданий.

* * *

Почувствовав свет законный,
Как будто проснуться от стука
И теплой рукой полусонной
Нащупать такую же руку.

Она по запястью проводит,
Помедлив, как будто сжимает,
Что в этот момент происходит,
Еще не совсем понимая.

Еще не остыли над ложем
Сюжеты ночного балета,
Но что-то предчувствует кожа,
Горячим румянцем одета.

А где-то дожди и машины,
Трамваи, прохожие, птицы,
Долины, овраги, вершины...
Ага, тебе тоже не спится!

* * *

Август. Вечер. Воскресенье.
На закат окно открыто...
Прошлогоднее варенье
Скоро будет позабыто.

Скоро новые дороги
Позовут «Попутной песней»,
Замаячит на пороге
Понедельник – день известный!

А пока играют блики
У камина нашей встречи...
Непрочитанные книги –
Воскресенье. Август. Вечер.

В незатейливом покое
Тянутся минуты дольше,
Как и многое другое,
Что когда-то было общим.

Окончательно одевшись,
Ты уйдешь, а я останусь
Допивать, помолодевши,
Воскресенье, вечер, август.

* * *

Дайте одну таблетку, дайте одну, скорее!
Желтую или зеленую –

мне сейчас не до цвета.

Небо нависло ниже, сумерки все длиннее,
Глаз постоянно влажен...

Так утекает лето.

Ветви еще кудрявы, машут игриво лужам,
Но, не успев раскрыться,

вянет бутон без спроса.

Мне не нужны советы.

Дайте мне то, что нужно.

Кофе не помогает. Жизнь переходит в осень.

Дайте одну, не больше,

белую – это верно.

Может быть, я покину памяти белый плен...

Сдачу себе оставьте.

Сколько вам?.. Это скверно.

Благодарю сердечно!..

«*Non, je ne regrette rien*»...

* * *

За нашу короткую жизнь
Так мало цветов и объятий,
И ласковых слов на закате,
И просьбы: «Ты только держись!»

Но сколько б ни связано строк
Из пряжи всемирно-словесной,
Нам так и не станет известно,
Каков у романа итог.

А жизнь коротка все равно.
К тому ж, коль ее постараться
Считать по мгновениям счастья –
То вовсе смешное кино!

Так мало деревьев растет
На память о встречах крылатых,
А просека – даты и даты,
И шире она каждый год.

Ушедший вперед, оглянись!
Мы скоро окажется рядом,
И горсть земляники – в награду
За эту короткую жизнь.

Наталья ЖУРАВЛЁВА

Двое Поэма

(Продолжение. Начало в №№ 14, 15)

Глава 6

Упало солнце красное с небес,
Разбилось в кровь на просеке зелёной.
Шумел ветвями равнодушный лес,
Дрожал прозрачно воздух опалённый.
А дочка несмышлёная, смеясь,
Хватала капли алые руками,
Бежала кровь по пальчикам, струясь...
«Дочурка! Нет! Беги скорее к маме!»
Она звала, но лишь тяжёлый хрип
Из горла вырывался вместо крика...
И слышался высоких сосен скрип
И хохот мужа: «Это земляника!»
Её малышка убежала вдаль,
Смеялся муж безудержно и пьяно.
Наваливалась чёрная печаль,
И таял мир под ключьями тумана.
Назойливо пищал в мозгу комар,
Холсты пестрели яркими мазками,
И мёрзло сердце. И дыханья пар
Летел по небу вместе с облаками.
Смотрела чья-то морда свысока,
В халатах белых ангелы порхали,
И шорох голосов издалека:
«Ох, снова бредит... И опять – стихами...
Бьёт – значит, любит... Кто сейчас не пьёт...
Нос – ерунда, беда не в переломе:
Горячка – хуже... А мужик помрёт...
Она хоть бредит, а мужик-то – в коме...»
Помрёт... помрёт... И стоном – с высоты:
«Люблю тебя, люблю! Родная, где ты?!»
И шёпот – чей? – «Его убийца – ты-ы-ы...»
Спасенье – в тьме, где звуков нет и света.

«Бьёт – значит, любит?! Кто сейчас не пьёт?! -
Один ярился, брызгая слюною, -
Всё оправдает адвокат-народ!
Ну, что молчишь? Поспорил бы со мною!
Малютка-то покорно чешет в рай!

А может, в ад? Я умываю руки!»
«Эмоций-то, эмоций! Через край!
Зато теперь забыли мы о скуке.
Ты что, решил, её окончен бой?
Э, нет! Она не так проста, мой милый!
Она ещё поборется с судьбой –
Ей при рожденье Я отмерил силы!
Малютка наша непроста совсем!
Её горячка – это передышка.
Такой невыносимый груз проблем
Для слабой леди – это, знаешь, слишком!
И как ей жить, она решит без нас:
В бреду ль, во сне – нам к ней нельзя являться.
И Мне сдержать придётся трубный глас,
И ты не станешь перед ней кривляться.
Согласно закивал Один в ответ:
«Ты дело говоришь, я разве спорю...
У мужа с ней остаться - шансов нет.
Запъёт или повесится от горя.»
«Что за привычка забегать вперёд!
Оставь свои нелепые прогнозы.
Сейчас он стопроцентно не умрёт!
Иль против ты?» - спросил Другой с угрозой.
«Ага, конечно! Будешь против тут!» -
Один оскалил пасть в кривой усмешке.
«Ну, я пошёл! Меня людишки ждут,
Покорные мои, тупые пешки!»
На месте прокрутился и исчез,
За веками скрыв взгляд острее бритвы...
Задумчиво смотрел Другой с небес
И бормотал вполголоса молитвы.

Сознание возвращалось тяжело.
Врывалась боль, сметая все препоны,
Жестокой жаждой губы запекло,
Его пугали собственные стоны.
И он не ощущал ни рук, ни ног,
И плакал не от боли, а от страха,
И никого к себе позвать не мог,

Глаза открыть не мог... «Я горстка праха,
Песчинка, затерявшаяся там,
Где миллиарды ярких звёзд повисли...»
И предавался странным он мечтам,
И странные в мозгу бродили мысли.
Он видел свет из-под свинцовых век:
Холодный, синий, как луна далёкий,
И понимал: не прах он – человек,
Проваливаясь тяжко в сон глубокий.
Тревожен был его бездонный сон:
Сидели Двое, без лица и тела,
И перед ними был бессилён он,
Рыдая, к ним его душа летела.
Перед глазами вдруг – лицо жены,
Кровавой струйкой – слёзы ей на груди...
И чувство нестерпимое вины,
И облегченье: «Пусть счастливой будет!»
И, наконец, больничный запах – в нос,
И силуэт – расплывчато и зыбко.
«Очнулся, да?!» - восторженный вопрос,
И медсестры счастливая улыбка.

Опухшая от слёз, читала дочь
На кухне за столом тетрадку мамы.
Ещё одна в пустой квартире ночь...
Но миновал уже день страшный самый,
Взорвавший изнутри семьи мирок,
Казавшийся ей скучно-неизменным,
И выстоять который вдруг не смог
Перед лицом открывшейся измены.
Измены, да! А как ещё сказать?!
Нет, надо же! В её года – «налево»!..
Она рыдала и ругала мать,
Отца жалела и её жалела.
Какой-то низкопробный сериал:
«Рогатый» муж, дневник жены, угрозы...
Ох, только бы никто не умирал!
Иронию опять сменяли слёзы.
И вот, устав бесплодно горевать,
От слёз и беспокойства обессилев,
Открыла дочка мамину тетрадь.
Стихи её в плен болью захватили.
Скрывал летящий слог, изящный стиль
Душевной боли и мучений столько,
Что штормом должен был взметнуться штиль –
Нельзя быть вечно бессловесно-стойкой.
Читала дочь. С родной души покров

Срывался беспощадно, неизбежно.
И мамина запретная любовь
Уж не казалась ей такою грешной.
«А я сама? Без мужа, с животом.
Едва за двадцать – «нагуляла» пузо...
А мама - ни полслова мне о том,
Что мой ребёнок будет ей обузой.
Приспичило же мне сейчас рожать!
У нас и без того хлопот немало.
Но – не могу его уничтожить!
Меня моя так воспитала мама.
А я совсем не знаю свою мать...
Терпение за слабость принимая,
Привыкла от неё я брать и брать,
Взамен тепла ни капли не давая.
Её стихи... Она - большой поэт!
В них столько страсти, истинного чувства!
Работала, готовила обед,
А ночью уходила в храм искусства –
На эту кухню. И писала здесь,
Бежала от действительности грубой.
А я просила денег, пить и есть
И говорила с ней порой сквозь зубы.
И папа тоже... Сколько помню – пил,
Последние пять лет совсем запойный.
А может быть, он маму не любил,
С ней попросту удобно и спокойно?»

Любил ли он жену? Совместно жить,
Жениться надо было - «по залёту».
А кто на кухне будет мельтешить –
Ему неважно, по большому счёту.
Он был способный, умный инженер,
Но перестройка началась некстати,
И опустил он жизненный барьер:
Пошёл машины мыть. Там лучше платят.
Платили лучше. Был нелёгким труд,
Клиенты-хамы дёргали за нервы.
И – рюмочка с друзьями, там и тут...
К алкоголизму шаг был сделан первый.
Он опускался, но росла жена,
Не помешала маленькая дочка:
Свой институт закончила она,
Аспирантуру с блеском и досрочно.
Была она талантливым врачом,
Играла роль немалую в науке.
И трудности ей были нипочём!

А он с ней рядом умирал от скуки:
Театры, книги, фильмы «не для всех»...
Ему хотелось в баню для общенья,
И чтоб девчонки были для утех,
Да не для плотских – так, для развлечения!
Порой душила дикая тоска,
И вынырнуть мечталось из кошмара,
Но водочная вдаль несла река,
И жизнь топили волны перегара.
Жена пыталась удержать его,
Но все старанья были бесполезны:
Ему ХОТЕЛОСЬ пить. И оттого
Порой желал он, чтоб она исчезла...
«И что ж? Каков мой жизненный итог?
Сантехник-пьянь, авария и кома?
Теперь удел мой - за вина глоток
Ташить и продавать добро из дома!
Я дом построил и дитя родил –
Не думаю, что хуже сына дочка!
Вот с деревом... Ну, печень «посадил»!
А дальше что? Теперь на жизни - точка?
Меня судили... Было то во сне,
Иль в самом деле побывал за гранью,
Но приговор предельно ясен мне:
Не брошу пить – подохну грязной рванью!
И вымолить прощенье у жены...
Она меня, скорей всего, покинет.
Видать, друг другу мы не суждены!
Но без неё моя душа остынет.
А вдруг моей души со мною нет:
Она от отвращения улетела?
Так для чего коптить мне белый свет -
Пить и бродить без цели и без дела?
Нет, не хочу! Ведь я не стар ещё.
Мне Двое те вернули жизнь авансом!»
И начал он молиться горячо,
Чтоб жить начать, воспользовавшись шансом.
Молился из последних слабых сил,
Уснул без страха, что душа остынет.
И снова горячо во сне просил.
Нет, не о жизни. Он просил о сыне.
Присела у постели медсестра,
Неслышно по руке его погладив.
Она сидеть готова до утра:
Ей дорог стал больной с седою прядью.

От скуки наверху простыл и след –
Когда ты в деле, тут уж не до скуки!
«У муженька, похоже, снова бред!
Ему молиться надо бы о внуке:
Не будет сыновей рожать жена!
В его желаньях явственный излишек!»
«А что - жена? Не только ведь она
Рожать умеет запросто мальчишек!»
Один открыл от удивленья пасть
И на Другого выкатил глазищи:
«Ну, Ты и завернул, чтоб мне пропасть!
А кто родит-то?»
«Сам пускай отыщет!»
И, если не глупец, тогда поймёт,
С кем в жизни всё начать он может снова.»
«А если он того... опять запьёт?»
«Не будет шанса у него другого.»

Такие вот дела, мой добрый друг.
Признаться, я в серьёзном напряженье:
Что там ещё случиться может вдруг?
С тревогой ожидаю продолженья..

Продолжение следует

Вера КЧДЕМИНА

Небес прозрачно покрывало

Заснуло солнце в колыбели,
Небес прозрачно покрывало.
Успокоительные трели
Ласкают слух мой, как бывало.
Вновь словно в сказочном пространстве
Воспоминания былого.
Люблю природы постоянство
И красоту родного слова.

Поэт

Поэт перед закланием понимает,
Что миссию исполнил на земле.
Он знает всё от ада и до рая.
Познания знак скорби на челе.
Порой предвестником трубит он неразумно,
Но никогда не говорит бездумно.

* * *

Поэт не ищет оправдания,
Он утверждает и живёт.
Скользя к истокам мироздания,
Легко во времени плывёт.

Литературные медальоны

Е. Раевский

Певец любви, певец желаний,
Из сердца нитью золотой,
В минуты сладостных мечтаний,
Кружит и манит за собой.

В. Высоцкий

Твой нерв был обнажён до неприличья.
В душе ворочается страсть.
Ты презирал косноязычье,
Твой ум был слишком ясен, чтобы пасть.

Б. Ахмадулина

Глубоким голосом, бездонным,
Верша молитвенный посев,
Глаза обиженной мадонны,
Стихи читают нараспев.

Н. Гумилёв

Всю ценность жизни принимая,
Пренебрегал своей до срока.
Ты шел на жертву, понимая,
Что ждёт тебя судьба пророка.

А. Ахматова

Твой профиль утвердил тебя надменно,
На всём пространстве суетного мира.
Сознание пробуждает к переменам
Твоя божественная лира.

М. Лермонтов

Душа набатом отзывалась
На все обиды и терзанья.
В ней лишь для чести оставалось
Чужой любви вина страданья.

Мир чуда нежного сонета...

Любовь свергая с алтаря,
А чувствам уготовив паперть,
Слеза прозрачней янтаря,
Застыв, святою станет капать
Воспоминания даря,
Иных красот не замечая,
Душой, нежнейшей и влюбленной,
Слепой рабой замороженной,
Грудь распахнет, удар встречая.
Дрожит отвергнутое чувство,
Шипами слов изранена гортань.
Таит несущая, как дань,
Твоих соприкосаний грань,
Храня былой любви искусство.

Изыски прожитых мгновений.
Забытых сказочных явлений,
Воздушных, нежных поцелуев.
Скользя в немую, призрачную даль,
В воображении рисую,
Главой склоненную печаль -
Невинных мыслей и желаний.
На нервных, тонких пальцах след -
Кольца былых очарований.
В глазах звезды далекой свет,
Забрезжит, рассыпаясь в бисер.
И эхом вторится ответ...
Так продолжается сонет,
Стремясь достичь небесной выси,
Где грациозный пируэт
Полночных дев влечет куда-то...
Как было в давности когда-то.
В глазах горит надежды свет.
Уводит в дивные сюжеты,
Изящной ножки хрупкий след.
В мир чуда нежного сонета,
Запястий тонких на портретах.
Певец любви, певец желаний,
Из сердца нитью золотой,
В минуты сладостных мечтаний,
Кружит и манит за собой.

Летний сад

Какое торжество мгновенья!
Увидя эту красоту,
Я всю божественность творенья,
Воспринимаю как мечту!
Решетка сказочного сада,
Ты в мир иной возвысилась преградой.
В мир Пушкина и царство бала,
Скульптур твоих,
А сад - торжественная зала,
Где всё возможно для двоих.
Здесь тайну юности храня
И в тень аллей твоих маня,
Под легкий ветерок и птичье щебетанье,
Поэт напишет пару строк,
И гениальное признание, уже готово,
Тогда ценили силу слова.
Здесь дамы, наводя лорнеты,
Шептали тихое «шарман».
Не важно, правду иль обман,

Друг другу передать секреты,
Спешили денди и кадеты.
За пару милых, ясных глаз,
Улыбку, шутку иль отказ,
За честь свою вступались лихо.
Но всё ж здесь чаще было тихо.
Оркестр дарил чарующие звуки.
Галантны офицеры,
Прекрасных дам, целующие руки,
Везде поклоны и манеры.
Ты образцом являлся светской жизни.
Ты был прекрасней всех садов в отчизне.
Да что там, в целом свете!
Прекрасен осенью и в лете.
Весною каплей дождевою,
По мрамору скульптур стекая,
Вновь чувственно природа оживает,
Рисую нежной синевою
Сюжеты таинства бывшего
Под сенью пушкинского слова.
Поэт – источник красоты,
Сад – воплощение мечты.

Лишь прикоснись неосторожно

Лишь прикоснись неосторожно,
По звёздам поздно ворожить.
Покоя мне хватило в прошлом,
Попробуй голову вскружить.
Отдайся радостям любви,
Любовь сейчас царит на троне,
Моею нежностью живи.
Я струны чувств забытых трону.
Они звенеть не перестанут,
Ручьём желаний, слёз блаженства.
Венок из слов любви не вянет.
Она источник совершенства,
Боготворю любви мгновенья,
За пылкость чувств, за откровенья,
Что были посланы судьбою.
За сердца трепет пред тобою.
Душа устала от исканий.
Живой воды испив глоток,
Хочу очнуться для мечтаний,
Созвучий музыки и строк.
Пересказать небес блаженство,
Воспеть земную красоту.
Для ощущений совершенства,
Для веры в счастье и мечту.

Продлись очарование

Над нами звездный плащ небес
С пьянящим запахом обмана.
Он растворился и исчез,
С рассветной дымкою тумана.
Тугая гладь воды зеркальной
Слегка качнулась, заискрила
И звон таинственный, хрустальный,
Звезды упавшей растворила.
Над забытьем одно желание:
В прохладном, легком дуновении,
Продлить ночи очарование,
Остановить любви мгновение.

Ночная сказка

На атласной водной глади
Небо звезды вышивает.
Полумесяц, словно ялик,
Ночь, баюкая, качает.
А волна тихонько шепчет,
Рассыпая сонный бисер:
«Ах, какой чудесный вечер,
Как хочу достичь я выси».
Что ты, глупая, не нужно,
Раскачаешь непогоду.
Заскрипит Нептун натужно.
Разозлится, с ветром споря,
Вместо сказочной природы,
Поселив на море горе.
Звездный плащ атласной ночи,
Полумесяц на волне,
С нами делает, что хочет,
Как факир в чудесном сне.

Белая ночь

Знакомый пряный дух,
От разноцветья трав кружится голова.
Лишь здесь тревожат слух заветные слова,
Как будто наяву я вижу сон.
Пока восток не заалел,
И соловьиный перезвон
Никто нарушить не посмел,
Все так таинственно и ясно
И белой ночи колдовство
Божественно-прекрасно.

Гроза бездумьем хороша

Гляжу вечерние закаты,
Сквозь стаю легких светлых туч.
В воде скользящий солнца луч.
Вот грома летнего раскаты,
Все ближе, громче раздаются.
Струи дождинок первых льются
И дуновение неспешно.
Гроза бездумьем хороша,
Разлитой чистотой безгрешной
И силой полнится душа.

Разговор небес

Нахмурясь, небо потемнело,
Вдруг полыхнуло ясным днем.
Земля испуганно смотрела,
На разговор небес с огнем.
Там гром, не затихая эхом,
Сердясь, ворчливо грохотал.
Сверкала молния со смехом,
А ветер щеки раздувал.
Потом затихло все внезапно
И только дождь тихонько плакал,
Напоминая мне щенка.
Махал хвостом и ветки лапал,
Прозясь обратно в облака.

Бальзаковский возраст осени

Бальзаковский возраст осени,
Грустно с небес стекает.
Реже, сквозь тучи, просинью,
Неба лазурь сверкает.
Сыплясь на землю росами,
Под павшей листвой засыпая,
Бальзаковский возраст осени,
Чарует, манит, пропадая.

Ирина КОВШЕВНАЯ

Ворон

Ворон, ты опять порхаешь,
Несмотря на поздний час –
Прилетаешь, улетаешь
И пугаешь каждый раз.

Что, скажи, тебя тревожит –
Голод сильный, ветра вой?
Ты пойми, что мне ведь тоже
Очень холодно зимой.

Друг, поговори со мною...
Ну, давай же, не молчи!
Тайну я тебе открою
Про бессонницу в ночи.

Разложу я жизнь по полкам –
Там заря, а здесь закат.
Правда, не поймешь ты толком
Смысла льющихся тирад.

Слава Богу, не осудишь
Мой рассказ, не упрекнешь,
Только искоса посмотришь,
В знак согласия кивнешь.

Вот опять ты улетаешь,
Собеседник непростой.
С легкостью меня бросаешь
Почему, приятель мой?

Знаю, ты опять вернешься.
И, конечно, буду ждать...
Сядешь на балкон, встряхнешься –
Будем тему продолжать.

Карелия

Карельских изысков надменные причуды
Что создал Бог в творении своём.
Ковши озёр, как будто ниоткуда,
Являются средь скал, покрытых мхом.

Руины древние, с каким-то безразличием,
Лежат под гнётом прожитых времён,
Напоминая о былом величии
Когда-то живших здесь воинственных племён.

В лучах скользящих по стволам сосновым,
Где миром правит только красота,
Я в мыслях возрождаюсь снова,
Жизнь начиная с чистого листа.

Природа, сколько сказано и спето
О совершенстве тех красот твоих,
Что так волнуют лириков-поэтов,
Не до конца сей замысел раскрыв.

Оглянешься вокруг и замолкаешь,
Как будто бы впадаешь в забытьё.
И всей душой безудержно желаешь
Хоть йоту от величия её.

Гроза

Закат склонялся над равниной,
Слетались в стаю облака.
И одинокая рябина
Пригнулась к тополи. Пока

Лишь ветер дул ещё вполсилы,
Но набирал под вечер мощь,
Сбивая с гибких веток сливы.
Чуть моросил прохладный дождь.

Листву мотало и качало.
И свет безудержно тонул.
Но это было лишь начало.
Темнело, ветер выл и дул.

В потемках небо закружилось,
Разбилось в горнице стекло –
Так ливню в дом влететь хотелось...
И капли хлынули в тепло.

Татьяна НИКОЛАЕВА

Фимиам души

*Посвящение
Евгению Раевскому*

Как-будто распыляя фимиам,
Поэт стихи писал для милых дам.
Слова как бабочки нарядные кружились
И на страницы рифмами ложились.

Переплетались образы и звуки,
Соединяя и сердца, и руки,
В сладчайший поцелуй уста сливались...
Поэзией всё это называлось!

А что же со стихами дальше будет?
Естественно, их прочитают люди,
Кто-то намеренно, а кто-то и случайно,
Почувствовав восторг необычайный.

Вы ощутили восхитительное счастье?
Всю Душу рвал Поэт в тот миг на части!..

* * *

Вы спросите: «Поэзия – что это?»
Поэт вынашивает множество идей,
Он собирает зёрнышки Добра и Света
И сеет их в сознание людей!

* * *

Освободи души кусочек для добра,
Ночами звёздными тихонечко твердя:
«Мы каждый сам себе судья!
Пора вершить добро, пора!»

Ты отыщи в душе для ласки уголок
И в сердце радость звонкую впусти.
Всех, кто тебя обидел, отпусти, прости...
Любой обиды истекает срок.

В душе ещё осталось места много?
Так пусть его займут любовь и нежность,
И будет их великая безбрежность,
Чтоб счастьем осветить твою дорогу.

Не возвращай в своей душе раба –
«Мы каждый сам себе судьба!»

Печаль не в счёт

Рекою талого забвенья
Печаль уходит в грустный сон,
Что снится мне порой осенней
В дождливо-сумрачный сезон.

К рассвету дождик перестанет,
Затихнет капель перестук,
Ведь неба плач непостоянен –
Вновь утром солнце на посту!

Сияньем новый день пленяя,
Сверкают лучики в воде.
Природа вся благоухает,
Забыв на время о дожде,

И птицы, расправляя крылья,
Стремятся в утренний полёт.
Мечты, я знаю, станут былью –
Печали прошлые не в счёт!

Бабье лето

Ночи длинные... Дни до боли кратки...
Бабье лето – островок тепла...
Вспоминаешь то, как жизнь мила,
Бьётся сердце
в золотой осенней лихорадке.

Солнце остывающее дремлет мирно
В ярко-голубом прохладном небе,
Лето земляничное уносит в небыль
Клин курлыкающий журавлиный.

Юлий ТАРЕР

Дом

Мой милый дом, такой уютный в стужу,
Ты мне тюрьма, но ты же мне и крепость,
Забывчив я, как женщина без мужа,
И так досаден — как сама нелепость.

Мой милый дом, такой прохладный в зное,
Несчастный кладезь всей моей досады,
Ты — и хранитель жизненных устоев,
И верный импульс избежать осады.

Мой милый дом, такой гостеприимный,
Я лишь тебе храню святую верность,
И пусть виски, состарив, тронет иней —
Я всё равно твоя закономерность.

Мóроки

В душном облаке
Опостылевшей
Неприкаянности
Веют мороки
Обессилевшей
Неутаенности,
Субтропической
Мысленной
Жизненности
В утопической
Жизненной
Видимости,
В обездоленности
Врачующей
Притягательности
Обезболенностью
Тоскующей
Обязательности,
Шарят шорохи
Волоокой
Утопичности —
Веют мороки
Одинокой
Личности.

* * *

Найдётся ли в куче ненужных вещей
Хоть что-то от прежних священных мощей?
Хоть ниточка тонкая к точке искомой —
Такой позабытой, но всё ж — столь знакомой...

Дадут ли посевы, сквозь сорные травы,
Живые напевы и всход без отравы?..
Видна ли опасность и зорок ли глаз,
И хватит ли сил победить в этот раз?..

Охота

Держите крепче, руки,
Законную добычу,
Не сбиться чтобы в муке
Быку с дороги бычьей,
Несите верно, ноги,
Как тёлку до сарая —
Медведя до берлоги,
Сквозь тернии раздрая.

Труби, загонщик, ноту!
Открыт сезон охоты —
Пусть конь, вздымая боком,
Столкнётся с вепря роком!
Клыки, дерите вены,
Рога, крушите стены,
И ведьмы над кострами —
Куритесь в фимиаме!
Играй, Сатир, на дудке,
Скули, кобель, под будкой,
И, с дьявольской улыбкой,
Пусть делят кошки рыбку...

И в этой круговерти
Восстанет жизнь над смертью,
За кругленьким оконцем,
На трёх китах, под Солнцем!

Река

Скользит тропинка узкая в траве,
Маня к реке, одетой ивой,
Что прикрывает крутость берегов,
Склонясь над тихой водою...
Когда б в кошачьей мураве
Я рос стремительной крапивой, —
Я не обрёл бы в ней шагов,
Свою судьбу одев листвою...

И остро-жгучий мой наряд
Изранил бы ладонь ожогом,
Погнав на волю волн того,
Кто в той траве искал тропинку...

Аутодафе

Искать любовь по картотеке,
Искать на фестивале и в кафе...
Любовь не выпишешь в аптеке
И не примеришь, словно галифе.

Искать любовь — не много пользы,
Кто ждёт любовь, того она найдёт,
Она опять уже, как бонза,
Над той душой, что в темноте бредёт.

Какой же ей любви угодно —
Чужой, взаимной иль своей одной?
Своей с чужою — не свободно,
Лишь третья робко грезится родной.

И если грёзы бесконечны —
Я буду их наивный паладин,
Чужой любовью искалечен,
И обречён нести вину один.

И кто-то, в лёгком декадансе,
Любовь мою слегка поработит —
Они вдвоём пойдут на танцы,
Где третий — никому не станет мстить.

Искать любовь по картотеке,
Искать на фестивале и в кафе...
Любовь — рожденье человека,
И путь сквозь вечность аутодафе!

Чувство

Ты счастья ждёшь? Оно неуловимо —
Хоть дверь открой, хоть душу распахни!
Оно, порой, слепя проходит мимо,
Как бесполезно прожитые дни.

Оно кого-то любит и жалеет,
А кто-то ждёт его, судьбу кляня...
Но на душе как будто бы светлеет
От не пустого прожитого дня.

У каждого своё понятие счастья,
И жизнь даёт уроки не спеша,
Не забывай, что сам ты тоже мастер —
Ваяй себя, других не потроша.

Себя перелепи не пусто,
Ведь счастье — это тоже чувство!

Свобода

Свобода может быть от мужа,
Она бывает от жены —
Но нет свободы ни снаружи
Ни изнутри глухой стены.

И чем она б ни показалась —
Душа в плену своих глухот,
Она стеной досель осталась,
Хоть кровь лилась, и лился пот.

И сколь бы разум ни стремился
Понять что где какое что —
Он только тщетно утомился
Сменив пальто другим пальто.

И перекрашивать заборы,
Быть может, форма бытия —
Но за заборами просторы,
И там живёт любовь моя.

И ей всегда дана свобода
Услышать пенье соловья,
Увидеть красоту восхода,
И помнить о пределах «Я».

* * *

Пусть там, где ты сейчас,
Тебе не будет плохо,
Добро не напоказ,
Не милостыни крохой

Твой восприемлет ум,
И сбросит сглаза порчу —
Душою светлых струн
Будь там, где ты захочешь.

Многозначность

Когда закат сиреневою дымкой
Объемлет город суеты и грёз,
Тогда Большой Медведицы картинкой
Проступит в небе многозначность звёзд.

И где-то за звездой Полярной
Астральный циркуль проведёт дугу,
Там многозначность станет парной —
Медведицы пасутся на лугу.

На тихом и чудесном небосводе
Заплещутся соитья огоньков,
Они напомнят снова о свободе
Тем, кто в плену ошибок и оков.

И кто-то в наступившей ночи
Переосмыслит свой тернистый путь,
И пусть оковы — это очи —
Чьи взоры очень любит кто-нибудь.

Кого они дарят покоем,
Теплом и негою хранят —
Пусть будет многозначность втрое,
Где каждый смысл и прост и свят.

Свой фарватер

Мы, может, поздно повстречались,
А может быть и вовсе зря...
Устав от собственной печали
Забыли счёт календаря,

Во снах безвременья плутая
Мы научились плутовству,
Самих себя, порой, пугаем
Чужому вторя естеству,

С чужим поспорив вдохновеньем
Своё теряем на корню,
Не выждав Бога появления,
Застряв в чужом обрыдлом ню.

Низвергнув скверну грязной мысли,
На свой фарватер курс берём,
Спасая тело, дух и числа
Своих Святынь календарём.

Берега (песня)

Где-то ходит мой любимый вдалеке,
Мне дойти бы до него хотя б когда,
Окуней гоняет щука на реке,
Утекают, как вода, мои года...

Берега покрыты ивой и травой,
Подойду к воде, и лодку отвяжу,
Где ж ты ходишь, мой любимый, милый мой? —
Поплыву я через речку, погляжу.

Я причалю у другого бережка,
На песок прибрежный лодку заташу,
И пойду искать любимого дружка —
Сколько лет тебя, любимый, я ищу?

Оглянулась я на домик наш родной,
И припомнила любимого слова:
— Не ищи меня, всегда я только твой,
Как не злилась бы недобрая молва.

— Если мой ты, почему же я одна?
Где ты ходишь, милый, столько долгих лет?
И река, уже продрогшая до дна,
Прошептала что-то тихо мне в ответ...

Нету вёсел, да и лодка — решето,
Не доплыть мне до другого бережка,
По воде пошли круги, и в горле ком —
Только небо над макушкой в три вершка...

Где-то ходит мой любимый вдалеке,
Мне дойти бы до него хотя б когда,
Бабы чешут языками на реке,
Утекают, как вода, мои года...

Если мой ты, почему же я одна?
Где ты ходишь, милый, столько долгих лет?
И река, уже продрогшая до дна,
Прошептала тихо милого ответ...

Чтобы в хате было чисто и светло,
Чтобы в печке догорали угольки, —
Ты не бей, моя любимая, челом,
У холодной и заносчивой реки...

Не ходи туда за миленьким дружком,
А вернись, и хату снова обогрей,
И придёт он скоро в милый тёплый дом,
Коль его подруга встретит у дверей...

Преломление

Лунная дорога,
Снежным серебром,
Прямо от порога —
Сквозь веков пролом,
Пролегла над ночью
От исхода дней —
В мириадах точек
Маленьких огней...
Тонкое звучанье
В свежести речной
Лунного качанья
Тишины ночной...
Прямо от порога,
Стоит лишь шагнуть,
Звёздная дорога —
Заповедный путь...

Полет к свету

Медленно, но неуклонно движется в дневном небе самолёт, всё безвозвратней отдаляясь от бледного полукруга зимней луны. И, как строчки натянутых струн, оставляет он ей на прощанье два белых раздвоенных хвоста вслед себя. За ними тянется заунывный гул пути.

Самолёт летит к свету, и, приветствуя его, заходящее солнце розовит и золотит его обращённые к себе контуры.

Солнечным абрисом своим рассекает самолёт бездонную голубизну холодного неба. Скоро наполнится оно ночной тьмой...

И тогда путник поднебесья станет невидимым. И только несколько цветных огоньков будут перемигиваться с мерцающими точками звёзд, и, по-прежнему, теперь уже яркая луна — будет играть на струнах гулко-го пути.

И, быть может, заунывная прощальная песня уходящего времени, с горечью и печалью своей, донесёт и трепетное предчувствие светлеющего времени грядущего.

Татьяна КУРАН

Соединенные Штаты Америки

Проснуться ночью

Я опять этой ночью проснулась,
Это стало плохой привычкой.
И в бессоницы круг окунулась,
Что совсем для меня непривычно.

Этой ночью так было красиво!
Небо тихо, безмолвно дышало.
Звезды парами светят игриво,
Лунный ломтик арбузный качало.

И Большая Медведица в черном
Во Вселенском пространстве сияла.
И ковшом наклонилась, как горном,
В путешествие с ней приглашала.

В тихой гавани звездного неба,
Где Земля с Океаном не спала,
И одна под мерцающим светом
На ночную красу я взирала.

Я опять этой ночью проснулась,
Но о том я совсем не жалела.
К звездной глади рукой прикоснулась,
И она песню лунную спела...

4 ноября, 2015 г.

Снежное утро в Нью-Йорке

Утро опять наступило.
Девочка глазки открыла.

Кот под бочком замуркал:
Мама проснулась! Утро!

Что ж за окном творится?
Боже, метель вьюжётся!

Хлопья огромные снежные
Мягко летят, нежные.

Не было здесь такого
Разгула зимы большого!

Снега так много зимою,
Будто мой дом со мною.

Далекий такой, желанный
С разлукою злой незваной.

Как будто зима сместилась
Ко мне, чтобы здесь не грустилось.

И чтобы не плакала душенька,
Сердечку напомнив подруженька.

Не надо печалиться, золотко!
И радость придет из-за облака!

Уймётся та черная сила,
Что двери домой мне закрыла.

Захлопнутся двери пред ними
За вред, так порочащий имя.

Утро опять наступило.
Девочка глазки открыла...

13 февраля 2014 г.

Татьяна КРЫЖАНОВСКАЯ

Евгению Раевскому...

Любви затейник, чародей!
В тебя влюбляются так часто!
Герой-романтик среди людей,
Что ищут бесконечно счастье.
Тебя готовы разорвать
Твои влюблённые красотки.
Им уже грезится кровать -
Свои скорей бы скинуть шмотки.
Ты Казанова наших дней.
Тебя любить такая мука!
Кого ты назовёшь своей?
Кому достанется разлука?!
Как я могла попасть в ту сеть,
Откуда вырваться так сложно?!
Наверно, легче умереть;
Но это тоже невозможно.
Напрасно ждать твоей любви.
Тогда достанутся лишь крохи.
Просила раньше: «Позови»...
Но ты молчал, певец эпохи.
Немного нежности - чуть-чуть,
И ты взлетаешь горделиво.
Вместо того, чтобы уснуть,
Стихи строчишь ты всем на диво.
Любил ли ты, любви знаток?
Тебе слагают посвященья...
Подай и мне любви глоток -
Наверно, ради просвещенья.
Для многих ты теперь гуру.
И кто-то без тебя ни шагу.
Кричит: «Я за тебя умру!!» -
Так демонстрируя отвагу.

В пылу страстей, в кипенье бурь
Боишься просто потеряться.
Болезнь, зависимость иль дурь
Зовёт в ногах твоих валяться.
Молить любви - «подать изволь!»...
Один твой голос стоит много.
Кто отыскал к душе пароль,
В том не вините сразу Бога -
Любовь жеманника строга.
Не каждый выдержит напора.
Ласкает бережно рука,
Но устаёт уж очень скоро -
Раб настроений и страстей.
Раб женской красоты заметной.
Добиться хочешь - попотей.
Стань прехорошенькой, приветной.
О, я ли это всё пишу??
Кумир ещё на пьедестале.
Его я именем дышу.
Хоть нахожусь в его опале.
Его стихи забыть невмочь....
Во мне они живут безбрежно.
Как и другим, мне снилась ночь,
Где друг мой был безумно нежным.
Меня он гладил наяву.
И я запомнила те ласки.
Воспоминанием живу
Я той волшебной чудо-сказки.
Но всё же женщинам совет:
Сперва подумайте немного,
Коль на его летите свет,
В нём прозревая даже Бога.

Валерий ЛУКИН

* * *

С. Есенину

Соломка на бровях уложена,
И в золоте чуб озорной,
Казалось, просто неухоженный,
Но весь до боли он родной.

Он, как сноп перезрелой пшеницы,
Из полей нам пришел рассказать,
Что там весело пляшут зарницы,
И добра наша родина-мать.

И, как все, в бесшабашном задоре
Шел в ночное коней погонять
Или песни кричать на просторе
Да кострами рассветы встречать.

И как дороги ранние сосны,
И слеза у весенних берез,
И тугие светлые косы
У девчат из мальчишечьих грез.

1968 г.

* * *

Я к Ахматовой Анне
В комаровский уезд
Приходил на могилу
Поглядеть черный крест.

Этот крест большекрылый
Память вечно храня,
Барельеф маской львиной –
оберег от вранья.

Я свечой в черной клетке
Прикоснулся к огню
Поклонился, как в детстве,
И поставил свою.

А она молчаливо,
Никого не браня,
Дождь на землю пролила,
Будто видя меня.

2010 г.

* * *

Поездка в лето - уезжаю,
Рискуя, взял один билет
В салоне терпкий запах чая
Глазами городу - привет.

Мы по Руси уже катили -
Пушгоры, леса слабый стон,
В низине ухает, как филин,
В седой волне речной паром.

Поля мелькают из ромашек,
И впереди лесной привал,
Купались, в гору без рубашек
Бежали в ночь на сеновал.

Здесь колко, лист сухой под боком
Сквозь доски красная заря,
И гулко слышен бой наскоком:
Вверху возня у воронья.

И воздух полон свежим сеном
Под крышей вожжи, колесо,
А луч своим теплом, как феном, -
Теперь в счастливое лицо.

1979 г.

Демни КАРЗОВА-ГОЛОВИНА

Евгению Раевскому

Запела скрипка чудной трелью.
За ней чарующе, пьяняще
Плетёт сонетов ожерелье
Прекрасный голос и манящий.

Восторг невольный, упоенье.
Как хочется прослушать снова
Великолепные творенья!
Король сонетов, мастер слова!

Осенний вальс

*Там листья падают вниз,
пластинки крутится диск:
«Не уходи, побудь со мной,
ты – мой каприз»...*
Александр Розенбаум

Кружатся в вальсе осеннем
Листья красивые, разные.
Ветер танцует со всеми.
Жёлтые платья и красные.

Вихрем подхватит и кружит играя.
Танец прощальный. Они это знают.
Кружатся, кружатся, падая вниз,
В вальсе танцую под ветра каприз.

Ветер-маэстро играет.
Льётся мелодия осени.
Листья в азарте срывает,
Снова раскружит, уносит их.

Вихрем подхватит и кружит играя.
Танец прощальный. Они это знают.
Кружатся, кружатся, падая вниз,
В вальсе танцую под ветра каприз.

Влюблённых счастливые лица

Влюблённых счастливые лица
Открыты весенним лучам.
В лазури крылатые птицы.
Мелодии трелей звучат.
Черёмуха белая манит.
Дурманом полна голова.
Наполнены нежностью мая
Желанных признаний слова.

Горячее, жаркое лето.
Богатый цветочный ковёр.
Любовью и страстью согретый,
Горит от желаний костёр.
Сильней разгорается пламя.
От жара не спится в ночи.
Любовь расцветает с годами.
Сердечное буйство стучит.

В багрянце и золоте осень.
Плодами наполненный сад.
Дары это время приносит.
Вдыхают её аромат.
Осенними листьями кружат,
Пусть медленней танец двоих,
Им вальс этот красочный нужен,
Теплом согревает он их.

Зима белоснежным покровом
Укутала всё под окном,
Гордится морозом суровым.
Не надо им думать о том.
Огонь разгорелся в камине,
Напомнил зимой о былом.
Нет холода, стужи в помине,
Лишь чисто вокруг и бело.

Нина ОЗЕРОВА

Посвящение Евгению Павловичу Раевскому

Сонет № 1

Ты думаешь, дотронуться хочу?
Да, может быть, когда с тобою рядом.
Не говорю об этом и молчу,
Лишь прикасаясь только взглядом.

Ты даришь всем себя – родным, друзьям,
Красивым женщинам, артистам и поэтам.
А мне обнять тебя при всех нельзя,
Но я молчу, мечтая лишь об этом.

Мой взгляд нежнее моих рук...
Твое изображение со мною.
И я не чувствую разлук.
Ты предо мной – и я с торбою.

Единственный для всех – но ты ничей...
Так будь всегда отрадой для очей!

23.02.2012 г.

Сонет № 3

Я, как всегда, внимать тебе хочу!
Душою всей и искренне и верно!
Не от кого не скрою, не молчу,
И говорю об этом откровенно!

Блистаешь, как всегда, везде
Среди друзей, влюбленных и поэтов,
Но «пальма первенства» в твоей руке –
И ты средь нас – «певец сонетов»!

Певец любви – «Серебряный твой век»!
Мне дарит «чудные мгновенья».
Ты джентльмен, прекрасный человек.
И мне не скрыть порыва восхищенья!

Прекрасен ты – не скрою я подчас
Своих замороженных глаз!

14.09.2015 г.

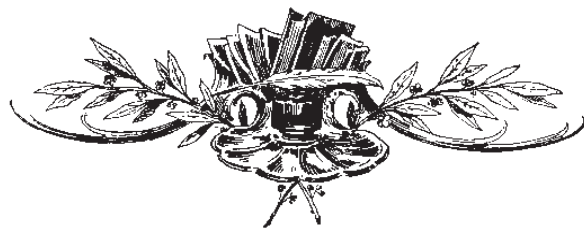
Сонет № 4

Ничто уже не может удивить...
И поразить мое воображенье,
Но среди книг – любимую открыть,
Найдя волшебное стихотворение.

Читая строчки ясные твои,
С душою мудрою соприкасаюсь,
Я постигаю гениальные стихи,
Поэзией прекрасной наслаждаюсь.

Никто меня не может удивить,
Лишь ты один достоин восхищенья
Дай Бог тебе и силы и терпенья
И вдохновенья – поэзию творить!

С тобою в сердце, наш Евгений,
Продлим прекрасные мгновенья!

Игорь САФРОНОВ

Воспоминание о Себеже

Памяти художника Константина Громова

Идет человек по городу,
А город живет и мается,
Дышит, растит себе бороду
И городом быть старается.

Он – не Москва, не Питер,
Не Псков. Он бежит Столиц.
Не числится в царской свите,
Но и не падает ниц.

Он – дивен, глазам не поверишь –
Павлиньи разливы Зорь,
Он именем дивен – Себеж,
Загадочным, как Ассоль.

Он – древен. Рубежный, русский,
Призванием – страж двужилыйный.
Озер голубые друзья
Кругом его обложили.

Чуть запрокинув голову,
Рассветным светом облит,
Художник идет по городу,
Как тайны незримой гид.

Незрячий, в последней обнове
Притянут к нему, как магнит,
А город живет, сквернословит,
Торгует, ворует, пыхтит.

Ему присягнувший смолоду
Влюбленностью сверх всех мер,
Художник проходит городом
По узким улочкам вверх.

Идет человек по городу,
Хромая чуть, не спеша,
Навстречу рассвету, к Орону¹
Стремится его душа.

Он знает: уже не долго,
Он к смерти давно готов.
Над ним небесная Волга
Течет из забытых снов.

Ах, милое Приозерье,
Дороже и ближе нет,
Ах, это родная материя,
Ее несказанный свет...

Мимо казенного дома
С решетками вместо бубликов,

Мимо серого дома
С новым гербом Республики,

Мимо еврейского, польского,
Русского, прочих кладбищ,
Мимо осадного войска
Времени, что не обманешь –

Проходит художник городом
Сквозь плач и несмелый смех,
Заложник духовного голода,
По узким улочкам вверх.

Двухлитровый бидончик
Зажат в дрожащей руке
И звякает, как колокольчик
В детском его далеке.

Как он элегантен блестяще,
В плащишке потертом своем,
Слегка отрешенный, но вящий.
Как странно он смотрится в нем.

Влюбленности вечный данник,
Так странно смотрящийся в нем –
Поэт, художник и странник,
Ведомый священным огнем.

Туда, где Источник светит
Сияньем пречистых вод,
И тихой красою метит
Последний его восход.

Ну что же, он истины воду
В холстах по ступеням лет
Донес, чтоб отдать ее городу,
Как утро дарит рассвет.

Светлый посланник Бога,
Над скорлупой хоромин
Художник - восходит над городом –
Константин Михайлович Громов.

Город канав и торгова,
Таможенный рай Сирени,
Когда-нибудь ты исторгнешь:
Здесь жил незаметный гений!

Нищий властитель города,
Жаром любви охваченный,
Художник восходит, а вороны
Как какофония плача...

¹ Озеро в г.Себеже

Октябрь 2001 г.

Татьяна ВАСИЛЬЕВА

* * *

Парит земля, духмяный сочный запах,
Пронзает твердь живительный росток,
Качают сосны солнце в мягких лапах,
Душа жива, доколе Дух высок.

Живот небес распарывает пламя,
Стремимся мы увидеть Горний свет.
Какой восторг: разрезать высь крылами,
И не дрожать. Вот силы всей секрет...

О, Русский Дух, ты вечно рвёшься в небо,
Высокий Свет Божественной страны
Тебе нужнее, чем краюха хлеба,
Расправь же крылья, что тебе даны.

* * *

Земля-Ковчег несётся над волнами
Галактик дальних. Звёздный, теплый дом –
Ответственность – отторгнутая нами,
Миг-колыбель – в котором мы живем.
Гордыня, Ложь всё по рукам связали,
Мрак колдовской – ловец заблудших душ...
Как птицы в клетке – в золоченом зале...
Невидим Луч средь иллюзорных луж...

Мир Зазеркалья ложности затмений,
Где ключ потерян, тянет всех во тьму...
И лишь в Душе средь сумерек сомнений
Звенит струна, зовущая к Нему!
Святая Русь, Небесный Крест с тобою,
Начертанной судьбы не избежать,
Тебе взлетать над суетной Землёю,
Твой Дух Един - Божественная Рать.

Очнись, Взгляни – тебе лишь быть Мессией,
Вибрирует пространство и зовёт,
Свет Равенства горит в сердцах России,
Встань, богатырь, Душе назначен Взлёт...

31.03.17

* * *

Все перепуталось...
Туманно-тихий вечер,
Случайность встречи, зеркалом вода.
Пронзительною тишиной отмечено
Купанье ив в застылости пруда.

В оправе шёлка трав
Запутался рисунок,
Узор старинный редкого письма.
Предчувствие в шагах... Невинность. Сумрак.
Начала весть, тончайшая тесьма...

* * *

Так сердцу милы серые дожди,
Туманность их прозрачного убора,
Объятия нежны, легко нести,
Позволено пить счастье без укора.

Мир серебрится. Капли vis-a-vis.
В них мысли растворились светом чистым.
Что человек без трепета любви?
Иллюзия скользящей тени быстрой...

* * *

Лунный свет наполнил комнату
Беспокойностью теней,
Золотым зияет омутом
В облаках сестра ночей.
В теплых сумерках не спится мне,
Даль оснежено-светла,
Но тревога в ветре птицею
Будет биться до утра.
В глубине лучистой звонницы
Слышен тихий голос твой,
Оттого делю с бессонницей
Предрассветный мой покой.

* * *

Тает зыбкой, как дым, волной
Силуэт всех прошедших лет.
Все лишь в памяти, за спиной,
Не цветёт облетевший цвет...

Горе стынет и – камнем вниз,
Счастье – терпко-вишнёвой каплей,
Время клювом летящей цапли
Держит свиток. Исписан лист.

Жизнь – воздушный, прозрачный мост,
Свет разлит над простым – с е й ч а с.
Выбор сделан и мост подрос,
Можно смело шагать не раз.

Что загадывать? Будет так,
Как должно, пусть для нас – иначе,
Ангел правит – эскиз назначен,
Удивителен каждый шаг.

* * *

Два фонаря глазами жёлтыми
Сверлят окно. Предночь. Предсон.
Звездой далёкой полустёртою
Глядит предвечность. Полутон.

А сквозь века Вечера тайная –
Предзнак. Предвестие уму.
Пройдя неверие, предтуму
Душа познает светлость дальнюю...

* * *

Блаженство тишины вокруг,
Ещё высоко небо –
Просинь...
Спиралью жизнь взметнула круг
На крыльях откровений.
Осень.
Премудрость Истины теплом
Кружит в прощанье Радость
Встречи,
Не обжигая клёны-Свечи
Горят пред алтарём.
Светло...

* * *

ЛЮБЛЮ... Пусть тысячи громад,
Беснуясь, молнии бросают,
Люблю Тебя и понимаю,
Что я в Тебе, во мне – твой сад...

Пусть Ветры путают и злятся,
И никнут травы под дождём,

ЛЮБЛЮ ВЕСЬ МИР! И МНЕ ЛЬ БОЯТЬСЯ –
Я – ИСКРА В ПЛАМЕНИ ТВОЁМ!

Снега метут, метель – волчицей,
А люди лгут не пряча глаз...
ЛЮБОВЬ сиянием Жар-птицы
Очистит Дух, Сердца и Лица,
С тобой, мой БОГ, МИР ВОЗРОДИТСЯ,
Огонь ЛЮБВИ Венчает Нас.

* * *

Сотни тысяч колосьев в поле
Полных зёрен – Единство Братьев:
Золотая Гармоний Доля,
Свет роднит и Свободы Воля.

Тёплый хлеб на столе дымится
Нам примером, для Духа мило:
Свет Любви в нас, не разлучиться:
Лишь в Единстве Духовном Сила.

И, как Зёрна, в краюхе хлеба
Мы теряем свою отдельность:
Увидав себя в Звёздах Неба,
Обретаем Живую Цельность.

* * *

На золотом гвозде звезды
Качается ночное небо,
За сизой мглой средь пустоты
Гнездятся дали, где ты не был.

И каждый раз, когда луна
Восходит царственно со свитой,
Душа лететь обречена
В загадку Вечности открытой...

* * *

Всё Напряглось, Дух Ожидает,
Трещит обшивка корабля,
И старый дым привычек тает.
Родится Новая Земля.

Вся шелуха крошится крошкой,
Душе так не к лицу нытьё.
Рассвет трепещет за окошком –
Любовь и Свет берут Своё...

Зерно набухло, уж готово,
Дрожит тугая плоть его.
Всем клеткам непривычно Ново
Рождаться и Родить – в Одном.

30.08.15

* * *

Откуда я?
Откуда мы и ты?
Частица лютика, зари, реки, звезды...
О, человек, всё мнит, что царь царей,
Поправ природу, бабочек, зверей.
Бездушьем золота затемнены все дни,
Бесстыдно Жадность прячет за огни
Лицо презрения к сородичам своим,
Надменность – с выражением немым.
Запуталась в высокомерье дня.
Мы для любви живём и Света для...
Ворсинкой – в пёрышке.
Оно же часть крыла
Вселенной, что нам жизнь с тобой дала.
Мы Со-Творцы и лета, и зимы,
Мы искорки костра с названьем Мы.

* * *

Спираль крута и лестница трудна,
«Жизнь – это Бог во времени» – над краем,
Сердце Единый Факел – жертва Раю.
РУСЬ – ПУТЬ и БОГ. Дорога лишь ОДНА.

* * *

Открой окно! Пусть Дух весенний
Ворвётся свежестью дыша.
Смахнёт седины и сомненья,
Пусть Новью полнится Душа.

Трепещет гулко занавеска,
Волна прохлады полнит день.
Тревожат ожидания дерзко,
Мелькает откровенья тень.

Душа волнуется и рвётся,
Обнять апрель, прогнавши лень.
Любовью дышит, Солнцем льётся
Весны спасительная Сень.

* * *

Давай поговорим, легко, без слов
В час предвечерья длящего закат,
В нём выются мотыльки предчувствий-снов,
Мы все поймём, ведь мысли не горят.

В стакане чая – ломтиком луна,
Она дрожит от пальцев твоих рук,
И бледная звезда вдали видна,
Тепло души сильнее всех разлук.

В ресницах рыжих затерялся луч,
Пленённый свет рад участи своей,
А сердце бьётся чаще и быстрее...
Свет что любовь: и хрупок, и могуч.
Зачем слова...
Строкой жемчужных рос,
Лучом горячим на исходе дня,
Иль росчерком сиреневых берёз,
Мир о любви поведает звеня...

* * *

Дождь обнял дома - мокрый плащ бьётся в арке,
Фонарь отражается в каплях во мгле,
Те сыплются радостью влажной и жаркой
И золотом строчек пылают во тьме.
Волнуясь, колышутся радугой света,
Счастливая ночь подставляет ладонь:
И ловит последние капельки лета,
Обман принимая за солнечный тон...

* * *

Дождь-чистюля моет парк,
Вязь решеток кованых,
Полирует тёмный лак
Веток зачарованных.
В сырных блюдах фонари
Свеч тоскою маются...
Помолчи, не говори.
С летом дождь прощается...

Осенняя песнь...
Осень гасит огни у воды,
Догорают берёз жёлтых свечи.
И сосна на покатые плечи
Примеряет зимы палантин.

И снежинки на водную гладь,
Опускаются кружевом тонким,
Вновь на флейте печально и звонко
Будет ветер ночами играть.

Сир прозрачно-сиреневый холст,
Золотистые капли роняет,
Прячет осень оранжевый хвост,
Улетает – Жар-птица земная.

На душе так прозрачно светло,
Улыбаются звезды-маслины,
И с любовью бескрайние сини
Дарят сердцу покой и тепло...

* * *

Я здесь и в зазеркалье тоже я.
Кому принадлежит мечта моя?
В зеркальной галерее сотни глаз.
Кому доверена душа моя из вас?
Она пройдет сквозь временную грань
И Вечности заплатит Светом дань.

* * *

Жизнь смеется над нами часто,
Заманив, предлагает выбор.
Нам синицу держать бы лаской,
Но взлетаем к созвездью Рыбы...

Стонет ветер в судьбы зигзагах,
И, казалось, чего же проще?
По течению – бедолагам,
Но плывем, где камней побольше.

А река захлестнет, проглотит,
Бросит в омут и засмеется,
И свободной волной молотит,
Выбирать уж нам не придется.

Из последних сил рвем все жилы,
Ловим призрак в туманной дали,
И напрасно потратив силы,
Рядом видим все, что искали...

* * *

Мне приснилось - нежность умерла...
Под пушистым хладным слоем снега,
Но надежда в искрах ожила,
Рассыпаясь блеском в лунной неге.

Мне, казалось, нет пути назад,
Трепет сердца не воскреснет снова,
Но любви лучистый серый взгляд –
Вне времен и вне земного слова.

Не закрыть, не потушить звезды,
Не засыпать пеплом расставаний,
Половинка сердца – это ты,
Свет души не знает расстояний.

* * *

*Известно, что Пушкин сомневался
перед свадьбой с Наталли... В письмах
с супругой он обсуждал только
денежные дела и никогда - поэзию...*

Он так любил...
Он любит, но покоя...
Его покинул. Две недели сроку...
Пленен поэт небесной красотой,
Жизнь преподносит тайные уроки.
Она прелестна, спору в этом нет.
Очарованье. От чего тревога?
Сомнение измучили на нет,
Душа шептала: «Не твоя дорога...»
Душа томилась...
Знает – одиночек...
В стихах, в тоске, предчувствии мгновенья.
Как Муза хороша, то знает Бог,
Но холодна... к поэта вдохновенью.
Лист Снежно-Белый стынет под рукой,
Искрится, как от поминальной свечки...
Без сожаленья Красною строкой
Он записал «Люблю» у Чёрной речки...

* * *

С утра благодарила солнце,
Его пушистый ореол,
Оно, покинув неба донце,
Ласкало реку, лес и дол.

Благодарила дождь вчерашний,
Стиравший пыльную траву,
Цветов открытость – мёда чаши,
Тумана сонность наяву.

Благодарю Земли работу,
Духмяность хлеба – из окна,
Воды крещенскую заботу,
Хмель соловьиного «вина».
Пью воздух радужно-прозрачный,
Вдыхаю Божий яркий свет,
Пью Новый день, смеюсь и плачу,
Мир совершенства обозначен -
Мир создаёт Творец-Поэт...

* * *

Вновь светлой щедрою рукой
Благая Осень
Нам дарит золота Покой
И неба просинь.
Угоден Богу этот Свет -
Печаль с Любовью,
Наполнит лужи дождь в обед
Жемчужной Новью.
Звезда купается в реке
Средь желтых писем,
Синица вроде бы в руке,
Но рвёмся в Выси...
Всевышний Ритм в дыханье дней,
В дожде стеклянном,
Небес поэзия слышней
В Восходе раннем.
Душе, осеняя печаль,
Сладка до боли,
Любви Божественная Даль –
Наш выбор Воли...

* * *

Блаженно верую в Добро,
Неистово в Любовь я верую.
Тьма волком рыщет. Всё равно:
Они живут Заглавной мерою...

* * *

Зеленоглазая Россия,
Мой путь - с твоим переплетён,
Покой озер жемчужно-синих
Встревожил колокольный звон.

Пасхальный звон – пульс чистой Веры,
Душе пронзительная весть –
Христос Воскрес в Любви Безмерной,
Грех искупив, и аш принял крест...

Любовь всё терпит и не просит,
Всё от Любви и Для неё.
Любовь себя не превозносит,
Всё без неё - Ничто... быльё.

5.04.17

* * *

Неожиданно и резко
Догнала Зима Весну.
Сетью снежной, спутав дерзко –
Крылья тонкие в плену.

На столе в хрустальной вазе
Сон тюльпановый поёт,
По стеклу стекают стразы –
Ночь слагает – нечет-чёт...

Ветру северному сладость –
В белой вьётся бахrome,
А Весне не жалко – в радость
День, подаренный Зиме...

13.04.2017

Сибирь моя далёкая...

Обнимается в поле хлебном
Стайка белых подруг толстухек,
Рожь – оборкою жёлто-медной,
Шлейфом платья берёз-девчухек.

Воздух чистый сибирский пряный
Над дорогой колышет жаром,
Ветер-память никем не званный
За погостом звенит бурьяном.

Жизнь дорогой петляет, быльё,
Но так хочется возвратиться
В тот июль с сенокосной пылью,
К ледяному ручью напиться.

В аромате клубники спелой
Песнь дроздов над крыльцом высоко –
Серебристою строчкой белой
О тебе, ты мой край далекий...

Фразы

* * *

Жизнь пружиной – туго, резко.
Напряженнее - ближе кольца.
Каждый шаг - все труднее дерзкий.
Миг предела - Тень... Свет и Солнце...

* * *

Июнь к закату, травы до плеча,
Поля готовы вспыхнуть Иван-чаем.
Сосны сухой, сгоревшая свеча,
Как перст, о времени напоминает...

* * *

Дела земные – тесный плен,
Возвышенное – бесконечно.
Что создано рукой, то тлен,
Что мыслью бестелесной – вечно...

* * *

Душою обнажённой человек
Вбирает Свет иль тьмы тягучей тину,
Приобретает – Лик, иной – личину
За весь многотрадальный долгий век...

* * *

На свете главное найти
С кем об одном молчать приятно,
С кем в тишине легко, понятно -
И думать в лодке и «грести»...

25.17.15

* * *

Вдыхаю мир по капле малой –
Не надыхаться наяву.
Невероятным Светлым Даром
Волшебно «брежу» и живу...

25.17.15

* * *

Мир соткан из множества волн,
Из тонких прозрачных материй,
Летящих навстречу мистерий,
Плетущих пространственный дол.

Шар солнца дрожит и звучит,
Как колокол мерно и точно,
Неслышную песню лучит,
Мир полнит гармонией сочно.

Вибрируют звёзды, цветок,
Луна в обновленном апреле,
Симфоний сверхтонких поток
Дополнят лесные свирели.

Навстречу волна за волной –
Творец созидает пространство,
Из звуков, рожденных Душой,
Сфер Высших трепещет убранство.

Вся музыка в нас и вокруг
Рождает Мир-Новь неслучайно,
Мелодии чувств, Мыслей круг –
Со-Творческий Космос звучанья...

1.04.17

Выбор

В белых цветах поднебесного света,
Все уже было когда-то и где-то.
Только для нас, что случится – впервые,
Все по-другому, и мы ведь другие.
В миг – накрывают печали и зло.
Счастье, любовь – это нам повезло.
Каждому свыше отмерена горсть -
Ряд испытаний – претерпкая гроздь.
Каждому кажется радость сильнее,
Горечь потери – своя лишь больнее.
Но для вселенной – весомо одно:
Выбор души – есть и Соль, и Зерно.

Ольга ДАНКОВА-КОЗЛОВСКАЯ

1. Я особа ...

(ассоциативная идентификация)

Я особа приближённая к прекрасному,
Важно служба протекает при дворах,
При проспектах да при храмах - всё по-разному,
У Петра обворожительный размах.

Мне рождением предписано быть фрейлиной,
У мостами опоясанной Невы,
О подол её, украшенный затейливо,
Трутся сфинксы грациозные и львы.

Ассамблеи посещать мне обязательно -
Кабалы нет ни приятней, ни вольней,
И с Трезини, и с Растрелли увлекательно
Вальс танцую я при свете фонарей.

В Летний сад на маскарады приглашённые
Иноземцы собираются толпой,
Там когда-то досточтимые учёные
Обретали, как и я, живой покой.

Петербургскими дворцами пышнотелыми
Налюбуясь, допишу свои стихи,
А с планидой ничего я не подделаю -
Вечный город привнесёт свои штрихи...

2. Узнаваемый...

Зацелованный Богом и проклятый
Непогодой, ветрами, Петром...
Узнаваемый всеми... а мог ли ты,
В те болотные топи притоленный,
Быть с простым, примитивным нутром...

Населяют тебя с ума сшедшие,
Одержимые само-войной,
Серо-бледные, не загоревшие
И себя же навечно обрекшие
На борьбу естества с красотой...

Украшая фасад барельефами,
Ты открыл подворотни, как рот,
И давно все кареты уехали,
Судьбы их отпрыгаются тrefами,
Но силён твой седой приворот...

Жжёт по-прежнему Невское варево -
Достоевского пьём самогон...
А закаты Балтийские - ржавые,
Не пьянеть ими не уговаривай -
Ты ужасен, прекрасный пижон...

3. Петербурженка

(анатомическое)

По щиколотку шлёпаю в воде
Дождей твоих, всегда хандрящий город,
Я соответствую указанной среде,
И мой рассвет проблемами расколот.

Нет благородства, лёгкости в ногах,
Всё было прежде - мирно околело,
И привкус сожаленья на губах,
Но улыбаюсь... в горе по колено.

Улыбчивостью слёз не осушить,
Увязла в треволнениях, словно в блюде,
Где невская протянутая нить,
Как говорится - мне по пояс будет.

Метаморфозы улиц глубоки,
Жалка их поэтичность и напрасна,
На сердце прирастают желваки,
Ведь я по грудь в поэзии несчастна.

И чувствами, пустыми как жнивье,
Обманываюсь - дальше будет легче...
Я в материнство нервное своё,
Как в землю «заколочена» - по плечи.

Мой Петербург один меня хранит,
Среди болот обретший твёрдость суши,
Я не сильна душой, как твой гранит,
Лишь влюблена в тебя и в жизнь «по уши»...

Надежда АРЯСОВА

г. Минеральные Воды

По тропинкам войны

Воспоминание ветерана

Я часто ночью вспоминаю
Ту смертоносную войну,
Как мы юнцами защищали
Свою родимую страну.

Мы гнали немцев до Берлина
И жаркие бои вели.
Мы поклялись, все до едины -
Не отдадим своей земли.

Мы шли, ползли, порой бежали,
С врагами бились за своих
И боевых друзей теряли,
Потом сражались за двоих.

И вот в минутное затишье
Пишу письмишко я домой:
Все хорошо, привет детишкам,
А завтра на рассвете в бой.

Пропахла потом гимнастерка,
Поизносились сапоги,
Давно уж кончилась махорка –
Дружок, снаряды береги!

Не все дошли мы до Берлина,
Но пусть запомнит это враг:
Мы над Рейхстагом водрузили
Страны своей победный стяг!

Победа кровью нам досталась.
Какой ценой! Но есть за что...
И на народ из крепкой стали
Не посягнет уже никто.

Давно не смотрит из витрины
Войны минувшей волчий взгляд.
А ночью стонут ветераны,
Их раны прошлые болят.

Прошла война, но память вечна,
И подвиг годы не сотрут.
Их имена, уже навечно,
В историю Страны войдут.

Три танкиста

На берегу реки Джемуха
Стоит, как сторож, обелиск.
В раздумьях травы млеют глухо
И шепчет ивы чистый лист.

Здесь за Минводы шли бои
В жестокой схватке огневой
Танкисты первые вошли,
Освободили город мой.

Но этот танк взорвался вмиг,
От безысходности пылая.
Погибли трое молодых,
Погибла юность удалая.

Их схоронили у реки
Подростки, местные ребята.
Священно память берегли
За подвиг воинский солдата.

Я прихожу к ним, как всегда,
С букетом полевых цветов.
Кто за Победу навсегда
Сложить был голову готов.

Тут воздух терпкий по весне,
Настоян запахом полыни
И прячется печаль в траве
От сорок третьего-донины...

Дети войны

Наше детство – сиротство в лохмотьях,
Голод, холод, тоска да печаль.
Сквозь зигзаги в потертых чеботях
Пробирались мы в светлую даль.

Все разрушено, смято, изрыто,
Но светились надеждой глаза.
У разбитого дома - корыто
И небесной волны бирюза.
Слава Богу, живые остались!
Мы победой отцов спасены.
А в наследство нам только достались
Отголоски прошедшей войны.
Нам победу отцы подарили,
Завещали достойно прожить,
Чтобы мы на земле сохранили
Вечной памяти прочную нить.

Шёл в село партизан

По нехоженным тропам,
По заросшим кустам,
Пробираясь болотами,
Шёл в село партизан.

А вдали за околицей,
Громычала война.
В том селе тихой звонницей
Жили мать и сестра.

Вдруг – откуда? – как выросли
Перед самым лицом:
В миг его окружили
Немцы плотным кольцом.

«Хенде хох, русиш швайн!
Все кричали: «Пляши!»
И затвор автоматов
Клацал звонко в тиши.

Потешались фашисты,
Разряжая стволы,
То стреляли под ноги,
То поверх головы...

И в мгновение ока
Он гранату достал
И с улыбкой за Родину!
Смертью круг разорвал.

Похоронка

Залечила все раны земля,
Заросли лебедою воронки.
За иконой лежит у меня
Пожелтевший листок похоронки.

Это память о прошлой войне,
Об отце, что погиб за Россию.
Хоть лежит он в чужой стороне,
Память кружится облаком синим.

Не вернулся он с фронта домой,
Не вернулись мечты и надежды,
Похоронка взорвала бедой
Всё, чем жили тогда и чем прежде.

Сколько лет провели мы в тоске,
Сколько горя хлебнуть нам досталось!
От отца на казённом листке
Завещание жизни осталось.

Победа

Захлебнулся клёкот пулемёта,
Майским утром кончилась война.
Через Бранденбургские ворота
Мирная входила тишина.

Дым сраженья таял над Берлином,
Догорал поверженный Рейхстаг.
А над ним в весеннем небе синим,
Гордо реял наш победный стяг.

И солдат, который пол – Европы
С тяжкими боями прошагал,
Выбравшись из тёмного окопа
Слёз с небритых щёк не вытирал.

Не гремели гусеницы танков,
Рокот самолётов в небе стих.
Лишь грустила вдалеке тальянка
О погибших братьях боевых.

И, прижав к груди своей солдата,
Хрипло произнёс комбат седой:
«Всё, сынок, мы выполнили свято,
Жаль лишь тех, кто спит в земле сырой».

Над Рейхстагом, над рекою Шпрее,
Вздоргнув, раскололась тишина.
Залп салюта дали батареи,
Майским утром кончилась война.

Лирика

Ивушка

Иду вдоль берега крутого,
Грустит промокшая трава.
А капли дождика косо
Пьёт тихой речки синева.

Повисла ива над водой,
Как будто собралась топиться.
Кричу ей, милая, постой,
Уймись, не надо торопиться.

Ты так пышна, ты молода,
И листья словно изумруды.
Где закручинилась беда,
В чём прячутся её причуды?

Да как же мне не горевать,
Зовут меня всегда плакучей.
А я хотела танцевать,
Весёлой быть, шальной, певучей.

Хочу дарить другим цветы,
И чтобы мне цветы дарили,
А я стою здесь у воды,
И все меня давно забыли.

Могу ли свой ей дать совет!
Что думала, уже сказала.
И я ушла, а ива в след,
Мне веткой тонкой помахала.

Закат

В горизонте вечернего света,
Подпалив коромысла покат
Пересохшего знойного лета,
Догорает вишнёвый закат.

Вот уж сумрачный бархатный лучик
Одиноко сверкнул между век.
По темнеющей россыпи тучек,
К горизонту прильнул и померк.

Всё уходит бесследно когда-то:
Горе, радость, порывы души.
Грешно было, а может быть свято,
Не узнать в потаённой тиши...

Отчуждённостью гложет утрата,
Не вернуть нам былого тепла.
Разноцветные блики заката,
Извиваясь, сгорели дотла.

Куда спешу?

Куда спешу, куда лечу? Не знаю...
Уж догорает осени закат,
А я по жизни счастье догоняю.
Да разве в этом кто-то виноват?

Ещё в душе весеннее цветенье
Возносится, как сладостный поток,
И лишь в стихах запрячется сомненье
Моих смиренных, несказанных строк.

Когда в смущённых я в глазах увижу
Звучанье сердца, трепета всполох,
Тот ручеек становится мне ближе,
Что насладиться чистотой помог.

И в этом есть высокое блаженство,
Сияние зажжённого огня,
Где радостью пылает совершенство,
А чувство верности к себе влечёт меня.

Запоздалая юность

Теплый вечер, а с неба так нежно
Льют созвездья неоновый свет,
И бегут мои мысли безбрежно
За цепочкою прожитых лет.
Осень пахнет дождем и плодами.
Что ж волнуется память моя?
Это мудрость приходит с годами,
Чувства нежные вновь теребя.
Жизнь уносит года и печали,
Все невзгоды и радости миг.
И зовёт снова в дальние дали
Покорить то, чего не достиг.
Пробуждаются вместе с природой,
Свет и тьму воедино связав,
Не растраченных чувств половодье
И весёлый мой искренний нрав.
Вновь земля наливается соком –
В ней незримая сила своя.
И бежит по весенним протокам
Запоздалая юность моя.

Пробуждение

Пришла весна, а с нею пробужденье,
Оттаял в сердце нежности поток.
И вспыхнуло сияние цветенья,
Любви зажегся яркий огонёк.

Но вдруг нахлынуло смятенье,
Уверенности не было и нет.
В твоей душе искала я спасенье,
Увидев там любви зажжённый свет.

Духовное воздействие незримо
Коснулось вмиг энергии твоей.
И наслажденье душ неутолимо
Слилось в потоке благости своей.

Теперь на хрупкий, чистый мир молясь, -
О, как боюсь я всё это нарушить!
Тончайших нитей бережную связь
И огонёк, что греет наши души...

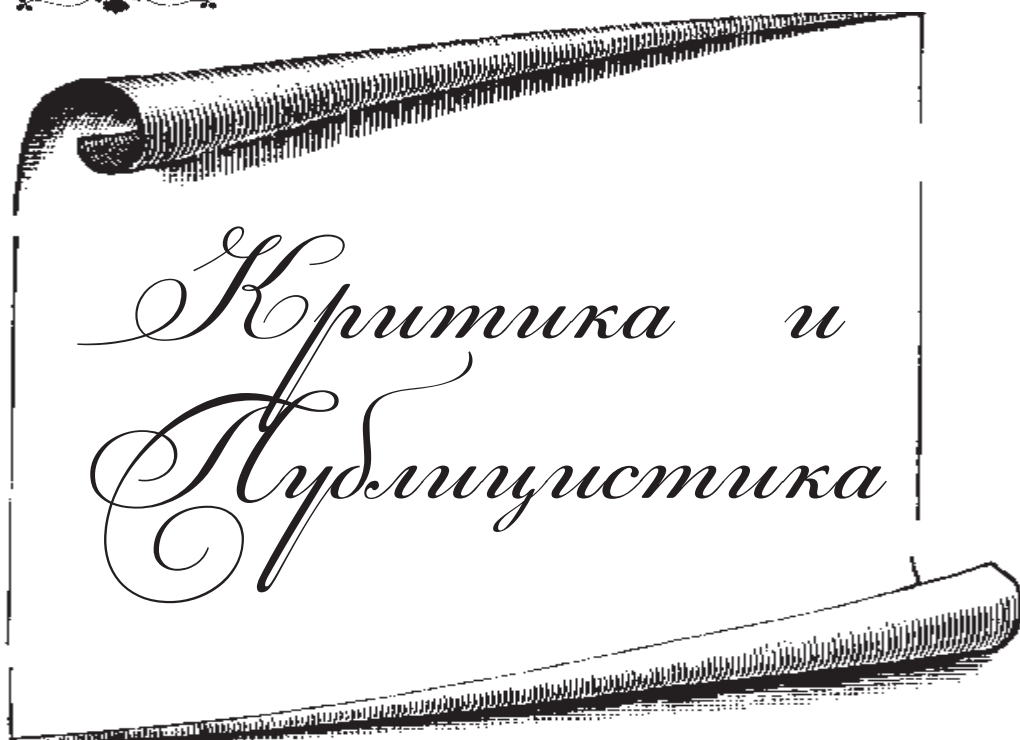
Юность всегда жива

В саду на скамье одиноко лежать,
Три белые розы остались.
А юность ушла, не успела сказать,
Зачем мы так быстро расстались.

Хоть жизнь убегает по судьбам-волнам,
Но мы не теряем надежды.
В душе остаётся, что дорого нам,
И юность живёт там, как прежде.

И теплится радость уже от того,
Что юность взойдёт зорькой алой.
А нежность и мудрость одарит его
Любовью своей запоздалой.

Виктор Орешкин

Риторический идеал и логосфера поэта

К юбилею Е.П. Раевского

Риторический идеал – исторически сложившееся в культуре представление о том, какой должна быть хорошая речь. По определению А.К. Михальской, это «система наиболее общих требований к речи и речевому поведению, исторически сложившаяся в той или иной культуре и отражающая систему ее ценностей – эстетических и этических». В современной риторике выделяют следующие признаки, характеризующие риторический идеал.

Во-первых, современная риторика использует следующую схему анализа любых высказываний:

- 1) кто говорит?
- 2) кому говорит?
- 3) при каких обстоятельствах?
- 4) что говорит?
- 5) зачем?
- 6) как выражает свою мысль?
- 7) каков результат?

Во-вторых, всегда важен облик говорящего лица: что в нем главное – эмоции или логика, правильность речи или оригинальность? Есть ли у говорящего убеждения, если да, то каковы они?

В-третьих, важна позиция говорящего или целого социального или этнического коллектива по схеме «истина» – «ложь». Правда и ложь – сложнейшие категории, в характеристике риторического идеала это самый важный критерий.

В понимании и оценке риторического идеала учитывается этика речи – у одной общности как врожденная, глубинная, у другой – внешняя, показная, только для достижения цели говорящего.

Известное выражение «Поэт в России – больше, чем поэт» заставляет пристально взглянуть в традиции отечественного красноречия, вольно или невольно отраженные в творчестве любого автора. Особенно актуаль-

на эта задача применительно к стихотворцу, авторитетному как в литературных кругах, так и в широкой общественности.

Изучением древнерусского красноречия, его традиций в XIX в. занимались А.С. Шишков, А.В. Мещерский, С.Н. Глинка, Н.Ф. Кошанский, Х.П. Зеленецкий, Ф.И. Буслаев и др., в XX в. – Л.К. Граудина, Г.Л. Миськевич, В.И. Аннушкин, А.К. Михальская. Характеристики древнерусского риторического идеала можно определить так:

1. Оратор – лицо известное, облеченное доверием народа: церковный деятель, князь, воевода. Эмоции оратора управляют и верой и убеждениями.

2. Оратор всегда выражает твердую позицию – это преимущественно государственные интересы, забота о церкви, народе. В речах почти всегда содержится поучение или призыв, нравственные установки, преобладает положительный пример.

3. Оратор отстаивает истину, свое понимание справедливости; споры, полемика встречаются нечасто.

4. Большое внимание уделяется этике общения: прослеживается высокое уважение к человеку, выступающему с речью. Оратор должен высоко нести свое слово, обращаться с речью только к авторитетной аудитории. Народ выражает уважение не только к личности оратора, но и к самому слову, мудрому и красивому.

5. Оратор тщательно готовится к выступлениям. Об их ценности свидетельствует сам факт сохранения речей, их многократное копирование.

6. Композиция речей, посланий, поучений отличается четкостью, ясностью.

7. В речах древних ораторов подкупает доброта, кротость и смирение, благодарность, восторг перед красотой мира, вера в боже-

ственную природу мудрого и прекрасного слова, в силу и действенность красноречия, отмечается высокое уважение к книжной мудрости, учению, образованию.

Высоко оценивается и жанровое разнообразие этих выступлений: ораторские речи, обращение князя к воинам, жития святых, поучения, письма, исторические повествования.

В XX веке с развитием средств коммуникации слово становится инструментом воздействия на массы. А.К. Михальская формулирует четыре основных признака, важных для определения типа речевой ситуации, а таким образом, и речевого (риторического) идеала и формулы логосферы культуры. Каждый из этих четырех признаков как бы распадается на две противоположности. Используя терминологию лингвистики и культурологии, можно назвать эти парные противоположности бинарными оппозициями.

- Диалогичность / монологичность по содержанию. Традиционно первую разновидность рассматриваемого отношения человека к партнеру по общению — субъект-субъектную, симметричную, — называют отношением диалогическим. Вторую разновидность этого отношения — субъект-объектную — традиционно называют монологической.

- Диалогичность / монологичность по форме. Речевые высказывания лирического героя (ЛГ) стихотворения обычно представляют собой монолог. Тем интереснее обнаружить коммуникативные предпочтения автора, выраженные в различных произведениях.

- Агональность / гармонизация. Речь как средство завоевания и удержания власти. Греческое «агон» лежит в основе речемыслительной установки на конфликтность, соперничество, борьбу и победу. В то время как противоположная позиция выражает поиск консенсуса и договоренностей.

- Онтологичность / релятивизм. (Истинность речи как ценность / относительность ценности истины). Сократовский идеал, получивший продолжение в русской риторической традиции, утверждает приоритет истинности того, о чем говорится, в то время как софистика не гнушается обманом, подтасовками, логическими уловками.

Риторический идеал является основой логосферы, выражающей мыслительно-речевую область культуры. Метод лингвофилософского изучения логосферы получил название метода выделения «ключевых слов» культуры и их семантического анализа. Представляется, что предметом изучения может быть не только массив публикаций в СМИ, что важно для социально-политического аспекта лингвистических исследований, но массив произведений одного автора. В этом случае можно говорить о персональной логосфере и риторическом идеале поэта или писателя.

Для исследования риторического идеала поэта Евгения Раевского была взята книга «Ученик Петрарки» (СПб.: «Культура», 2003), содержащая 362 лирических произведения, созданных в течение 40 лет, основной массив лирических произведений посвящен любви. Надо заметить, что данная тематика в мировой литературе не обязательно подразумевает партнерство ЛГ и его визави, любовная лирика изобилует, используя психологическую терминологию, «пристройкой снизу». Традиция эта не нова, образ Прекрасной Дамы-Мадонны восходит к Богородице и дальше — к античным идеалам. Лирика Возрождения обретает в пространстве русской словесности пушкинские крылья («Чистейшей прелести чистейший образец»), летит высотами Блоковских образов, играет в пучинах Пастернака, чеканится переводами Маршака... и становится наставником и попутчиком Евгению Раевскому. Как же проявляется авторское отношение к своим адресатам? Какое оно?

Прежде всего заметна модальность обращения ЛГ к адресату-героине: уважительное «Вы» («Друг трепетный! Я думаю о Вас...»), «Да будут так все женщины честны, Как Вы, мой свет, как Женщина Весны!», «Вы — светлоструйность, милость, чистота...») количественно проигрывает доверительному «ты» («Глубины глаз твоих печальны...», «Ты в свете фосфорическом берез Достойна строк великого Шекспира», «Без тебя я пуст и бесполезен...», и парадоксальное «...Но ты — царица, Которая, любя, мне подчинится»). И невольно вспоминается пушкинское «Пустое «Вы» сердечным «ты» Она, обмолвись, заме-

нила...». Уважительное равноправие, восхищение без раболепия и чувство меры даже в интимном признании отличают лирического героя.

Форма лирического произведения традиционно представляет собой монолог лирического героя. И здесь обнаруживается известный парадокс: высказывание одного человека, пусть даже и развернутое, производит впечатление не отдельного монолога, но реплики, возникшей в ответ на нечто, высказанное партнером ранее, и, в свою очередь, требующей ответа. Ощущению «романа жизни» (Г. Товстоногов) способствует семантическое поле «мы» («нам», «нас»), большое количество прямых обращений, а также качающееся сопоставление «я – ты»: «Я несравним, как несравненна ты, Нет для меня желанней чистоты...», «Глоток волшебный лунного вина – И я с тобой - господнее веленье...», «Ночи слагают элегии нам, Я же с тобою в стихах пополам...»

Мастерство автора преодолевает строгие каноны сонетной формы, предписывающей следовать законам логического развертывания мысли «тезис – антитезис – синтез – финал». Четырнадцатистрочие выходит из-под пера Е. Раевского страстным высказыванием, сравнимым с цепочкой фехтовальных выпадов, последний из которых попадает в цель финальным двустихием. Кроме того, тематика сонетов не ограничивается исключительно любовными отношениями: поэт посвящает чеканные строки певцу Валерию Агафонову и Сергею Есенину, сонетами становятся «Романс о романсе», осенние наблюдения «Иссякла осень и невосполнима...», Монолог юноши из Афин, Сон, Маленькая сказка... Даже к Рыжему коту и Кошкам автор обращается с уважительно-сонетным поклоном. И в этом тематическом разнообразии проявляется результат литературного ученичества, ведь в эпоху Возрождения признаком хорошего тона и образования было умение изъясняться изящно, а самой изящной литературной формой был сонет.

Было бы странно говорить об агональности применительно к любовной лирике, одна-

ко в мировой литературе среди метафор любви можно встретить и вполне агрессивные: война, сражение, победа, покорение, капитуляция и т.п. В рассматриваемой оппозиции лирический вектор Е. Раевского указывает на гармонизацию, даже если стихотворение не относится к любовной лирике. «Памяти Игоря Талькова», «Нам лжет эпоха», «Отцам и дедам», «Я бесконечно горд, что был рожден в России...», «Дума» - в этих и других образцах высокой гражданской лирики поэту удалось избежать пафоса обвинения, бичевания, раздачи ярлыков и т.п. Когда «В сосудах времени течет больная кровь...» и «Мы в осколках кривых зеркал...», легко соблазниться поисками «Кто виноват?» с последующими оргвыводами, пусть даже и поэтическими. Но нет, автор – наследник гуманистической традиции – вызывает к совести, ставит перед современниками поэтическое зеркало, горько констатируя, как «...рядом безрассудствует война», «Лишь подлостью богатые купцы Жгут храмы, где молились их отцы» и «Дебильные юнцы, продолжив Зло, Блаженно сквернословят у святыни...».

Там же, где бушуют нежные страсти, «Наш мир, что в небесной власти, Врагами не будет встречен...» - утверждает поэт. Слиянность, дуэтность, восторг взаимности в касании, объятии, молчании – все это блики и волны одного потока любви, наполняющей смыслом существование человека, делающей жизнь подлинной, одухотворенной.

Ценностно-смысловые ориентации поэта выражены достаточно определенно, в стихотворениях существует четкая граница между Добром и Злом, Светом и Тьмой.

Зло имеет широкое поле значений и синонимов: оно «бездарно», мелочно, завистливо, льстиво, горделиво, лживо, невежественно, чванливо, источает «яд глупости», бранится и лицемерит, ханжествует и блудит, укоряет, также равнодушно, угодливо, бессовестно, ревниво...

Добро, в свою очередь, ассоциировано с истиной, верой, трудом и красотой, мечтой и полетом, пониманием и совестью, мудростью, трезвостью («Сударыня! Не смейте

пить вина...»), восторгом, светом и теплом, пламенностью, щедростью, нежностью, равносильно Жизни и радости в целом, способности «страдать, творить, любить».

«Прочесть изыски подлинного сложно», - утверждает поэт. – «Где правит Нелюбовь – там только страх и тлен...». В изучении этических координат личности неизбежно возникает вопрос о ее связи с Богом (богами). Любовь являлась грекам в двенадцати обликах, называясь Эросом, Агапе, Филиа, Элеос и другими именами, стала ведущей христианской добродетелью и синонимом Бога («Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» - 1Ин.,гл.4,8), понята Данте как движущая сила мироздания... Ученик Петрарки чужд фарисейской ложной скромности и открыт всему спектру чувственных порывов, отношений и действий. Понимание своего поэтического Дара как силы и ответственности ставит Поэта вровень с Богом:

На Бога уповай, но знай в том мере,
Ты сам есть бог, откуда ты живешь.

И в этой сентенции нет гордыни, как может показаться на первый взгляд, но слышится отголосок народной мудрости: «На бога надейся, но сам не плошай!». Ученик идет дальше своего учителя... и продолжает разговор с Богом на равных («Сонет-покаяние»), дерзая на страстный призыв: «О, Боже! Пощади мою Россию! Церквей святых живые имена!» («Мирный сонет»).

Отдельно следует выделить категорию «свет» как синоним созидательного начала и манифестацию добра и красоты. Свет является в разных ипостасях, но главное – «в обличьи творчества». В стихотворении «Свет говорящий» недвусмысленно утверждается, что «Поэзия – наследие добра...», а любовь «вытеснила страх перед злословьем» и «с любовью яснозначим человек»:

*В таланте светозавязь, светотолк,
Поэзия – достоинство пера,
Чтоб русский голос в книгах не умолк,
Пишите свет – звучание добра.*

Светозарная поэзия Евгения Раевского дышит волшебством, нежностью и удивлением – автор открывает целый мир в малом явлении, и душа не справляется с напором чувств, изливаясь жаркой слезой: «Мы нальемся восторгом до слез, От любви – до кипенья сознания». Такие слезы добродетельны, ибо изливаются не от слабости или немощи, но от силы гармоничной души, созвучной другому человеку и миру в целом.

Поэта Евгения Раевского щедро одарили Музы. Не осталась в стороне и Полигимния, обычно сдержанная в своих благосклонностях. Лингвориторический анализ позволяет сравнить тексты С.В. Михалкова и сопоставить их с Гимном АРСИИ им.Г.Р. Державина, принадлежащим перу Е.П. Раевского.

Текст Гимна СССР 1943 года ярко выражает агональность логосферы тоталитарного общества: «воля», «от победы к победе», труд и подвиги, армия, сражения, битвы, «захватчики подлые», «слава». Эпидейктическая славословная констатация «Славься, Отечество наше свободное, Счастья народов надежный оплот!..» через десятилетия воспринимается как горькая ирония. Вариант 1977 года склоняется к гармоничной «дружбе народов», но «единый, могучий», сплоченный «навек» тоталитаризм призывает к беззаветной верности боевому красному знамени.

Конец XX века принес коренные изменения в жизнь и судьбы граждан нашей страны. Новое тысячелетие Россия встретила с новым гимном, констатирующим священную вековую державность и союз братских народов на просторе «от южных морей до полярного края». Географическому пространству соответствует «широкий простор для мечты и для жизни», правда, открываемый только грядущими годами...

Академия русской словесности и изящных искусств им.Г.Р. Державина живет, вдохновляемая Гимном, написанным Е. Казановским на слова Евгения Раевского:

*Велика Российская Держава,
Крепок дух талантливых людей.
Наш язык – наш пастырь, наша слава,
Наш союзник в торжестве идей.*

*В красоте изящного искусства
Расцветет Россия на века.
Нам близки возвышенные чувства,
Глубина традиции близка.*

*Живописцы, зодчие, поэты,
Мастера балета и певцы –
Солнцем Академии согреты,
Нас ведут духовные отцы.*

*Наш девиз: в гармонии трудиться!
Чужды нам бескрылые мечты.
Воспарит Россия гордой птицей!
С Богом! Наши помыслы чисты!*

Прежде всего обращает на себя внимание объединяющее «наш», вбирающее славное прошлое, деятельное творческое настоящее и оптимистично помышляемое будущее. Сравнение Академии с солнцем уравнивает деятелей самых различных видов искусств, словно Муз, хороводящих вокруг лучезарного Аполлона. В роли творческого универсума и гармонизирующего начала выступает язык. Нравственной ценностью является гармоничный труд и чистота помыслов в союзе с божественными принципами, под которыми может

пониматься как сократовский идеал (Истина-Добро-Красота), так и христианское триединство Веры, Надежды и Любви.

Таким образом, риторический идеал поэта Евгения Раевского соотносим с традицией отечественного красноречия: его чертами являются диалогичность по содержанию, объединяющий монолог по форме, гармонизация как деятельная установка, приоритет Истины, Добра и Красоты, объединенных высоким чувством Любви.

Логосфера поэзии нашего автора, возможно, заслуживает более тщательного изучения, для чего стоит рассмотреть не одно издание стихотворений, а всю совокупность литературных произведений – и прозу, и публицистику.

Не вызывает сомнений самобытность языка, тонкая наблюдательность жизни, серьезная рефлексия и саморефлексия Е. Раевского. «Ученик Петрарки» уводит читателя в палатцу изящной словесности, где живое эхо традиций перекликается с чувственными и страстными речами современности, а негасимый свет Любви озаряет и согревает каждого, сюда входящего.

Поздравляем Анну Владимировну ЕГОРОВУ с юбилеем!

Действительный член АРСИИ им.Г.Р. Державина, заслуженный художник Украины, член Союза художников Санкт-Петербурга, член-корреспондент Международной инженерной академии, Анна Владимировна творит в различных жанрах станковой живописи. Её работы неоднократно получали высокую оценку специалистов и зрителей на групповых и персональных выставках, удивляя тонкой техникой и глубоким психологизмом, а многие портреты исторических личностей разлетелись в изобразительном пространстве современной культуры, приобретая характер канонических изображений.

С недавнего времени художник живет в Санкт-Петербурге, органично войдя в атмосферу художественных традиций и творческого поиска.

От всей души желаем Вам, дорогая Анна Владимировна, сил, вдохновения и новых ярких работ в период расцвета Ваших талантов.

МНОГАЯ ЛЕТА!

Анне ЕГОРОВОЙ

*Букеты родины моей
Не в вазах чопорных и чинных –
Дары лугов, полян, полей
В простых стаканах и кувшинах.*

*Через года, через века
Событий, судеб, испытаний
Их ставит легкая рука
Под шепот добрых пожеланий.*

*Вдруг с удивлением найдем,
Как ветка листья опускает.
Что ж, и в отечестве моем
Порою что-то увядает...*

*А жизнь растений коротка
(Щедра природная беспечность!),
И лишь художника рука
Им в натюрморте дарит вечность.*

Виктор ОРЕШКИН

Лев ГОРЯНИН

Наш Раевский

*...И росчерк нежности в тончайших лепестках
В кокетливых сплетениях – признанья,
И стройность ритма в каменных столбцах –
Во всем поэзии звучит благоуханье...*

Елена Сакс

Бытует мнение, что в наше время не может появиться выдающийся поэт, писатель, музыкант, мыслитель, вообще, великий талантливый человек. Мол, давно уже все шедевры, будь то стихи, романы, музыкальные и художественные произведения, написаны и исполнены в золотом и серебряном веках. Есть всеми признанные гении, классики: Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский, Чайковский, Николай и Лев Гумилёвы, Георгий Вернадский, Рерих, Бердяев и другие корифеи. Все иные, которых вдруг породит наша неистощимая Русь, не смогут достичь тех вершин в своем творчестве, которые уже взяты нашими предтечами. И никогда им не претендовать на звание талантливого, единственного и неповторимого.

Одним словом – нет пророка (и быть не может!) в своём Отечестве.

Вдруг, подул свежий ветерок из давно забытых поэтических недр, и он принес стихи поэта, сразу нашедшего свою особую достойную неповторимую нишу в современной поэзии. Ему не помешали названные корифеи. Это был молодой, энергичный, трудолюбивый, до безумия красивый поэт.

*Пусть говорят, что в этом мире
Всё написано давно,
Что в нашем нынешнем эфире
Поэтом слыть не суждено.
Но есть у рек свои притоки,
Питают реки ручейки,
Литературные потоки...
В них капли есть моей строки...*

Капли художественных строк Евгения Раевского, вобравшие в себя философскую

глубину жизненных ценностей, обрушились на современников, как очищающий весенний дождь. Они внесли в мирскую суету поток свежего воздуха, состоявшего из страстных и пылких любовных строк:

*Друг трепетный! Я думаю о Вас,
Вы мне не безразличны в этом мире...
Как не воспеть сияющий алмаз?
Как молча пребывать в поющей лире?*

Душа Раевского открыта пред всем миром. Она чиста, добра, страстна. Только с такой душой у поэта могут родиться строки:

*Не умолчать любви, блаженств и чар
Волшебного приюта в мире страстном,
В душе моей простой и вечный дар
Писать о вечном, добром и прекрасном.*

Девиз Раевского-поэта: «О Творчество, ты – Счастье, без тебя Мир превратится в хаос и бессилье».

*Измучен мозг, изгрызен карандаш...
Ты в истине, достоин продолженья.
Ужель твой ямб в оружиесложеньи?
Не взять хореем мысль на abordаж?*

*Трудиться – дар, закон и благодать,
Внушенье страсти, радости, движенья,
В объятьях творчества
Любви своей воздать,
Реалий миг поймать воображеньем...*

Евгений Раевский заслуженно признан не просто поэтом, а истинно русским, до безумия любящим свою многострадальную, самобыт-

Его непревзойдённые романсы и многие стихи давно положены на музыку. Они стали любимыми произведениями эстрадных исполнителей.

Вот уже 6 лет, как я, благодаря доброй воле Судьбы, знаком с выдающимся поэтом, отзывчивым, широкой души человеком, Евгением Раевским. Как легендарный древнегреческий Атлант, могучий титан, держащий на плечах небесный свод, он взвалил на себя ношу президента Академии русской словесности и изящных искусств имени Г. Р. Державина и председателя правления Российского Межрегионального Союза писателей. Раевский Евгений Павлович является академиком шести академий, доктором философии в области литературоведения, профессором истории литературы, но это ещё не всё. Дополнительно к этому он имеет множество других учёных достижений. Не обделён он и вниманием Правительства. Раевский награждён государственными и общественными наградами.

Его круг общения не знает границ. Но как он всё это совмещает с поэзией (а он уж точно является очень плодовитым поэтом!) – это для меня полная загадка. И, конечно, он с достоинством носит фамилию Раевских, доставшуюся ему от знаменитых, известных всей стране, благородных предков из сословия дворян и священнослужителей высокого Сана.

Благодаря своей искренности и прямоте, среди коллектива он пользуется великим уважением. Ему посвящаются оды, стихотворения, четверостишья:

*...Он — проводник Господних слов,
Он — с вечностью на «ты»,
Он — прорицатель вещей снов
В потёмках суеты.*

*Сонетный вождь, Любви слуга
И... господин любви.
Его поэзия строга,
Но в сердце — соловьи!*

*И виден нимб над головой
И слышен глас Небес:*

*«Твори, Раевский! Бог с тобой
В стране твоих чудес!»*

Станислав Буров

* * *

*...Твой слог — отточенный клинок
Звонкоголосой русской стали,
Но сколько нежности в металле
Твоих неукротимых строк.*

*Кавалергард с душой поэта,
Тобою приручён Пегас!
Ты, как художник, — мастер света
Неповторимых женских глаз.*

*Честь оскорбленья не простит,
Ты дуэлянт по праву чести.
Но благородство чуждо мести,
Кровь дворянина — твой вердикт!*

*Звучит с достоинством и весом —
Сиятельный поэт Раевский!!*

Лев Алексеев

* * *

*Когда приходит наш Раевский,
Пространство заполняет свет!
Огонь его звучит не резко:
Любовью дышащий поэт
Жар сердца нежно льёт на души,
Теплом лаская всё вокруг!
Он сердце на сердца обрушит,
Не только на своих подруг!
Стихи его зажгутся в каждом,
Кто хоть когда-нибудь любил!
В них эротически отважно
Евгений страстью искусил!
Замужней женщине пристало
Бежать на исповедь, когда
В постели ночью их читала,
Покрывшись краскою стыда!
Но свет их так чистейше-ярок!
И свято-искренний поэт
Дарует сердцу мир фиалок,
Страсть и невинность свив в дуэт!*

Ольга Нефёдова-Грунтова

Царь Федор Иоаннович

*А век тот был, когда венецианский яд,
Незримый как чума, прокрадывался всюду...*

Аполлон Майков

Пожалуй, я не сделаю никакого открытия, если скажу, что царь Иоанн Васильевич оставил такой неизгладимый и глубокий след в истории, что народ помнить его будет во все века. Во время правления страной он поставил перед собой цель – вылепить Русь Великой, сильной и счастливой. Чтобы осуществить ее, Иоанну приходилось быть порой до безумия жестоким, порой хитрым, а зачастую – расчетливым.

Была когда-то Золотая Орда. Могучее государство. С ней можно было только дружить. Но вот распалась она, и появились рядом с Русью три отдельных царства – Казанское, Астраханское и Крымское. Каждое из них, в отдельности, как в агонии, стало часто нападать на Русь. Крымское ханство все же было от Руси отделено огромной степью, потому и не особо пугало, а вот – Астраханское и Казанское ханства были ближайшими соседями. Когда в Казани жили булгары, было все иначе. Этот оседлый народ был больше заинтересован торговлей с соседями, но никак не набегами на чужие земли. Со временем в Казани стали оседать племена кочевников. Их было много. Они, как саранча, налетели на райский уголок, и булгары растворились в них. Изменились и принципы их отношений к соседним государствам. Чтобы прекратить все их множественные набеги на Русь, потребовалась битва, которая решилась в пользу русского государства. Казанское ханство было завоевано. За ним последовало и взятие Астраханского ханства. С покорением этих ханств все переменилось. Русь со всех сторон обезопасила свои восточные границы. В этом огромная неоспоримая заслуга царя Иоанна Васильевича.

Каких-нибудь 100 лет назад, во времена Василия Темного нельзя было даже и помышлять об увеличении земель Руси за счет соседних ордынских государств. Но вот, при

Иоанне IV, появилась регулярная армия. Это позволило пресечь набеги и расширить свои границы поначалу за счет войны с Казанским, а затем и Астраханским ханствами. За ними были присоединены и другие восточные территории.

О начитанности царя Иоанна, его всесторонних знаниях, литературном мастерстве слагались легенды. Среди его современников – правителей других стран, в этой части не было ему равных ни одного.

За время своего правления он удвоил величину территории страны. По площади Русь стала одной из самых крупных государств Европы. С покорением Казанского и Астраханского ханств, страна овладела всем Волжским путем. Иоанн присоединил к себе земли: Западной Сибири, Ногайской Орды, Башкирии, области войска Донского. С Северным Кавказом в России стали укрепляться дружеские отношения. В период правления Иоанна Русь выдержала кровопролитные войны, набеги кочующих племен, эпидемии, однако, несмотря на большие людские потери, население Руси увеличилось примерно в полтора раза.

Россия при царе Иоанне Васильевиче выдержала натиск почти всей «просвещенной Европы» – Ливонии, Литвы, Польши. Все они поддерживались католическим Римом, немецкими и венгерскими наемниками. На Юге Русь успешно отражала натиски Крымского ханства, которому оказывала ощутимую помощь оружием Османская империя. Эти набеги не давали дремать державе Русской. Крымско-турецкая армия в решительной битве при Молодях¹ была обращена в бегство и уничтожена, несмотря на ее численное превосходство. Россия со всеми этими угрозами справлялась успешно.

Для обеспечения безопасной и удобной жизни населения Руси, царь Иоанн Васильевич на всей необъятной державе основал 155 новых городов и крепостей с широкими каменными крепостными стенами, валами и рвами. В местах постоянного проживания казаков – в Запорожье, на Дону, Тереке, Волге, Яике, Оренбурге и Сибири, царем был образо-

¹1572 г.

ван мощный охранный пояс Казачьих Войск, готовых по первому требованию государя ринуться на врага, защищая Русь.

Царь сумел создать регулярную армию в виде стрелецкого войска, вооруженного ручным огнестрельным оружием. При Иоанне русская артиллерия вышла на уровень передовых Европейских стран. Он упорядочил государственную службу дворянских детей, утвердил «Уложение о службе 1556 года» (с каждых 150 десятин выставлялся один ратник «на коне и в доспехе полном»). Царь разработал и ввел в действие «Судебник 1550 года».

Не говорит ли все это нам о величии молодого царя Иоанна?

К сожалению, почти все исторические летописи времен Иоанна Васильевича дошли до нас, в угоду правящим правителям, осознанно измененными. Порой сами участники событий прикладывали к этому руки. Из истории убирались неудобные для Великих князей и царей факты из их жизни. По той же причине сжигались целые именные библиотеки. Да и без этих кощунственных деяний первоисточники уничтожались частыми городскими пожарами.

Изучая древние исторические летописи уважаемые нами российские ученые – Анатолий Тимофеевич Фоменко и Глеб Владимирович Носовский находили серьезные несоответствия в фактах. Сопоставляя исторические сведения, взятые из разных источников, при скрупулезной работе они пришли к интересным выводам. В частности, они убедились, что татаро-монгольское иго – это вымышленное европейцами явление, которого, несомненно, в России не было и не могло быть. Для подтверждения этого вывода они привели такие доводы, против которых нет доказательств обратного. Но ведь все это могло быть прочитано в старинных летописях, будь они у нас. Но вместо них мы пользуемся лишь обрывками драгоценных сведений, случайно оставшихся от дорогих наших предков и ложными выводами европейских стран.

Названные ученые также обнаружили ряд интересных фактов, ранее незамеченных исследователями, затрагивающих отдельные вехи жизни Иоанна Васильевича. Им, в част-

ности, удалось расшифровать в зодиаке точную дату рождения Великого царя. Сегодня считается, что Иоанн IV родился 15 августа 1530 года, но Фоменко и Носовский обосновали, что это великое событие произошло 9 февраля 1526 года, поскольку данная дата была отмечена на его троне. То есть царь родился на 4,5 года раньше того срока, который в наш просвещенный век всеми принимается за непреложную истину¹.

Указанный трон был искусно покрыт пластинами из слоновой кости. На ней, среди многочисленных прекрасных изображений, украшающих этот трон, ученые обнаружили гороскоп, с выгравированной истинной датой рождения² царя. Поскольку престол был выполнен европейскими мастерами в годы правления Иоанна, то нет сомнения в его подлинности. Видимо никто не интересовался рисунком гравировки, потому и дошла она до наших дней не искаженной. Как известно, в те далекие века гороскопы применялись для записи дат важных исторических событий и представляли собой изображение расположения планет по созвездиям небесного зодиака в тот или иной момент времени. Те гороскопы не имели никакого отношения к современной астрологии и гаданию по звездам. К примеру, средневековые немецкие церкви за алтарем имели особые зодиакальные устройства. На них каждый день на обозрение горожан выставлялись положения планет в созвездиях. Таким образом, по сути, осуществлялась запись текущей даты с помощью гороскопа.

Если принять эту гипотезу за основу, то сразу все встанет на свои места, как-то: возраст восхождения Иоанна на престол, женитьба княжича, мысли, которые он высказывал, якобы, находясь почти в младенческом возрасте (сегодня они вызывают явное сомнение!) и так далее. Автор этой статьи полно-

¹ Имеющиеся сегодня русские летописи, вероятно, выправлены в XVII–XVIII веках историками-фальсификаторами, а потому возможны намеренные изменения исторических фактов в угоду Западу.

² Престол Ивана Грозного хранится в Оружейной палате Московского Кремля и был собственностью царя.

стью разделяет мнение названных ученых по части времени рождения Великого Иоанна Васильевича. И верно, логически рассуждая, невозможно поверить в сообщение летописи, что князь Великий Василий, якобы присутствовал с княжичем Иоанном (по хрестоматийному году рождения в это время ему было лишь три месяца) на продолжительном обряде освящения новой церкви, или принимал участие в торжественных царских выходах к народу. А вот в возрасте 4-х лет – это вполне реально. Думаю, настала пора заявить хотя бы на академическом уровне о найденной новой дате рождения Великого царя и принять ее как таковую.

Или вот еще вопрос, который не решен нашей эпохой до сегодняшнего дня: кем же был Иоанн Васильевич – жестоким царем или все же великим правителем державы, наделенным бесконечной властью и использовавшим ее в интересах России? Если взять во внимание высказывания его европейских современников, то действительно пред нами встанет безжалостный царь, который в крови утопил всю Русь. Не секрет, что в то время Запад начал усиленно порочить прогрессивного энергичного русского царя. Он не мог согласиться с тем, что Россия под его руководством за короткий промежуток времени вышла из небытия и стала одной из самых мощных стран мира. Ну как здесь не соблазниться и не обесславить Великого царя? Ведь для Запада он страшный и, главное, мудрый враг. Только дай ему волю, так он, чего доброго, подомнет под себя все страны. Вот и принялись государства Европы на все лады бесчестить царя Иоанна. Русский царь их лживыми выдуманскими баснями был превращен в жестокого и кровожадного человека, в тирана, который везде и всех предаст смерти. Многие наши историки той и более поздних эпох уверовали в эти сказки и, ради эффективных сенсаций, не заботясь об истине, отразили их в своих работах, но уже, для сушей убедительности, в более жесткой форме.

Наверно следует начать разоблачение устоявшихся мифов о жестокости Иоанна с убийства им своего сына, поскольку эта небылица самая ужасная и у всех на слуху. Думаю,

я не ошибусь, если скажу, что большинство читателей считают этот факт состоявшимся.

Некий иезуит, папский легат Антонио Поссевино¹ явился одним из главных авторов мифа об убийстве сына Грозного самим отцом. Он был направлен в Москву папой Римским Григорием XIII² для договоренности с царем Иоанном Васильевичем о подчинении Русской Церкви папскому престолу. По приезде легата в Москву намечалось обращение русского царя в католичество, а за ним и всего народа Руси – в новую для него веру. Прибыл Антонио в столичный град через несколько месяцев после смерти царевича, а потому не мог удостоверить лично причину его смерти (момент приезда легата очень важен для последующих разоблачений его поступков!) Однако это не помешало ему нагло представить миру сочиненную им лживую историю, в которую, к удивлению, поверила Европа, а несколько позже и Россия. Помог распространить и утвердить во многих умах российских граждан эту иезуитскую ложь Николай Михайлович Карамзин в IX томе «Истории государства Российского», за что и был осужден своими современниками.

Тем не менее, дело развивалось совершенно не по сценарию папы Римского. При встрече царя с «гостем», на предложение легата принять католичество, Иоанн уклончиво произнес:

– В нашей православной вере я родился и с Божией помощью достиг 51 года; следовательно, мне не время уже переменять исповедание или желать обширнейшего государства; я помышляю только о жизни будущей!

Сделав паузу в разговоре, чтобы заострить внимание на следующей его части, Иоанн продолжил:

– Сказывали мне, что папу носят на престоле и целуют его сапог, на котором вышит крест с изображением распятия Христова. Ежели это правда, то хорошо ли это? Вот первая причина несогласия нашей веры с вашей...

1 Антонио Поссевино (1534 – 1611) – секретарь генерала ордена Общества Иисуса, папский легат в Восточной Европе, ректор Падуианской академии, первый иезуит, побывавший в Москве.

2 1581 г.

Мы поклоняемся честному кресту по преданию святых апостолов и святых отцов церкви, и ниже пояса у нас креста не носят и образов не ставят, – затем добавил: – Папа не Христос; престол, на котором его носят, не облако, да и те, которые его носят, не ангелы!

– Вот ты тоже государь Великий в своем государстве! Как же нам не величать тебя и не припадать к ногам твоим?

Думая, что этими словами он достойно ответил русскому царю, Антонио гордо поклонился.

– Святителям, ученикам апостольским, – сказал в ответ Иоанн, строго глянув в очи легату, – следует подавать собою пример смирения, а не возноситься гордостью превыше царей земных. Царям подобает честь царская, а святителям, папам и патриархам – честь святительская. Те папы, которые следовали заповедям Христовым, апостольскому преданию и постановлениям семи вселенских соборов, были действительно сопрестольниками апостолов; а папа, который идет наперекор учению Христову, тот папа, говорю, не пастырь, а волк.

При последующем разговоре с легатом Иоанн был взбешен. В итоге царь высказал все, что думал о нем и выдворил его из своих палат.

Визит к московскому царю озлил Поссевино. Отныне русский царь стал его врагом. На стол папы лег его отчет о поездке в Москву с обвинением царя Иоанна в вымышленном убийстве своего сына.

«Иоанн оказал всю природную гибкость ума своего, ловкость и благоразумие, которым и сам иезуит должен был отдать справедливость... отринул домогательства о позволении строить на Руси латинские церкви, отклонил споры о вере и соединении Церквей на основании правил Флорентийского собора и не увлекся мечтательным обещанием приобретения... всей империи Византийской, утраченной греками будто бы за отступление от Рима, – так писал об этом визите иезуита в Москву известный русский историк М. В. Толстой¹. –

¹ Граф Михаил Владимирович Толстой (1812 – 1896, Сергиев Посад) – русский историк церкви и специалист по агиографии.

Но надежды папы и старания Поссевина не увенчались успехом».

В прошлом столетии в Архангельском соборе Московского Кремля были вскрыты четыре гробницы: Иоанна Васильевича, царевича Иоанна, царя Феодора Иоанновича и полководца Скопина-Шуйского². При исследовании останков была проверена версия об отравлении Иоанна IV. Ученые обнаружили, что во всех четырех скелетах содержался мышьяк, но он не превышал допустимой нормы. Однако в костях царя Иоанна Васильевича и царевича Иоанна Иоанновича было обнаружено наличие ртути, превышающее допустимую норму в 32 раза. Вот вам налицо и отравление. Но травма черепа у царевича от удара царским посохом не была установлена. Да и в волосах его криминалисты не обнаружили даже микроскопических следов крови, что было бы невозможно, если бы была нанесена кровавая рана.

Теперь несколько слов о массовом терроре, якобы имеющем место при правлении Иоанна Васильевича. Поверим историку Скрынникову³, который утверждал, что при Иоанне IV в России осуществлялся «массовый террор», в ходе которого было уничтожено около 3-4-х тысяч человек. Для сопоставления сравним данные о количестве погибших подданных других государств, к которым были причастны европейские монархи, современники русского царя.

– Нидерланды (при правлении Карла V и Филиппа II). Число жертв доходило до 100 тысяч человек, из них было сожжено живьем 28540 человек.

– Франция. Варфоломеевская ночь – 23 августа 1572 года. События этой ночи проходили при активном личном участии французского короля Карла IX. Только в одну эту ночь было убито «более 3 тысяч гугенотов» лишь за то, что они принадлежали к протестантству, а не к католицизму. Палачи не остановились на этом. В течение двух последующих недель

² 1963 г.

³ Руслан Григорьевич Скрынников (8 января 1931, Кутаиси – 16 июня 2009, Санкт-Петербург) – советский и российский историк, доктор исторических наук, профессор.

погибли около 30 тысяч протестантов.

– Англия. Тысячи английских крестьян, потерявших свои надельные участки, отнятые правителями для использования их под овечьи пастбища, вынуждены были бедствовать и скитаться по стране. Тогда Генрих VIII постановил казнить всех бродяг. Только за «бродяжничество» вдоль больших дорог он повесил 72 тысячи бездомных бродяг и нищих.

– Германия, 1525 год. Крестьянское восстание. При его подавлении было казнено более 100 тысяч человек.

Правители западных стран в ту же эпоху буквально топили в крови свои и соседние страны, но при этом, у себя на родине, считались великими и мудрыми, «столпами нации». И странно, никто из этих монархов не был назван «Грозным», а им, как никаким другим коронованным особам подошел бы этот титул, либо «Тиран», или «Палач». Никто из них не испытывал сомнений в своих действиях, в том числе и католический Рим, приветствующий суды инквизиции, геноцид мавров, евреев, начавший крестовые походы и казни «еретиков», «охоту на ведьм», которых вешали, топили и сжигали заживо, порой десятками в день. Общее число казненных подобным образом людей оценить трудно. Считается, что были погублены сотни тысяч человек.

Эти неоспоримые факты говорят сами за себя. На Руси никогда не знали такого множества изощренных пыток и казней, которые были повсюду распространены в «прогрессивной» Европе. А что касается жертв на Руси, так они случались, когда сговаривались бояре и пытались лишиться царя Иоанна и жизни, и престола. Здесь уж ему приходилось прибегать к репрессивным мерам. Документально свидетельствуют, что против Грозного были составлены несколько следовавших один за другим опасных заговоров. Перехваченные царем письма, адресованные польскому королю, доказывали, что многие знатные бояре вступили с Сигизмундом в самостоятельную переписку и составили заговор, ставящий своей целью посадить на русский престол князя Владимира Старицкого. Сохранился отчет об этом заговоре политического агента польской короны Шлихтинга, в котором он сообщает

Сигизмунду: «Много знатных лиц, приблизительно 30 человек... письменно обязались, что предадут бы Великого князя вместе с его опричниками в руки Вашего Королевского Величества, если бы только Ваше Королевское Величество двинулись на страну».

До царя Иоанна Васильевича доходят слухи, что его двоюродный брат – князь Владимир Старицкий возглавил заговор о его отравлении. По разработанному сценарию подкупленный князем повар должен был отравить Иоанна ядом, сам же князь Владимир, опираясь на ведущих бояр Новгорода, заговорщиков Москвы, с помощью польского короля Сигизмунда в дальнейшем должен создать армию и захватить царский трон. Добыча будет разделена таким образом: Владимиру Старицкому – трон, Польше – Псков и Новгород, новгородской верхушке – волости. Расследования царя подтвердили этот факт. Состоялся суд боярской Думы. Улики были неопровержимы: договор изменников с их подписями находился в руках у Иоанна. И бояре, и сам князь Владимир Старицкий, постаравшийся отмежеваться от заговора, признали мятежников виновными. Только после решения боярской Думы, олицетворяя законную власть, царь покарал виновных, и народ, при этом, был на его стороне. Иоанн «выводил осужденных на площадь и спрашивал у народа, верно ли он делает, что казнит своих изменников. Народ отвечал криками одобрения: «Живи, преблагодая царь! Ты хорошо делаешь, что наказуешь изменников по делам их!».

Заговор был ликвидирован, но Новгород не успокоился. Там, во главе его встал архиепископ Пимен. Царь Иоанн вошел в Новгород во главе армии. Знатные горожане, те, которые подписали договор с Сигизмундом и новгородцы, восставшие против царя, были арестованы. Суд приговорил их к смертной казни. Профессор Скрынников документально подтверждает цифру казненных зачинщиков заговора. Их было 1505 человек. Видимо этой цифре следует верить, так как именно это число совпадает со списком, переданным Иоанном в Кирилло-Белозерский монастырь для их поминовения. Но откуда взялись 10 тысяч убиенных, о коих развонил по всему миру

Запад? Почему опустела земля новгородская после посещения ее царем московским. Да все очень просто. На Русь обрушилась чума. Особенно пострадал от нее Новгород. Дошла она и до Москвы. В самой Москве¹ умирало по 600 человек в день. Излишне говорить, что Западу было выгодно использовать это несчастье в своих интересах, чтобы показать всем ложную лютую агрессию, исходящую из России.

Достаточно знать только об этом заговоре, чтобы полностью снять с царя Иоанна клеймо жестокости. В этом случае ему лучше подходит звание «Справедливого» царя, поскольку его стараниями каждый получил то, что заслужил.

А что такое всех напугавшая «опричнина»? Испуг сей дошел и до наших современников. Это не что иное, как попытка царя освободиться от инакомыслящих сил (в основном из среды бояр и богатой знати), мешающих развитию страны, от изменников, пытающихся сдать Русь Западу. Это обеспечение безопасности самого царя в условиях поголовного отравления неугодных лиц (были отравлены: великая княгиня Елена – мать царя Иоанна, царица Анастасия, царица Мария, сын царя Иоанн и многие другие). Это вынужденная мера, позволившая царю взять бразды правления государством в собственные руки. Да, опричнина привела страну к кровавым разборкам, но если бы не было ее, не состоялась бы и Россия. Во времена Иоанна Васильевича многие пограничные страны готовы были растащить ее по своим вотчинам, а большинство бояр склонны были этому способствовать. Только энергичные меры царя позволили сохранить ее государственность.

Интересно рассмотреть ряд утверждений по части «деспота» Грозного, высказанные западными «очевидцами».

Некий Генрих Штаден из герцогства Вестфалии, современник Иоанна Васильевича, оставил после себя записки о царе московском. Из них явствует, что этот проходимец в Москву попал с умыслом. В этих записках он предлагал императору Священной Рим-

ской империи Рудольфу «Проект завоевания Руси»: «Ваше римско-кесарское величество должны назначить одного из братьев Вашего величества в качестве государя, который взял бы эту страну и управлял бы ею. (...) Монастыри и церкви должны быть закрыты. Города и деревни должны стать добычей воинских людей». Но это не столь важно. Мы это «проходили» много раз. Главное другое – записки эти содержали лживые выводы, и автор выступал в них как свидетель «умерщвления и убийства», о «грабежах Великого князя», «опричных истязательствах». Он даже умудрился самого себя объявить опричником и одним из первых помощников царя. Но и это понятно – что можно ожидать от авантюриста. Однако удивляет то, что подобным нелепостям верят наши люди и в их представлениях легенда о царе Иоанне приобретает реальные черты. Этого и добивается Запад. Историки, основываясь на записках германского шпиона Штадена, сообщают, что в исполнении решения суда казнили: Челяднина-Федорова, Ивана Куракина-Булгачова и князей Ростовских. Перед казнью их, якобы, жестоко пытали. Но достоверно известно, что князь Иван Куракин, второй по важности участник заговора, остался жив и, более того, спустя 10 лет, занимал пост воеводы латвийского города Вендена.

А как историк и богослов Одерборн², не участвуя в событиях, не присутствуя при «оргии» Иоанна в немецкой слободе, сидя в Германии мог сочинить пасквиль на царя Иоанна? Им руководила только неприязнь, какую он испытывал к русскому царю и желание убедить Запад в дикости русского народа. В своем трактате он писал, что сыновья Иоанна вместе со своим отцом «ворвались в мирно спящую слободу, убивали невинных жителей, насиловали женщин, отрезали языки, вырывали ногти, протыкали людей добела раскаленными копьями, жгли, топили и грабили». Все это царь совершал, якобы, за то, что жители этой слободы свободно продавали мед, спиртные напитки по высокой цене, по своей сути, грабя русский народ.

² Павел Одерборн (ум. в 1604 году) – историк и богослов, родом из Померании, пастор в Риге, придворный проповедник Фридриха Курляндского.

¹ 1569 г.

Совсем иначе трактует это событие француз Жак Маржерет, проживший много лет в России. Он писал, что ливонцы, несмотря на свое положение пленных, получили от царя Иоанна в Москве два храма и место для проживания. Однако в чужом государстве вести стали себя нагло, не считаясь с существующими законами. Они стали торговать спиртными напитками, что категорически запрещалось на Руси. Узнав, что в немецкой слободе спаивают его подданных, царь встревожился, но беззаконий не допустил, даже оказал снисхождение – ливонцев не заключили пожизненно в тюрьму, как полагалось по закону, а лишь выселили за город и разрешили построить там дома и церковь. Маржерет писал: «И хотя зимой они были изгнаны нагими, в чем мать родила, они не могли винить в этом никого кроме себя, ибо... они вели себя столь высокомерно, их манеры были столь надменны, а их одежды – столь роскошны, что их всех можно было принять за принцев и принцесс... Основной барыш им давало право продавать водку, мед и иные напитки, на чем они наживаются не 10%, а сотню, что покажется невероятным, однако же, это правда».

Схоже описывает эти события немец Генрих Штаден. Он не просто очевидец, но и их участник. Купец утверждает, что царь повелел конфисковать только имущество, но исполнители были сильно возмущены увиденным произволом, потому и применили плеть. Досталось и купцу. Однако, как и Маржерет, он не говорит ни о каких зверствах, якобы происходивших в это время.

Так что же из поступков ливонцев возмутило русского царя? На этот вопрос можно ответить словами иезуита и члена папского посольства Паоло Компани: «Закон запрещает продавать водку публично в харчевнях, так как это способствовало бы распространению пьянства». Таким образом, ливонские переселенцы нарушили закон, действующий на Руси и «стали развращать в своих кабаках русских».

Михалон Литвин, посол Великого княжества Литовского писал: «В Московии нет нигде шинков, и если у какого-нибудь домохозяина найдется хоть капля вина, то весь его

дом разоряется, имение конфискуется, прислуга и соседи, живущие на той же улице, наказываются, а сам хозяин навсегда сажается в тюрьму... Так как москвитяне воздерживаются от пьянства, то города их изобилуют прилежными в разных родах мастерами, которые, посылая нам деревянные чаши... седла, копыя, украшения и различное оружие, грабят у нас золото».

В Эрмитаже демонстрируется запись 12-летнего императора Николая, датированная 17 марта 1808 года. Она гласит: «Царь Иван Васильевич IV был суров и вспыльчив, что дало повод назвать его Грозным. Вместе с этим он был справедливым, храбрым, щедрым в наградах и, особенно, способствовал счастью и развитию страны. Николай».

И еще. Мы уже привыкли к тому, что царя Иоанна IV называют Грозным. Но надо помнить, что никто, в то далекое время, не называл его этим именем. Для всех он был царем Иваном Васильевичем. Прозвище Грозный было присвоено ему западом на основании искаженной информации его правления.

Среди князей и царей Руси пожалуй не было Иоанну Васильевичу равных по части образования, начитанности, умения четко формулировать свои мысли. Вот как оценил академик Дмитрий Лихачев его даровитость: «Смелый новатор, изумительный мастер языка, то гневный, то лирически приподнятый, мастер «кусательного» стиля, всегда принципиальный, всегда «самодержец всея Руси», любивший игру в смирение, изображавший себя обиженным или приниженным, пренебрегавший многими литературными традициями ради единой цели: убедить и высмеять своего противника, – таков Грозный в своих произведениях».

Три с половиной десятилетия Иван IV обладал полнотой власти в Московском государстве. Еще при Великом князе Иване Калите и последующих государях княжество управлялось при помощи разрозненных вотчин. Эту изжившую себя систему он разрушил. Потребовалось царю немало усилий, чтобы держава поменяла направление своего развития. Но новую государственную систему управления страной через земщину он до конца отрабо-

тать не успел. Система, внедренная им на Руси, еще продолжала содержать в себе внутренние противоречия.

Умер Иоанн Васильевич, до конца не претворив в жизнь своих замыслов. Его передовая система обустройства России требовала своего доразвития. Не оставил он после себя и достойного наследника. Все это вместе взятое породило на Руси эпоху «Великой Смуты». Это и явилось огромной трагедией итога его жизни.

Со времен правления русского царя Иоанна Европа до сих пор не успокоилась. Она и сегодня чернит Россию, как делала это в те далекие столетия. Запад продолжает доказывать, что существует два мира: негативный – это Россия – отсталая агрессивная страна, рассадник потенциальной угрозы другим странам в части их захвата, и позитивный – это Запад, состоящий из цивилизованных стран с демократическим порядком. По мнению оголтелой кучки руководителей стран этого «чистенького» Запада, только их государства впитали в себя всю мудрость человечества и в состоянии, овладев чужими землями, обеспечить побежденным народам светлое будущее, в том числе и «немытой дикой России». Как только Россия начинает защищать свои интересы, на Западе сразу поднимают новую волну о «русской угрозе».

Стоит ли к этим словам добавлять что-либо? Думаю, нет.

Теперь представь, дорогой читатель, что прошло несколько столетий и какой-то историк из Европы поднимет архивы, касающиеся нашей России. Он придет в дикий ужас, прочтя все, о чем строчили клеветники, завистники, горе-современники, описывая жизнь нашей Великой державы. Добрая, приветливая и хлебосольная, высокоразвитая справедливая Русь со своим замечательным народом предстанет пред ним агрессивной, варварской, отсталой в своем развитии страной. Но при этом тот же Запад, конечно, не вспомнит, что лишь совсем недавно, по примеру русских он стал пользоваться баней. До этого народ этих стран просто выкабливал грязь со своей кожи. Даже для этой процедуры продавались специальные скребки. А чтобы не слышно

было запаха, разящего от немытого годами тела, применялись всевозможные пахучие средства. В лучшем случае, они изредка меняли на себе нательное белье, но это прерогатива только богатых. Даже во времена Иоанна Васильевича и значительно позже, Запад не имел канализации, и все отбросы жизнедеятельности населения выбрасывались ими же из окон домов прямо на улицу. Когда купцы заморские впервые в своей жизни увидели русские бани, то по прибытии в свою страну, они с ужасом рассказывали всем, как русские издеваются над своими женами и сами над собой. Они-де раздевают их донага, заводят в деревянный дом, наполненный горячим паром, кладут женщин на полати и, несмотря на их визг, хлещут какими-то прутьями все их тело, а затем выбрасывают их же в холодную воду, либо в озеро, либо в речку. И невдомек им было, что от этой парной бани все получают огромное удовольствие, да и визг – от переполняемого восторга.

Но о своем невежестве писать и говорить Запад не будет, стыдно за свое прошлое, зато ушат грязи уж точно выльет на нашу Русь.

Вот примерно то же произошло и с материалами об Иоанне Грозном. К сожалению, даже сами русские по прошествии многих веков поверили в эти жуткие совершенно абсурдные сплетни, изрыгаемые европейскими недоброжелателями.

Нам всем не следует забывать, что Иоанн IV Васильевич Грозный стал первым Помазанником Божиим на Русском Престоле. При венчании его на царство над ним было совершено церковное таинство Миропомазания.

Иоанн IV Грозный, получив в наследство, по факту, одни лишь Московские и Новгородские земли – создал на их основе Россию с ее современными границами и основал как минимум четверть ныне существующих городов.

Опираясь на мнимые источники, даже современные историки, делят деятельность Иоанна Грозного на два периода: «добродетельный» (до 30 лет) и «кроважидный» – до конца дней своих.

«А между тем, это так просто. Не было никаких «периодов», как не было и «тирана

на троне». Был первый русский царь – строивший, как и его многочисленные предки, Русь – Дом Пресвятой Богородицы и считавший себя в этом доме не хозяином, а первым слугой», – так, без затей и понятно для всех, с искренней любовью митрополит Иоанн (Снычев) охарактеризовал деятельность Иоанна Грозного.

Митрополит Иоанн полностью отвергал негативную информацию о царе. Ее он считал плодом «заморской клеветы» иезуита Антония Поссевина, вестфальца Генриха Штадена, англичанина Джерома Корсея и других иностранцев – «авторов политических памфлетов, изображавших Московское государство в самых мрачных красках». Обвинены им и многие крупные русские историки, начиная с Карамзина в том, что они «очернили» образ благочестивого царя и «воспроизводили всю ту мерзость и грязь, которыми обливали Россию заграничные „гости“».

А распространил и утвердил во многих умах эту иезуитскую ложь об убийстве царевича Николай Михайлович Карамзин в IX томе «Истории государства Российского».

Польский историк, писатель и публицист прошлого века К. Ф. Валишевский¹ также подвергал критике предвзятое отношение Карамзина к царю Иоанну.

Митрополит Иоанн Снычев все последние годы последовательно выступал за причисление русского царя Ивана IV Васильевича Грозного к лику святых Русской Православной Церкви.

Иван Васильевич остается для нас умным, умелым и заботливым правителем Руси. Он действительно был «грозным» царем, но только для врагов Руси.

Санкт-Петербург
2017

¹ Казимир Феликсович Валишевский (1849–1935 годы) – историк, писатель. Он более тридцати лет посвятил изучению России. Ученый работал в архивах Парижа, Лондона, Берлина, Вены, а также Петербурга. Его книги были посвящены истории России XVII–XIX веков.

Приложение

Основные даты жизни и царствования Иоанна IV Васильевича

- 1530, VIII, 25 – Рождение Иоанна IV;
1533, XII, 3 – Смерть Василия III;
1537, V, 2 - VI, 1 – Мятеж князя Андрея Ивановича Старицкого;
1538, IV, 3 – Смерть матери Иоанна IV Елены Глинской;
1543, XII, 29 - Казнь князя Андрея Михайловича Шуйского;
1545, IX, 8 – «Урезание языка» Афанасию Бутурлину;
1546, V, 6 – Казнь князя Ивана Кубенского и Воронцовых»;
1547, I, 16 – Венчание Иоанна IV на царство; принятие царского титула;
1547, II, 3 – Женидьба Иоанна IV на Анастасии Романовне Захарьиной;
1547, VI (начало) – Расправа Иоанна IV с представителями псковского посада;
1547, VI, 21 – Великий пожар в Москве;
1547, VI, 26 – Восстание в Москве;
1547, XI - 1548, III – Первый поход на Казань;
1549, XI - 1550, II – Второй поход на Казань;
1550, VI – Принятие Судебника;
1550, VII – Ограничение местничества;
1551, II-V – Стоглавый собор;
1552, VII – Начало последнего похода на Казань;
1552, X, 2 – Взятие Казани. Присоединение Казанского ханства;
1552, X – Рождение у Иоанна IV первенца - царевича Дмитрия;
1553, III – Болезнь Иоанна IV. Споры бояр о престолонаследии;
1553, VI, 26 – Смерть царевича Дмитрия;
1554, III, 28 – Рождение царевича Иоанна Иоанновича;
1555-1556 – Отмена кормлений. Принятие Уложения о службе;
1556, IX – Присоединение Астраханского ханства;
1557, V, 31 – Рождение царевича (будуще-

- го царя) Федора Ивановича;
1558, I – Начало Ливонской войны;
1560, VIII 7 – Смерть царицы Анастасии;
1560 – Падение Избранной рады;
1561, VIII 21 – Женидьба Иоанна IV на Марии (Кученей) Темрюковне;
1563, II, 15 – Взятие Полоцка;
1563, VIII – Опала на князя Владимира Андреевича Старицкого и его мать княгиню Ефросинью;
1564, IV, 30 – Побег князя Андрея Михайловича Курбского в Великое княжество Литовское;
1564, XII, 3 – Отъезд Иоанна IV из Москвы в Александрову слободу;
1565, I, 5 – Учреждение опричнины;
1566, II, – Первые опричные казни - князя Александра Борисовича Горбатого с сыном и других;
1566, VI, 28 – Земский собор в Москве;
1566, VII, 25 – Поставление Филиппа Колычева в митрополиты;
1567, I, 12 – Завершение строительства опричного дворца в Москве;
1568, IX – Казнь Ивана Петровича Федорова;
1568, XI, 4 – Низложение митрополита Филиппа;
1569, IX, 6 – Смерть царицы Марии Темрюковны;
1569, X, 9 – Казнь князя Владимира Андреевича Старицкого и его семьи;
1569, XII, 23 – Убийство Малютой Скуратовым митрополита Филиппа;
1570, I, 6 - II 13 – Опричный погром в Новгороде;
1570, VII, 15 – Массовые казни на Красной площади в Москве;
1571, V, 24 – Сожжение Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем;
1571, X, 28 – Женидьба Иоанна IV на Марфе Васильевне Собакиной;
1571, XI, 13 – Смерть царицы Марфы Собакиной;
1572, IV, 28 – Женидьба Иоанна IV на Анне Алексеевне Колтовской;
1572, VII, 30 – Победа над Девлет-Гиреем в битве при Молодах;
1572, IX – Развод Иоанна IV с царицей Анной Колтовской;
1572, осень - Отмена опричнины;
1574-1575 – Женидьба Иоанна IV на Анне Григорьевне Васильчиковой;
1575, осень -1576, осень – Пребывание Симеона Бекбулатовича на великокняжеском московском престоле;
1576 - 1577 (около) – Смерть царицы Анны Васильчиковой;
1579 - 1580 (около) – Брак Иоанна IV с Василисой Мелентьевой;
1580, IX, 6 – Женидьба Иоанна IV на Марии Федоровне Нагой;
1581, XI, 19 – Смерть царевича Иоанна Иоанновича;
1581 - 1582 (около) – Поход Ермака в Сибирь;
1581, VIII 18 - 1582, II, 4 – Оборона Пскова от войск короля Речи Посполитой Стефана Батория;
1582, I, 15 – Ям-Запольское перемирие России с Речью Посполитой;
1582, X, 19 – Рождение царевича Дмитрия (погиб в Угличе в 1591 г.);
1583, VIII – Плюсское перемирие России со Швецией;
1584, III, 18 – Смерть Иоанна IV.

Анатолий НАЗИРОВ

Сердце нараспашку?

Наш журнал, размышляя о развитии и успехах великой русской литературы, печатает на своих страницах лучшие произведения отечественных авторов и, естественно, отклики на них. Сегодня мы помещаем рецензию профессора, доктора философских наук Анатолия Назирова на недавно вышедший в свет роман публициста Якова Евглевского — «Сердце внаем». Книга была напечатана несколько месяцев назад в петербургском издательстве «Алетейя». Настоятельно советуя всем прочитать это своеобразное сочинение, редакция предоставляет слово искушенному и непредвзятому специалисту.

Так уж повелось в подлунном мире: поэты и писатели первыми обращают взор на новые веяния в культуре, которые становятся затем предметом пристального изучения философов и ученых. В свое время Федор Михайлович Достоевский указал на симптомы некоторых психических расстройств лет за сорок до возникновения психиатрии как оформленной науки.

Что касается романа Якова Евглевского, который я прочитал с большим вниманием и неподдельным интересом, то в нем радуется новизна — раздумья о психосоматике (медицинском «профиле», изучающем психологическое воздействие на соматические, или телесные, недуги), причем в плане трансплантации различных органов. Ведь, скажем, вопрос о том, как отражаются пересадки сердца на человеческой личности, современной науке далеко не ясен, хотя ученые мужи понемногу постигают влияние духовного мира на эндокринную и центральную нервную системы да и на всю соматику (телесность) организма.

Кроме того, автор поднимает комплекс других биоэтических, морально-психологических и социальных проблем. Например, первая жена главного героя Дика Грайса, Элиза, пребывает, думается, в симбиозе (неразрывной

связи) со своей деспотичной матерью, что, по мнению знаменитого немецкого психоаналитика Эриха Фромма, ведет, наряду с прочими отрицательными факторами, к психической деградации современного общества, служа, увы, и источником всевозможных преступлений. Вообще, согласно данным нейрофизиологии, у мужчины, в отличие от женщины, существует асимметрия в функционировании полушарий головного мозга (то есть при логической работе представитель сильного пола отвлекается от эмоций, а при эмоционально-художественной - наоборот, от логики).

Отсутствие этого у прекрасных половин не позволяет им чувствовать предел, за которым поведение мужчины становится нервным, аффективным, взвинченным. Ну, а беспрестанное унижение его в семейном быту (как того же Грайса в первом браке) никогда не проходит бесследно и разрушает мужскую личность. И еще. Помимо прямого убийства, существует, как показано в романе, убийство косвенное и непреднамеренное, но вызывающее, тем не менее, муки совести и порыв к самоубийству. Так, невинной жертвой главного героя становится его вторая жена, Анна - истинная благодетельница, фактически спасшая ему жизнь. Однако скрытая протестность из-за попрания человеческого достоинства, накопившаяся у Грайса в предшествующий период, вырывается наружу после трансплантации сердца и улучшения самочувствия. Катализатором протеста и морально-психологического взрыва вновь выступает женщина, Стелла, чей погибший в автомобильной аварии любовник оказался донором при пересадке Диду Грайсу «телесного мотора».

И весь протестный «взрыв» ущербное под сознание героя направило теперь на вторую жену - ангела-спасителя! - как свидетельницу его слабости и былых унижений. Подобную ситуацию ярко осветил Фридрих Ницше в поэме «Так говорил Заратустра» (глава «Сквер-

нейший»): «последний человек» убивает Бога не только как очевидца его мерзости, но и как «унижающего» его своим состраданием. Дик Грайс Всемогущего Творца, конечно, не убил и убить не мог, но невольно вытоптал в душе искры всего божественного и возвышенного.

В маниакальном стремлении к суициду, которое спровоцировано самоубийством выбросившейся из окна Анны, герой не видит выхода из совокупности печальных житейских обстоятельств, каковые, как утверждал выдающийся русский мыслитель Николай Бердяев, «стягиваются в точку» безысходности. Не замечает он и ценностей, превосходящих ценность земной жизни. И здесь характерна «скромная» авторская цитата: «У интеллигентного человека найдутся и иные выходы. Вам выпала честь стать одним из первых дегустаторов целого медицинского направления», - утешает Грайса сердобольный следователь Гарольд Бланк на допросе в тюремной больнице. - «Эту честь и это первенство, - скорбно парирует грешник-страдалец, - я с удовольствием уступил бы другому. И приплатил бы впридачу». Да, кажется (по сюжету и дета-

лям), будто вокруг - старая добрая Англия. Но это - нарочитый авторский ход. Основное же состоит в том, чтобы проникнуть - пусть на примере чужого народа - в недра общечеловеческой проблематики, увидеть ее планетарное единство, ее «сквозные» боли и радости. Вот почему перед глазами, по сути, не Туманный Альбион, а как бы Россия - вчерашняя, сегодняшняя и чуть-чуть завтрашняя...

В целом роман не только отвечает на запросы нашего нынешнего бытия - он ставит проблемы ближайшего будущего всего человечества. И, хотя на мой взгляд, в тексте есть определенные перегрузки мелким бытописанием, книга безусловно полезна современным людям: она возвращает к извечным темам добра, справедливости и смысла жизни. Богатые художественные приемы литератора - «сжатие» читательского внимания до полной развязки, оригинально-любопытная смена психологических ролей ведущих персонажей, изображение «закадрового» сходства их судеб, позволяющее нам глубже вжиться в ситуацию, - делают чтение увлекательным и захватывающим.

Куда съездим?

Размышления о судьбе Союза писателей России

В канун Нового года первый секретарь Союза писателей России Геннадий Иванов прислал членам правления информационно-поздравительную телеграмму об очередном съезде Союза писателей: «Дату его мы определим в марте на пленуме правления, но сейчас уже понятно, что это будет конец октября – начало ноября. Надо будет до этого провести общие собрания или съезды во всех региональных организациях и выбрать делегатов на съезд. Работа предстоит большая. Сейчас разворачиваются дискуссии по будущему съезду, вообще по судьбе Союза писателей России. Дай Бог, чтоб они были плодотворными и честными. Всем нам хочется, чтобы ситуация поменялась к лучшему. Хотя без государственной поддержки вряд ли это получится...»

Этот очевидный вывод встречает яростное неприятие и либеральных литераторов, и ярых патриотов. Например, излюбленная мысль Светланы Замлековой: капиталистическому государству литература не нужна – ему хватает телевидения. Я уже предвижу её следующую статью в цепи публикаций «ЛГ»: писатели хотят жить у государства за пазухой, ждать подарков от Дедушки Мороза, печататься, как до книжного рынка... Полная чушь и дискредитация – зачем из нас дураков делать? Хотя не лишне напомнить, что государственный заказ был и будет всегда! Пушкин получил 4000 рублей за «Историю Пугачёвского бунта», вышедшую в свет в конце декабря 1834 года. Ещё приступая к изданию «Истории», Пушкин рассчитывал выручить от продажи её 40 000 рублей – астрономическая тогда сумма! – считая, что он продаст книгопродавцам 3000 экземпляров по 13 рублей за экземпляр. Напомним, что в эти годы в среднем одна городская корова стоила 26 рублей (2 экземпляра книги), а корова в слободке – 16 рублей. Так то сам Пу-у-шкин, слышу скептический гул. Ну так и само исследование – не «Евгений Онегин». Да, умно, ясно, исторично, но так

не один Пушкин мог бы написать – допусти литератора к донесениям Суворова и прочим документам.

Однако все государства, включая и не совсем капиталистическую Россию, решают насущные проблемы. Вот президент Путин объявил Год экологии, собрал Госсовет, там были разные предложения – от уничтожения свалок до расширения охранных зон. А почему не говорили о культурной составляющей, о свалке в мировоззрении, о нравственных охранных зонах? А конкретнее – о роли СМИ и федеральной издательской программе? Ведь экология – это воспитание прежде всего, борьба за чистоту помыслов. Экология не только среды, но и души! Русская литература – гимн природе и любящему её человеку. Вот он, прямой государственный заказ! Ни сигнальщика из Кремля, из Роспечати. Но ведь и литераторы, увы, не предложили своей программы достижения гармонии человека и природы. По идее, именно такая программа и должна была давно от нас поступить во все инстанции, доказать свою состоятельность: ведь о Годе экологии было известно за год – Путин заранее объявил, чтобы никто даже не помыслил предложить Год русской революции! Даже отзвука революционных преобразований бояться как огня. Вот и наш съезд, боюсь, станет «экологическим».

Вообще, есть две линии в работе Союза писателей: чисто творческая, товарищеская – с обсуждениями, заседаниями, праздниками, встречами, Днями литературы (и тут – СП, лично Валерием Ганичевым и секретариатом очень много делалось по мере сил и возможностей), а другая – как раз общественная, державная, политическая, если хотите, – с возрождением роли писателя, гражданскими акциями, воспитанием молодого поколения, выстраиванием литературного процесса, осуществлением межреспубликанских и международных связей и культурным влиянием на

политические процессы. Тут все оппоненты вскричат в один голос: да что вы хотите от общественной организации? А разве ОНФ – не общественная организация? Да, конечно, Фронт курирует лично Путин. А разве литература, как Историческое или Географическое общество, не может найти высоко-го государственного куратора-покровителя? У нас сановники, начиная с графа Уварова, грандиозный Исторический музей создавали без всякого социализма, но у них был – Иван Забелин! Союзу писателей России помогал патриарх Алексей II, помогает патриарх Кирилл, находились и другие высокие церковные покровители, но и тут произошёл тоже какой-то сбой. Он, конечно, предопределён куцей Конституцией с запретом на идеоло-

гию. В ней, танковой и либеральной, – корень всех духовных бед и моральных крушений. Но ведь не зря во всех аналитических ток-шоу звучит всё настойчивее вопрос: что мы строим, какова картина будущего, есть ли у России национальная идея? Да, не первый год звучат настойчивые вопросы, но эхо их усиливает война на Ближнем Востоке и у нашего порога, все тектонические сдвиги в США и Европе. Не ответит государство и президент – тогда и Союза писателей не надо будет. И любимого детища Путина ОНФ – тоже!

Александр Бобров

Газета «Завтра»

2017. № 4 (1208). Стр. 6

Быть профессионалом может не каждый...

На протяжении семи лет (с января 2009 по февраль 2016 года) Новгородское региональное отделение общероссийской общественной организации «Союз писателей России» стабильно работало. За это время его ряды пополнились молодыми членами Союза. Писатели, поэты и литераторы успешно публиковались в ежегодных контрактных изданиях Новгородской писательской организации: альманахе «Вече», поэтическом сборнике «Все поэты Новгородской области». С января 2012 года дополнительно к этим изданиям при меценатской помощи Рослякова А.Е. стал выходить журнал «Новгород литературный». Ежегодно организовывались и проводились фестивали, конкурсы, творческие вечера, выходили коллективные сборники членов ЛитО, клубов, литературных гостиных Великого Новгорода и Новгородской области. Во главе стояли и стоят руководители – члены Союза писателей России.

Усилиями коллектива НРОООО «Союз писателей России» учреждены и ежегодно проводятся литературные чтения: Кочетовские, Ганичевские, Симаковские. Учреждены чтения, посвященные З. Гиппиус и Дм. Мережковскому. Мы постоянно участвуем и в других чтениях: Балашовских, Романовских, Русаковских, Хлебниковских, Сологубовских, Достоевских, Меньшиковских...

Наш коллектив связывала и связывает сегодня творческая дружба с другими писательскими сообществами не только в Северо-Западном регионе, но и за его пределами. Мы сотрудничаем с писателями г. г. Санкт-Петербурга (Российский Межрегиональный Союз писателей (РМСП), городской СП, Многонациональный Санкт-Петербург), Мурманска. С Республиками: Карелия, Мордовия, Саха - Якутия. В их изданиях, в свою очередь, были представлены наши авторы. Наравне с членами СП России участие в наших мероприятиях и собраниях принимали и принимают писатели и поэты Российского Межрегионального Союза писателей. Мы никогда не считались, кто и в каком состоит союзе.

Решениями общих отчетных собраний за этот период работа правления признавалась с оценкой «отлично». Иного быть не могло. Коллектив работал в одной упряжке, за исключением некоторых личностей, случайных людей в Союзе. Бог им судья. Что удивительно, за прошедшие семь лет моего председательства никто из членов СП России, принятых в Союз за этот период времени, не выпячивался вперед. Слабина, данная после моего ухода с поста, развязала некоторым случайным в Союзе литераторам руки. А зря... Хочется им напомнить, что дорогу в Союз им всем проложил я. Возможно, прозвучит нескромно, но считаю себя крестным отцом всех молодых членов СП. Ведь одну из трех необходимых для вступления в Союз рекомендаций давал я. Мне дорог каждый. Естественно, я не могу поступить так, как описано в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»: «Я тебя породил, я тебя и...». Но и пальцы в рот класть себе не позволю. Вы знаете мой характер, мои способности и возможности. Я люблю справедливость, обязательность, исполнительность. Мы очень многое сделали с вами за эти годы в истории НРОООО «СП России». Нам есть что сказать, представить своему читателю. Я горжусь вами и этим периодом времени. Он был самым лучшим в моей долгой жизни. Без вас я был бы ничем, как и вы без моей помощи. Вместе мы – сила. Вот эту сплоченность, дружбу без нанесения личных обид и хотелось бы сохранить в наших с вами сердцах. Кляузы – удел писак, но никак не писателей.

Среди нас нет профессионалов. У каждого из нас есть или был другой основной вид деятельности. Но любовь к литературе, к русскому языку нас объединила, сплотила. И уверен, что именно любовь победит все невзгоды. Кому-то придется при этом уйти в сторону, найти для себя другое занятие. Постоянного в этом мире нет ничего. Одни приходят – другие уходят.

2016 год – Год обезьяны – принес для многих писателей, поэтов и литераторов разочарование. С февраля сменилось руководство.

Во главе организации появился человек не литературных дарований. Вместо того чтобы продолжать былые начинания, строить с коллективом литературную жизнь по-новому, он стал ее рушить. Коллектив, во главе с правлением, вовремя остановил самоуправство самовыдвиженца, выразил ему на общем собрании недоверие к работе. Обвалывшегося в грязи строителя на последнем собрании отпустили с богом, по собственному заявлению. Что ему это дало, непонятно. Именно на этом собрании 2 июля 2016 года, возможно по сговору, он решил отомстить ставшему ему врагом Раевскому Е.П., члену СП России, члену правления НРОООО «Союз писателей России», председателю правления РМСП, президенту АРСИИ им. Г.Р. Державина. Отомстить не своими руками. Так, вначале на собрании появились оскорбительные высказывания двух членов союза в адрес Раевского Е.П., а затем на сайте интернет-газеты «Ваши новости» (Главный редактор Лаврова О.Н.) и в официальной группе Новгородского отделения Союза писателей России «ВКонтакте» (vk.com/spr53) – статьи 15-летней давности борьбы Б. Орлова и его лизоблюдов с тем же Раевским Е.П. Прежде чем встать на ту или иную сторону противоборствующих сторон, хочу заявить, что я ни под чье влияние не подпадал. Имея высшее образование по идеологической работе с кадрами, я в силах сам привлечь на свою сторону любого из соратников. Прекрасные слова прозвучали из уст В. Познера в телевизионной передаче 04.07.2016 г.: «Настоящий журналист всегда во всем должен сомневаться, докапываться до истины. Необоснованный материал бьет по самому журналисту...».

Докопалась ли до истины в своих суждениях главный редактор интернет-газеты «Ваши новости» Лаврова О.Н., судить вам, уважаемые читатели. Вам судить и о ее грамотности (в тексте статьи имеются орфографические и пунктуационные ошибки. А может, она торопилась выложить читателям сногшибательные новости? Ее личного материала мы не увидели.

Исследовав некоторые аспекты в создании Союза и Академии, которые возглавляет Раевский Е.П., тесно сотрудничая с ним лич-

но и с коллективом вышеуказанных общественных организаций, я пришел к выводу, что Раевский Е.П. уважаем многими достойными людьми, он известный человек и многим знаменит.

У истоков создания и возрождения РМСП и Академии (АРСИИ) после развала Советского Союза стояли известные в литературных (и не только) кругах люди: Д. Кугульдинов, Р. Гамзатов, С. Михалков, Ю. Бондарев, Г. Вишневская, М. Ростропович, П. Проскурин и другие. Их связи и денежные средства позволили в короткое время в смутные годы создать Российский Межрегиональный Союз писателей, возродить Академию русской словесности и изящных искусств имени Г.Р. Державина.

Возглавить эти организации они доверили делегату III съезда писателей (г. Москва), члену исполкома Международного сообщества писательских союзов (МСПС), известному уже в те времена поэту, телеведущему и (сегодня) общественному деятелю Раевскому Евгению Павловичу.

Назначению на эти посты Раевского Е.П. помогли: его стаж литературной деятельности, заслуги в создании значимых поэтических произведений, связи с И. Тальковым, И. Бродским, В. Высоцким, С. Довлатовым и многими другими известными людьми. К тому же Раевский Е.П. имел государственные награды: «50 лет Вооруженных Сил СССР», «За воинскую доблесть», «За доблестный труд», являлся участником событий на острове Даманский (1964 г.).

Членами РМСП являлись и являются: Ю. Кукин, П. Проскурин, Г. Горбовский, С. Брунман, С. Макаров, Н. Сумароков и многие, многие другие. В АРСИИ им. Г.Р. Державина избраны и стоят на учёте многие известные люди России. В этих общественных организациях немало наших земляков, новгородцев.

Естественно, члены этих общественных организаций награждались и награждаются учрежденными ими наградами (см. сайт АРСИИ им. Г.Р. Державина). В числе награжденных были и вышеупомянутые писатели, поэты, известные работники культуры, врачи и т.д.

Награды вручались и вручаются из раз-

личных ведомств на законных основаниях. (Интернет-магазин располагает подобными наградами, но связи упомянутых выше общественных организаций с ним нет.) И, что удивительно, в удостоверениях к медалям, орденам, утвержденным и выдаваемым исполкомом МСПС, подписей Раевского Е.П. нет. Они идут за подписями Ю. Бондарева (председателя правления МСПС), В.А. Бунина (председателя наградного комитета «Честь и мужество», генерал-майора), В.Л. Говорова (председателя Российского комитета ветеранов войны и военной службы, генерала армии, Министерство обороны России). По ходатайству исполкома МСПС выдаются и другие награды. И только академические награды, учрежденные решением президиума академии за № 2 от 26 декабря 2003 года, идут за подписью президента указанной академии – Раевского Е.П. Честь и хвала Академии в таких начинаниях!

Таких наград за достижения в литературе удостоены не только значимые новгородские писатели, поэты, члены ЛитО. Ими награждены многие известные российские деятели в области литературы, искусства, науки, кино. И, что главное, не за деньги. Расходы берет на себя Академия. У каждой общественной организации есть Устав, предусмотрен разовый вступительный и годовой членские взносы. У Академии нет годовых членских взносов. Она существует на меценатские пожертвования и помощь самих членов. Уверен, не каждый человек способен возглавлять две такие общественные организации. Находить со всеми общий язык, умудряться выкраивать время на общение, на увеличение сферы деятельности... Раевский Е.П. – неординарный человек. Имеет свой характер, сильную волю, подход к людям, сдержанность. Не зря он занесен в Международную энциклопедию «Кто есть кто в России», в энциклопедию «Знаменитые люди Санкт-Петербурга», в справочник Консультативного совета по интеллектуальной собственности РФ и другие справочные издания. Снимался в кино в роли высокого чина морского офицера.

Советская власть знала, кого возвышать, кого ставить на место. Закулисные войны су-

ществовали и в те времена, но на обсуждение народа «их грязь» не выставлялась. После развала Советского Союза многие литераторы, писатели, журналисты бросились создавать свои вотчины, где становились удельными князьками. (Пример тому интернет-газета «Ваши новости».)

Санкт-Петербург, являясь Северной столицей России-матушки, огромный по величине и численности населения город, не сумел вместить в себя всех литературных рвачей. Карабкаясь по головам к высотам, стараясь захватить всевозможные посты правдами и неправдами, отставной морской офицер Б.А. Орлов хотел видеть только себя красивого на высотах литературного олимпа. Именно с времен 15-летней давности он начинает вести тайную борьбу за сферу влияния в литературных кругах с Раевским Е.П., Макаровым С.Г., Романовым А.В., Скворцовым В.С. Известность он захватить хотел не своими руками, а подручными холуями, которые во всем себя скомпрометировали и были в противостоянии с вышеуказанными людьми.

Он умело ими руководил, обещая прием в Союз и не гнушаясь другими обещаниями. Из-под рук самого Орлова Б.А. и его лизоблюдов – Чепика Г.С., Сахарюка И.И., Судовского В.С. – выходило большое количество оскорбительных публикаций, писем в организации, комитеты, силовые структуры, издавались книжонки-брошюры на негодных ему лиц. Даже на меня Г.С. Чепик писал кляузу по указке Орлова Б.А. губернатору Новгородской области. Большой негатив был направлен на Раевского Е.П. Орлов Б.А. дошел до такой низости, что писал несовершеннолетним детям Раевского Е.П. письмо с угрозой, что посадят их отца. Борьба затянулась на долгие годы, в нее втягивались и другие товарищи по несчастью. Отступая от темы, хочу сказать, что в провинциальных городах таких противостояний нет. Они есть только в крупных городах областей, в мегаполисах.

Кто же такие Орлов Б.А. и его подручные? Исследовав их публикации в СМИ, в журналах, брошюрах и книгах, представляю их фотографии и короткие автобиографические заслуги.

Орлов Борис Александрович – литературное ничтожество, плохо говорящее по-русски, но по непонятным причинам избранное председателем правления Санкт-Петербургского отделения

Союза писателей России. Потеряв клановую монополию на распоряжение писательскими судьбами, стал всячески оклеветывать Российский Межрегиональный Союз писателей и его руководство. Организовал ряд публикаций в «желтой» прессе, угрожал судебной и несудебной расправой авторам РМСП, высказывая заведомо ложные сведения, граничащие с бредом.

Чепик Георгий Степанович – подполковник таможенной и медицинской службы, двадцать лет как в отставке, но и по сей день не может расстаться с военной формой. Некоторое время руководил секцией прозы, публицистики, критики и литературоведения РМСП. К писательскому труду имеет сомнительное отношение, «прославился» публикацией в «желтой» прессе заказных статей против Е.П. Раевского. На свои деньги издает клеветническую литературу о РМСП. Был исключен из Союза писателей за систематическое пьянство, антисемитизм, присвоение членских взносов писателей и развал работы в Кингисеппском отделении РМСП.

Что удивительно, первоначальный материал о Раевском Е.П. как о поэте писался Г.С. Чепиком в розовом цвете (см.: Чепик Г. Любовь делает его непобедимым // Новгород литературный. 2016. № 2. С. 161). (Статья написана в 2000 году.) В этом же номере главный редактор журнала «Невский альманах» Скворцов В.С. пишет о творчестве самого Орлова Б.А. (Скворцов В.С. Так рождаются легенды... со слов «героя» // Новгород литературный. 2016. № 2. С. 159).

Г-н Чепик Г.С. в последующих своих статьях и письмах пишет о Раевском Е.П. совсем иначе. Это дает право судить о нем как о человеке неадекватном, впадающим в старческий

маразм в своей жизни. Поднимая ранние публикации в газете «Литературная Россия», в журналах «Невский альманах», «Новгород литературный», «На русских просторах», можно понять, кто стоит за всей этой сварой.

Сахарюк Игорь Иванович – телемастер. Единогласно исключен из членов РМСП за срыв выпуска средств массовой информации Союза писателей и злостную неплату членских взносов. За-регистрировавшись на интернет-порталах под различными именами, создал имитацию обсуждения деятельности и творчества руководства РМСП, которая носит болезненно клеветнический характер.

Судовский Вячеслав Стефанович – пенсионер, выдающий себя за прокурора, банкира, депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга и т.д. После позорного исключения за обман из Союза писателей и Академии русской словесности и изящных искусств им. Г.Р. Державина стал личным холуем Б.А. Орлова. Пытаясь отомстить руководству РМСП и Академии, пишет в различные инстанции доносы, содержащие несусветную чушь о деятельности исключивших его организаций. Сам выставлял себя на всеобщее осмеяние.

Так и хочется им сказать: «Угомонитесь, успокойтесь, прекратите обливать грязью друг друга...». Воры и мошенники давно сидят в тюрьме. Их среди нас нет.

Безусловно, пройдут годы, уйдут из жизни поочередно участники этих споров. Историки и краеведы начнут исследовать уже нашу жизнь и установят каждому точный диагноз.

А.Н. Молоканов

Первый значимый росток проклюнулся в «Нов-пис-орг» за полугодие (Литературное обозрение)

*И я там был,
И видел все,
И слышал...*

Автор

Действительно значимым мероприятием в истории Новгородской писательской организации стало проведение 26 февраля 2017 года в Областной научной универсальной библиотеке презентации поэтического сборника «Все поэты Новгородской области 2016».

Это мероприятие является первым ростком нового руководителя организации, Петровой С.В., где наконец-то она вспомнила о подсказке, о назначении писательской организации, которое записано в свидетельстве регистрации НРОООО «СП России» в Минюсте РФ по Новгородской области, – «Продвижение творчества новгородских писателей».

Отрадно, что сборник выпущен к 50-летию Новгородского регионального отделения Союза писателей России. (Здесь хочется заметить, что слово «Союза» в учредительных документах мы нигде не найдем. Необходимо знать и правильно произносить и писать, полностью или сокращенно, «Союз»... Для познаний надо больше работать руководителю с документами, во избежание таковых «ляпов».)

Изменённый в 2016 году фон обложки сборника, похожий на «Ювенильное море» (выпуск II, 2009 г.), в который включена поэзия членов ЛитО им. В. Кулагина, действительно освежил его, в отличие от ранее выпускаемых, сереньких, но приятных для рук. Жаль, что ушел в былое рисунок с дизайна обложки прежних изданий члена СП России, художника Будницкого Б.Л. Картина художника А. Варенцова не совсем вписывается в издание новгородских поэтов и выражает неуважение к близким нам людям, землякам. Посмотрим, каким выйдет с опозданием, в начале апреля вместо декабря, по договору альманах «Вече». Сохранится ли в нём дизайн обложки Ю.Е. Гусева и логотип «Вече», эмблема на последней странице обложки А.Н. Дерябкина?

Оставим обиды. 26 февраля – «День про-

щения», когда надо прощать всем друг друга. Я придерживаюсь этого мнения. Но открывая первую страницу поэтического сборника, я не вижу, где было бы сказано, что он выпущен к 50-летию Новгородской областной писательской организации (21 сентября 1967 г.), хотя об этом говорила всем собравшимся на презентации сборника только афиша во всю стену посредством проектора. Считаю, что рано ещё говорить о принадлежности сборника к юбилею. Впереди очередной, 9-й, юбилейный сборник 2017 года.

Рад, что вторая страница поэтического сборника практически целиком продублирована из ранее выпущенных сборников. Даже ISBN5-75530-045-3 остался прежним. Приобрести его за отпущенные на издание средства составители не додумались. Уверен – и альманах «Вече» выйдет с этим же, старым, использованным ISBN5-75530-045-3, который я лично приобретал в 2010 году для своей книги. Это – нарушение.

Слабое по содержанию обращение к «Дорогим читателям», к которому, как видно, редколлегия никакого отношения не имеет. Оно не раскрывает всех значимых достижений Новгородской писательской организации за последние годы ее существования. Обидно! Их было очень много, где за каждым мероприятием (праздником) стоят наши члены Союза. Хотелось бы и в этих ежегодных сборниках донести до читателя наши достижения, их имена. А они ни в какой «чемодан» не поместятся. Историю «своего дома», своей организации, надо любить, уважать, гордиться достижениями, людьми, которые все это создали. Для этого надо время. Надеюсь, что все же найдется у новых правителей на эти заботы и время, и желание.

Не в укор, а в назидание хочется передать свой многолетний опыт руководителя молодому поколению, руководителям, которым я уступил лыжню. Быть более внимательными

при составлении бумаг (истории). Для примера хочется вернуться к прекрасному нашему поэтическому сборнику, который стал выпускаться с 2009 года, со времени моего начала председательства. Поддерживаю и лично присоединяюсь к благодарности руководителям Департамента культуры и туризма Новгородской области, Областной научной университетской библиотеки в продвижении издания этих сборников и их финансирования.

В обращении к «Дорогим читателям» пишется: «...Перед составителями не стояла задача выбрать только самых лучших и сильных авторов», – пишет кто-то из составителей за редколлегию. (Я – член редколлегии, и не помню обсуждения такого вопроса. За нас кто-то на свой вкус все это решал). А «ВКонтакте» пришло сообщение под заголовком: «Презентация сборника “Все поэты Новгородской области” превратилась в музыкально-поэтический марафон... По словам председателя Новгородского отделения Союза писателей России С.В. Петровой-Амбросовской, при составлении книги редколлегией отбирались лучшие авторские стихи, что позволило создать максимально полную картину поэтической жизни в Новгородской области».

Нет единого мнения в этих высказываниях: «...не стояла задача выбрать самых сильных и лучших» и «...при составлении книги редколлегией отбирались лучшие авторские стихи...» (Я как член редколлегии в этих отборах и мнениях не участвовал.)

Как член редколлегии могу констатировать только то, что представленная многими членами союзов (СП России и РМСП), членами ЛитО поэзия оставляет желать лучшего. И если это – лучшие авторские стихи, то лучше об этом умалчивать, иметь скромность. Сочинительство многих, до членов СП, можно разбить в пух и прах. (Такое стихоплетство называется – графоманией.)

Но не будем о плохом... Время рассудит кто есть кто. «Век живи и век учись», – говорит русская поговорка. Может быть, со временем, многие из наших членов и научатся что-то слагать по правилам стихосложения, по использованию правил русского языка... Разберутся в себе, определятся, чем заниматься в жизни дальше, в чем чувствуешь себя сильным, чтобы за зря не мараить бумагу. Это – многим в назидание.

Удивил, не скрываю своего мнения, раздел

«Наши современники», где в чехарде перепуталась часть членов Союза с людьми ниоткуда. Непонятным образом, по каким критериям отбирали составители сборника авторов этого раздела? Члены ЛитО, Виноградова М.И. (г. Боровичи), Князев Г.Ю. (НовГУ) должны быть в литературных объединениях, которые здесь почему-то не представлены. Их уровень очень низок. Женя Пряничников, исключенный из Российского Межрегионального союза писателей за неуплату годовых членских взносов и за потерю связи с союзом, написавший за свою короткую юношескую жизнь 25 стихов, представлен двумя «шедеврами». Он в своей автобиографии, стесняясь своей национальности, в графе национальность всегда писал: «россиянин». Если б я только был евреем! Я гордился бы своим происхождением, своими корнями, не пытался бы прятаться в толпе россиян! А здесь ему повезло, как и Роману Пятакову, которого у нас в Союзе и близко никто никогда не видел. В автобиографиях о них сказано очень мало.

Удивительно мал список представленных литературных объединений в этом сборнике, только шесть. Под крылом НРООО «СП России» находилось всегда 22 ЛитО. 90% их руководителей являются членами Союза писателей России. (Так было задумано мною с 2009 года.) Где сегодня эти ЛитО и их члены, их руководители? Где представлено главное ЛитО им. В. Кулагина при Союзе писателей? О нём разговор будет особый в последующих моих статьях. Открою секрет: его нет, оно уничтожено.

Один из руководителей, Полевилов М.П., руководитель старейшего в г. Боровичи Литературного объединения при газете «Красная искра» (90 лет), не представил ни одного его члена, себя не забыл воткнуть. А их, попросту, и не стало. Он развалил Лито. Они все разбежались в «Свечу», которая здесь представлена в числе 6-ти ЛитО, и в салон «Муза», члены которого почему-то не включены в этот сборник.

Не понятен мотив подхода составителей сборника к некоторым людям, к их творчеству. Творчество Полевилова М.П. было разложено «на лопатки» в журнале №3(19) 2016 года «Новгород литературный». Пропиаривший себя в качестве редактора в коллективных сборниках, незаконно влезший в правку творческого наследия Е.Е. Русакова, не понесший

за это никакого наказания, не уважающий, а может, не понимающий творчества «Председателя земного шара» Велимира Хлебникова, он не забыл представить себя любимого в этом сборнике аж пятью стихами, но не совсем своими, а написанными в жанре пародий на других известных состоявшихся поэтов. Ему уже стыдно где либо опубликовать свою несуряцицу. Легче перефразировать поэзию друзей и быть как бы в «куче» со всеми. Сегодня, на презентации, его с нами нет. В последней своей пародии «Диагноз» на стихи прекраснейшей поэтессы Марины Паскуль (Григорьевой) Полевилов М.П., не понимая сути ее произведения, в очередной раз доказал свою несостоятельность как пиита. Пора бы остановиться, не трогать уже творчество М. Паскуль. Не доводить женщину до слез. В последнем казусе, осознав свою оплошность, он предлагал компромисс...

Безусловно, исследуя поэтический сборник «Все поэты Новгородской области» 2016, можно высказать много лестного, как в адрес отдельных членов Союза, так и в адрес творческих литературных объединений, чего нельзя сказать в адрес его составителей.

Прекрасно представили свою 25-летнюю историю ЛитО «Лири» (г. Пестово), руководитель его, член СП России, Заслуженный работник культуры – Ефимова А.А., художественный его руководитель, двукратный победитель (1991 и 1999 гг.) областных конкурсов «Учитель года» – Зайцев В.А. Фотодокументы, банеры вышедших за этот период коллективных и авторских книг, чтение стихов – всё говорило о прекрасной творческой работе этого коллектива. Им можно пожелать дальнейших творческих успехов!

Отлично заявил о себе клуб «Свеча», которому 9 лет, под крылом которого собираются практически все боровичане – члены Союза и ЛитО. Даже Полевилов М.П., оставленный в одиночестве в ЛитО при газете «Красная искра», не раз промелькнул на общих снимках клуба. Руководитель клуба «Свеча» Булгакова М.А. лучше других сумела объединить любителей поэзии, и не только, в г. Боровичи. Успехов им несказанных!

Не отстали от всех, но ужатые во времени (организаторы мероприятия сценария не писали), представили свои клубы близнецы «Вдохновение» (пос. Кулотино Окуловского р-на и г. Великий Новгород, творческий клуб

любителей поэзии при областном Совете ветеранов ОВД и внутренних войск Новгородской области). Их руководители, член СП России Щербаков Г.В. и член РМСП Титова М.З., сумели представить свои коллективы в рамках презентации вышеуказанного поэтического сборника. (Щербаков Г.В., правда, отсутствовала. Клуб представлял другой его участник.)

Порадовали своими выступлениями члены Союза писателей. М. Паскуль получила шквал оваций за чтение своих стихов в сопровождении музыки. Надежда Семёнова, представляя ЛитО «Живой мост» (г. Старая Русса) за руководителя Кузьмина А.Н., подвела жирную черту своим профессиональным исполнением песни на собственные стихи. Песня «Новгородская Земля» вызвала бурю оваций. В свою песню Семенова Н.В. действительно сумела вместить и историю края, и безграничную любовь населения к нему, и гордость на радость потомкам.

Немного ранее прекрасно выступил Евдокимов Д.Н., исполняя на гитаре песни «Память» и «Горе», которые были призерами в конкурсе «Чемодан стихов».

Горько об этом вспоминать, но я чувствовал глубокую обиду за Дмитрия, которого при представлении Петрова С.В. обозвала: «... Почти член СП России, принятый на общем собрании 17 декабря 2016 года...», и что-то при этом добавила о Москве.

Здесь хочется пояснить для несведущих и для самой Петровой: зачем втирать людям в глаза неправду? Дмитрий никакой не «почти»... Собрание от 17 декабря 2016 года, где в «Разном» повестки дня рассматривался прием в члены СП России 2-х человек, Дмитрия Евдокимова и Сергея Журавлева, нелегитимно. К тому же, к собранию и на сегодня документы на них Петровой не оформлены. «Не говори гоп...» – звучат слова в русской поговорке.

Кто-то поверил в произнесенные ею слова на презентации сборника. Кто-то их пропустил в безразличии мимо ушей, устав от затянувшейся по времени (более 3-х часов) презентации.

Я радовался, по-своему, одному: что люди, по сути – все крестники мои, сумели пообещать, представить как в сборнике, так и наяву свое творчество. Что наконец-то с июля 2016 года мы все увидели первый росток личной деятельности нашего председателя. Пусть

неудачного во многих вопросах и замечаниях, но видимого не в проектах и замечаниях, а наяву, на деле. Отрадно, что все авторы, и даже я, как член редколлегии, получили авторские экземпляры этого сборника.

В напутствие. На обращение Петровой С.В. к членам Союза и всем присутствующим по сбору средств на издание обобщающего поэтического сборника, наследия творчества Иванова С.В., могу выразить свое мнение. Я не стал бы собирать по крохам средства с членов Союза на предполагаемое издание, приблизительно в 50 тысяч рублей, а провел бы более существенную работу по выполнению принятого (кем?) решения. Ходил бы по предприятиям, предпринимателям и другим спонсорам, меценатам, благотворителям с «протянутой рукой». Мой опыт 2015 года, когда было собрано на счет организации около 175 тысяч рублей, доказал, что у нас есть люди, любящие литературу, свой край, свою Родину.

Примером является поквартальный выпуск журнала «Новгород литературный», где с января 2012 года по настоящее время меценат и благотворитель, человек с большой буквы и именем, Росляков Александр Евгеньевич, оплачивает расходы на его издание. Не ленись, госпожа председатель, идти в люди! С народом – наша сила и процветание! При этом не забывай, что время забрало у нас не только Сергея Владимировича, которого, как вы говорили, прощаясь, узнали совсем недавно, но, видимо, не со всех сторон. Годами ранее ушел от нас из жизни Станислав Германович Десятков, которому так же необходимо издать неопубликованные при жизни произведения. Семью годами раньше (20.12.2010 г.) ушла из жизни В.А. Клебанова (Ситникова), руководившая от дня создания ЛитО им. В. Кулагина, взрастившая многих наших членов Союза. Хотелось бы опубликовать наследие и многих других товарищей по перу. Отвергнутый НРОООО «СП России» журнал «Новгород литературный» на своих страницах в рубрику «Наследие» постоянно включает произведения вышеупомянутых товарищей. А у вас в этом сборнике почему-то не нашлось места для «Наследия». Познакомьтесь с архивом писательской организации и ее историей можно и в офисе, и в краеведческом отделе Областной научной универсальной библиотеки, и в Государственном архиве новейшей истории Новгородской области. Для этого надо немно-

го – время и желание. А кому вперед издать «Наследие», может определить легитимное правление нашей организации, которое для Вас почему-то не является законно избранным по Уставу СП России. И доставшийся Вам коллектив ждет с Вами личных встреч, ждет Ваших звонков, общений в области литературы, хочет почувствовать заботу и помощь в продвижении своего творчества, проведения повторного легитимного общего собрания.

Не могу не передать их мнений, что за триста с небольшим тысяч рублей, выделяемых на эти два издания, можно было издать сборники не в двести страниц, а намного большим объемом, с большим числом авторов, большим количеством произведений каждого, включая наследие. Над этим надо работать постоянно, всегда, с начала текущего года. «Галопом по Европе...» в этих делах пробираться нельзя. Альманах «Вече» и поныне еще в правках находится, а выйдет, как я говорил, в начале апреля, вместо декабря 2016 года.

Как никогда понимаю «мэтра» новгородской литературы, который, как и сегодня, практически никогда не бывает на общих подобных мероприятиях и не признает большую часть членов Союза писателями и поэтами. А он в чем-то и прав. Данный некоторым «аванс» при приеме в Союз многими не реализован. И реализован не будет. Их уровень ЛитО виден и в презентационном поэтическом сборнике 2016 года.

В заключение хочется поблагодарить, как всегда, руководителей и сотрудников Областной научной универсальной библиотеки за предоставление аудитории, Департамент культуры и туризма Новгородской области за финансирование конкретных (договорных) сборников.

Выразить благодарность членам Союза, которые нашли время приехать в праздничный день на наш общий праздник. Пожелать безразличным товарищам по перу не идти обочинной, не стоять в стороне, а участвовать в литературной жизни коллектива. В общении наша сила!

С уважением: легитимный зам. председателя правления НРОООО «СП России», главный редактор журнала «Новгород литературный», член СП России с 1998 года

А.Н. Молоканов,

ученый секретарь АРСИИ

им. Г.Р. Державина

Из серии статей

«Как убивали Анатолия Молоканова»

К вопросу о склоке на коммунальной кухне НРО

Меня удивило, что уважаемая «Литературная газета» опубликовала этот, мягко говоря, материал «кухонной коммунальной склоки» постперестроечных «детюшек», воспитанных в понимаемой ими свободе, как вседозволенности и свержения всего старого. Было это уже, пытались сбросить и «Пушкина с парохода современности». Что уж говорить об Анатолии Николаевиче Молоканове!

Итак, первый тезис. В Новгородской писательской организации существовал порядок коллегиального принятия решений на правлении, которое затем внедрял в жизнь председатель организации. А вот избранный председателем Симоненко почувствовал себя единоличным правителем: «мини-Пиночет» новгородской организации, не желающим подчиняться решениям правления. Симоненко не мальчик постперестроечного времени, мог бы и Устав почитать новгородской организации. А вот авторам этого текста (статьей эти сплетни коммунальной кухни назвать трудно) позиция Симоненко «неподчинения решениям правления» нравится. Долой правление! Да и вообще, кто такой Молоканов? И льётся поток грязи в его адрес: и законодательство он нарушал, и организация при нём катилась по наклонной плоскости, дошло до того, что её гениальных членов не печатают в центральной прессе! Ну, во-первых, это просто откровенная ложь, если не назвать её клеветой. Я присутствовала на упомянутом собрании 2 июля 2016 года (Юдина там, кстати, не было, этот новгородский писатель якобы творит в Израиле). Большинство выступающих говорили с благодарностью о том, что А.Н. Молоканов вытащил из ямы практически развалившуюся организацию, в которой теперь проводятся конкурсы, фестиваль памяти Д.С. и З.Н. Мережковских, члены организации участвуют в фестивале в г. Сольцы, проводимом при участии петербургского поэта В.С. Скворцова, главного редактора «Невского альманаха».

А.Н. Молоканов является членом жюри ежегодного Международного конкурса, посвящённого деятелям культуры Серебряного века, проводимого журналом «На русских просторах» под председательством одного из

ведущих петербургских критиков Г.Г. Мурикова. Дипломом Международного литературного конкурса «Двое» был награждён поэт А. Ксенофонтов. Сборник трудов конкурсов поступает и в коллекцию Ренэ Герра, и в архив Мережковских в Иллинойском университете, и в Тургеневскую библиотеку, и в ведущие библиотеки России. Литераторы организации публикуются в центральной прессе, если, конечно, уровень их произведений соответствует... В журнале «На русских просторах» опубликовано эссе А. Обьедкова о Бунине, и этот журнал разослан по музеям Бунина и в коллекцию Ренэ Герра. В.С. Скворцов также публикует и стихи многих новгородских писателей, включая и разобитого В. Полевикова. Да и в выпускаемых А. Молокановым журналах преобладают новгородские авторы.

А что касается «жертв», «не угодивших главному редактору “Новгорода литературного”», то простите, писателю надо всё-таки поддерживать определённый уровень, чтобы хотя бы чуточку выделиться из графоманской среды, цветущей ряской заплывшей литературный новгородский поток. Несколько примеров:

Не пыль, не боль, не грех, не страх, // не пища для червей и мух, // я жив у Бога на устах, // я – человек, я – чистый Дух. (Олег Юдин, Стихи ру)

Или Светлана Петрова-Амбрасовская, принятая в СПР чуть больше года назад:

Когда над спящим Вифлеемом // Сверкал Божественный маяк, // Земным благословленный хлевом, // Сын Божий сделал первый шаг...

Хлев (!!!) благословляет Иисуса! Это круто! Не за это ли «благословение» она стала членом СПР? Поэтесса не понимает, ЧТО она написала?

Или вот сожаленье поэтессы. О чём же? «Трущоб кладбищенских мне не изведать дна, – В них нет заветной точки отправления». Как говорится, без комментариев, поскольку тут требуется уже, как минимум, консультация психолога, а возможно, и психиатра.

Особо следует отметить отношение «детюшек» к критике «отцов». Цитирую: «... в Сети

появилась оскорбительная статья Раевского, в которой он грубо высмеивал творчество и личность боровичского поэта и руководителя ЛИТО Михаила Полевикова. (...) Полеви́ков обратился к правлению с просьбой не публиковать статью в журнале «Новгород литературный» (курсив мой – Т.Л.), на что Молоканов ответил отказом – статья обязательно выйдет, пусть и с незначительными сокращениями. Петрова-Амбрасовская настаивала на коллегиальном решении этого вопроса и на созыве редсовета, но позиция Молоканова была бескомпромиссной ...».

Вот это да! Оказывается, во-первых, критику, прежде чем публиковать своё мнение о некоем Имяреке, теперь в НРО нужно получить благословение, кстати незаконно избранной, С. Петровой-Амбрасовской. Несчастный главный редактор должен был созвать по её приказу редсовет (членами которого, кстати, ни она сама, ни Колотушкин, ни О. Юдин не являются), а самостоятельно главреду – «вперёд ни шагу». Может быть, и автору критической статьи надо было сходить на поклон к мадам Петровой-А. со слёзной просьбой соизволить напечатать... Так вспомните Конституцию РФ: ЦЕНЗУРА ЗАПРЕЩЕНА, а каждый гражданин имеет право иметь и отстаивать своё мнение, да и про свободу слова тоже не вредно было бы иногда вспоминать.

Итак, суть очередного конфликта: критик раскритиковал творчество поэта. Не согласны? Напишите своё мнение о новой книге, отметьте её достижения, оригинальные рифмы и метафоры, темы, если они есть. Не сомневаюсь, что А.Н. Молоканов опубликовал бы и ваше мнение. Полемика – это залог движения вперёд. Вполне согласна с мнением М. Полевикова: «...Всем на Пегасе есть местечко:// Кому в хвосте, кому с уздечкой, // Кому и во все под хвостом...». А вот право определять это место, анализировать все pro et contra, уж будьте любезны, предоставьте читателям.

А вот на что следует обратить особое внимание, так это на незаконность избрания Петровой-Амбрасовской: на собрании при её избрании отсутствовал необходимый по уставу кворум/ Но, обвиняя А.Н. Молоканова якобы в нарушении устава, авторы скромно опускают глаза до долу, тихохонько обходя вопрос о незаконном «избрании председателем непривычно молодого для писательской организации руководителя» на основании под-

дельного протокола собрания, на котором отсутствовал требуемый по уставу кворум. Ведь даже для общественных организаций решение об избрании председателя утверждается в Минюсте.

Остановлюсь ещё на одном аспекте обвинения, брошенного авторами в лицо Молоканову: «в число членов Союза писателей просочились более десяти человек, не зарегистрированных на территории Новгородской области». Простите, г. Колотушкин и г. Юдин, но не Молоканов выдал «просочившимся» в члены НРО писателям членские билеты, а СПР под руководством уважаемого Валерия Николаевича Ганичева. Что же вас так задело? То, что С. Петрова-Амбрасовская прописана постоянно в Санкт-Петербурге? Вряд ли, вы её верные «чичероне». Осмелюсь высказать своё личное мнение о том, чьи уши торчат за этим конфликтом в НРО, кто раздувает меха этого конфликта. Стоило г. Орлову – председателю СПб отделения СПР и Председателю жюри конкурса Б. Григорьева включить в число финалистов конкурса С. Петрову-Амбрасовскую, как тут же «молодая председательница» заинтересовалась вопросом о «просочившихся» литераторах, объявленных г. Орловым своими личными врагами (ну почти как Гитлер объявил Александра Маринеско своим личным врагом). Увы! дипломы надо отрабатывать, глядишь так дослужишься и до премии на каком-нибудь конкурсе за такие поэтические шедевры как «хлев», благословляющий Иисуса на первый шаг.

К сожалению, создавшаяся конфликтная ситуация в НРО не только не была своевременно погашена московскими руководителями СПР, но наоборот раздувалась некоторыми из них. И в заключение считаю нужным подчеркнуть, что суть этого конфликта, названного авторами этого пасквиля конфликтом «отцов» «детей», состоит в том, что самопровозглашённая руководительница НРО (совместно с её группой поддержки) всеми силами пытается удержаться на незаконно занятом ей кресле председателя. Но народная мудрость гласит: сколько верёвочке ни виться, а конец всегда найдётся.

Татьяна Лестева,
член СПР и Союза журналистов,
главный редактор журнала
«На русских просторах»

Штамп эпохи или герой «Системы»

Флагманский полотер Ганичева - потомок Рамзеса Второго, Рамзес Девяносто Второй - торговец золотом, бриллиантами и...

Честные люди не бывают богатыми, а богатые - честными.

Лао Цзы

Неприкрытая ложь Орлова на сайте «Российский писатель»

С Орловым Чепик на паях или, как прежде, в холуях?

07.10.2017г. Борис Орлов:

«Опять, как черт – из табакерки, выскочил В. Кулинченко, друг перевертыша В. Скворцова и ненавистницы Православия Т. Лестевой. Вадим, меньше занимайся компиляцией и распространением сплетен! Это очень дурно пахнет! Коммерсантами являлись и являются твои питерские друзья. А я никогда коммерцией не занимался. Да, после увольнения в запас я открыл фирму. Но не было ни счета, ни офиса. И ни одной операции торговой – она не осуществляла. Меня выбрали руководителем писательской организации, поэтому отдал все время и силы для эффективной работы Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. Может быть, Вадим, расскажешь, как можно «узурпировать власть» в организации, которая полностью работает на общественных началах? Ты питерских писателей за дураков считаешь? Если бы ты, Вадим, хотя бы изредка пользовался первоисточниками, а не передирал из написанного кем-то ранее до тебя, посоветовал бы тебе зайти на сайт Росреестра, Налоговой службы РФ, и тогда бы лично убедился, что фирмы,

в организации которой ты меня упрекаешь (Великое мое преступление!) не существует вот уж без малого полтора десятилетия. Она мною ликвидирована. А сделал я это для того, чтобы подобные тебе клеветники не распространяли ложь! Ни копейки прибыли я не получил, так как коммерцией не занимался».

Четверть века знаю Бориса Орлова и не перестаю удивляться его изворотливости и лицемерию. ДАЖЕ В ЭТОМ ЕГО МАЛЕНЬКОМ ТЕКСТЕ ЗВУЧИТ ЛОЖЬ НА ВСЮ СТРАНУ! «Опять, как черт – из табакерки, выскочил В. Кулинченко (пожилой капитан первого ранга, имеющий боевые ордена и медали в отличии от паркетного выскочки Б. Орлова. – В.С.), друг перевертыша В. Скворцова и ненавистницы Православия Т. Лестевой».

Всем раздал негативные эпитеты, от которых у наивных людей складывается соответствующее отношение к людям, о которых они даже и не слышали раньше. Что такое «перевертыш»? Почему «ненавистницы Православия»? А не важно! Плеснул грязь в людей – и пусть отмываются. Сам он остаётся чистым, хорошим и во всём положительным.

А вот теперь НЕПРИКРЫТАЯ ЛОЖЬ Орлова, которую он опубликовал на сайте «Российский писатель» 7.10.2017 года:

«...фирмы, в организации которой ты меня упрекаешь (Великое мое преступление!) не существует вот уж без малого полтора десятилетия. Она мною ликвидирована». Ликвидирована ОСЕНЬЮ 2017 года! Орлов же пишет «полтора десятилетия!» Пыли в глаза пустил столько, что многих просто ослепил очередной раз и вызвал к себе жалость как без вины пострадавший!

«А сделал я это для того, чтобы подобные тебе клеветники не распространяли ложь!» (В чём «ложь», Боря? В том, что ты владелец фирмы? Так это есть на сайте Nalog.ru.) «Ни копейки прибыли я не получил, так как коммерцией не занимался».

Зачем открывал фирму по продаже ювелирных изделий, если не для коммерции? Почему скрывал одиннадцать лет, что являешься Генеральным директором ООО «Корона»? Если ты ЗА ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ «не получил ни копейки прибыли» – это говорит только об одном: ТЫ – БЕЗДАРНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ! Называешь себя офицером, а выкручиваешься, как уж.

Писатели помнят, как на отчётно-выборном собрании в 2010 году, которое проходило в «Доме национальностей» (ул. Моховая, дом 15), Борис Орлов официально заявил, что живёт на одну пенсию, которая составляет 7 тысяч рублей, чем вызвал жалость у присутствующих поэтов. Через пару дней его слова повторили петербургские газеты, чьи представители были на собрании писателей. Орлов официально врал двум сотням писателей, а газеты размножили его ложь на всю «Культурную столицу»! Ведь его семейная торговая фирма ООО «Корона» зарегистрирована в 2006 году. Кто кричит: «Держи вора!»?

За годы службы «паркетный офицер» Орлов приобрёл большую практику «прогибаться» и втираться в доверие к начальству, подкупая всех стандартным набором красивых фраз о «честности» и «патриотизме», а своим конкурентам приклеивать ярлыки типа «ПЯТАЯ КОЛОННА». Генеральный директор ООО «Корона» Борис Александрович Орлов ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ лукаво скрывал от всех свои «РОГА И КОПЫТА». Какие ещё «скелеты прячет в шкафу» этот лукавый карьерист?

Об этом мелочном человеке не стоило бы и говорить, если бы он не возглавлял Санкт-Петербургское отделение Союза писателей России, при каждом удобном случае не кричал о своём «бескорыстном служении» русской литературе, лицемерно называя коллег «торгашами и коммерсантами»! Перечисленные факты и сами поступки Б. Орлова пока-

зывают истинную суть этого изворотливого карьериста, а также демонстрируют полное отсутствие у него моральных принципов и совести! Даже бывший единомышленник Орлова подполковник Г.С. Чепик, прозрев, иронизирует: «Моряки присвоили ПАРКЕТНОМУ капитану первого ранга «почётное» звание ПОГОНЯЛО-ЮВЕЛИРЬ». А что же Б. Орлов? Трудно в это поверить, но теперь он отвечает на критику писателей в свой адрес восклицанием: «Покайтесь!». Когда возразить нечем, стал изображать из себя «нравоучительного батюшку». Правильно выразился писатель Николай Астафьев об этом оборотне: «ШТАМП ЭПОХИ».

Боря, если тебя «оклеветали» правдой, подай очередной раз в суд – и очередной раз будешь на суде публично опозорен собственным хамским поведением! Впрочем, чувство стыда тебе не ведомо. В какой бы лжи тебя ни уличили, ты всегда без тени смущения отвечал: «Не соответствует действительности». Всё, как с гуся вода! И не случайно честные люди тебя называют «Чубайс на общественной работе». И также, как Чубайс, ты обзавёлся «крышей», «заступниками» и «единомышленниками». Они тебя оберегают, держат на посту председателя и убирают (очерняют, компрометируют) по твоему наущению «всех конкурентов на дальних подступах», пока вы друг другу нужны...

Булат Боринкрах

Предложение редакции

Г-н Орлов!

Вы строите из себя глубоко верующего человека, сидите на золоте, бриллиантах и других драгоценностях.

Редакционная коллегия журнала «Золотое слово» для замаливания Ваших грехов предлагает устроить Вас в храм торговать свечами. Там Вы также сможете проявить свой талант уникального полотера. Впрочем, таким, как Вы, деньги вполне заменяют Бога.

Братъ - так по-крупному?

«Меня критиковать нельзя, я во Всероссийском народном фронте», - примерно так рассуждает Б. Орлов. Он заявил Алексею Белянкину: «Всероссийский народный фронт отбил меня от милиции, ФСБ и прокуратуры, куда на меня писали заявления». В этом весь Орлов! Он вступил в «Народный фронт» не для того, чтобы кому-то помочь, а чтобы обезопасить себя любимого! Теперь ему есть, чем прикрыться от людей, которые выводят приспособленца ни чистую воду.

Красивые фразы любит произносить Борис Орлов. Вот, например, одна из них: «Должен быть эталон поведения. Я лично ни у кого ни копейки не взял». Насколько красивая эта фраза, настолько и лживая. Хитроумный Орлов на протяжении нескольких лет вынуждает писателей расписываться в ведомости (по проектам и грантам) за одну сумму, а выдает совершенно другую - значительно меньшую. Так случилось даже с Михаилом Аникиным - отцом шестерых детей! Вот вам «эталон поведения» Бориса Орлова, «бойца» Всероссийского народного фронта.

Орлов незаконно брал деньги с редакции журнала «Невский альманах» за аренду помещений! (Редакция журнала находилась в помещении СПб отделения СП России по адресу: Большая Конюшенная ул., д. 29.) Когда писательская организация переехала на Звенигородскую ул., д. 22, редакция журнала разместилась в кабинете № 27 на втором этаже. Орлов и здесь каждый месяц не только брал с меня деньги, но и повысил цену (!), хотя сам не платил и не платит ни за что, т.к. помещение государственное и принадлежит Комитету по печати и взаимодействию со СМИ. Вот вам «эталон поведения кристально чистого» Орлова, который «ни у кого ни копейки не берет». Берет по-крупному?

Когда я отказался платить вымогателю, Орлов создал невыносимые условия для работы журнала «Невский альманах», редакции пришлось искать другие помещения. Потеряв «дойную корову», вот уже несколько лет на

каждом углу Орлов пытается очернить журнал и его главного редактора, клеветает и рассказывает небылицы. Но люди видят и знают факты, которые свидетельствуют о том, как умеет он «удерживать» с писателей деньги, как ловко втирается в доверие к нужным людям, а когда его раскусят, начинает прикрываться Всероссийским народным фронтом. бегать по «высоким кабинетам», хитроумно выкручиваться, включая арсенал лицемерия и лжи.

18 февраля 2016 года поэту Владимиру Шемшученко вручили Почетные грамоты от Правления СП России и Главы Луганской народной республики И. Плотницкого, а также благодарственные письма и поздравления от губернатора Санкт-Петербурга Г. Полтавченко, вице-губернатора В. Кириллова, и председателя Комитета по печати и взаимодействию со СМИ С Серезлеева в связи с 60-летним юбилеем. Поздравить юбиляра пришли писатели, авторы-исполнители, поклонники его творчества. А председатель СПб отделения Союза писателей России плюет на мнение уважаемых организаций и руководителей правительства города, распускает нелепые слухи о Владимире Шемшученко, называя его то убийцей, то мародером, и запрещает писателям ходить на его творческие вечера. Как это понять? Кому служит Борис Орлов? Чьи интересы обслуживает? С таким же лицемерием Орлов запрещает писателям печататься в журнале «Невский альманах», в «Литературной газете». Про эти издания, которые тоже поддерживает государство, он тоже распускает самые нелепые слухи. И опять возникают вопросы: кому служит «государственник» Борис Орлов? Чьи интересы обслуживает этот приспособленец?

Владимир Скворцов,
главный редактор журнала
«Невский Альманах»

Макар АЛПАТОВ

К юбилею Русского поэта Евгения Раевского

«Поэт в России больше, чем поэт» — эта расхожая стихотворная фраза мне кажется в корне неверной.

Я, конечно, не настаиваю, но у каждого своё мнение, Поэт везде должен быть именно поэтом, оправдывая своё призвание и предназначение — служить своему народу как бы пафосно это не звучало.

В середине сентября празднует 70-летие наш земляк поэт Евгений Раевский. Тем, кто хочет узнать больше о его жизненном и творческом пути стоит обратиться к его официальному интернет-сайту, к статьям и книгам о нём — их достаточное количество — и главное, без сомнения, они написаны людьми талантливыми и неординарными — биография нашего героя мне представляется лучшей и наиболее полной у Ефима Роговера, разбор поэтического творчества у Д. Киршина, интересно и, как всегда, своеобразно о Раевском написала шеф-редактор журнала «Золотое слово» блистательный прозаик Н. Весёлова, а Е. Сакс глубоко копнула в его родословную — этот список легко продолжить.

Не могу взять на себя смелость в юбилейной поздравительной статье позволить разобраться в тонкостях его стихосложения, на это есть крутые специалисты-профессионалы. Мне лично нравятся стихи русского православного поэта — коим он себя позиционирует — Евгения Павловича Раевского, особенно его сонеты и вокальные произведения на его стихи — таковых немало, как и их исполнителей, кстати, хорошо известных и любимых не только в нашем городе.

Хочу поблагодарить автора и от имени Театра «Родом из блокады», где они постоянно исполняются и с которым Раевский сотрудничает уже более десятка лет, выходя на сцену не только со своими стихами, многие из них зрители знают наизусть и горячо приветствуют. Вот на этой ипостаси творчества нашего героя позволю себе остановиться подробнее, т. к. она мне известна, как художественному

руководителю коллектива блокадных артистов далеко не понаслышке. Мы познакомились с Евгением Павловичем давно, судьба свела нас в одном из концертов, когда он играл на ударных инструментах и пел в ансамбле «Октава», в котором он также был руководителем. Разговорились — я узнал, что он моряк, с самого раннего детства любит музыку, пел в церковном в хоре, учился в народной музыкальной школе — весёлый, остроумный приколист произвёл на меня впечатление простотой в общении. О стихах тогда речь не шла — кто бы мог предположить что Раевский станет руководителем писательского Союза, Президентом Державинской Академии, автором целого ряда сборников стихов, издателем, главным редактором журнала «Золотое слово»?! Что сочинять он начал аж лет с четырнадцати? Далее жизнь надолго развела нас. Нет, мы, бывало, шапочно встречались, шутили, и вот неожиданно снова случай свёл нас на Петербургском Радио в студии музыкального ведущего Георгия Гожева, с которым я тесно сотрудничал — у нас была общая передача. Тогда в мои руки попала книга Раевского «Ученик Петрарки» и тут же буквально я услышал романсы блестящего мелодиста — композитора, дирижёра, аранжировщика В. Минкина на стихи Раевского.

Признаюсь, я опешил — от этого, как мне казалось, юмориста не ожидал такой глубины и музыкальности. Надо сказать, меня потрясло, что так же, как и я, грешник, Раевский написал стихи на музыку знаменитого «Романса» Г. Свиридова.

Гожев делал об этом передачу, а потом выпустил соответствующий диск, который достаточно быстро был раскуплен — несколько версий этого произведения были записаны известными исполнителями с прекрасно выполненными оркестровками, но когда я рассказал и о своём прочтении, Раевский предложил и моё исполнение включить в передачу, хотя бедность Театра «Родом из блокады» позволяла мне спеть только под аккомпанемент фортепиано и даже не было студийной записи — вот этот диск передо мной. И тут мы ста-

ли встречаться регулярно — особенно в БКЗ «Октябрьский» и в Союзе композиторов на романсовых концертах, Раевский подарил мне несколько своих книг, а я со своей стороны предложил поэту да ещё моряку выступить на сцене нашего благотворительного блокадного театра. Не скрою, разные его недоброжелатели предупреждали, что он человек своенравный, может подвести и т.д., но уже в одном из первых своих выступлений в Госпитале Инвалидов войн на Народной улице Раевский вышел со сцены со слезами на глазах и произнёс: «Да, трудно, но приглашай, когда надо, это честь для меня». Евгений Павлович помогал и в дни, когда было много работы, в военные и блокадные ритуальные дни, он вёл и даже придумывал сценарии для таких выступлений и никогда ни разу не отказывался куда бы и как далеко не приходилось ехать. Раевский везде был разным — в филармонических залах и в Капелле, когда звучали стихи в память ушедших и во славу живых, он был безукоризненно строго одет с военной выправкой на вооружении, но как все поэты — я берусь это утверждать — в глубине души всегда оставался мальчишкой, так и не повзрослел никогда и в развесёлой программе «Без женщин жить нельзя на свете, нет!» по-доброму хулиганил и юморил, играя одного из героев своих стихов — залётного воробья, специально придумывая костюм, и готовя новые песни — чаще всего о любимом родном городе и о любви, пробуя даже ритмы рока, не стесняясь, а норовя быть смешным и по-мужицки элегантным — зрители отвечали поэту и артисту дружными аплодисментами.

В последние годы из-за личных обстоятельств в семье — болезни дочери — внешне Раевский заметно сдал — пусть простит меня юбиляр, я ведь врать не люблю да и не умею. Жизнь поэта и руководителя не может быть лёгкой — сам знал, на что шёл.

Но сцена явно стимулирует Евгения Павловича, молодит, даёт силы, он живёт на сцене, отдавая свою энергию и напитываясь от благодарных зрителей. Да и настоящие друзья помогают, подставляя плечи, и товарищи по работе, каким я себя числю, чтобы стать другом надо заслужить и ещё не один пуд горькой соли съесть и сценического пота сколько пролить.

Когда эта статья увидит свет, торжества 70-летнего юбилея русского поэта, артиста, общественного деятеля, руководителя нашего земляка Евгения Павловича Раевского отгремят, но, будем надеяться, останутся навсегда его стихи и песни в душе народной, а коллектив Театра «Родом из блокады», который я представляю, и поклонники его таланта желают ему Здоровья и Творческого Долголетия! Уверен, что к поздравлениям и наилучшим пожеланиям присоединятся и Державинская Академия, и возглавляемый юбиляром Союз Писателей, а в День открытия очередного 24-го благотворительного сезона Театра «Родом из блокады» на сцене скажутся искренние слова приветствий.

Из цикла «Наши юбиляры»

Он ушёл в легенду...

На Ленинском проспекте северной столицы есть библиотека, которая носит светлое имя нашего друга и блокадного брата, поэта и артиста с нелёгкой судьбой Анатолия Молчанова. Совсем близко от нынешней редакции «Санкт-Петербургских ведомостей» ленинградский мальчишка выживал в жестокие дни 900-дневной фашистской осады, наивно заготавливая на балконе камни, чтобы было, чем встретить врага, по-серьёзному туша пожары от бомб и снарядов вместе с такими же детьми, а в 43-м - почти по Ю. Воронову: «Нам в 43-м выдали медали и только в 45-м паспорта» - за героизм и помощь в поимке пары диверсантов раненому Анатолию вручили медаль «За оборону Ленинграда».

И ещё за то, что он свято верил в Победу.

После войны счастливо пошла учёба - с отличием - и школа, и Гидрометеорологический институт и, как он написал в стихах, «Всю жизнь свою был связан я с водой». Но не только - стихи начал писать с детства, но был предельно требователен к себе, поэтому поначалу стеснялся публиковать и - не удивляйтесь! - выступления на сцене тоже не были чужды братцу-ленинградцу, куда бы его ни забрасывала судьбина. Но уже, «из дальних странствий возвратясь на берега Невы», творческое начало прорвало все водные преграды

специальности и в стихах не было воды - в них «пафос органично сочетался с лирикой, юмором и неожиданно со сказочностью выдумки», потому что мальчишкой Молчанов оставался до конца дней своих. А в пионерских лагерях, рассказывая детям свои «сказки с военно-блокадной окраской», он погружался в детство, заражая не только детей, но и взрослых. Его называли «летописцем блокадных дней» и он вполне соответствовал своему предназначению и призванию.

После создания общества «Жители блокадного Ленинграда» Анатолий твёрдо решил продолжить дело поэтов войны и блокады, решительно встав в строй борцов за права ветеранов города-героя над вольной Невой. В 1991 году в Самиздате вышел первый сборник его стихов и до последнего вздоха ему удалось выпустить ещё почти 25 книг стихов, прозы и публицистики. Молчанов стал одним из самых уважаемых и любимых поэтов блокадного братства, продолжив дело О. Берггольц, Ю. Воронова, В. Вишневского, М. Дудина и др. фронтовиков и жителей осаждённого города, писавших на эту животрепещущую тему. Став артистом и одним из учредителей театра «Родом из блокады», Молчанов выступал со своими стихами на лучших концертных площадках северной столицы, на Дороге жизни, в школах, музеях, госпиталях не только в родном городе, был удостоен ряда престижных литературных премий, среди которых премия им. ленинградского Маршала Л.А. Говорова, получил звание почётного гражданина Всеволожска и Всеволожского района, заслуженного работника культуры РФ. Он читал не только свои произведения, к примеру назову ставшую популярной литературно-музыкальную композицию, посвящённую творчеству К.Р. - великого князя К.К. Романова. После безвременного ухода из жизни голос поэта-патриота продолжает звучать почти на всех выступлениях театра «Родом из блокады» - на сцене, на радио, на телевидении, а в фильме А. Сокурова, посвящённом нашему коллективу, Анатолий Владимирович почти не покидает кадра и является заводилой в песнях, звучавших в блокадные дни.

5 августа на Красненькое кладбище, в день 85-летия блокадника, поэта и артиста придут его родные, близкие, друзья, почитатели его

таланта, 8 сентября в День печали и скорби начала блокады в Концертном зале У Финляндского, где А.В. Молчанов любил выступать, а затем в Библиотеке, носящей его имя, снова и снова будет звучать его неповторимый голос и его стихи, потому что Молчанов всегда с нами на передовом посту пропагандиста Подвига жителей осаждённого Ленинграда, как бы пафосно это ни звучало, потому что смыслом жизни поседевшего блокадного мальчишки продолжают оставаться его стихи во славу его любимого Города-героя.

90-летие блокадника №1

Фамилия Нестеров у многих ассоциируется с легендарным русским летчиком Петром Нестеровым, его знаменитой «мёртвой петлёй» и героической гибелью при первом в мире таране вражеского самолёта.

Нашего героя - Александра Матвеевича Нестерова - создателя общества «Жители блокадного Ленинграда» - известный журналист и педагог, первый завлит Театра «Родом из блокады» А.Я. Гребенщиков образно называл «невской блокадной полётной птицей-первопроходцем, пионером блокадного движения в городе-герое - блокадником №1», и это неудивительно. 20 августа «блокаднику №1» исполнилось бы 90 лет. Это был воистину редкий человек - настоящий ленинградец-петербуржец, истинный интеллигент, умевший любить свой город и свою родину, обладавший даром понимать, ценить и чувствовать людей и общаться с ними.

О Нестерове написано много статей, в которых дана высочайшая оценка его творческой и общественной деятельности - не было, пожалуй, в Питере ни одного СМИ не отметившего этого славного скромного человека. Их при желании можно прочесть и не только в Интернете. И всё же кратко напомним вехи его недлинной, но насыщенной жизни, в которой главным словом-смыслом жизни стало - «блокада». Наш земляк, как и большинство из тех, кто пережил фашистскую осаду, потерял за эти страшные почти 900 дней всех родных. Умиравшего мальчишку подобрали и вернули к жизни моряки с крейсера «Киров» и воспитали его настоящим человеком, смогшим, как его великий однофамилец-лётчик, преодо-

леть не одну жизненную «мёртвую петлю» и жестокие, почти смертельные тараны судьбы. Моряк и литератор, редактор студии «Ленфильм», директор Театра Комедии (теперь им. Акимова), первый Председатель правления ГДО «Жители блокадного Ленинграда», уже в первых своих произведениях - повести «Блокадник» и книге «Саженьцы для венка сонетов» (о поэте А. Прокофьеве) проявил чёткую мужественную позицию, что позволило в дальнейшем убедить власти предоставить ГДО «ЖБЛ» помещение на Невском проспекте 104, приравнять ленинградцев-блокадников к участникам Великой Отечественной войны, создать для них Фонд помощи, больницы и социальные дома, добиться, чтобы 8 сентября - день начала ленинградской блокады - стал отмечаться ежегодно как День печали и скорби, а в январскую блокадную декаду праздновались Ленинградские Дни Победы - День прорыва блокады и полного освобождения города-героя от фашистской осады. Для этого понадобился не один год и концентрация всех жизненных сил. И как только цель была достигнута, сердце остановилось, Александр Матвеевич не дожидаясь до августовского дня рождения в 1989 году чуть меньше месяца, но дело его живёт, ГДО «ЖБЛ» уже скоро будет отмечать 30-летие.

А.М. Нестеров вдохновил и рождение Театра «Родом из блокады», наш коллектив никогда не забудет человека, способствовавшего своему созданию - ему посвящаются не только стихи, рассказы, статьи, спектакли. Нестеров незримо всегда рядом с нами на сцене, его заветы мы всегда будем выполнять.

Дудин и песня

Исполнилось 100 лет со дня рождения поэта и прозаика, воина - фронтовика, защитника полуострова Ханко, участника обороны Ленинграда, известного общественного деятеля - председателя Ленинградского комитета «В защиту мира», Героя Социалистического Труда Михаила Дудина.

...На Ивановской земле, на просторах которой так сладко пахнет Русью, где мелодический звон сердца настраивает радужная палехская живопись и сказочная русская при-

рода, на возвышенном крутом яру погоста деревни Вязовская, могила, в ней рядом с матерью покоится прах поэта. Недалече поёт речка Молотха, ближе грустно молчит старая недействующая церковка, которую давно обещают починить. На могиле краткая надпись бронзовеет буквами: Поэт Михаил Дудин. Скромный, крепкий по-крестьянски крест - последний подарок другу ненадолго пережившего его тёзки, прижизненного классика-ваятеля Михаила Аникушина. И всё. Тихая его родина, где по завету нашёл он приют и покой. Сопровождающие торопят - скоро автобус до Фурманова, оттуда до Иваново, а там и домой. Вот и ветер с дождём запели прощальную песню.

Но что это? Мимо могилы Дудина к другому кресту, подальше, прошёл седой крепкий старик в орденах и наградах, чем-то, как мне показалось, похожий на Дудина. Впрочем, все здесь почему-то кажутся похожими на своего именитого земляка, а может, это моя фантазия. Дед поклонился, перекрестился и вдруг негромко запел. У него не было ни голоса, ни слуха, но пела его душа, пела, как могла, как умела, пела она дудинские строки: «Прощайте! Уходим с порога./ Над старой судьбой невольны. /Кончается наша дорога -/Дорога пришедших с войны. Уходим... Над хлебом насущным -/ Великой Победы венец. /Идём, салютуя живущим,/ Разрывами наших сердец...». Не подумайте, что это досужая выдумка, чтобы приукрасить рассказ о дудинской могиле. Свидетели - Славу Богу! - живы. Никогда не слышал раньше, чтобы эти стихи были положены на музыку. А народ поёт, поёт по-своему, бередя и оберегая память. Пролетели птицы, в поэзии Дудина соловьи, снегири, журавли, иволги, ласточки и ещё многие другие пичуги пролетают из строки в строку частенько и не дают утомиться памяти. Ах, эта разбуженная память! Вспомнилось, как в Ленинграде, в Театре Эстрады на юбилейном вечере Памяти Маринеско в гримировочной, где готовился к выходу сам Аркадий Райкин, два знаменитых Михаила - Аникушин и Дудин - друзья и помощники в создании театра «Родом из блокады», блестя звёздами Героев, вспоминали минувшие боевые дни и битвы войны и блокады. Дудин в стиле своеобраз-

ной певучести своей речи рассказывал о любви к песне, зародившейся с детства, прочёл стихи - я запомнил: «Какая власть дана струне -/Звучать на полную отдачу./ И все миры поют во мне. /И я во всех пою и плачу...». И тут же рассказал, как родилась одна из лучших песен на его стихи, которая звучит и сегодня. И не только с киноэкрана. Хотя некоторые уже забыли, кто автор стихов и музыки. Да-да, есть люди, считающие эту песню народной. И неудивительно. Да разве ж это плохо? Это песня на музыку В. П. Соловьёва-Седого «В путь!». В тот вечер я удостоился ещё и подарка, получил книгу Дудина, которую давно искал: «Где наше не пропадало». Прочтя дудинскую прозу, я нашёл в книге не только творческую автобиографию поэта, воина-фронтовика, общественного деятеля и просто интересного человека, но и замечательные трогательные рассказы о песне и многое понял о музыкальности стиха Михаила Дудина, которую определили В.П. Соловьёв-Седой, Андрей Петров, Вениамин Баснер, Давид Тухманов и другие творческие соавторы Михаила Александровича. Хоровой цикл Валерия Фадеева «Даль полей» на стихи нашего героя-юбиляра как будто был написан на Ивановской земле со всеми цветами русской радуги. Использовали поэзию Дудина в своём творчестве барды, авторы-исполнители, просто любители. Одно из самых популярных - «Снегири» Ю. Антонова. Дудин и песня - тема неисчерпаемая, таких произведений целая творческая рать - можно ещё многое сказать и услышать.

Дудина называли солдатом войны и блокады, поборником мира, воином-патриотом. Память о нём жива, особенно в январские блокадные дни, в дни блокадных праздников - Ленинградских Дней Победы - жители города-Героя Ленинграда вспоминают имя Дудина с глубоким чувством благодарности. Он явился инициатором - сооружения памятников защитникам нашего многострадального города-крепости, на землю которого никогда не ступала нога завоевателя; знаменитого Зелёного пояса Славы Ленинграда; дорогой всем жителям города доски на Невском проспекте: «Эта сторона при обстреле наиболее опасна» - список можно ещё долго продолжать. Дудин ненавидел войну, всей жизнью боролся за мир

на земле. И продолжает бороться своим творчеством: «В солдатском сердце замер зуммер, /И с миром связь оборвалась, /Но ты запомни: я не умер./Я в бой ушёл в последний раз...».

Читайте Наталью Веселову!

В самом начале 6 дня октября 2017 года слушал я лирический шум дождя за окном, примостившись за родным компьютером, и ждал 3 часов 25 минут, когда можно будет поздравить с юбилеем одного из своих самых любимых современных писателей, нашу землячку Наталью Веселову.

Не собираюсь никому ничего навязывать, не спорю - можно написать о приключениях Васька Трубачёва со товарищи или страшного Ворона, Кружилиху, можно стать Верой Пановой и даже Мариэттой Шагинян, а то и нынешней российской а ля Агатой Кристи, но если в поэтической русской рубрике драгоценными камнями сверкают и переливаются имена Марины Цветаевой и Анны Ахматовой - о чём безуспешно до хрипоты в глотках пытаются спорить - то о нашей национальной женской прозе дебатов - тут уж чуть ли не до драки - гораздо больше. Но душе и сердцу не прикажешь, и мои выбрали молодую обаятельную женственную, несмотря на явно видную силу духа, и ни на кого не похожую Наталью Веселову, которая годится мне в дочери - кстати, хотел бы иметь такое продолжение - её сын - врач по профессии - только чуть старше моего среднего внука. Наталья ещё и многодетная творческая мама - мне, например известны более двадцати её произведений.

Конечно, я бы мог тут копнуть её биографические корни, пролететь за ней вихрем по филфаку Ленинградского Университета, попытаться рассказать о её творческом - и не только - пути, но эти сведения вы легко можете обнаружить в википедиях, справочниках и в аннотациях к её книгам. Я лучше поведаю о своём отношении к её творчеству, как хочу и умею. С этим писательским именем мне довелось познакомиться где-то в самом начале наступившего века, когда я уже не так бурно читал все модные книжные новинки. Кто-то из моих учениц принёс повесть Натальи Ве-

селовой «Марфин дом», которой, по словам моих девчонок, зачитывались. Я отнёсся к этому скептически, но, решив перед сном полистать книжку, так, больше для общего ознакомления - что читают мои воспитанники, проглотил её залпом, должен признаться, как и все последующие её произведения, которые нашли меня гораздо позже, бывало и всю ночь не мог заснуть, погружаясь в авторскую стихию. Но уже «Марфин дом» дал мне понять, что жизнь подарила мне встречу с незаурядным писателем.

Когда мы познакомились с Натальей Александровной лично, я и предположить не мог, что эта молодая, цветущая здоровьем энергичная женщина, руководитель секции прозы писательского Союза, и есть автор так тронувшей меня за живое повести. А узналось об этом лет пять назад уже после того, когда повесть «Друг мой, кот...» надолго приковала к себе моё внимание. Я прочёл ее не один раз, видя во сне её воплощение в кино и даже пытаясь посягнуть на создание сценария, но меня опытные режиссёры и продюсеры вернули на грешную землю, убеждая, что на такой многослойный материал нужен многосерийный сериал, а стало быть, громадные денежные средства, которые на сегодняшний день практически невозможно найти, ибо нынешние спонсоры стараются получить сиюминутную прибыль и выгоду. Отмечу сразу, со времени выхода в свет «Кота» я стал искренним и неистовым пропагандистом творчества Натальи Веселовой, бывало надо мной подтрунивали, но подчёркиваю - любой, каждый, кто прочитывал её произведение, тут же становился в наши ряды поклонников прозы Натальи Веселовой - невзирая на возраст, пол, социальное положение и т.д. и у меня этому есть достаточно подтверждений. Я читал фрагменты её сочинений по радио и со сцены, приглашал её на телевидение - кстати, не только я - и везде это вызывало неподдельный интерес, и в этом нет ничего удивительно - все её книги о нас с вами, многие видят себя в её героях. У меня никак не может уложиться в голове, как эта милостивая женщина может перевоплотиться в обгоревшего в афганском напалме солдата и мыслить его категориями, чуть не матерясь от

безысходности; становиться маленьким мальчиком, встречающим в подвале страшную живую ведьму; артисткой эстрады, трясущейся в гастрольном автобусишке-развалюхе и по сути совершающей подвиг; сбитым в бою фронтовым лётчиком... Превратиться в хиппи с их протестными ирокезами и пошлым горьким киром; в талантливого ваятеля, теряющего самое дорогое в огне, зародившемся от искры того самого афганского напалма, что сгубил человеческие души; и жить не только в сказочном, мифическом да даже мистическом «Марфином доме», но и в «Доме, где я умер», в блокадном Ленинграде, находиться «На линии любви», взвешивая «Критическую массу», или на «Кургане побеждённых» - и это только капли в море-океане её героев, наших с вами современников – да, по существу, нас с вами. Большинство героев Натальи Веселовой гибнет - в разных обстоятельствах, но это не чёрные похороны, а катарсис, очищение, звучит авторский мажор, который зовёт жить. Сами понимаете, у меня нет столько времени, чтобы полностью рассказать о творческом пути Н.А. Веселовой, да я и не возьмусь за такую непосильную ношу. Думаю, человек, читатель должен сам прочесть авторские творения и в том числе оценить её необычный язык, её дар художника ибо талантливый человек - талантлив во всём. Поэтому я призываю вас: читайте Веселову! Это поможет вам понять самого себя, своих родных, близких, друзей, поможет вам стать лучше и поверить в жизнь, как верит автор, а некоторых приблизит к Господу Богу нашему – тех, кого Он научил читать между строк. Поверьте мне, Наталья Веселова - необычный писатель, её сказки-повести, романы, как лекарство, как бальзам в наше нелёгкое время.

Читайте Наталью Веселову!

3 часа 25 минут 6 октября 2017 года.

Поздравляю с юбилеем!

В жизни раз бывает...

В России 7 ноября сто лет назад свершилась Великая Октябрьская Социалистическая революция, что так повлияло на дальнейшее развитие всего мира - с этим бесполезно спорить. Однако в этот знаменательный день, сидя у компьютера, хотелось бы обратить внимание на цифру 100. В последнее время она имеет для меня непонятное мистическое значение. Пожалуйста, не смейтесь надо мной. Никак не могу уразуметь, как люди, с которыми мне приходилось общаться, работать, творить и которые оказали на меня значительное влияние, достигли этой даты. Многие из них остаются для меня вечно молодыми. Понятно, что Леонардо, Шекспир, Ломоносов, Моцарт, Пушкин, Лермонтов, Чайковский, Ленин, Сталин и многие великие иже с ними - жители прошлого, но когда твои знакомые, с которыми ты сидел за одним столом, ел, пил чай или ещё что покрепче, говорил, спорил, ругался, мирился, находил общий язык - и вдруг столетние?! Да, я родился в первой половине прошлого века, но душой всегда ощущал себя молодым, особенно на сцене, по крайней мере, мне хотелось так. За последние годы, многие близкие и дорогие мне люди **ВДРУГ** неожиданно перешагнули век. Имею ввиду только тех, кого я знал лично. Конечно, подавляющее большинство из них не дожили до этой фантастической даты, но в моей-то памяти продолжают жить и от этого никуда не деться. Я, что называется, пользуюсь ими. Естественно, их не так много, но уж взвод таких Личностей наберётся точно. Обо всех не сказать - начну с родителей, они были и остаются моими первыми учителями. Мне пришлось отметить день в день столетие певицы Г. Семенченко на сцене Театра «Родом из блокады», придумав спектакль, где артистка не спела ни одной ноты, а зал был уверен в обратном. Я был на вековом юбилее великого русского хирурга Ф. Углова, спасшего десятки тысяч человеческих жизней. Когда вспоминаю Л. Русланову, С. Лемешева, Н. Черкасова, Л. Утёсова, К. Шульженко, М. Бернеса, О. Нестерову, М. Заринскую не верится, что они прошли вековой рубеж, а Шостакович, Мравинский, Соловьёв

-Седой, Товстоногов, Р. Тихомиров, Я. Фрид, А. Райкин с вечно юной творческой душой?! От каждого из этих корифеев я старался напиться творческими идеями. О каждом старался рассказать на сцене, в статьях, на Радио и по ТВ. Кстати, на Радио Петербург эти передачи продолжают звучать. Понятно, что здесь упомянуты далеко не все мои кумиры - книгу о них я так и назвал «Мои кумиры и герои». В этом октябре мы праздновали 100-летие великого русского ваятеля Почётного гражданина города Мих. Аникушина - со сцены на зрителя смотрел портрет Героя Социалистического Труда, с экрана о себе и своём творчестве поведал народный художник СССР, а концертная часть была составлена от имени профессора и академика, выступила и дочь юбиляра. И тут вспомнилось: два Михаила - Аникушин и Дудин - его столетие мы отметили в прошлом году - одно время приходили к нам в Театр вместе. Дудин принёс стихи, и песня «Всё с этим городом навек», которую поэт одобрил, была посвящена М. Аникушину. Когда я вернулся в гримёрку, Дудин там был один и сказал мне - добрая песня получилась, всех забудут, а Аникушин останется на века. Сменится власть - его памятник Ленину могут убрать - не спорь со старшими и опытными людьми! - а Монумент блокадникам и Пушкин будут всегда - их никакая атомная бомба не возьмёт. Эти слова прозвучали в моём сердце на могиле поэта в Ивановской области под шум дождя и тихий ропот местной речушки, когда я увидел последний подарок Аникушина другу - чёрный крест, который как бы вырастал из листвы, - монументальное зрелище.

С моей точки зрения, 100-летие великого скульптора должно было отмечаться глобально - по всей России-матушке, мы сделали, что могли, дальше будут праздновать новые поколения.

А когда в том же октябре проводился юбилей шеф-редактора журнала, который вы сейчас держите в руках, русского писателя Натальи Веселовой, я позавидовал ей белой завистью - сколько ей и совсем ещё зелёной творческой молодёжи предстоит увидеть и свершить. А мы, «из под небес по-птичьей окликающей», будем переживать и радоваться за них

Иван ИЛЬИН

Четыре фронта ленинградской блокады

Историки утверждают, что Блокада Ленинграда началась 8-го сентября 1941 года, когда немецкие войска заняли город Шлиссельбург. В тот же день сгорели Бадаевские склады с запасами продовольствия на случай войны. Образовалось, так называемое кольцо Блокады.

Но на самом деле кольца не было. Кольцо предполагает нечто круглое, одинаковое и замкнутое. Вокруг Ленинграда было четыре разных фронта, и они не были замкнутыми.

Самым сложным был Южный фронт от реки Ропши до крепости Орешек. Какие-то москвичи придумали назвать Ораниенбаумский плацдарм «Ораниенбаумским пятачком». Но пятачок предполагает нечто маленькое и круглое. На самом деле Ораниенбаумский плацдарм простирался вдоль берега Финского залива на 65 км в длину и на 20-25 км в глубину. Это была самая западная территория СССР, которую немцы не сумели захватить.

С начала Войны немецкие войска двинулись по территории СССР по 20 и больше километров в день. Они форсировали несколько больших рек, но дойдя до маленькой речки Ропши Ораниенбаумского района встали и стояли почти три года. Ораниенбаумский плацдарм это была твердыня, созданная для защиты Петербурга со стороны Балтики. По берегу залива протяжённость была 65 км, а в глубину 20–25 км. На высоком южном известняковом берегу было две крепости: Красная горка и Серая Лошадь. Каждая из этих крепостей была более мощной, чем защита Одессы. Береговые и корабельные пушки стояли на твёрдом обрыве высокого глинта. Калибр мощных береговых и корабельных орудий позволял перестреливать поперёк весь Финский залив. В комплексе с Кронштадтом и фортами, западный морской фронт был прочно закрыт для нападения на Ленинград с моря.

Немцам удалось прорваться к берегу, захватив Петергоф и Стрельну. Но обстреливать

Ленинград из Стрельны им было весьма неудобно, так как в затылок били более мощные орудия Ораниенбаума.

Далее граница проходила по улицам Ленинграда. Ближайшие немецкие пушки стояли в 4-х км от Кировского завода и далее к Пулковским высотам, Пушкину и к Колпино. Левый берег Невы был занят немцами до самого Шлиссельбурга.

Немцы могли бы поставить две батареи средних пушек и за один день раздолбать весь Кировский завод. Но завод им был нужен целым, вместе со всем оборудованием. Они надеялись уморить всё население Ленинграда голодом и получить целыми все военные заводы – Кировский, Арсенал, Большевик, Электросилу и прочие.

У немцев было мало людей, чтобы брать город штурмом, где каждый дом был превращён в крепость. Ведь фашисты вынуждены были оккупировать всю Европу и воевать на два фронта. Вот наш южный фронт и простирался через весь город мимо Пулковской обсерватории и Пушкина до Колпина и Усть-Ижоры на берегу Невы. Весь левый берег Невы был захвачен немцами, а 27 сентября 1941 года немцы захватили Шлиссельбург и «якобы» полностью замкнули кольцо Блокады Ленинграда. Но КОЛЬЦА не было!!! Кольцо предполагает нечто круглое и замкнутое.

В начале сентября с юга на Шлиссельбург наступали уже изрядно потрёпанные части дивизии генерала фон-Лееба. Также к югу отступали разные разбитые части Красной Армии. Если встречались, то постреляют, разойдутся и опять идут в одну сторону, то есть на юг, к Неве и к Шлиссельбургу.

Никаких боёв за Шлиссельбург не было. Администрация города, «чтобы не создавать панику», даже не объявила жителям, что город занимают немцы. Школьники ещё шли в школы. Многие рабочие шли на работу, а немцы уже занимали лучшие здания и вешали

свои флаги со свастикой.

Красноармейцы выходили к воде и кто на чём – на лодках, на плотках или просто на дровах переправлялись на левый берег.

Немцы не знали нашей истории. Не знали, что значит для нас древняя твердыня крепость Орешек. Приказа занимать Орешек у сухопутных немцев не было – они её и не заняли, а когда сообразили, то было уже поздно.

Крепость Орешек оказалась на первой линии Ленинградского фронта. По приказу командующего 1-й дивизией войск НКВД полковника С. И. Донскова ночью 9 сентября 1941 года силами двух взводов была организована разведка крепости. Она не была занята врагом. Взвод наших войск немедленно занял круговую оборону. Это было на рассвете 9 сентября 1941 года. Так началась оборона крепости, которая продолжалась 498 дней, до 18 января 1943 года. Доставка грузов только по Ладоге. Зимой по льду. Дорога жизни проходила в 15 км к северу от Шлиссельбурга от мыса Осиневец. Немцы рвались её перерезать, но на пути стоял Орешек. Если бы Орешек пал, то не было бы Дороги жизни и нас тоже не было. Так началась блокада и оборона Орешка, которая длилась 498 дней, до января 1943 года, когда был освобожден Шлиссельбург.

После освобождения Шлиссельбурга был найден дневник немецкого офицера. Вот запись, относящаяся к 21 сентября 1941 года:

«Вот уже сутки стоит красная туча над крепостью. Десятки наших тяжелых орудий бьют по ней непрерывно. Из-за этой тучи не видно стен. Сплошной гром. Мы оглохли от этого шквала. А как они? Во всяком случае, я не хотел бы быть на их месте. Мне жаль их... 13 часов. Наши орудия прекратили огонь. Рассеялась туча. Крепость стоит, как скала с обгрызенными утесами. Опять нам ничего не видно. Русские открыли огонь из крепости. Кажется их ещё больше стало. Не поднять головы, их пули поджидают нас на каждом шагу. Как им удалось уцелеть?»

Приказ о создании гарнизона в крепости был подписан 11 сентября 1941. Гарнизон состоял из 300 человек: НКВД, пограничники,

моряки-артиллеристы Ладожской флотилии. Всего же в обороне острова принимало участие 500 человек.

Жили в нижних ярусах башен: в Королевской моряки, в башнях Флажной, Головкина и Головина – пехотинцы, в Светличной был медпункт. В башне Головкина находились командный и наблюдательный пункты. В бойницах стояли пулеметы, которые позволяли обстреливать некоторые улицы Шлиссельбурга.

Жили так. У стены стояли нары, посреди комнаты стол с коптилкой из консервной банки. Для отопления печка, сделанная из железной бочки.

Ещё в самом начале моряки Ладожской военной флотилии сумели на барже переправить в Орешек несколько пушек калибра 76.2 мм. Это так называемые «полушки». Пушки лёгкие, на обрешиненных колёсах с прямой наводкой и скорострельностью 10 выстрелов в минуту.

Наши бойцы очень хорошо продумали систему обороны. По ночам зубилами, кирками, лопатами пробивали в стенах амбразуры, рыли траншеи для безопасного передвижения по крепости. Амбразуры для пушек имели свои названия - Утка, Чайка, Орех, Воронка, Оляха, Россия, Ермак, Дуб, Родина, Гусь, Скворец, Байкал. Пушка делала полтора десятка выстрелов, и её откатывали за кирпичную стену. Следующие выстрелы делала уже другая пушка. Комендант крепости Николай Чугунов рассказывал конкретную историю, с которой началась многомесячная снайперская перестрелка. Случилось это после того, как наша артиллерия разрушила водонапорную башню на левом берегу Невы. Солдатам вермахта пришлось ходить за водой к озеру. Каждый раз, когда они появлялись с ведрами на другом берегу, их встречали градом пулеметного и минометного огня. Вскоре немцы нашли выход — начали таскать воду, прикрываясь местными мальчишками, которых они каждый раз гнали перед собой. И вот тут-то комендант крепости Чугунов решил, что надо действовать более тонко. Офицеры прямо во время боевых действий организовали на острове своеобразную снайперскую школу. Отобрали 20 самых достойных бойцов и на-

чали обучать их стрельбе с оптическим прицелом. Через пять дней состоялся «первый экзамен». Наши бойцы оказались настолько умелыми, что смогли снимать немцев, даже если те прятались за спины детей. Теперь им приходилось добывать воду, пробираясь к берегу короткими перебежками или ползком. Но даже в этом случае советские снайперы находили их. Один только сержант Кузнецов за первую неделю снял 20 немцев. Оставшиеся два года фрицы ходили за водой только по ночам.

Не хватало снарядов. В сентябре 1941 года был установлен лимит – 3 снаряда на пушку, 3 мины на миномет в сутки. Весной 1942 остался только неприкосновенный запас. Артиллеристы решили проверить, не пригодны ли снаряды с затонувшей осенью баржи. Ночью к барже подошла шлюпка.

По несколько раз бойцы ныряли в воду и в конце концов обнаружили лаз, который вел в трюм баржи. Под водой удалось снять крышки с нескольких снарядных ящиков и поднять снаряды.

Температура воды в это время года -4 градуса, течение очень быстрое.

Такие рейсы повторялись несколько ночей, пока снаряды не были перевезены в крепость. Большая часть оказалась пригодной для стрельбы.

Наблюдательные пункты были в башнях, на стенах, верхних этажах надзирательского и 4-го тюремного корпуса. Очень трудно было снабжать Орешек всем необходимым. Надо было возить дрова, боеприпасы, продовольствие, лекарства. Возле острова течение такое сильное, что на вёслах лодку не удержать. Приходилось затаскивать лодку в Ладогу и наискось идти к Орешку. Выгружать лодку, брать раненых и опять наискось, но вниз по течению идти к своему берегу. Лодку цепляли баграми, клали доски и выгружали раненых. Тащили лодку на себе к берегу. А на следующий день всё это повторялось. Зима 1941-42 годов была такая суровая, что за много лет впервые около Орешка встал лёд. Пришлось делать длинные сани и пробираться с палками по битому льду, иногда проваливаясь в воду. Весной, в белые ночи, немцы начинали стре-

лять сразу, как лодки отходили от берега. В ледоход норма боеприпасов снизилась до 3-х снарядов на пушку в день.

Клятва защитников крепости в годы Великой Отечественной войны:

«Мы, бойцы крепости Орешек, клянемся защищать ее до последнего.

Никто из нас при любых обстоятельствах не покинет ее.

Увольняются с острова: на время — больные и раненые, навсегда — погибшие.

Будем стоять здесь до конца».

После прорыва через Шлиссельбург проходила железная дорога Ленинград — Большая земля, которую в народе называли Дорога Победы. Полотно Поляны — Шлиссельбург и мосты через Неву были построены менее чем за месяц под огнем противника, который продолжал удерживать Синявинские высоты. 7 февраля 1943 года в Ленинград на Финляндский вокзал прибыл первый поезд с продовольствием и боеприпасами.

Пороховые заводы

Но Орешек защищал не только Дорогу Жизни. На нашем правом берегу, в пределах прямой видимости из Шлиссельбурга, располагались самые большие пороховые заводы Ленинграда. Они только назывались «пороховые». А на самом деле производили всю взрывчатку для Ленинградского фронта. Делали разный порох - пистолетный, винтовочный, пушечный. Делали динамит, тринитротолуол, динафталит, пироксилин и всю прочую взрывчатую химию. В начале Войны в Ленинград из Таллина пришла эскадра из 144 больших военных кораблей. Много орудий было у Кронштадта, Ораниенбаумских крепостей, на кораблях в Неве и на фортах. Кроме пушек нужно было заряжать мины, гранаты, бомбы... всё стреляющее и всё взрывающееся.

На блокадных фотографиях можно видеть, как на станках работают старики, женщины, подростки. Они вытачивают снаряды, гранаты, мины. Но это же только железо. В это железо нужно было положить взрывчатку. А всю взрывчатку для обороны Ленинграда

делали на Морозовских заводах, в пределах прямой видимости и досягаемости стрельбы из пушек и миномётов Шлиссельбурга. Для защиты Ленинграда от фашистов нужно было очень много взрывчатки.

Ещё в 1884 году был заключён контракт на строительство пороховых заводов с немецкими фирмами – Круппом и ещё несколькими. Строили цеха завода немецкие инженеры и рабочие. Взрывоопасное производство требовало особого расположения и устройства цехов. Цеха расположены в лесу на значительном расстоянии друг от друга. Цех заглубляли в землю на полтора этажа. Стены выкладывали кирпичом, а пол цементировали. Сверху клали рельсы, балки, доски. Всё это засыпали землёй и сажали быстрорастущие деревья и кусты. Через несколько лет на месте цехов рос сплошной лес. В случае взрыва вся его энергия уходила вверх и не трогала соседние цеха. Цеха завода были растянуты на расстоянии пяти железнодорожных станций – Кирпичный, Каменка, Дунай, 19-км, 21-км. И на 10 – 15 км вглубь леса. Дорог к цехам не было. Были ветки узкоколейки с шириной между рельсами 75 см. Сверху ветви деревьев срастались, и узкоколейку не было видно. Рабочие из Морозовки на узкоколейке ездили на работу и по ней же вывозили продукцию.

Всё это защищала крепость Орешек, но всё было так засекречено, что и сейчас директор музея Орешка не знает, что защищала крепость.

Если бы пал Орешек, то не стало бы и Дороги Жизни. Не стало бы и нас. Немцы захватили бы заводы взрывчатых веществ и Ленинград без взрывчатки не простоял бы и трёх дней.

Немцы перебросили бы войска от Ленинграда под Москву и погнали бы москвичей за Урал навстречу самураям.

Но Москва потянула одеяло на себя. Музей Оборона Ленинграда был разрушен. Орешку не дали даже звания «Крепость-герой». Организовали «Ленинградское дело» и многих настоящих защитников Ленинграда расстреляли.

Я уверен, что ОРЕШЕК это ключевое место всей Великой Отечественной Войны.

СЛАВА ГЕРОЯМ!!!

Власти решили не восстанавливать разрушенные обстрелами здания Орешка. Пусть эти руины будут живыми свидетелями героизма защитников крепости. Архитекторы собрали в крепости осколки железа и сделали из них несколько героических скульптур об обороне Орешка.

Примечание:

Все сведения о Морозовских пороховых заводах были так засекречены, что и сейчас почти ничего конкретного нет в интернете. Но я сам два года жил в Морозовке. В динафталитном цеху работала сестра отца тётя Лена. Её муж дядя Федя работал в нескольких цехах. Моя двоюродная сестра Лена работала в пороховом цеху. Наши соседи Павловы работали бризантниками, то есть испытывали силу взрывчатки. Я много раз ездил по узкоколейкам на охоту или за грибами. Поэтому то, что я пишу, можно считать первоисточником. Сейчас цеха завода перепрофилируют на изготовление огнестойкой краски, но секретность остаётся.

Александр КРЫЛОВ

Труженики художественной конъюнктуры на поприще соцреализма (к 100-летию культурной революции)

*То, что сейчас не рисуют так,
как прежде, (...) говорит
о склерозе человечества.*

Б.В. Шергин

*На верезг мерзостной свирели
Повылез черт из адской щели.*

Н.А. Клюев

Ломать – не строить. Ломка России велась планомерно по всем направлениям. Свидетельствуя о трагедии русской культуры на заре «культурной революции», князь Е.Н. Трубецкой писал: «Культура становится орудием злой, хищной жизни; ...утверждающей в мире кровавый хаос и бессмыслицу..., биологизм, что должен господствовать в мире. Биологизм незаметно и естественно переходит в сатанизм¹».

Так и произошло.

Большевицкий «Культурный фронт» в авангардном эксцентризме или конфитюре «бродскизма» продвигал бессмыслицу, биологизм.

Ложь, облеченная в антихристианские художественные фантомы, становилась орудием злой жизни, ковалась «броня социалистической культуры» (Ф.Э. Дзержинский), наступавшей по всему «культурному фронту».

Искусство стало средством поражения. О большевицких методах распространения психической эпидемии свидетельствовал еще академик В.М. Бехтерев.

Применение соц-арта как новейшего психотронного оружия стало искусством оболванивания масс, искусством агитации за счастье социализма².

По разнарядке, формирование соц-арта велось в двух направлениях: авангардно-футуристическом и бродкистско натуралистическом. Взаимозаменяемые способы

агрессии, альтернативные по форме, они были равноценны по существу, как стороны одного пятака.

Для победы назначалась номенклатура художничающих большевиков, долженствующих стать арт-начальниками и основоположниками. Их одарили льготами, званиями, дворянскими квартирами, как у И.И. Бродского и Н.Н. Пунина.

Творческие опусы назначенцев объявлялись эталонами социалистического искусства и финансировались государством.

Арт-номенклатура обязывалась контролировать все: выставки, театральные постановки, оформление массовых торжеств, обучение художественной молодежи, деятельность творческих объединений. Она обязывалась регулярно подавать «куда следует» письменные отчеты о политических настроениях, поведении, высказываниях отдельных членов.

Архивы отечественной старины уничтожались, место их заняли листы доносов, которых сохранилось множество: вся подноготная истории соц-арта (!)³.

Номенклатура отвечала за идеологическую направленность, обязательность политической работы в творческих организациях⁴.

Во всех творческих союзах назначенцы составляли руководящую структуру манипуляторов жизни и деятельности рядовых членов.

По моим наблюдениям, безработица ху-

дожников была источником постоянного раскола среди членов союза. Можно ли такое представить в дореволюционных объединениях «Передвижников» или «Мира искусства»?

Номенклатура недовольством управляла, регулируя процент унижений и бедности в среде большинства, контролировала распределение творческих заказов и мастерских, манипулируя совестью художников, следила за сохранением (!) раскола. Он был конструктивной частью номенклатурной машины (разделяя властвуя).

Инспирированный раскол между приближенными к начальству и остальными обеспечивал благонадежность одних запугиванием других.

Я упрощаю схему, но суть верна.

«Ответственные» функции артначальников, по-видимому, были весомы; а как иначе объяснить их поголовное освобождение от воинской обязанности в 1941-1945 годах, когда на фронтах гибли тысячи художников?

А вернувшиеся с войны, искалеченные, нуждающиеся, вновь попадали во власть «заслуженных» и «народных», преданных власти трусов-тыловиков и «стукачей».

* * *

Неприлично-конъюнктурное творчество назначенцев расцветало и плодилось.

В нравственные тонкости ленинцы не вдавались. Революционные марши объединения «Долой стыд!», система «стукачества» показывали и не такое⁵.

Питомцы террора и каторги навязывали стране идеалы тюрьмы, «свального» греха и «волисполкома».

У партийных суффражисток это выражалось в кургузых стрижках, вызывающе-красных косынках, неряшливых кофтах (Н.К. Крупская); чекистских кожанках с португееями, папиросах, револьверах (Л. Рейснер), - атрибутах разгула эмансипированных садисток⁶.

Тузы предпочитали швондеровскую униформу «военного коммунизма»: фуражки, френчи, брюки, вправленные в голенища сапог. Характерно, что эти ряженые, как правило, на фронтах не были.

Исключением оставались разве что Ильич,

не снимавший пиджак и кепку ни в Разливе, ни в Женеве, да «советский граф» А.Н.Толстой. Этому за какие-то заслуги ОГПУ даровало особняк и право носить буржуйский фрак, появляясь в сопровождении лакея⁷ (!).

Прораставшая из такого сора чиновничья порода, вплоть до перестройки, не умела сообразить, почему в домах миллионов колхозников на местах изъятых икон висели репродукции с И.И. Шишкина, В.Г. Перова, В.М. Васнецова, А.А. Пластова, а не Малевича-Бродского-Налбандяна.

Бойцам «культурного фронта» не приходило в голову, что трудовое большинство исповедовало Символ Веры и Красоты, а лжи противилось.

Проглядели чиновники, как, вопреки теориям, директивам, репрессиям, расцвела художественная культура крестьянства: Б.В. Шергин, С.А. Есенин, А.Т. Твардовский, А.А. Пластов, М.А. Шолохов, В.М. Шукшин, еще многие. В мозгу руководителей застрял хамско-ленинский афоризм об «идиотизме деревенской жизни».

Вновь, как и на закате царизма, верхушка разглядела народную культуру лишь на закате большевизма, когда деревня уже была мертва⁸.

* * *

А тогда, на рубеже двух эпох, сначала кнутом «авангарда», а затем пряником «бродскизма» власть изживала нравственный стержень русского реализма, Красоту, Правду, насаждая бессмысленность, бесстилье эстетики, нашпигованной грибными спорами ленинианы.

Это видно в жесткой чужеродности форм конструктивизма 1920-х, в стилевой несовместимости монументальной живописи 1930-50-х с архитектурой сталинского неоклассицизма (исключения редки: П.Д. Корин, А.А. Дейнека, Т.Н. Яблонская).

О бесстилье и безвкусице говорят облик и декор общественных и партийно-административных сооружений 1920-80-х, а также поздне-номенклатурный чудовищный «суровый стиль» живописи, заплонявшей лучшие залы выставок, специфический пафос ленинианы, брежневианы и проч., одарив-

ших творцов званиями, наградами в 1960-80-е годы.

С исчезновением стилевых критериев связано разрушение художественной школы, падение уровня культуры живописцев, разрастание приверженности к индивидуализму, уныние, цинизм. А далее – протестный андеграунд, засилье дилетантизма, арт-эпатаж, вторжение причуд постмодернизма и, наконец, галерейно-художественное лакейство: «чего изволите заказать?».

Такими сегодня представляются результаты многолетних стараний рожденной Октябрем арт-номенклатуры и отчеканенного в ее корпоративных рамках соцреалистического официоза.

* * *

По-своему колоритными были персонажи идейных борцов, назначенных стать основоположниками всех ответвлений и разновидностей соц-арта. Знали ли эти «свободные» художники, что станут разменной картой в чужой игре, что их заменят?

Тактика культурной революции состояла в непрерывной смене художественных форм, через некоторое время объявлявшихся несостоятельными, и тогда соц-арт рядили в новые ризы. Фарс одурачивания продолжался.

Отработав номенклатуру пролеткульта, ленинцы вышвырнули на помойку малевичей, филоновых, штеренбергов. Эти дело сделали, партия в них больше не нуждалась, подрядив новых «шахер-махеров» художественных фантомов.

В 1932 году сталинское правительство учредило Всероссийскую Академию Художеств, указав большевику И.И. Бродскому восстановить уничтоженные большевиком А.В. Луначарским принципы классического обучения, связать их с потребностями социалистического строительства и провозгласить «социалистический реализм» единственно верным направлением в искусстве. В сердце русского художественного сознания вкатил троянский конь, провоцируя перерождение изнутри. Из-под фигового листка псевдо-реализма, куда впихнули новый официоз, снова торчало ленинское бесстыдство.

Стараясь услужить главным, И.И. Бродский пытался привлечь к работе знаменитых мастеров.

Он писал И.Е. Репину: «Будьте мудрецом, не слушайте, что Вам скажут враги России, а Ваши в особенности, приезжайте убедиться в том, что Вам говорю я... Если хотите, я приеду вас сопровождать в Россию, брошу все работы ради такого исторического случая. Илья Ефимович! Вдохните глубоко и скажите: я еду в Россию. Я поверил Бродскому, он меня не обманет!!»⁹

И.Е. Репин отказался. Отказался М.В. Нестеров¹⁰. Мастера не хотели работать с беспринципным чиновником, который на их памяти, еще вчера писал портреты министров-капиталистов Временного правительства. Чтобы не уступить престижную должность другому¹¹, пришлось Исааку Израилевичу выполнять указание самому и очень стараться¹².

На посту директора Академии (с 1934 г.) он обязан был ликвидировать «опасность идеологическую, уводящую искусство от реальных задач коммунистического воспитания масс»¹³ и поэтому, в первую очередь, поддерживал предложения по укреплению кафедры основ марксизма-ленинизма¹⁴.

Бродский был терпелив.

До сих пор в стенах Академии передается его афоризм: «Маленькая кисточка – большое терпение».

И другой, связанный с представлениями мэтра о колорите: «Больше грязи – больше связи»¹⁵.

Мне и теперь эти высказывания, даже если их не следовало понимать буквально, не симпатичны. Разве так о живописи может говорить живописец?

Впрочем, как и П.Н. Филонов, И.И. Бродский занимался живописью по ночам. Его называли «ночным художником»¹⁶.

В персональную мастерскую Исаака Израилевича студенты учиться не шли. Исключения были редки, а основную часть направляли распоряжением партийной ячейки¹⁷.

Бродский пишет: «Когда я пришел в Академию, против меня велась скрытая агитация, и никто не хотел идти ко мне в ученики. В мою

индивидуальную мастерскую записалось всего лишь два студента. Решением партийного бюро ко мне были прикреплены еще пять студентов. Я знал, что пройдет год-другой, и моя мастерская будет полна ... молодежь поймет, кто ей враг и кто доброжелатель»¹⁸.

Демонстративной вежливостью (Бродский обращался к студентам по имени и отчеству), доступностью и деньгами он, с настойчивой постепенностью, добился расположения студентов, большинство из которых крайне бедствовали¹⁹.

Илья Ефимович Репин часто помогал ученикам, но удивительно тактично²⁰.

Подражая великому учителю, Бродский стремился делать то же, но как? Он приглашал нуждающегося в кабинет и вручал сумму денег, иногда передавал через секретаря в конверте с запиской: «Прошу взять у меня в долг 200 рублей. Вернёте их, когда станете художником»²¹.

Ошарашенный студент, конечно, чувствовал себя неловко и становился обязанным (навсегда). Сколько мне приходилось замечать, в отзывах учеников о Бродском звучало отстраненное почтение, признательность с примесью испуга, но не любовь...

* * *

Современники оставили добрые отзывы о таланте и личных качествах Исаака Израилевича²². Был ли талантлив художник, завоевавший себе исключительное место в советском искусстве портретами вождей и картинами революционного содержания?²³

Среди его ранних пейзажей есть шедевры («Осенние листья», «Осенняя веранда»). Он был талантлив и в той мере, что уделила ему судьба жить в одно время с величайшими светилами культуры. Он многих знал, знали его, ценили, восхищались ажуром-кружевом древесных ветвей его пейзажей, сдержанностью светлых красок.

Но была и другая мера – мера чиновной неуязвимости назначенца, о чем можно судить по фразам. Вот некоторые: «Я стал грозить, что сообщу в партийные и правительственные органы... многие присмирели и даже ретировались»²⁴.

«Глубоко оскорбленный, я в тот же день написал письмо в Центральный комитет партии, в котором рассказал обо всех безобразиях, творившихся на нашем изофронте. Меня вызвали к себе товарищи Орджоникидзе и Куйбышев, которые оказали мне горячую поддержку»²⁵;

«Распределение заказов попало в руки художников из общества «Круг». Они не могли исключить меня из списков, так как знали, как относится ко мне К.Е. Ворошилов...»²⁶;

«Мне позвонили из Реввоенсовета и сказали, что необходим мой приезд в Москву. Я выехал, захватив с собой фотографии с работ «круговцев», чтобы продемонстрировать, каким художникам поручено писать картины о Красной Армии. Фотографии я показал К.Е. Ворошилову и в Центральном Комитете партии. Специальным приказом народного комиссара просвещения А.С. Бубнова Стругацкий был снят с работы в Русском музее...»²⁷;

«Вскоре была создана специальная комиссия..., которой поручено было пересмотреть состав педагогов и студентов Академии. По нашему предложению были уволены педагогиформалисты. Мы провели чистку...»²⁸;

«Мне очень помогал Сергей Миронович Киров, который был тогда секретарем ЦК Коммунистической партии Азербайджана»²⁹;

«Картину смотрел С.М.Киров, дважды приезжал ко мне, она ему очень понравилась. Сказал, чтобы я плюнул на всех критиканов»³⁰;

«... я был приглашен на заседание Реввоенсовета, где сделал ряд зарисовок... В выходной день специально для меня были вызваны все члены Реввоенсовета, чтобы я мог проверить по натуре наиболее важные узлы композиции...»³¹;

«Представителей цензуры я повел по выставке, чтобы они решили, допустимы ли эти вещи...»³².

Нужно ли комментировать?

* * *

Напряженный взгляд развитого честолюбия, смесь неуверенности в себе, врожденно-старческого здравомыслия и осознания величия заслуг, переданы в портрете, написанном

А.И. Лактионовым. В нем находили абсолютное сходство³³.

Те же черты усилил Б.М. Кустодиев, изобразивший Исаака Израилевича в водевильно-клетчатом наряде маклера, с оглядкой пробегающего по голодному Петрограду. Он тащит подмышкой шедевр, приобретенный у большого живописца за буханку хлеба.

По притупленности нравственного чувства, Бродский не увидел различия между шаржем и карикатурой и приобрел портрет, с гордостью показывая его гостям своих представительных застолий.

Было лестно напомнить, что Кустодиев, любимый ученик Ильи Ефимовича, писал портреты первых лиц, состоял в штате придворных живописцев при Высочайшей Особе³⁴.

Это интриговало женщин, навевая тонкий флер причастности самого Исаака Израилевича к близкому кругу Репина, который когда-то не хотел принимать назойливого юношу в ученики, и принял без особого интереса³⁵.

Лишенный испепеляющих душу страстей, всегда напряженно-осторожный, он не мог не осознавать свою посредственность, компенсируя ее величиим должности главного художника партии и правительства. Коллеги это подмечали, но помалкивали³⁶.

* * *

О себе он говорил: «Я знал, что найду поддержку у широких масс и что партия и правительство оценят мою работу»³⁷.

Художник Е.А. Кацман вспоминал:

«...всегда его поддерживали руководители партии и правительства. К.Е. Ворошилов всегда высоко ценил мастерство И.И. Бродского. Когда рапховцы особенно рьяно нападали на Бродского, товарищ Орджоникидзе вызвал его к себе и сказал, что он, Бродский, как художник приносит громадную пользу, и просил его не обращать внимания на лжекритиков и работать спокойно. Н.К. Крупская считала фотокартину Бродского «Ленин в Смольном» лучшим изображением Ленина. С.М. Киров часто советовался с Бродским по вопросам изобразительного искусства»³⁸.

* * *

Видимое противостояние, показательная борьба между авангардом и бродскимизмом были хорошо организованным прикрытием согласованных действий «культурного фронта» против традиций русского реализма³⁹.

«Противостояние» разыгрывалось партией как демонстрация ее неустанной заботы об искусстве, а внешние различия авангарда и бродскимизма придавали фарсу убедительность. Различия были заметны. Эксперименты авангарда это ошарашивающая сила артистического демонизма, эпатажная поэзия, музыка запредельных созвучий, диссонансов и дисгармоний, которым легко отдается страстное человеческое сердце. На фоне выродившихся художественных форм салонного искусства это было ново, дерзко и смело.

Авторы искали формулы-знаки эпохи Коминтерна, стиль новой живописи, архитектуры, промышленного, жилого, общественного пространства социализма. Здесь было искусство в той мере, в какой оно возможно без Гармонии, Любви, без восторга Красоты. Ну а бродскимизм, - видна в нем Гармония, Любовь, Красота?

Слащавость живописи И.И. Бродского, отсутствие композиционных мелодий, ритмов, дурновкусие, сопоставимы с грезами «сумеречного тихони-маньяка», создателя персонажа Веры Павловны и фантома алюминиевого рая. Красочная ткань холстов⁴⁰ бесчувственна. Уродливы пропорции фото-композиций, лживо всё.

В этом легко убедиться рассматривая его монументально-тематические картины. Некоторые их достоинства объясняются участием талантливых исполнителей.

Соратник Исаака Израилевича по зачатию социалистического «изоискусства» Е.А. Кацман вспоминал: «Я нередко советовал Бродскому отказаться от работы с фотографиями, так как они не дают прелести живописного многообразия жизни и искажают пропорции»⁴¹.

Он советовал! Так бы и послушал советов недостижимый «пролетарский Рафаэль». Одержимый страстью идолопоклонства, он трепетал, касаясь вещей кремлевского мечтателя. Уроженца бердянской Софиевки завора-

живали звуки ленинского голоса, пламенные речи пророка, исполненные победным духом революции: «После победы в мире социализма мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места...»⁴² и т.п.

Таков источник вдохновения художничающего большевика-назначенца, не посмевавшего соперничать с фотоаппаратом и сгубившего природный талант на поприще соцреализма.

* * *

Исаак Израилевич не был единственным назначенцем.

В начале 1930-х научный сотрудник Новгородского музея Николай Александрович Чернышев, урожденный граф, осуществил экспозицию древнерусского искусства, содержание которой связывало искусство дохристианской Руси и русского православия, выводило одно из другого.

Такой принцип продолжал изыскания предреволюционных исследователей, учеником которых был Николай Александрович⁴³.

Утверждать экспозицию приехала комиссия во главе с И.Э. Грабарем. «Академик-мерзавец», как прозвал его великий Н.П. Кондаков, экспозицию запретил, а на Чернышева составил донос «куда следует» и повесил ярлык⁴⁴.

Восемь долгих лет граф провел в Сибири, вернувшись на свободу лишь через добровольную службу в штрафных батальонах под Сталинградом и Курском. Ранен не был, а подлость назначенца не забыл⁴⁵.

* * *

Накануне революции появилась шеститомная «История русского искусства». Ее разделы и главы писали крупнейшие ученые. Тексты редактировал И.Э. Грабарь, да так, что у меня, подростка, тщательно отштудировавшего все, на долгие годы сформировалось представление о русской культуре как второсортной по отношению к Западу и Востоку.

В грабаревской растолковке выходило, что развитие древнерусской живописи есть неуклонное движение от византийского идеала в сторону вырождения. Эта формула уже столетие сидит в головах читающих. Таков

фундамент официозного искусствоведения и сегодня.

Полвека изучая русскую живопись вплотную, я долго находился в вопросительном состоянии, лишь на склоне лет уяснив, наконец, что в писаниях Грабаря, - по словам художника М.В. Нестерова, есть некий умысел⁴⁶.

Думаю, не случайно Грабарь, как и Н.Н. Пунин, в сталинское время «работал над ошибками» в текстах. (Правда, Пунина это не спасло от ГУЛАГа).

Неумному «искусствоведу» нравилось вешать ярлыки на художников и художественные явления.

Известны нападки Грабаря на возрождение Высокого Русского стиля, прозванного им «банно-вокзальным»⁴⁷. Он напал на творчество великого М.В. Нестерова⁴⁸.

В письме А.А. Турыгину от 6 июня 1909 г. Нестеров пишет: «... получил официальное уведомление от Комитета Международной выставки в Мюнхене – о присуждении мне за «Св. Русь» золотой медали 1-го класса... Что-то теперь предпримут Дмитр.Ив.Толстые, Маковские Владимиры и Сергеи, Грабари и Дягилевы для водворения «Св. Руси» снова в «одиночное заключение» в Академии за черносотенство ее автора? Да, Мюнхен нарушил равновесие и хорошее настроение моих «друзей» слева»⁴⁹.

Нужно было иметь высокую цель, чтобы противостоять злым нападкам. М.В. Нестеров пишет: «... не они страшны мне, не их суд, а тот суд, который произнесет время, не их «искусствование» может труд мой свети на нет, а, помилуй, Бог, собственное бессилие, отсутствие живых творческих начал – вот это куда пострашней и бойких перьев и злых языков. Одно время может сказать, кто из нас чего стоит. И от такого суда никуда не спрячешься, ничем не оградишь себя»⁵⁰.

При Царе грабаревские заярлычивания были проявлением его натуры, но после революции они превращались в клеймение, приговоры, навешиваемые комиссарами с тем, чтобы со ссылкой «на авторитет» сокрушать святыни и дух народа.

В письме к А.А. Турыгину от 15 июля 1929г. Нестеров пишет: «Недавно кто-то мне

сказал, что в одном из иллюстрированных журналов была статья Грабаря... там он ставит мне в упрек, что я недостаточно способствую «социалистическому строительству» (иначе: «бди»). Что тут скажешь...»⁵¹.

А вот мнение о Грабаре, высказанное со слов С.Д. Милорадовича, великим русским художником Валентином Александровичем Серовым: «... В Москве появился художник Грабарь. О покушении на его жизнь на Кавказе нам сообщил Пастернак, и о нем было много разговоров. Откуда он появился, я не знал, и что он собой как художник представлял. С вопросом этим я обратился к Серову. «Вы хотите знать! - Серов вытянул крахмальную манишку из правого рукава, просунул между указательным и средним пальцами большой палец, сжал свой маленький кулачок, нагибая и поворачивая его в разные стороны, ответил мне: - Вот вам Грабарь».

Своей мимикой, движением головы, руки или ноги удивительно, как он умел выразить или подчеркнуть свою мысль»⁵².

По свидетельству М.В. Нестерова, великий Виктор Михайлович Васнецов до последних дней ожидал, что для его ареста «явится Грабарь со своими чекистами»⁵³.

* * *

Если верить мемуарам Н.К. Крупской, Ильич толковал: «Искусство принадлежит народу, служит ему, и должно быть понятно им»⁵⁴.

Но в каком ракурсе подруга и соратница поняла этот посыл, если учесть, что вождь искусством не интересовался?

Надежда Константиновна, похоже, не сообразила, что гений, помимо плана монументального «агитпропа», предназначенного для всенародного понимания, имел ввиду антикварную стоимость предметов искусства, экспроприированных именем народа под лозунгом «Грабь награбленное!». В этом убеждает деятельность так называемого «музейного фонда», куда стаскивали отнятое.

Изъятие большевиками, а к 1945 году и немецкими фашистами, в общей сложности, более 95% художественно-исторических сокровищ России нанесло непоправимый

ущерб. Какая цивилизация смогла бы выжить после уничтожения культурного достояния?⁵⁵ Оправдаться было невозможно, и на протяжении советских десятилетий власть невнятно бормотала то о страданиях зарубежных пролетариев, то о закупке американских паровозов, то о голоде в Поволжье и прочее.

А между тем, еще в эмигрантских заграницах ленинцев заинтересовал антиквариат, и в свои первые годы, наряду с «музейным фондом», они создали по всей стране сеть музеев «дворянского быта», художественных, историко-краеведческих. В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий лично курировали эту деятельность, тщательно вникали в подробности, расставляя на ответственных местах нужные креатуры. В новые музеи пригласили работать знатоков, подвижников. Те обрадовались, провели учет, описания, каталогизацию, предварительную реставрационную обработку, уверенные в том, что служат Отечеству.

По завершении работы с документами, музеи закрыли, документы изъяли, подвижников убрали. Ценности ушли «куда следует», а концы спрятали в воду. Афера удалась.

При Хрущеве подобная практика возобновилась. Тогда, например, полностью исчезла коллекция краеведческого музея в Можайске. А состояла она из раритетов, некогда находившихся в знаменитом имении графов Уваровых⁵⁶.

В 1918 году, с той же целью, теми же лицами были спешно (!) созданы научно-реставрационные мастерские, где расчищались для продажи за рубеж конфискованные иконы⁵⁷.

О делах, творившихся там, до сих пор ходят легенды⁵⁸.

Руководить мастерскими Л.Д. Троцкий назначил И.Э. Грабаря...⁵⁹ К счастью для икон, большая часть сотрудников мастерских, люди верующие, русские, хорошо понимали, что (!) в их руках, многое спасли, подсовывая Грабарю мастерски сделанные копии... Но, конечно, всё спасти не удавалось.

* * *

Лирик голубых березок и хризантем был назначен и главою московских складов «му-

зейного фонда». Он составлял тексты ленинских декретов о национализации святынь и сокровищ, которые Ленин лично утверждал и корректировал в сторону ужесточения.

Выполнял «академик-мерзавец» еще одно партийное задание: контролировал изъятие из монастырей и консисторий архивных документов допетровских веков. Ими «до куполов» была завалена, по свидетельству очевидца, огромная соборная церковь Новоспасского монастыря в Москве⁶⁰. Где они теперь?...

Жаждавший власти и славы Грабарь был напорист и наслаждался возможностью совать нос во всё и везде, ходить «по головам», в первую очередь, тех, кто до революции не подавал ему руки.

Известны трагические судьбы академиков живописи С.А. Виноградова, И.С. Куликова, С.Ю. Жуковского, посмевших выступить против грабаревских обновлений в Третьяковской галерее⁶¹.

Художник-реставратор А.Д. Корин, узнав о планах уничтожения свернутого в рулон ивановского полотна «Явление Мессии», сообщил брату Павлу Дмитриевичу и, лишь хлопотами М.В. Нестерова, А.М. Горького и личным распоряжением И.В. Сталина, знаменитая картина была спасена⁶².

Какова роль «академика» в этом деле, почему А.Д. Корин исчез в ГУЛАГе, а Грабарь процветал?⁶³

* * *

Созданная указом И.В. Сталина «Комиссия по охране архитектурного наследия Москвы» имела целью расширение улиц, перепланировку площадей с учетом сохранения памятников зодчества.

В состав Комиссии ввели лучших ученых, в том числе, П.Д. Барановского, А.И. Анисимова, Н.П. Сычева. Во главе комиссии назначались А.В. Щусев, как писал М.В. Нестеров: «упоенный своей диктатурой..., но бессильный, идущий «под суфлера» миротворцем», и вездесущий И.Э. Грабарь⁶⁴.

Действовала Комиссия с точностью до наоборот – утверждала перепланировку за счет уничтожения старомосковских символов «проклятого прошлого».

Председательствующий Игорь Эммануилович на каждом заседании взывал голосовать за ликвидацию того или иного «объекта». Результата не было, и за пару лет все члены Комиссии оказались в ГУЛАГе, а храмы сносили и без их подписи⁶⁵. А.В. Щусева не тронули: он строил мавзолей мечтателя.

На свободе остался и академик. Его ценили. Когда искусствоведение получило директиву выстроить соцреалистическую иерархию, Грабарю выделили почетное местечко, разумеется, не за хризантемы, а за картину «Ленин у телеграфа».

После 1945 года ориентиры поменялись, и академик присмирел, памятуя удел искусствоведа-комиссара Н.Н. Пунина. Грабарь умер на свободе, хотя навредил России не меньше, чем жилец Фонтанного дома. Если не больше.

* * *

В Ленинграде ответственная роль по контролю над антиквариатом была поручена главному художнику соцреализма.

Бродский презирал автора картины «Ленин у телеграфа», не писал ни хризантем, ни голубых березок. В его живописи спектральных красок нет. Исаак Израилевич мыслил крупной формой ленинианы, исполненной величавых ритмов Интернационала. Цвет здесь был ни при чем, да и Красота тоже. Куда там «французенькому» Грабарю с его болтовней и парижской ностальгией⁶⁶.

В отличие от невзрачного интеллектуала, Бродский был привлекателен, импозантен, элегантно одевался, носил рафаэлевскую прическу, был опрятен. Он умел одновременно и произвести впечатление, и свое не упустить, органично сочетая поручения Реввоенсовета и собственный “Geschäft”.

Собрание русской живописи и графики в Петербургском музее-квартире И.И. Бродского можно видеть до сих пор. Здесь маэстро явил вкус и недюжинный дар знатока антиквариата (работы Грабаря не приобретал).

Будучи членом Государственной закупочной и экспертной комиссии Комитета по делам искусств при Совете Народных Комиссаров СССР в Ленинграде, он не упускал ни-

чего, собрав свыше тысячи шедевров⁶⁷.

В старинную квартиру графа М.Ю. Вильгорского, где бывали М.И. Глинка, А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, К.П. Брюллов, он поместил немало и западноевропейских ценностей (мебель, бронза, живопись, гравюры). В роскошном интерьере получалось вполне «дворянское гнездо».

Еще родные Исаака Израилевича мечтали жить в господской роскоши, хотя в Бердянском уезде это было неосуществимо для пролетариев. Но даже у главного художника соцреализма мечты сбывались не сразу. Предреволюционная попытка обзавестись дворянской усадьбой, которые тогда за бесценок, вместе с мебелью, люстрами и «Фирсами» скупали «новые русские дворяне», в том числе, И.Э. Грабарь, А.Н. Бенуа и другие, закончилась национализацией приобретения в 1918 году.

Игрой в «дворянские гнезда», в «господ» были одержимы все, кто вчера был никем, даже самые авангардные художественные революционеры, как, например, Н.Н. Пунин, обставлявшийся ампирной мебелью комиссар Пролеткульта.

Эту смешную черту усвоила значительная часть новой интеллигенции, особенно те, кто имели пролетарские корни.

На то и революция...

И вот, получив, наконец, графскую квартиру, И.И. Бродский наполнял ее роскошью. Предстояло встречать, угощать и забавлять высоких гостей, выстраивать нужные связи, договариваться о заказах и гонорарах.

Сживая теперь в парадной столовой за огромным обеденным столом графа, Исаак Израилевич, не без грусти созерцал висящие на стенах шедевры Репина, Серова, Левитана, Жуковского, Коровина, Кустодиева... Вспоминал милую Софиевку, юношеские мечты, страсть к живописи, теперь остывшую, и, конечно, осознавал утрату дарованного ему свыше чувства Красоты.

Компенсируя изъян, он наполнял теперь Красотою чужих произведений помпезно-бесцветный быт художественного чиновника.

После И.И. Бродского завистливые жены номенклатуры пристрастились к антиквариату, ампирной мебели, фарфору.

А между тем, «органы» зорко следили за своими креатурами. И о том, что забывший об осторожности основоположник-зачинатель стал, как и Малевич с Филоновым, разменной картой в чужой игре, говорит факт «передачи» государству половины его собрания.

Пришлось делиться.

Более двухсот работ русских художников он «подарил» Днепропетровскому музею⁶⁸.

А на родине основоположника был создан музей с полотнами Тициана, Рембрандта и др. В 1940-х собрание из более чем 250 картин, навсегда исчезло в фашистской Германии⁶⁹.

Исчез и Исаак Израилевич. В годы «великих сталинских чисток» он как-то вдруг оставил этот несовершенный мир. Главные игроки знали, когда какого туза сдать, а какого назначить новым «шахер-махером» культурной революции.

Но тогда осиротевший соцреализм оплакивал слишком любившего антиквариат зачинателя, да партноменклатура Ленинграда, по свистку сверху, под звуки Марсельезы, открывала мемориальный музей, переименовав улицу, названную когда-то в память венценосного основателя Русского музея, именем соцреалистического святого.

* * *

Ученик и продолжатель дела Бродского Владимир Александрович Серов тоже достиг художественной начальственности посредством ленинских прищуров и картин революционного содержания.

На рубеже 1964-65 годов, когда творец «Ходоков у Ленина» был Президентом Академии Художеств СССР, в Ленинградской Академии вспыхнул бунт против присвоения Серову ученой степени доктора искусствоведения.

При Сталине такую степень присвоили И.И. Бродскому⁷⁰. Кто бы тогда возразил?

А хрущевская «оттепель» еще не замерзла. Бунтовали возмущенные художники, искусствоведы, преподаватели, студенты. Наказали всех, дело замяли, документы спрятали.

Символично не то, что люди иногда бунтуют, даже советские, не то, что Вл. Серов чиновник пресловутого культурного фронта,

а то, что в подоплеке событий торчали рога и копыта бродкистского официоза⁷¹.

Над Президентом, набившим руку на ленинском прищуре, посмеивалась страна.

Тогда же вместе с классиком-Президентом и я, молодой балтийский матрос, набивал руку на «Лукиче». На спор, отвернувшись и не глядя, шутя, я рисовал мыльниковско-ленинский профиль⁷², дурил бесшабашно, безысходно, безденежно, не считая выигранного в споре нектара Бахуса, мгновенно исчезающего в алчущих матросских глотках. Зато всерьез пыхтел классик: рисовал, уточнял, подмалевывал, лессировал, лачил. За деньги. За большие деньги и награды. Так, как учил великий Исаак Израилевич.

Нудная, старчески дряблая живопись Вл. Серова напоминает потертую ткань обожествляемого Бродским ленинского пиджака и как бы издаст затхлый душок каторжно-эмигрантских туров его владельца.

Вл. Серов на фронте, разумеется, не был. Художники-фронтвики, блокадники во множестве свидетельствовали, как наделенный высшей властью над Ленинградским Союзом художников, он в голодную Блокаду, с ближайшим окружением (в узком кругу), распределял продовольственные пайки. Имена «окружения» хорошо известны.

Многие художники были свидетелями, многие стали жертвами. Это грязная история⁷³.

И сходило. Потому что, как и руководители других творческих союзов, Владимир Александрович обязан был регулярно представлять письменные отчеты «куда следует»⁷⁴.

Он тоже имел страсть к экзотическому антиквариату. И в Чернышевском переулке бестрепетно почивал на историческом одре казненной революционером Мари-Антуанетты.

* * *

В то время, как большинство советских живописцев, вопреки всему, создало драгоценный пласт культуры XX века, хранящий суть русского реализма, верность Правде, Красоте, веру в высокое призвание Родины, конъюнктурное творчество назначенцев принимало все более отталкивающие формы ху-

дожественной лжи.

В СССР существовали специализированные производства живописных и скульптурных прищуров, лысин, пиджаков с ботинками и прочего соцреализма. Подноготная такого искусства выражена как «линия Бродского»⁷⁵, внушавшего ученикам «выразить идеи Ленина, обновившие нашу жизнь и нашу страну»⁷⁶.

Советские художники знали, что в башнях Сергиевой лавры тогдашнего Загорска было складировано бесчисленное множество этих творений. Где они теперь?

В годы перестройки западные коллекционеры африканских масок и ритуальных принадлежностей племени Вуду охотно пополняли свои собрания эталонными творениями номенклатуры официозного соц-арта. И если в 20-е годы приобретался русский антиквариат, то в 90-е экзотика ценностей искусства рухнувшего социализма вызывала восторг западного обывателя. Соцреалистические фантомы уплывали в сумрачную даль, из которой некогда приковывал к нам призрак коммунизма...

Примечания

¹Трубецкой Е.Н. Смысл жизни, АСТ-ФОЛИО. М. 2000.

²В.М. Бехтерев писал: «Иногда достаточно одного брошенного слова. Одной мысли или даже одного мановения руки, чтобы толпа разразилась жесточайшими злодеяниями. Все происходит рефлекторно». См. В. Бехтерев. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб. 1908. Издано у К.Л. Риккера.

³И кто был кем...// Новый журнал. Октябрь. №5. Л, 1991, с. 83-95; система «стукачества» функционировала вплоть до ликвидации КПСС.

⁴На моей памяти, в 1970-80-е политзанятия проходили в кинозале (теперь – «Белая гостиная») ленинградского союза художников ежеквартально. Ответственные секретари секций по почте, заранее рассылали многие сотни индивидуальных повесток, где последней строкой требовалась обязательность присутствия. То же происходило в стенах Ленинградской Академии Художеств. Профессора и преподаватели поголовно обязывались присутствовать и для этого подписывали «особую» бумагу. Сведения о пропустивших поступали «куда следует».

⁵Екатерина Федоровна Иванова, моя бабушка, рассказывала о таких шествиях по Невскому проспекту в 1918-1919 годах. Среди несущих революционные транспаранты совершенно голых людей она заметила и бесстыжего поэта Маяковского. Никогда потом не чи-

тала его стихов.

⁶Снычев. Митрополит Иоанн. Русская симфония, СПб, 2007, с.269-273. Владыка Иоанн приводит свидетельства из воспоминаний князя Н.Д. Жевахова о зверствах большевицких садисток.

⁷По свидетельству Юрия Дмитриевича Ломана, автора автобиографических записок «Воспоминания крестника Императрицы», АРТ-ИНДЕКС. СПб. 2010.

⁸Лишь в последнее десятилетие большевизма русские писатели, выходцы из крестьянских семей, свидетели и летописцы уничтожения деревни, были отмечены Государственными премиями СССР: Виктор Астафьев, Федор Абрамов, Василий Белов, Владимир Чивилихин и другие. А ранее каждому из них ответственная номенклатура соцреализма навесила презрительный ярлык: «писатель-почвенник».

⁹Бродский И.А. Черты характера. // Памяти И.И. Бродского. Воспоминания, документы, письма, Художник РСФСР. Л. 1959с. 132.

¹⁰Нестеров М.А. Из писем, Искусство. Л. 1968. с.323.

¹¹Там же, с. 307. В 1932 году М.В. Нестерова прочли в ректоры новой Академии.

¹²Бродский И.И. Автобиография. // Памяти И.И.Бродского... с. 19.

¹³Непринцев Ю.М. // Памяти И.И. Бродского ... с.166.

¹⁴Меламуд Ш.Н. Воспитатель молодых художников.//Памяти И.И. Бродского...с.147-148.

¹⁵Кузнецова-Бурлюк Л.Д. Воспоминания о Бродском. // Памяти И.И.Бродского...с. 56;

Лактионов А.И. // Памяти И.И. Бродского... С.162.

Трошичев А.А. // Памяти И.И. Бродского... с. 178;

Зарубин А.П. // Памяти И.И. Бродского... с.186.

¹⁶Кацман Е.А. Исаак Бродский. // Памяти И.И. Бродского... с. 110.

¹⁷Передано кандидатом искусствоведения Н.В. Фаминской со слов художника Л.Ф. Овсянникова.

¹⁸Бродский И.И. В Академии Художество. // Памяти И.И. Бродского... с. 206.

¹⁹Козелл М.Г. // Памяти И.И. Бродского... с. 182;

Бучкин П.Д. О товарище и художнике. // Памяти И.И. Бродского... с. 89.

²⁰Бучкин П.Д. О том, что в памяти. Записки художника, Художник РСФСР. 1963. с.125.

²¹Тимков Н.Е. // Памяти И.И.Бродского... с.173.

²²Курилко М.И. Памяти друга. // Памяти И.И. Бродского...с. 166.

²³Рылов А.А. Из моих воспоминаний. // Памяти И.И. Бродского... с. 60,61.

²⁴Бродский И.И. Общество имени А.Н. уинджи. // Памяти И.И. Бродского... с. 203.

²⁵Там же, с. 204-205.

²⁶Бродский И.И. «Черные стены». // Памяти И.И.Бродского...С. 205-206.

²⁷Там же, с. 206.

²⁸Бродский И.И. В Академии Художеств. // Памяти И.И. Бродского... с.206.

²⁹Бродский И.И. «Расстрел 26 Бакинских комис-

саров» 1926 г. // Памяти И.И. Бродского... с.210.

³⁰Письма И.И. Бродского художнику М.Б. Грекову. 1929 г. // Памяти И.И.Бродского... С.218.

³¹Бродский И.И. «Заседание Реввоенсовета СССР под председательством К.Е.Ворошилова» 1928 г. // Памяти И.И.Бродского... С.212.

³²Бродский И.И. Общество имени А.И.Куинджи. // Памяти И.И.Бродского... С.203.

³³Горб В.А. Чуткий руководитель. // Памяти И.И.Бродского... С.154.

³⁴Передано кандидатом искусствоведения Е.Н.Арсеньевой.

³⁵Кузнецова-Бурлюк Л.Д. Воспоминания о Бродском. // Памяти И.И. Бродского... с.53.

³⁶Зная о близких отношениях И.И. Бродского с руководителями СССР, претерпев годы «Красного террора», «военного коммунизма», экспроприации, голод, «чистки» коллеги-художники предпочитали не высказываться.

³⁷Зарубин А.П. // Памяти И.И. Бродского... с.185.

³⁸Кацман Е.А. Исаак Бродский. // Памяти И.И.Бродского... с.113; С.М.Кирову и Бродскому приписывают инициативу создания в 1934 году «школы юных дарований» при Академии Художеств. Однако эту инициативу следует отнести к Ивану Яковлевичу Билибину, отдавшему много сил своему замыслу, не осуществленному по причине революционных событий в России.

³⁹Медведев А.В. Аксиомы авангарда. // Медведев А.С. Ни коня, ни сабли. ОАО «Информационно-издательский центр Правительства Санкт-Петербурга «Петроцентр», 2013. С. 90.

⁴⁰Там же, с. 80.

⁴¹Кацман Е.А. Исаак Бродский. // Памяти И.И. Бродского... с. 113.

⁴²Ленин В.И. ПСС, т. 44, с. 225.

⁴³Чернышев Николай Александрович (1906-1979), художник-реставратор, археолог, сотрудник Новгородского музея-заповедника.

⁴⁴Кызласова И.Л. Из дневника Н.П. Кондакова за 1917г. // Программа «Храм» Санкт-Петербургского Фонда культуры. Сборник материалов (ноябрь 1993-июнь 1994). Выпуск 6. 1994. с.47.

⁴⁵С Николаем Александровичем Чернышевым я познакомился в Новгороде в 1971 году, и вплоть до его кончины мы встречались. Он был общителен, а беседы с ним весьма интересны. Его жилище располагалось в первом этаже юго-западного ряда келий Антониева монастыря. Здесь он и работал, оборудовав станки и бронзолитейную печку. Я стал свидетелем многолетнего труда его по воссозданию бронзовых паникадил Новгородской Софии, в том числе, Большого Годуновского паникадила. По словам Николая Александровича, работа по воссозданию этой святыни, наполненной образами Апокалипсиса, длилась около 20 лет и была завершена в начале 1970-х годов.

⁴⁶Нестеров М.В. Из писем. Искусство. Л. 1968. С.308.

⁴⁷Эту кличку-ярлык А.Н. Бенуа и И.Э. Грабарь приклеивали к постройкам А.В. Щусева, В.А. Покров-

ского, С.С. Кричинского и других архитекторов, возродивших Высокий Русский стиль. Традицию ненависти к нему продолжили большевистские «авангардисты» - К.С. Малевич, Н.Н. Пунин и проч. Эта традиция жива и ныне.

⁴⁸Грабарь И.Э. Две выставки. // Весы. 1907, март. С.100-105.

⁴⁹Нестеров М.В. Письма. Избранное. И. Л. 1988. С. 235-236.

⁵⁰Нестеров М.В. Из писем. И. Л. 1968. С. 238.

⁵¹Там же, с. 287.

⁵²Милорадович С.Д. Встречи в Училище живописи, ваяния и зодчества. // Валентин Серов в воспоминаниях и переписке современников. Том 2. Художник РСФСР. Л. 1971. с. 85.

⁵³Сведение из писем М.В. Нестерова.

⁵⁴Ленин В.И. Об искусстве. Сборник статей. М. Политиздат. 1962.

⁵⁵Крылов А.К. Мастерской церковно-исторической живописи 15 лет. Итоги и перспективы. // Крылов А.К. Колористический символизм древнерусской стенописи. СПб. АРТ-ИНДЕКС. 2011. С.326-327.

⁵⁶После революции часть известного художественного собрания Уваровых, хранившегося в имении Уваровка близ Можайска, была расхищена и бесследно исчезла; часть продана за рубеж; часть поступила в крупные государственные собрания; часть передана в художественно-краеведческий музей города Можайска, откуда «исчезла» в хрущевское десятилетие, когда здание музея долго «ремонтровали». (Со слов коренных жителей Можайска – Б.Л. и Н.Б. Васнецовых, Л.Ф. Парфентьевой-Гелашвили, В.В. Ушакова, И.И. Горохова.)

⁵⁷Ныне – ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря.

⁵⁸Слышано мною в разные годы от художника Георгия Дмитриевича Шишмакова (1950-е), скульптора Александра Тимофеевича Игнатьева (1960-е), историков искусства – Веры Григорьевны Брюсовой и Нины Михайловны Молевой (1980-е), реставраторов – Николая Александровича Чернышева (1970-е) и Владимира Дмитриевича Сарабьянова (1990-е).

⁵⁹Нестеров М.В. Из писем. И. Л. 1968. С.263.

⁶⁰Передано мне в 1981 году очевидцем, кандидатом искусствоведения Ниной Михайловной Молевой.

⁶¹Жуковский С.Ю. Об И.Э. Грабаре и Третьяковской галерее. // Вечерние известия, М. 11 февраля 1916.

⁶²По свидетельству Михаила Васильевича Нестерова.

⁶³Нестеров М.В. Из писем. И. Л. 1968. С.311.

⁶⁴Там же, с. 260.

⁶⁵Со слов художника-реставратора Высшей категории и историка искусства Владимира Дмитриевича

Сарабьянова, в 1990-е годы изучавшего протоколы заседаний Комиссии.

⁶⁶И.Е. Репин называл французскую живопись рубежа XIX-XX веков «французенькими французиками».

⁶⁷Корнилов П.Е. Заметки об И.И. Бродском. // Памяти И.И. Бродского... с. 119;

Бродский И.А. Черты характера. // Памяти И.И.Бродского... с. 128.

⁶⁸Панин М.Н. Мои встречи с И.И. Бродским. // Памяти И.И. Бродского... с. 48;

Бродский И.А. Черты характера. // Памяти И.И.Бродского... с. 128;

Лактионов А.И. Наш учитель и друг. // Памяти И.И. Бродского...с. 164;

Непринцев Ю.М. // Памяти И.И. Бродского... с. 170.

⁶⁹Бродский И.А. Черты характера. // Памяти И.И. Бродского... с. 128.

⁷⁰Меламуд Ш.Н. Воспитатель молодых художников. // Памяти И.И. Бродского...с. 150-152.

⁷¹Вовремя отправив на флот, судьба уберегла меня от участия в бунте, где пылкая молодежь становилась главной жертвой. О подробностях событий я узнавал из писем друзей.

⁷²Речь идет о мыльниковском профиле В.И. Ленина, украшавшем парадный занавес Кремлевского Дворца съездов. Это изображение в те годы встречалось повсеместно: от министерских кабинетов, до коридоров жилищных контор, сельсоветов и стен вагонов трамваев, автобусов, и проч., и проч.

⁷³Слышано мною в разные годы от художников-фронтовиков и блокадников, свидетелей тех событий: Георгия Дмитриевича Шишмакова и Михаила Георгиевича Козелла (1950-е); Бориса Васильевича Котика и Ивана Семеновича Сорокина (1960-е); Геннадия Дмитриевича Елифанова и Александра Алексеевича Трошичева (1970-е); Николая Ильича Андрецова и Владимира Георгиевича Старова (1970-1980-е). По осторожности современников событий, такие сведения громко не обсуждались, тем более, не публиковались. Привожу эти сведения, чтобы они не исчезли бесследно из нашей памяти.

⁷⁴И кто был кем... // Новый журнал. Октябрь. №5. Л. 1991. с. 83-95.

⁷⁵Меламуд Ш.Н. Воспитатель молодых художников. // Памяти И.И. Бродского...с. 146.

⁷⁶Бродский И.И. К молодым художникам (письмо, прочитанное на торжественном заседании, посвященном выпуску дипломатов Института живописи, скульптуры и архитектуры Академии Художеств в 1937 году). // Памяти И.И. Бродского... с. 195.

Вячеслав ПОЛЯКОВ

Станица

Банальное понятие «Станица» по В.И. Далю, Брокгаузу и Эфрону и Википедии.

Станица или юрт – казачье военное поселение, сельский населенный пункт или всякая казачья община, ровно посланная куда-либо казачье партия (отряд).

Смею отметить, что все эти поверхностные определения лишь издали приближаются к истине. Не совсем, а точнее, совсем не населенный пункт или отряд зовутся у казаков «станницею».

Скорее станица – рыцарский, виртуальный «лыцарский» орден, способный выставить вооруженный отряж (взвод, сотню, эскадрон, полк или несколько полков, а то и две развернутые дивизии – и такое бывало). Главный ресурс станицы – количество клинков в строю. «Была бы воля – все остальное прибудет», - один из казачьих девизов на клинках или «Ищи землю!» - в отличие от «Ищи мясо» на ложках крестьян.

Юрт – объем ресурсов (земли, воды, минералов, лесов и прочего). Главный ресурс – производительные силы, не только казаки, но и все, проживающие в юрте. Наделение юртом станицы от войска зависит не только от количества клинков, а прежде всего, от совокупной стоимости валового продукта, произведенного в юрте. Войско регулирует, уравнивает доход на одного казака во всех юртах. К примеру, одна станица на годовом смотре «покровском», осенью, выставила 1500 конных и справных (экипированных) казаков, готовых к первой очереди – срочной службе, другая – 750. Соответственно, у первой в этот год юрт по совокупному продукту будет нарезан в два раза больше, чем у второй. На следующий год первая сократилась до 1000, а вторая возросла до 1000 же. Соответственно, у первой юрты – сокращается, у второй – увеличивается (они уравниваются в объемах).

Экономика – не главное, она вторична по отношению к культуре, духовности станичного общества. «Казак» - синоним «станич-

ник», без станицы не существует казака, а станицы без войска. Самого по себе казака не существовало и не существует. Казак – член станичного общества, никак по-другому не бывает. Обращение «честная станица» - не красное словцо: в нем глубокий смысл соблюдения казачьего «обыка» (обычного права, обычаев и традиций), который выше Закона. Высокая мораль и нравственность всего станичного общества определяет признание ее войском и государством «честной», а не воровской станицей. Наличие в станичном обществе высокой морали, образованности, духовности дает ей право называться «честной». Духовность определялась не только наличием церквей, соборов, часовен и капличек, а воцерковленностью всей станицы, ее сплоченностью, прежде всего – духовной.

Автор начинает писать цикл «Станица» в надежде дать возможность читателям разобратся в казачьем понимании этого феномена, описать в лицах удивительное явление «станница» в разных ипостасях: социальной, правовой, экономической. Духовной, культурной, военной, исторической и других.

Семейная тайна

«Говорить от семейной тайне Поляковых нельзя ни при каких обстоятельствах», - учила родная бабушка Матрена Степановна, урожденная Горохова, по матери Ландырева, казачка станицы Елизаветинской, старшая невестка (жена старшего сына Григория) Кирилла Ивановича Полякова, последнего лейб- и камер-казака вдовствующей Императрицы Марии Федоровны II.

С раннего детства в семье нашептывалась одна из тайн родного дедушки. Его звали не Георгий, а Григорий «по-настоящему», Кириллович. Ему специально сменили имя в 1919 году, чтобы скрыться от большевиков, о чем каждый раз говорилось на его могилке уже не существующего кладбища в городе Ростове-на-Дону. Надпись на кресте была правильная:

«Поляков Григорий Кириллович», а кладбище находилось недалеко от дома, где жила бабушка Миля – так ее называли. Она имела восемь детей: трех сыновей и пять дочерей – и многочисленных внуков. Был еще девятый ребенок, Кирилл, названный в честь деда. Но он умер от столбняка в восемь лет. Старший в семье сын Анатолий – мой папа.

В центре г. Ростова находился большой – двадцать восемь соток – участок земли с дореволюционной водокачкой, садом, виноградником и местом детских игр – бугром-валом – и остатками дома, двести семьдесят квадратных метров по фундаменту первого этажа: дом разобрали на баррикады как недострой в годы Великой Отечественной войны. Папа многократно повторял, что все это было бы цело, если бы жив был отец. Григорий Кириллович строил этот дом перед самой войной: на первом этаже – тринадцать комнат, где у него предполагалась отдельная спальня и личный кабинет-библиотека, по отдельной комнате планировалось для каждого из детей.

Откуда такая роскошь при всеобщей вопиющей, показной нищете? Я никак понять не мог. Все говорили о какой-то загадочной, никогда не виданной мною бабушке с красивым именем Стефанида Андроновна... Мой папа Анатолий Григорьевич – старший ее внук, очень хорошо ее помнил. Он родился 2-го мая тысяча девятьсот двадцать пятого года. Ему было шестнадцать лет, когда «при непонятных обстоятельствах» погиб его отец Григорий Кириллович. Свою бабушку Стешу папа видел только при жизни своего отца.

Все боялись нечаянно выдать друг друга. Мой дедушка по матери, Павел, дружил с дедушкой Григорием, они частично открылись друг другу: например, было известно, мой дедушка Иванов Павел Иванович, по матери Волошинов, служил казначеем в армии Антона Ивановича Деникина.

Старший внук двух родов и, естественно, любимчик, я был посвящен в некоторые тонкости истории обеих семей. С раннего детства родители часто отправляли меня погостить к бабушкам и дедушке по очереди. Когда я учился на первом курсе Ростовского художественного училища им. М.Б. Грекова, пришла очередь пожить у бабушки Мили. Все дети ее

давно выпорхнули из родительского гнезда, она жила одна, с жилищкой, ее часто навещали дети и многочисленные внуки. Мне исполнилось двадцать лет, а был уже вполне взрослым, отлично учился и вполне хорошо соображал. Параллельно с художественным училищем я занимался в Школе инструкторов горного туризма и альпинизма при Региональном Совете по спорту, несколько месяцев в году проводил в горах Кавказа.

Бабушка Миля была очень набожная, глубоко верующая, каждый день посещала раннюю обедню в Соборе. Когда еще работала – ночным дежурным в трамвайном парке – каждый день после смены утром молилась в храме, после чего шла на центральный рынок за продуктами, но перед тем, как возвратиться домой, обязательно заходила на могилку к мужу, Григорию Кирилловичу – пока существовало кладбище в пяти минутах ходьбы от дома по пути с трамвайной остановки... Тихо молилась там, всплакивала, прибиралась – и шла к детям и внукам... Целый год мы прожили вдвоем. Вечером, после молитвы, бабуля рассказывала мне совершенно невероятные истории – порой мне казалось. Что от старости она уже немножко «заезжает». Она говорила о муже Григории и свекре Кирилле Ивановиче, часто называя их святыми. Григорий, спасая семью, как верующий старообрядец, не пошел на самоубийство, а упросил соседа и друга, тоже «из бывших», убить его как бы на почве ревности. Так он отвел угрозу ареста от жены и предотвратил помещение детей в детский дом, когда понял, что Органы начали его разыскивать и арест неминуем. Его убийцу осудили на полтора года за преступление в состоянии аффекта, но сидел он меньше года. Мой папа хотел жениться на его дочери – в благодарность за избавление от мук родителя и всей семьи, но выполнил завещание своего отца и женился на дочери его друга Павла, моей маме Евгении Павловне из рода Волошиновых.

Все, что бабушка поведала мне втайне от всех, «чтоб у них крышу не снесло», она строго наказывала никогда никому и ни при каких обстоятельствах не передавать, кроме моих собственных будущих взрослых детей и внуков. Речь шла о Царе, Царицах, Великих

Князьях и Цесаревнах, жизни мужа в царских дворцах. О том что дедушка – один из первых русских летчиков-инструкторов. О дружбе его с Цесаревичем Алексеем, о Великом Князе Александре Михайловиче (Сандро), влетной школе которого дедушка летал с шестнадцати лет. О том, как у него в двадцать втором году в биплане кончилось горючее и он спланировал в станицу Елизаветинскую, где они и познакомились. В то время бабушка была круглой сиротой и жила со своими братьями, неся обязанности хозяйки дома – все было на ней... Рассказы о Царях. Дворцах, Великих Князях и Князьях мне были совершенно непонятны, но она пересказывала слова мужа в таких подробностях, что дух захватывало и было трудно поверить. Она говорила. Что ее свекровь Стефанида Андроновна была кумой Императрицы Марии Федоровны, и государыня дарила семье много подарков, в том числе и яйца Фаберже. Кирилл Иванович лично вывез сокровищницу казначейства Дома Романовых. Дедушка Григорий часто играл на прогулках с Царем. Великими Кеяжнами и Цесаревичем, старше которого был на шесть с половиной лет, приглядывал, чтобы тот, увлекшись игрой, не упал, не ушибся, будучи очень подвижным мальчиком. Алексей, с позволения своего отца приглашал своего друга Григория на индивидуальные уроки, которые ему давали лучшие учителя того времени, профессора. Рассказывала бабушка Миля и многое другое, что не укладывалось у меня в голове.

Папа тоже говорил совершенно загадочно и непонятно о том, как всю семью перед войной хотели – а кто, неясно – вывезти за границу. Дедушка не верил в возможность такой операции. Он боялся, хотя документы на выезд были готовы и предъявлены ему неизвестным из эмиграции: стоило только объявиться с такими документами – и однозначно настал бы конец всем Поляковым.

Прадедушка Кирилл Иванович родился 10 марта 1879 года в станице Милютинской, названной так в честь выдающегося государственного и военного деятеля ученого, генерал-фельдмаршала, графа Дмитрия Алексеевича Милютина 17 марта 1876 года. Отец Кирилла Ивановича был основателем хутора Полякова станицы Милютинской. От хуто-

ра сегодня остался лишь погост. В 1917 году проживало в нем более 700 жителей. Женился прадед в 18 лет на дочери казака станицы Милютинской Февралева, Степаниде Дроновой. Были они староверы. У них родилось четверо сыновей: мой дед Григорий (30.01.1898), Трофим, Иван и Михаил, и три дочери: Варвара, Елена, Анфиса и Ираида.

Прадед вступил на службу казаком 1 января 1898 года. В кавалерию брали казаков не более 75 килограммов весом. Кто был выше и тяжелее в 21 год – определяли в артиллерию, и 24 сентября 1890 года Кирилл был зачислен в Донскую артиллерию, а 25 сентября 1902 года командирован в Лейб-гвардии 6-ю Казачью батарею и 2-го октября внесен в ее списки. Командирован в учебную команду Гвардейской Конно-артиллерийской бригады бомбардиром 24 декабря 1903 года. 21 марта 1904 года возвратился, по окончании курса учебной команды, в Лейб-гвардейскую 6-ю батарею бомбардиром-наводчиком. 30 июня 1904 года по собственному рапорту командирован в 3-й Донской казачий артиллерийский дивизион на все время военных действий. Прибыл в дивизион 5 июля. 30 сентября 1904 года перешел границу Российской Империи у станции Маньчжурия» Восточно-Китайской железной дороги. С 8 ноября 1904 года – младший урядник. Старший урядник – с 9 мая 1905 года. Награжден знаком отличия Военного ордена Святого Георгия 4-й степени за № 200341 за отличие в бою японцами 12 января 1905 года при деревне Сандепу. Командуя казаками-артиллеристами в рукопашном бою, отразил три атаки трех японских пехотных батальонов. 21 января 1906 года награжден светло-бронзовой медалью в память войны с Японией 1904-1905 гг.

24 марта 1906 года по окончании войны с Японией вступил в пределы Российской Империи. Откомандирован в свою часть 12 апреля 1906 года, 17 апреля возвратился в свою 6-ю Лейб-гвардии Донскую Казачью Его Величества батарею.

1 августа 1906 года награжден 3-м призом – серебряными часами за состязательную скачку в Высочайшем Государя Императора присутствии. 16 сентября 1906 года отпущен на льготу. 24 сентября 1906 года прибыл на

Дон и зачислен в запасную Донскую батарею. 9 июня 1907 года Высочайше пожалован знаком отличия Военного ордена Святого Георгия 3-й степени за № 7449 за мужество и храбрость, показанные в разновременных боях с японцами. 5 апреля 1908 года зачислен на 1-й год сверхсрочной службы и награжден узким серебряным шевроном. С 12 апреля 1908 года – Вахмистр 6-1 Лейб-гвардии Донской Казачьей Его Величества батареи. 9 июля 1908 года за состязательную стрельбу из револьверов награжден призом – серебряными часами. 5 апреля 1909 года остался на 2-й год сверхсрочной службы. 5 апреля 1909 года остался на 3-й год сверхсрочной службы и награжден широким серебряным шевроном 10 апреля 1910 года.

С 22 декабря 1910 года – Подхорунжий Лейб-гвардии 6-1 Его Величества Донской батареи. 5 апреля остался на 4-й год сверхсрочной службы и награжден узким золотым шевроном 5 апреля 1912 года.

26 августа 1912 года пожалован в память столетия Отечественной войны 1812 года светло-бронзовой медалью для ношения на груди на Владимирской ленте. 18 ноября 1912 года Всемилостивейше серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте за 3-летнюю сверхсрочную службу. 25 декабря 1912 года Высочайше награжден серебряными часам с золотым Государственным гербом на верхней крышке.

14 февраля 1913 года исключен из списков Лейб-гвардии 6-й Его Величества Донской батареи и Высочайше определен камер-казакom Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны. 21 февраля Всемилостивейше пожалован Высочайше утвержденной в память 300-летия царствования Дома Романовых светло-бронзовой медалью для ношения на груди. 18 ноября 1915 года Высочайше разрешено принять и носить Великобританскую серебряную медаль.

Автор статьи приводит лишь краткий послужной список прадеда до начала великой смуты.

С февраля 1913 года вся большая семья Поляковых переезжает со служебной квартиры на Литейном проспекте в квартиру в Императорском Аничковом Дворце. Там рождаются

младшие братья дедушки Иван и Михаил.

Со слов бабушки Мили, Государь через два месяца после начала службы камер-казакom подарил Кириллу Ивановичу именной позолочены «кольт», предварительно спросил его: «Как дается кудиновская наука?». С Андреем Алексеевичем Кудиновым – камер-казакom трех Российских Императоров – прадед прослужил полтора года.

Еще бабуля не раз повторяла, что пред строем претендентов в камер-казаки, подойдя к Кириллу Ивановичу. Государь произнес: «Кириллушка, выйди из строя, я о тебе уже два года Бога молю». За два месяца до этого события командир по 6-й Лейб-гвардии батареи велел написать рапорт на Высочайшее Имя.

В конце марта 1916 года Кирилл Иванович получил лично от Императора особое поручение вывести и спрятать сокровищницу Двора. Дорожные кожаные сундуки Николай II подготовил лично. Что в них было, прадед не знал. Все было опечатано и спрятано в запаянных цинковых футлярах. Со слов бабушки, втайне ото всех прадед спрятал сокровищницу у староверов. Кто были те староверы, для всех по сей день загадка. В февраля 1919 года Кирилл Иванович приезжал из Крыма в Петроград инкогнито, а по возвращении зарыл сокровища ночью на пляже в гальку. Потом они оказались в Англии у родной сестры мари Федоровны – вдовствующей королевы Великобритании. В бриллиантовой диадеме (короне) Марии Федоровны блистала принцесса Диана. В некоторых оцинкованных цистах находились также секретные документы Дома Романовых.

В апреле 1916 года Мария Федоровна приехала из Петербурга в Киев ближе к Ставке. Государь и Наследник были на фронте, Великие Княжны Ольга и Ксения – в Киеве. Прадед прибыл с Марией Федоровной, которая в Петроград больше никогда не вернулась. Там их и застали события марта 1917 года. Началось крушение Российской Империи.

Как и Государя, Марию Федоровну предали все – даже самые родные и близкие, остались только, по ее словам: «Самые преданные и лучшие – мой Кириллушка и мой Ящичек. Ангелы-Хранители». Как преданные и верные слуги Государя взошли с ним в ночь на 17

июля 1918 года на Голгофу, так и Кирилл Иванович Поляков и Тимофей Ксенофонтович Ящик остались верны долгу и присяге до 13 октября 1928 года. Только смерть Матушки-Императрицы освободила их от не прерывавшейся ни на секунду Государевой Службы.

Я впервые нарушил бабушкин завет – клятвенное обещание – в сорок лет, в далеком девяносто первом: открылся о Кирилле Ивановиче на исповеди Владыке Иоанну (Снычеву). Получил от него ответ: «Не время, чадо» - и много раз убеждался в правоте пастырского слова.

Я поведал семейную тайну трем достойнейшим казакам. Первому – Савченко Георгию Яковлевичу, по матери Бочаевскому, доктору медицинских наук, профессору, внуку Январия Петровича, внучатому племяннику Африкана и Митрофана Петровичей. Африкан Петрович – последний в России выборный атаман Всевеликого Войска Донского и Атамана Союза Казаков за рубежом до 1934 года. Жива была мама Георгия Яковлевича, Татьяна Январевна – крестница Императора Николая II. Она так и не дождалась при жизни «казаков, возрождающих казачество в мире и его окрестностях».

Вторым. Царствие ему Небесное, был Ветренко Леонид Данилович – заслуженный деятель науки, доктор технических наук, профессор более полувека, создатель Ассоциации торговых портов СССР. Его отец, Даниил Родионович, был начальником штаба армии генерала Юденича. Леонид Данилович помнил поход казаков на Петрограда в январе восемнадцатого года.

На их открытость – одному из них было тогда шестьдесят девять лет, другому – под восемьдесят – я ответил взаимностью. Это не противоречило бабушкиному «завещанию». Им терять уже было нечего, а у мне исполнилось тогда тридцать девять, и все было впереди. Росло двое сыновей. «Нельзя портить им жизнь», - поучали меня старшие уважаемые казаки, узнав, что моя прабабушка по матери, Елизавета – Волошиновского роду. Мой родной дедушка Иванов Павел Иванович, ее сын, служил казначеем в штабе Антона Ивановича Деникина, был его любимцем «Павлушей». Лично Антон Иванович сберег его для ува-

жаемой казачки, которой дал слово офицера сохранить Павлушу.

Первому и второму я рассказал о Волошиновых и Кирилле Ивановиче, а третьему лишь намекнул, что я из Волошиновых станицы Гниловской. Это был мой земляк. Бавыкин Георгий – тоже доктор, профессор, академик. ОнЮ прижав палец к губам, прошептал: «Тихо! Не время!».

Я убедился, что бабушка, Владыка, мои взрослые друзья были тысячу раз правы. В июле девяносто первого, я доверчиво и наивно откликнулся, не послушав совета умудренных жизненным опытом и возрастом почтенных бывалых казаков на объявление с амвона священника Крестовоздвиженского храма, который мы, казаки. Восстанавливали в начале девяностых, о том, что некто Галошин назвал себя Волошиновым. Я напросился к нему в гости, прихватив коньяк и торт. Когда показал семейные фотографии моей прабабушки, двоюродной сестры Евгения Андреевича, старик пришел в такую ярость и бешенство! Потом он перешел к реальным угрозам не только мне но прежде всего моим детям. Делал он это весьма профессионально – полковникОсобист с огромным репрессивным стажем. Сразу вспомнились наказания и завещания! По рекомендации полковника, я «заткнулся», как казалось, навсегда – тому были очень веские аргументы. Хорошо еще, что не успел рассказать о родном прадеде Кирилле Ивановиче!

Бабаня говорила: «У большинства людей твои откровения будут вызывать подсознательную зависть, переходящую в лютую ненависть. Государственные органы и разного рода бандиты будут пытаться выведать: где оно? Твой прадед вывез в Данию не только императрицу, но и сокровищницу казны Дома Романовых. Погибнете все почем зря! Доверяли ведь самым порядочным и честным. Поди докажи, что ничего не знаешь о царских сокровищах – никто не поверит. Сгинете все ни за что ни про что».

Ушли в мир иной генералы, полковники и сами палачи-исполнители. Живы их дети, внуки и правнуки. Л.Д. Ветренко и Г.Я. Савченко, которых я, как хуторской атаман, рекомендовал в Совет стариков «Невской станицы», сказали: «Вячеслав Анатольевич, если

бы «Старики» хотя бы чуточку порозовели, мы смогли бы тогда открыть рот. Не мучайте более просьбами о вхождении в красный по природе и сути «Совет стариков»...».

Прошло много лет – почти четверть века. Многое изменилось. Не стало даже «красных казаков». Откуда им взяться? Тех, кто видел, слышал казаков, общался с ними и ими воспитывался, давно уже нет на свете. Молодежь играет «в казаки», наслушавшись, начитавшись, насмотревшись всяческих баек о казаках и казачестве. Каждый знает, как обустроить Россию и казачество по своему разумению. Особенно преуспевают в деле «возрождения» чиновники и поверившие им маргиналы. «Будет ли четвертое поколение казаками?» - задавали себе вопрос прадеды-казаки. «Дык откель? Нас же вжо ни будеть...» - сами себе отвечали. Их почти всех перебили, остальных посажали, посылали... Дедов наших жестко воспитывала партия и Советская власть. Те, кто вернулся живым, – молчали, только иногда нашептывали самым близким – правнучатам, «как оно утож було на самом деле». Нам, этим правнукам, седьмой, восьмой десяток...

В 2004 году в Санкт-Петербурге, в издательстве «Нестория» вышла книга «Рядом с императрицей», по воспоминаниям второго камер-казака Тимофея Ксенофонтовича Ящика, перевод с датского И.Н. Демидовой издания 1968 года при поддержке Датского Института культуры и Генерального консульства Дании. Огромное им спасибо!

Слава Богу! Благодаря любящей второй, уже датской жене Тимофея Ксенофонтовича (первую жену и брата большевики расстреляли на Кубани), Агнес, в крещении Нины, вышли в свет первые статьи на датском о Тимофее Ксенофонтовиче Ящике и Кирилле Ивановиче Полякове. Я, к великому сожалению, в то время эту книгу не читал, только видел на большой межмузейной выставке в Манеже вместе с одеждой Т.К. Ящика, но на выставке не было ничего о К.И. Полякове.

В 2006 году в Исаакиевском соборе состоялась панихида по случаю перезахоронения праха Императрицы Марии Федоровны. Меня никто не звал. В собор никого не впускали. Были только официально приглашенные, и в их числе – Василий Ящик, праправнучатый племянник Тимофея Ксенофонтовича, с ко-

торым я познакомился в день панихиды. Я пришел в справе (казачьей форме). Было впечатление, что меня никто не видит. Удивился – всюду пропускают. Хотя охрана первых лиц государства на самом высоком уровне! Встал у гроба в караул вместе с Ящиком, как когда-то наши прадеды. На меня не обращали никакого внимания, будто не видели – ни охрана, ни Г.В. Велинбахов, который меня знал по работе в Государственном Эрмитаже, ни Романовы. Я был поражен и подумал: «Меня на это место воздвигли молитвы Марии Федоровны и моего прадеда Кирила».

Нет сомнения – промысел Божий. Наступает момент справедливости по молитвам усопших. В момент Патриаршей панихиды я – на месте своего прадеда. Никаких сомнений в Господнем чуде по молитвам прадедушки, прабабушки Стефаниды, дедушки Григория и бабушки Матрены, а может быть, и в молитвенном благодеянии и самой Марии Федоровны, прах которой на расстоянии вытянутой руки от меня! Просто дух захватывает... Я будто не виден для окружающих, и меня никто ни о чем не спрашивает. Я продолжаю молчать, уповая на милость Господа: Он все управит...

Кроме почившего Владыки Иоанна, ни один священник на исповеди больше не задавал мне вопросов об этом. Я молчу, как учила бабушка. Наблюдаю, как интерес к истории Царской Семьи все растет, благодаря конкретным людям – хотя пока в довольно узком кругу. Прежде всего, я безмерно благодарен Василию Ящику, всем потомкам Тимофея Ксенофонтовича, досмотревшим моего прадеда Кирилла, закрывшим ему глаза и похоронившим его на далекой чужбине в Копенгагене в тридцать четвертом. Великой Княгине Ольге Александровне, поддерживавшей нашу семью после смерти прадедушки по его просьбе.

Особо хочу отметить троюродную сестричку Ирину Полякову, проживающую ныне в Ставрополе: она первая откликнулась на издание книги и перезахоронение Императрицы.

Связь с прабабушкой Стефанидой после гибели старшего сына Григория прервалась еще до войны. Прабабушка тоже жила в г. Ставрополе, там и ее могила.

Татьяна СОРЕНСЕН

Дания

Моя Дания. Размышления иностранки

*Чужая страна
Не может дать счастья.
Своя не хочет.*

«Мы все, оказавшиеся здесь, очутились здесь не случайно, но силой своего выбора. Так же, впрочем, как и оставшиеся там. Не трудно поменять страну. Трудно поменять жизнь и мысли».

К столетию октябрьской революции в Дании в рамках проекта «Портреты русских эмигрантов» была издана первая книга серии «Русские эмигранты в Дании», которую уже сегодня вы можете купить в книжных магазинах России и по интернету. Главный редактор этой книги Ирина Бйорно - поэт и прозаик, автор более 40 книг на трёх языках: русском, датском и английском, член Союза писателей России, член Правительственной комиссии «Родной Язык» (Дания), председатель правления Русской культурной миссии в Дании, поставила задачу через рассказы эмигрантов показать особенности русской эмиграции в Дании. Я была приглашена в проект и написала статью для этой книги.

Вот вопросы, которые задавались участникам проекта:

Ваше отношение к эмиграции? Ваш эмиграционный путь из России в Данию? Почему вы уехали из России и как сложилась ваша судьба? Почему - в Данию? Проблемы и положительные стороны эмиграции лично для вас?

Я постаралась ответить для себя на эти вопросы, а продолжение моих размышлений на эту тему, надеюсь, будут интересны для читателей нашего замечательного журнала.

Сейчас началось глобальное миграционное, или, скорее, миграционное мировое движение, а для России тема эмиграции была и остаётся актуальной на протяжении многих

веков русской истории, но особенно в течении последних 100 лет. Что-то из этой статьи уже известно читателям журнала по предыдущим статьям, но это является неотъемлемой частью моих размышлений об эмиграции. Не только внешней, но и внутренней. Именно так многие живут из нас, независимо от того, где они находятся. Мы все люди этой большой Земли, и хочется, чтобы она была для нас одним большим уютным домом и мы не чувствовали себя эмигрантами на нашей планете, а жили счастливыми людьми мира.

Я часто задаюсь вопросом, действительно ли я эмигрантка? Каков мой статус? Ведь на сегодня я гражданка Дании, а не России. И для въезда в Россию я должна получать визу. И чем отличаются слова «эмиграция», «иммиграция» и «миграция»? Где проходит эта грань? Ведь всё это подразумевает выезд из страны в другое государство для дальнейшего проживания, но с разными целями. Решение об отъезде всегда собственное, хотя эмиграция в основном подразумевает вынужденное решение на основе неудовлетворенности теми или иными условиями жизни в своей стране, а часто просто риском для жизни и свободы. Это полностью относится к волне первой волны русской эмиграции, и всегда к политической эмиграции. А сейчас появилось ещё новое слово «экспаты». И кто мы, проживающие в разных странах и уехавшие в них по собственному желанию? Мы иммигранты или экспаты? Иностранцы, живущие в европейских странах, часто делятся на два лагеря по тому, как относятся сами к себе. Оксфордский словарь определяет экспата как «человека, который живет за пределами родной страны».

А иммигрант - это «человек, переехавший на постоянное место жительства в другую страну». То есть вся разница в определениях состоит в том, что иммигрант приехал навсегда, а у экспата (даже если он задержится надолго) есть обратный билет. Многие люди, свободно сменившие страну ради карьеры или более комфортного образа жизни, сами себя называют экспаты. Они могут остаться навсегда, но ничто не мешает им вернуться обратно, по сравнению с людьми, которые бежали из своей страны от страха или бедности, и часто предполагается, что иммигранты работают на низкооплачиваемой работе или живут на пособия.

Именно здесь и пролегает эта тонкая грань. Но главная грань, кем ты себя считаешь в душе и почти все наши экспаты считают себя русскими.

И вот тогда становятся очень важными другие понятия: идентификация и интеграция. Интеграция - это ключевое слово в Дании. Считается, что все иностранцы должны быть интегрированы в датское общество, но думаю, что без идентификации себя как личности, и национальности как важнейшей её части, интеграция невозможна. Сохранение себя как личности в условиях иного общества, помогает принимать других, стараясь уважать уклад и традиции, а в первую очередь учить язык и говорить на нём. Ведь это мы приехали сюда, они нас не звали. И поэтому очень важно, быть интегрированным в общество, которое принимает тебя, проявляя уважение к людям и стране.

Мы все люди мира, и проживание в других странах расширяет наш мир, отношение к нему. Знакомство с другой культурой, традициями, политическим и социальным устройством, с другими людьми, воспитывает толерантность и даёт возможность узнать не только других людей, но и познать самого себя и своё отношение к миру. И всё это не из телевизора или окна туристического автобуса, а реально. А что касается моего отношения к эмиграции, то я глубоко сочувствую людям, именно вынужденным покинуть Родину, выброшенными за пределы Родины ею самою. Именно этому были посвящены мои предыду-

щие статьи.

Говоря о себе, я не знаю, какое определение лично для меня правильное. Я просто русская женщина, которая более 20 лет живёт в Дании в силу определённых обстоятельств личной жизни. Полюбившая страну, но сохранившая любовь к России. Моя история приезда сюда - это история о вечной потребности женщины любить и быть любимой.

Родилась в Ленинграде, вернувшем себе историческое имя Санкт-Петербург в 1991, и сменившим за 300 лет своей истории имя четырежды! Потомственная петербуженка, каковых осталось немного после 100 лет непрерывных войн, репрессий, блокады и многого другого. По материнской линии из потомственных дворян. В семье в основном все были военными, закончившими кадетские корпуса и военные училища. Семья имела корни русские, немецкие, польские и родом своим гордилась. В последние годы я старалась найти документы о своей семье, хотя это было достаточно сложно, особенно живя вдали. Результатом явились две большие публикации в журнале «Золотое слово». Это дань памяти моей семье, моим родным. А основой послужили воспоминания моего деда Юрия Константиновича фон Копшталь о его жизни, начиная с 1914 г., первой мировой войне, революции, об аресте в 1934 г. и многом другом. Читая их, я прикоснулась к живой истории, и этот небольшой документ помог мне найти множество настоящих исторических документов, а имена, названные в воспоминаниях, я находила в поисковых базах и архивах, узнавая судьбы родных, его друзей, сослуживцев. Сам же он ничего не знал о них с 1917 г.! Кропотливый сбор документов ещё не закончен, но он помог мне узнать множество интересных фактов. Например, по одной из ветвей он был из рода Доможировых - русского старинного дворянского рода, происходившего из Новгорода, где Михаил Константинович Доможиров владел поместьями в 1500 году. В XVII веке многие Доможировы были стольниками, воеводами и стряпчими. Род Доможировых внесен в родословные книги Московской, Нижегородской, Новгородской, Смоленской, Тамбовской и Тверской губерний. В роду было

много военных. Вот краткие судьбы двух из них. Один – Дмитрий Андреевич Доможиров, капитан-генерал майорского ранга, русский полярный гидрограф, исследователь Белого моря, описавший Терский берег, участник 18 шестимесячных морских кампаний и Русско-турецкой войны 1787—1791, 1788-94 гг. капитан Севастопольского порта, награждён орденом Св. Владимира за «ревностное и усердное старание в исправлении и снабжении флота в Севастополе». А один из последних Доможировых - Пётр Петрович, генерал-лейтенант, командир Лейб Гвардии Волынского полка, будучи в отставке, проживал к моменту революции в Киеве, где власть менялась 14 раз с 1917 по 1921 и где он в 1921 г. был расстрелян большевиками. Это к вопросу о Крыме, революции, патриотизме, истории и сегодняшнем дне.

Именно к нему в конце 1917 приехал дед с фронта, куда он пошёл служить будучи 18-летним. За полтора года с декабря 1917 г. до мая 1919 г. ему удалось уцелеть в Киеве при большевиках, стать студентом-медиком Киевского университета, служить в Украинской армии гетмана Скоропадского, добровольческой армии Деникина, чудом спастись во время расстрела бандой Махно в поезде, вылечиться, работать как студент медик в Брест-Литовском пункте Красного Креста в Киеве по эвакуации беженцев, а ещё жениться и развестись. И наконец в мае 1919 г. вернуться к родным в Петроград, вступить в Трудовую Красную Армию, а затем поступить и закончить Военно-медицинскую Академию, и на протяжении многих лет скрывать своё прошлое, именно то, что происходило в 1918 - 1919 гг.!! О нём я узнала из протоколов его допросов, которые прочитала в этом году в «Большом доме» на Шпалерной в Питере. Работа врача спасла ему жизнь в Гулаге, куда он был сослан после ареста 1934 г.

Сам же дед, относил себя к рыцарскому клану Остоя – мощной группе рыцарей и лордов в конце средневековья Европы. Клан охватывал несколько семей в Речи Посполитой, Верхней Венгрии (Словакия), Венгрии, Трансильвании, Белоруссии, Украине и Пруссии.

Герб Остоя один из самых древних рыцарских гербов Польши. Свою историю герб начинает отсчитывать с 1069 года. От рода Остоя берут начало многие знатные шляхетские роды и не только в Польше, а по всей Восточной Европе, а также русско-шляхетские роды Литвы, Украины (Малороссии), России. Гербом пользуются около 500 родов, среди которых бароны и дворяне. Они имеют один и тот же герб и используют имя клана, поддерживая друг друга. Роду фон Копштал дано было право пользоваться этим гербом. Относясь к польскому дворянскому сообществу по имени в Витебской губернии (была до конца 18 века польской территорией), происхождение род ведёт от остзейских немцев и из Брауншвейга. Затем по рождению все становились потомственными дворянами в основном петербургской и новгородской губерний, считая себя не эмигрантами, а гражданами огромной Российской империи, которой верно служили и гордились.

А после революции они стали классовыми врагами и чуждыми элементами в своей стране, где уже 1918 году по указу Ленина специально для перевоспитания классовых врагов и инакомыслящих был создан первый концентрационный лагерь на Соловках. И скрывая своё прошлое и мысли, они становились внутренними эмигрантами.

Обо всём этом я узнаю только сейчас, потому что мои родные не рассказывали об этом. Самое главное, что я поняла, изучая историю семьи, что это были люди, служившие России и её не предававшие, знавшие свой род, родословную, историю, что у них была честь и совесть, ответственность перед семьёй, родом, страной.

Революция изменила всё. Пройдя кровавый исторический путь, путь борьбы государства с собственным народом, разделения на белых и красных, своих и чужих, репрессий, ГУЛАГов, двух мировых войн - всю трагическую судьбу России, от большой и дружной семьи почти никого не осталось. Из России не уехали, хотя множество тех, с кем дружили, учились, служили оказались в эмиграции.

Я родилась в коммунальной квартире, принадлежавшей ранее прабабушке, врачу-

гинекологу, имеющей частную практику в этой квартире. В этой квартире в 1934 г. был арестован мой дед – врач венеролог и дерматолог, а затем арестована прабабушка за аборт (они были запрещены при Сталине, но она помогала и сочувствовала женщинам, оставшимся без мужей, которые были осуждены или расстреляны). В этой квартире она переживала страшные дни блокады. К моменту моего рождения семья, состоящая из 6 человек, занимала в собственной шестикомнатной квартире комнату в 25 кв.м, которую удалось сохранить во время блокады. На собрании коммунальной квартиры мои родители получили разрешение на то, чтобы занять кладовую в 5 кв.м. с окном на чёрную лестницу при кухне. Там прошёл первый год моей жизни. Потом отцу, инвалиду войны, орденоносцу, убежавшему на фронт в 16 лет, трижды раненому и потерявшему ногу на Невской дубровке в 19, удалось добиться комнаты 11 кв.м. в другой коммунальной квартире, где жило 6 или 7 семей. И первая четверть века моей жизни прошла в коммунальных квартирах. Их и сейчас много в Питере. О них я могу рассказывать много и долго, хотя это другая тема. Хотя, наверно, та же. О разрухе в головах. Побывав случайно в квартире моих предков год назад, я была в ужасе от разрухи, начиная с парадной с разрушенным камином, и кончая самой квартирой, до сих пор коммунальной, запущенной, с висящей старой проводкой, одним туалетом на всех. «Собачье сердце» сто лет спустя! Но свой родной город люблю и эту любовь не подарю никакому другому городу в мире. Здесь прошла большая часть моей жизни, здесь могилы моих предков. Я знаю дома, где они родились и жили. Здесь я вышла первый раз замуж и родились двое моих детей. Этому городу принадлежит моё сердце. Я знала о нём многое и делилась любовью, водя экскурсии. Радуюсь возвращаясь, бродя по нему, встречаясь с семьёй, родными, друзьями, знакомыми, коих здесь множество. О нём я написала много стихов. Моё любимое место работы - Эрмитаж, где проработала я более 20 лет, отвечая за реновацию и реконструкцию, написав о нём много научных статей. И именно работа и привела меня в Данию. Я отвечала

за большой проект по реновации инженерных коммуникаций, в котором принимали участие разные страны, в том числе и Дания. Наверно, романтическая мечта встретить принца, а не что-то другое привело меня сюда. Ветер перестройки, разрушив старое и привычное, занёс меня в Данию. Прожив 23 года с первым мужем, мне показалось, что я встретила сказочного датского принца и устремилась навстречу мечте, навстречу новой незнакомой жизни в сказочном датском королевстве. Тот, ради которого я приехала, оказался просто мужчиной, которого я любила, но поменять страну, всю прошлую очень интересную и насыщенную жизнь, семью, друзей, работу, увлечения на любовь оказалось очень трудно. Для нас обоих. Муж умер внезапно через 7 лет, не дожив недели до 55 лет. Это был удар. И встал вопрос о возвращении в Россию, т.к. здесь я чувствовала себя чужой, не найдя работы по специальности, хотя много училась, повышая квалификацию. Решение остаться приняла из-за дочери, которую привезла сюда пятнадцатилетней. Я ведь была единственной её семьёй здесь. Пришлось учиться и работать, но уже совсем не по специальности, в том числе ухаживая за пожилыми людьми, что дало неоценимый опыт понимания датчан и социального устройства общества, заботящегося о своих больных и стариках не на словах, а на деле. Это действительно то, чему нам стоит учиться. Я пыталась осуществить программу по передаче датского опыта, но поняла с глубоким сожалением, что Россия действительно не готова к этому. Вернее, не готова сама система и чиновники, отвечающие за это.

Дочь выросла, получила замечательное образование (высшее образование в Дании бесплатное с получением стипендии), стала успешной, реализовав себя и свой потенциал. А недавно появился внук Николай Киркебю фон Копшталь, добавив в нашу семью и датскую кровь. Так мы становимся людьми всей земли!

Я же все эти годы, оторвавшись от любимой Российской почвы, пыталась обрести под ногами новую, датскую. Это был непростой путь длиной в 20 лет в совершенно чужой стране, которую я старалась понять и полю-

бить, уважая людей, в ней живущих, не навязывая им свои представления и стереотипы, но сохраняя свою самобытность. Мне кажется, что это удалось. А сказка, приведшая меня в Данию пока не окончена. Я встретила чудесного человека, с которым мы живём счастливо, открывая в себе и друг в друге новое и становясь лучше. Наш дом в лесу открыт для родных, друзей, талантливых людей, которые любят бывать у нас. Мы ездим по миру, спускаемся на лыжах с гор, играем в гольф, а ещё постоянно заняты осуществлением различных идей и проектов, коих множество. Например, недавно открыли художественную галерею, в которой знакомим датчан с новыми именами художников из стран б. СССР, замечательными и талантливыми профессионалами. Делаем проект «Город с лицом», с мечтой украсить маленький провинциальный город фресками из жизни и истории Дании и проводим в нём каждый год «Неделю искусств».

Радуюсь основанной школе, которой в этом году исполняется 10 лет, где более 60 детей, начиная с 2 лет, с различными корнями со всей нашей многонациональной Родины, в том числе русскими, украинскими, белорусскими, армянскими, азербайджанскими, татарскими (всех не перечислить) и, конечно, датскими. В школе они учат русский язык, ставят спектакли, поют, танцуют, рисуют, находят друзей и, несмотря на то, что датский язык для них родной, учатся общаться на русском языке. У нас учатся даже датские папы. Здесь всегда царит радостная и праздничная обстановка. Мы проводим праздники и ежегодный интернациональный фестиваль «Улыбка Орхуса». На наши мероприятия приходит множество людей разных национальностей, объединённых общей идеей и праздником общения. А главное, собрался коллектив единомышленников - людей неравнодушных и творческих. И школьное помещение предоставляется нам бесплатно коммуной города (школа работает по субботам)!

А ещё хотелось бы рассказать о датской протестантской лютеранской церкви, которой в этом году исполнилось 500 лет. Это другой мир отношений, вне зависимости от твоего вероисповедания. Там не говорят о «духовных

скрепах», но здание церкви открыто для всех. У нас даже невозможно представить, как можно предоставлять безвозмездно саму церковь и различные помещения внутри для проведения различных мероприятий «инородцев». В своё время в Ютландии (части Дании, где я живу) был создан приход Александра Невского, но здания православной церкви у нас не было, да и нас здесь немного, и живём мы в разных городах. И вот для проведения наших служб протестантские церкви предоставляют нам по договорённости свои помещения. Особенно замечательная церковь Св. Луки в г. Орхус, с которой мы дружим очень много лет. Там проводятся наши службы с трапезами, для которых мы пользуемся бесплатно их кухней и всем оборудованием. Там же устраиваются различные мероприятия прихода - церковные ярмарки, молодёжные встречи со священником, православные балы, дни православной культуры. Наше общество проводит там множество мероприятий - праздники, включая детские новогодние ёлки со спектаклями и дедом Морозом, концерты знаменитых российских музыкантов, актёров, деятелей искусств, занятия в клубе по интересам (вокальной, художественной и танцевальной групп), выставки, и даже встречи с Послом и консульским отделом Российского Посольства в Дании. Представьте, что у нас даже есть ключи от церкви! О наших концертах они информируют прихожан, печатают объявления в своём журнале и на странице фейсбука. В церкви идёт огромная общественная жизнь и она открыта для множества инициатив не только прихожан, но различных социальных групп, начиная от родителей с детьми до встреч анонимных алкоголиков. Постоянные концерты, в том числе органной музыки и, конечно, идёт обычная церковная жизнь со службами, свадьбами, крещениями и похоронами. Церковь не отделена от государства, а королева Маргрет является Главой Церкви согласно Конституции, т.к. Дания – конституционная монархия. Евангелическая лютеранская церковь является официальной церковью Дании и в этом качестве пользуется поддержкой государства. К Церкви датского народа официально принадлежит 83% населения. Свя-

щенник назначается правительством, имеет статус государственного служащего и может служить армейским капелланом. С 1948 года по закону, а с 1995 года фактически священниками могут назначаться женщины (сегодня они составляют около трети всего клира). Церковь входит во многие экуменические организации, включая Всемирный совет церквей, и придерживается плюралистических позиций по многим богословским вопросам.

Ещё мне хотелось бы рассказать и о датских кладбищах, ухоженных и напоминающих сады и парки. Там душа отдыхает, несмотря на боль. Уход за кладбищами осуществляет церковь. Она же оформляет бумаги для граждан всех конфессий, а все государственные кладбища находятся в ведении именно национальной церкви. Похоронами занимаются ритуальные компании, которые выделяют семье распорядителя, готовящего все необходимые документы и получение муниципального пособия на похороны. Он же заключает договор с кладбищем, публикует некролог, организует панихиду и само погребение, а также (при желании родных) поминки. Кремацию выбирают от 75% до 80% жителей страны. Участки захоронений или вообще не огораживаются, или обносятся характерными зелеными изгородями. Памятники на них ставят весьма скромные. В большинстве своем это небольшие надгробные плиты из гранита.

*Выбиты даты
На сером граните
Между ними жизнь.
Счастье и слёзы
Нашли последний приют
Под серой плитой.*

При церкви есть специальный штат, включая садовника. Места платные и вы можете выбрать на какой период вы платите за это место, затем вы либо отказаться от него, после чего могилу используют для повторного захоронения, или продлевать, платя за уход. Представьте, что когда умер мой муж и я находилась в шоковом состоянии, то всё было организовано без моего участия! Я только выбрала место, а со временем выбрала камень и

надпись. За всё, включая аренду этого места на 20 лет я заплатила 2000 долларов (это примерно месячное пособие по безработице до уплаты налогов!). Могила всегда ухожена. На ней посажены прекрасные растения, а на Рождество и Пасху её специально украшают, как и все. Но если вы не хотите арендовать место, то вы можете заказать дощечку на территории крематория. Это очень маленькие деньги. Большинство именно так и поступает. Часть датчан заранее просят похоронить себя в общей безымянной могиле, представляющую собой обычную поляну, покрытую газонной травой. Здесь нет культа мёртвых, поэтому в Троицу и другие церковные праздники родственники не приходят поминать с выпивкой и закуской. Здесь хранят память о предках в сердце, а кладбище- это общественное место, содержащееся, как и всё здесь, в порядке. Я всегда с болью посещаю могилы моих предков, пробираясь по кривым дорожкам, среди заброшенных могил и упавших крестов, стёртых имён, оград, не дающих пройти к могиле родных, куч прошлогодней листвы, которую никто не убирает или по нерасчищенным ледяным дорожкам. А на центральных аллеях стоят огромные дорогостоящие памятники молодых людей, убитых в перестройку, но заработавших массу денег на эти памятники. И меня охватывает ужас от нашей духовности.

*Воспоминания
О кладбищах России
Ранят сердце.
Среди бурьяна
Разрушенные кресты
Взывают к нам.
Любовь к предкам -
Отличительная черта
Людей от зверей.*

Участие в общественной жизни общества - это отличительная черта датчан и это то, чему нам всем стоит учиться. Почти каждый датчанин считает своим долгом участвовать в различных общественных организациях на совершенно безвозмездной основе, посвящая этому своё свободное время. Обучение датскому для всех иностранцев бесплатное,

чтобы помогать им быстрее интегрироваться. Там объясняют и социальное устройство страны, а многие пенсионеры приходят в языковые школы, чтобы помогать иностранцам правильно говорить на датском и понимать датчан. Они действительно граждане своей страны, а не население, живущее здесь. Это не громкие слова, а образ жизни и мыслей. Телевизионные новостные программы посвящены в основном, внутренним вопросам, экономике, социальному устройству, то есть тому, что близко и важно для них самих. Они не проводят «датские марши», но радуются, что они датчане, гордятся своей страной и политическим устройством, несмотря на острые политические дискуссии, которые проходят в дружественной и конструктивной обстановке без криков, оскорблений, драк. Здесь даже невозможно представить обзывание друг друга и других народов по национальному или какому-либо другому признаку: укропы, ватники, укрофашисты, нацмены, либерасты, предатели, нацмены, гейропа и т.д. Как мы жестоки и изобретательны в оскорблениях людей, имеющих просто другие взгляды, другой менталитет, другое происхождение. Мы часто ведём себя, как уличная шпана, рассуждая при этом о высоких духовных ценностях и нашем русском пути.

Участвовать в выборах - это гражданский долг, и я не знаю датчан, в них не участвующих, а вот вопрос о том, за кого ты голосуешь - неуместен. Это личное дело каждого, но на эту тему часто дискутируют в семьях без ссор и конфликтов.

В Дании самый низкий уровень коррупции в мире и представить наши коррупционные скандалы для них порою просто невозможно. Все политики и их экономика находятся под пристальным контролем общества. Предприниматели и бизнесмены обычно в политику не идут. Вы всегда можете найти график работы не только премьер-министра, но на официальном сайте королевы просмотреть календарь её работы! Жизнь королевской семьи открыта, а что уж говорить о политиках. Здесь можно свободно заходить в здание Парламента, во все здания мэрий и муниципалитетов, гулять в садах королевских резиденций, когда там

нет королевы. Это действительно открытое и прозрачное общество. Здесь самые большие налоги на физические лица от 40 до 65%. Они платятся со всех доходов, включая пенсии и пособия. И уклонение от налогов - это одно из самых больших преступлений именно потому, что вы уклоняетесь от поддержки своего общества и страны. И никто не уклоняется от их уплаты, т.к. все знают, как расходуются бюджет. На военные расходы здесь платится 2% ВВП, а на социальные нужды более 20%. Милитаристская тематика и бряцанье оружием не в моде. Здесь думают об экологии и новых технологиях. По уровню жизни и средним заработным платам Дания занимает самые высокие позиции в Европейском союзе. В Дании бесплатное образование в школах и во всех учебных заведениях, включая высшие, бесплатное медицинское обслуживание, больницы, оборудованные по последним достижениям, все общественные заведения полностью компьютеризованы. Инвалиды получают бесплатное оборудование и медицину. Родители получают ежеквартальные пособия на детей, несмотря на их зарплаты, в зависимости от возраста ребенка. Чем ребенок старше, тем меньше пособие. Поэтому большинство школьников начинают работать в свободное время, чтобы иметь карманные деньги. Студенты получают стипендию вне зависимости от успеваемости, а если они хотят учиться в любых учебных заведениях Европейского союза, то они обучаются там бесплатно, получая стипендию от датского государства. Датские вузы предоставляют качественное образование, основанное на современных методах обучения, поэтому местная рабочая сила весьма квалифицирована, мотивирована и продуктивна. При этом обычно все студенты работают. Моя дочь, учась в Высшей бизнес-школе, иногда работала на трёх работах. И в магазине, и преподавая в своей бизнес-школе экономик. Неважно кем ты работаешь, главное не сидеть на шее государства и платить налоги! Уровень социального обеспечения - один из высочайших в мире. В Дании прекрасные дороги, а с полицейскими на них я встретила только один раз. Здесь прекрасно оборудованные ясли и детские сады и практически все

родители работают, т.к. оплачиваемый отпуск только 6 месяцев, потом платят пособие, но оно значительно меньше и поэтому большинство предпочитает работать, а отцам также предоставляются право использовать отпуск по уходу. Отцы принимают активное участие во всём и в семьях нет разделения обязанностей. Всё делается вместе и дружно, т.к. семьёй здесь очень ценят. Сидящих дома матерей практически нет, обычно работают оба супруга за исключением семей иностранцев, обычно из стран Африки и Азии. И никто из датских женщин не будет терпеть алкоголика или человека, который поднимает на неё руку. Государство заботится о матерях-одиночках и они всегда получают первоочередное и достаточно дешёвое жильё, дополнительные пособия и очень разборчивы в выборе партнёров. Именно это служит причиной поиска датчанами жён иностранок. И вот эти браки имеют массу проблем. Я знаю это хорошо, т.к. с начала моего приезда в Данию организовывала русско-датские общества именно для помощи нашим соотечественницам в понимании социального устройства и их прав, а также скорейшей интеграции. К счастью, сейчас в интернете масса русских групп по интересам, где можно узнать ответы на все вопросы и найти друзей.

А ещё это страна с развитой высокотехнологичной экономикой и экологией. Вы не найдёте ни одного дома в Дании, включая дачные участки без системы водоснабжения, водоотведения, электричества и тепла. Широко применяются альтернативные источники энергии, включая такое для нас экзотическое, как геотермальное отопление домов для получения дешёвого практически бесконечного типа тепловой энергии земли. Мы живём в лесу, но наш дом оборудован всеми последними достижениями, включая геотермальное отопление, собственный септик для очистки, скважину для водоснабжения. Единственное, что мы получаем от государства - это электричество, но для снижения расходов установлены солнечные батареи. Избыток и недостаток электричества подсчитывается автоматически, то есть в зимнее время мы покупаем недостающую энергию, а летом продаём. У нас

действительно «умный» дом. В Дании кругом можно видеть ветряные мельницы и даже целые «парки», и здесь считают, что улучшение состояния окружающей среды должно иметь приоритет перед чисто экономической выгодой, направляя в эту область огромные государственные инвестиции. Датчан волнует, в какой мере та или иная политика или деятельность являются дружественными к окружающей среде, что означает быть очень ответственным в социальном плане. Они сортируют мусор и задерживают тех, кто загрязняет море и пляжи. Кстати сказать, вся береговая линия, а она самая большая в мире по отношению к территории, открыта для прогулок. Никто не имеет права огораживать и устанавливая заборы, несмотря на то, что большинство береговой линии в частной собственности владельцев и они платят за неё налог на землю. На этой территории нельзя ставить палатки, ночевать, разводить костры, но все могут гулять и купаться!

Здесь есть масса вещей, которым нам надо учиться. Можно, конечно, найти и много недостатков. Не всё так безоблачно в «датском королевстве». Мне хотелось поделиться тем лучшим, чего достигла эта маленькая страна. Я обратила внимание, что самые яростные критики из наших соотечественников, это как раз те, кто в полной мере получают социальные пособия и живут за счёт государства. При этом они почему то не возвращаются на Родину, хотя могут купить обратный билет. Самое важное не отгораживаться от мира, а быть ему открытым, беря самое лучшее из достигнутого человечеством.

Оглядываясь назад и подводя итоги могу сказать следующее. 20 лет назад я приняла очень серьёзное и ответственное решение. Хотя моё сердце разорвано надвое, т.к. дети и внуки живут в разных странах, я заполняю его любовью. Жить в другой стране всегда непросто, но это позволило мне увидеть жизнь по-новому, стать человеком мира, а не только своей страны, увидев её со стороны и по-новому. Я старалась узнать и полюбить другую страну, увидеть мир и ценности других людей, другого общества, очень отличного от нашего. Я учусь ставить цели, делать выбор и отвечать

за него. Этому научила меня Дания. Главное - научиться не осуждать, а принимать, быть открытым миру и людям, стать интересной себе и другим. Понять, что главное - не где жить, а с кем и что ты делаешь в этой жизни. Жизнь - это постоянный путь открытий. Себя и мира. Когда ты останавливаешься, то путь заканчивается. Я с радостью иду этим путём, который сегодня проходит через Данию. А Россия - это моя Родина, которую я люблю и жалею всем сердцем.

А если кратко о себе: Инженер-строитель, работала в проектных институтах, и более 20 лет до отъезда в Данию – в Эрмитаже. Сначала в отделе гл. архитектора, затем в отделе реконструкции. Отвечала за реконструкцию и реставрацию музейного комплекса, занималась научной работой. Автор научных и исторических статей, в том числе посвящённых истории водоснабжения и водоотведения С.-Петербурга и Гос. Эрмитажа, истории строительства Эрмитажных зданий, исторических аспектов местных условий, исследованиям оснований, фундаментов, стен Эрмитажных зданий. Автор «Комплексной программы осушения подвалов и стен Эрмитажного комплекса с дренированием территории и капитальным ремонтом всех водоотводящих систем». Программа включала исторические исследования и большой комплекс различных работ с привлечением научных коллективов и новых технологий, впервые применявшихся в России. Впервые для осуществления различных частей проекта была использована модель совместного финансирования, в которой приняли участие Министерство культуры России, Министерства экологии России и Финляндии, министерство энергетики Дании, Европейский Союз, Юнеско, муниципалитеты гг. Орхуса и Гамбурга.

Гид по Петербургу и Эрмитажу, кандидат в мастера спорта, инструктор и судья по альпинизму и горным лыжам, играю в гольф. Пишу стихи и хайку, прозу. Автор сборни-

ков стихов, печаталась в поэтических сборниках соотечественников, проживающих за рубежом, автор публикаций и исторических статей в журналах «Золотое слово» и «Новгород Литературный», в том числе об истории русской эмиграции в Данию и о судьбах оставшихся в России на примере своей семьи. Участник конгрессов соотечественников и многочисленных тематических конференций, посвящённых истории.

С 2015 г. владелица и директор художественной галереи в Ютландии - Art Cafe Gallery "Kunst og kage", www.kunstkage.dk. Мы организуем интернациональные конкурсы и ежегодные недели искусств «Город с лицом» в Ryomgård, Djursland, с приглашением ведущих российских художников и проведением различных мероприятий, в том числе большой программы мастер-классов. Выставочный зал галереи представляет искусство известных художников, скульпторов, керамистов из стран б. СССР, знакомя с российской школой изобразительного искусства в рамках выставок мастеров российской школы. Проводятся пленэры и мастер классы. Галерея принимает участие в больших интернациональных выставках, таких как "Art Nordic", Copenhagen, Affordable Art Fair Amsterdam.

Председатель общества «Датско-Русский дом в Ютландии», со школой русского языка в г. Орхусе (более 60 учеников), детским театром-студией и школой изобразительного искусства. <http://drhus.dk/>

Член правления Русской Культурной Миссии в Дании. www.rusmission.dk

Член правления Координационного Совета русскоязычных организаций соотечественников в Дании.

Заместитель председателя Совета русскоговорящих обществ Дании <http://ruslad.info/about/>

Доктор искусствоведения, профессор и действительный член Академии русской словесности и изящных искусств им. Г.Р. Державина, член Российского Межрегионального союза писателей.

Алексей ВОРОНОВ и Анна ИГНАТЬЕВА

Концертные номера и миниатюры в творчестве Габриэлы Комлевой

Народная артистка СССР Габриэла Трофимовна Комлева – одна из самых ярких звёзд ленинградского балета второй половины XX века, творчество которой отличается исключительно широким диапазоном. Помимо ведущих партий в спектаклях Мариинского театра, она создала целый ряд ярких концертных номеров и миниатюр – от «Гавота» Ж. Люлли в хореографии В. Вайнонена (1962) до «Танцев для Айседоры», поставленных Х. Лимоном на музыку Ф. Шопена (1988). На эту особенность дарования Г. Комлевой обращали внимание многие балетные критики. Так, Л. Савицкая в статье «Вдохновенный академизм», опубликованной в 1987 году в журнале «Советский балет», отмечала: «Комлева владеет не только крупной формой, она мастер миниатюры, концертного номера».

На всех этапах своего творческого пути Габриэла Комлева охотно сотрудничала не только с известными хореографами, но и с совсем молодыми балетмейстерами. Так, в первой половине 1970-х годов Борис Яковлевич Эйфман – ныне народный артист России, создатель и бессменный руководитель всемирно известной труппы, а тогда начинающий хореограф – сочинил для неё две роли в балете И. Стравинского «Жар-Птица», прямо противоположные друг другу по характеру и пластике. Одной из героинь Г. Комлевой была не знающая пощады, сжигающая всё на своём пути Жар-Птица, пластический образ которой отличался остротой и динамикой. Её духовный антипод, не менее виртуозно исполненный Габриэлой Трофимовной – преданная, нежно любящая Девица Красавица, хореография которой была решена в певучей кантилене стилизованного русского танца. Постановка Б. Эйфмана была осуществлена в 1975 году и исполнялась не только на сцене – она была снята российским телевидением.

Эталоном глубокого драматизма стало исполнение Габриэлой Комлевой фрагмента из балета «Эсмеральда» на музыку Ц. Пуни в хореографии М. Петипа (1979). В небольшой сцене из балетного спектакля артистка рассказывала целую историю любви, передавая тончайшие нюансы внутреннего состояния своей героини, сложнейшие оттенки её чувств. В те же годы, благодаря блестящему творческому сотрудничеству балерины с выдающимся хореографом Леонидом Яковсоном, в её репертуаре появляется ироническое Pas de deux «Ковбои» на музыку Тимура Когана (1975). Как и большинство хореографических миниатюр Яковсона, эта постановка была решена в игровом, наполненном юмором ключе. Габриэла Комлева предстала перед зрителями в образе весёлой девочки-сорванца, гарцующей на лошади. Она соревновалась на равных с Ковбоем – огромным мужчиной, партию которого исполнял Константин Заклинский. Номер был наполнен озорством и обаянием – и, конечно же, в итоге комического «состязания» неотразимые женские чары брали верх над мужской силой.

На резком контрасте с «Ковбоями» прозвучал номер «Романс», впервые увидевший свет в 1982 году. Эту хореографическую миниатюру на музыку Георгия Свиридова поставил балетмейстер Дмитрий Брянцев – но фактически полноправным соавтором шедевра стала Габриэла Комлева. Именно она в процессе работы над «Романсом» являлась творческим вдохновителем и опытным, мудрым советчиком для молодого хореографа. Номер во многом был основан на личных воспоминаниях Габриэлы Трофимовны, ещё ребёнком пережившей Великую Отечественную войну – и теперь воплотившей на сцене судьбу женщин военного поколения. Движения артистки в этой миниатюре были предельно сдержан-

ны, почти графичны. Однако за внешней строгостью рисунка угадывались и колоссальный драматизм, и тяжёлая, физически ощутимая душевная боль, и отчаяние, когда надеяться уже как будто не на что – но надеяться надо, потому что без этой надежды не будет жизни, не будет грядущей Победы!.. «Здесь скупой пластический рисунок - и огромная духовная наполненность», - так предельно точно охарактеризовал образное решение номера П. Быстров в буклете о творчестве Г. Комлевой, изданном в 1984 году.

Наряду с участием в экспериментальных постановках, связанных с постижением новой хореографической лексики и поисками в области танцевальных форм, Г. Комлева в своих концертных номерах обращается также к классическому наследию, а именно – к «Качуче». Эта работа стала очередным подтверждением многогранности дарования прославленной танцовщицы, принявшей своеобразную творческую эстафету своих великих предшественниц, создавших неподражаемые образы в романтических балетах.

Знатоки и ценители хореографического искусства эпохи романтизма помнят, как в первой половине XIX века Мария Тальони раскрылась в балете Шнейцхоффера «Сильфида», поставленном для неё отцом Филиппом Тальони, – необыкновенно одухотворённом, наполненном чарующей красотой и гармонией. Другую, так называемую «земную» ипостась романтического балета представила Фанни Эльслер в спектакле «Хромой бес» на музыку Казимира Жиды, впервые показанном в 1836 году на сцене Парижской Оперы в хореографии Ж. Перро. Кульминацией той легендарной постановки стала «Качуча» - танец, выразивший смысл и содержание искусства Ф. Эльслер, представив разные грани земной, чувственной женственности: лукавство и томность, задор и натиск.

Номер «Качуча» в исполнении Фанни Эльслер превратился в монолог страстной, независимой женщины. «Из этой пляски она создала целую поэму, - вспоминал один из очевидцев. - То она молит о взаимности страстным преданным взором, то возбуждает сладкую негу телодвижениями, ей только

свойственными, то горит, трепещет, как разъярённая тигрица... И теперь ещё вижу упоительную улыбку, которой Фанни соблазняет своего любимца, и белое плечико, которым она хочет расшевелить его уснувшие страсти, и обворожительный взгляд, которым она старается разжечь его желания».

В 1979 году Габриэла Комлева воспроизвела этот танец и в концертном исполнении, и для съёмок на Ленинградском телевидении. Она была удивительно органична и изящна в хореографии Перро, словно «маленькая лодочка», раскачиваясь на волнах. Это пример того, как хореографическое наследие прошлого переносится через века, подвергается переосмыслению, определённой эстетической трансформации – и, в результате, звучит как заново рождённый шедевр.

Габриэла Трофимовна Комлева всегда стремилась обогатить свою творческую «палитру» за счёт освоения новых образов, поиска различных пластических воплощений. Она не боялась включать в репертуар номера и миниатюры, решённые в совершенно неожиданном хореографическом ключе. Пожалуй, в наибольшей степени её творческая «неуспокоенность» проявилась в «Танцах для Айседоры» на музыку Ф. Шопена, поставленных в 1988 году Хосе Лимоном (США). Этот хореограф известен как создатель собственной танцевальной техники, основанной на изучении естественного движения тела, без ненужных усилий и чрезмерного напряжения. Его основной творческой «сверхзадачей» было стремление выразить личные взаимоотношения с окружающим миром посредством движения. Танец Хосе Лимона являл чистое выражение эмоций и страсти, он был полон живой энергии. Человеческое тело было для него, прежде всего, инструментом творческого самовыражения.

Айседора Дункан, который был посвящён балет-миниатюра Х. Лимона в исполнении Г. Комлевой – целое явление в мировой хореографии начала XX века. Было время, когда у её ног, без преувеличения, лежал весь мир. Русские зрители также были в восторге от танца Айседоры, не скупившись на похвалы и отечественные критики: «Дункан танцует

естественно, просто, как танцевала бы на лугу, и всем своим танцем борется с обветшалыми формами старого балета. Дункан реализовала то, что уже назрело в хореографии давно».

Определённое противоречие в творчестве Айседоры Дункан заключалось в том, что при всей одарённости и предельной творческой самоотдаче, она была ярой противницей классического танца, построенного на жёстко выверенной системе; танца, требующего регулярной изнурительной подготовки, целенаправленной шлифовки каждого движения. Балет раздражал Айседору, она резко высказывалась о нём: «Я враг балета, который считаю фальшивым и нелепым искусством, стоящим в действительности вне лона всех искусств». Подобные высказывания прославленной танцовщицы свидетельствуют о том, что она слишком поверхностно воспринимала хореографическую классику. В результате складывалась парадоксальная ситуация – выдающаяся исполнительница, исповедовавшая творческую свободу, фактически ограничивала своё развитие из-за того, что не постигла всей глубины классического танца, не смогла почувствовать, сколько прекрасных возможностей для творческой самореализации способен дать высочайший из всех видов хореографического искусства. Может быть, именно по этой причине творчество Айседоры Дункан в последние годы её жизни уже не вызывало прежнего восторга. Артистка и сама понимала, что её «золотое время» безвозвратно уходит, но при этом отчаянно боролась с судьбой, надеясь вернуть былую славу – вплоть до того рокового дня, когда жизнь великой танцовщицы оборвалась из-за шарфа, случайно намотавшегося на автомобильное колесо... «Она оставила замечательный след в хореографическом искусстве как исполнительница, обогатив танец целым рядом пластических находок, образным миром, до того ему неизвестным, но стать главой целого направления, создать свою школу ей было не дано», – так писала Н. Анучарова в статье об Айседоре Дункан, опубликованной в 1987 году в журнале «Советский балет».

И тем не менее, её животворящий талант открыл принципиально новые возможности,

значительно обогатив выразительные средства в мировой хореографии, прежде всего – в области женского танца. Рубеж XIX и XX столетий вошёл в историю как трагический «разлом», прошедший красной нитью через все страны и народы. Творчество Айседоры Дункан практически зеркально отражало «напряжённую трагедийность» эпохи, её жгучий драматизм, когда красота и гармония, ещё недавно казавшиеся незыблемыми ценностями, уходили в безвозвратное прошлое, уступая место дисгармонии и хаосу – и в искусстве, и в общественной жизни, и в межчеловеческих отношениях. Сама Дункан неоднократно подчёркивала, что её танец рождается из духовной потребности выразить внутренние переживания человека – одинокого и незащищённого перед агрессивным напором безликой «среды», способной в одночасье уничтожить всё живое, раз и навсегда оборвать не только надежду на лучшую жизнь, но и возможность продолжения жизни вообще...

Габриэла Комлева, вошедшая в историю отечественного балета, прежде всего, как исполнительница классических партий, в работе над образом Айседоры в совершенстве постигла новый, внешне необычный для неё хореографический почерк Хосе Лимона. Она не просто рассказывала историю своей героини – она всем сердцем сопереживала ей, фактически проживая на сцене целую жизнь. В эту жизнь вместились и беззаботная юность Айседоры, и её страстная любовь, и постижение материнства – и, наконец, восторг перед великими свершениями революции. Г. Комлева была необыкновенно органична в новой для неё пластике, а созданный ею образ легендарной «танцовщицы-босоножки» отличался удивительной проникновенностью.

«Танцы для Айседоры» в исполнении Габриэлы Комлевой были практически единодушно оценены как новый всплеск таланта выдающейся танцовщицы нашего времени. Самых тёплых слов удостоились и миниатюра «Весна», в которой исполнительница тонко передавала восторженность чувств, наполненность счастьем от единения с природой, и гораздо более динамичная «Любовь», в которой всепоглощающая, сжигающая дотла

страсть любящей женщины виртуозно передавалась за счёт экспрессивности движений. В миниатюре «Материнство» Г. Комлевой был великолепно передан контраст между всеобъемлющим счастьем материнской любви – и сменившей его глубочайшей трагедией... И, наконец, заключительная часть, в которой танцовщица представала в образе, вызывавшем ассоциации с героиней картины Эжена Делакруа «Свобода, зовущая на баррикады» - с распущенными волосами, с алым шарфом, имитирующим «красное знамя революции». Творчеству Габриэлы Комлевой всегда были близки героические мотивы – но в этой постановке они прозвучали с новой, неожиданно яркой силой. Предельному самовыражению исполнительницы способствовала и хореография, основанная на естественных движениях тела.

И всё-таки, несмотря на несомненный успех совместной работы Г. Комлевой и Х. Лимона, трудно отделаться от мысли, что этот шедевр был не до конца понят и, как следствие, недооценён. Во многом это связано с тем, что номер создавался в годы так называемой «перестройки», когда в обществе ещё господствовали идеи социализма. Выбор Айседоры Дункан, принявшей революционные преобразования в молодой Советской Республике, однозначно трактовался многими критиками как победы светлых сил над тёмными в творчестве прославленной танцовщицы, как героический апофеоз всей её жизни. Между тем, и замысел номера, и его исполнение, были гораздо глубже и драматичнее. Это была история талантливой женщины, - незаурядной, истинно поэтической натуры, - всю жизнь тщетно пытавшейся обрести свободу от так называемых «условностей» внешне-

го мира. Однако все её попытки оказывались трагически безнадежными, поскольку мир был гораздо сильнее – и, в результате, поиски обретения «новой гармонии» приводили к хаосу в её душе, а творческий максимализм оборачивался замкнутым кругом одиночества, из которого уже не было выхода...

Сейчас, когда искусство двадцатого столетия на наших глазах становится историей, можно с уверенностью сказать, что его главной темой был неустанный поиск «человеческого в человеке». Именно об этом писали в своих романах Михаил Шолохов и Андрей Платонов, создавали драматические спектакли Константин Станиславский и Георгий Товстоногов, снимали художественные фильмы Андрей Тарковский и Василий Шукшин... Этот поиск пронизывает также и балетное искусство, проявляясь в творчество самых выдающихся танцовщиков нашей страны и всего мира. И Айседора Дункан, и Анна Павлова, и Вацлав Нижинский – все они открыли ту самую духовную эстафету, которую во второй половине XX века подхватили Екатерина Максимова и Владимир Васильев, Рудольф Нуриев и Михаил Барышников, а также Габриэла Комлева и её товарищи по сцене, творчество которых ныне по праву признано национальным достоянием. Сегодня Габриэла Трофимовна много работает с учениками, щедро передаёт им свой богатый творческий опыт. И кто знает – возможно, кому-то из её учеников в скором времени предстоит вписать золотыми буквами новую главу в историю «Театра Радости». Именно так по праву можно именовать классический балет, заслуживший это высокое звание всей своей многовековой историей.

Proza

ВАЛЕНТИНА СИБИРЯКОВА-ГОРАК

Я тебя ненавижу

Небо затянуто так плотно, что нет никакой уверенности, что прояснится хотя бы к обеду. Да что там, к обеду, Неле кажется, что для неё небо не прояснится уже никогда. А ведь как хорошо всё начиналось именно в этот день, двадцать пятого февраля, она даже дату запомнила, такого уже далёкого прошлого года. Он был другим, тот день: снег за окном офиса искрился, светило солнце и по-весеннему пела душа. А к концу рабочего дня пришёл Дима, большой, напористый, ворвался с конфетами:

– Девочки, а ну-ка чаёк!

Девочки засуетились: пора делать перерыв в скучной конторской жизни. И понеслось: Дима дамский угодник, попав в женское общество, разливается соловьём, угощает конфетами, пьёт чаёк, травит анекдоты, на что большой мастак, даже если борода до полу, так расскажет, все покатываются, как над невымым. Анекдоты все с перчиком, но Дима подает их так естественно и неоскорбительно, что послушать их себе позволяют даже очень приличные дамы.

Два года назад с ним развелась жена и уехала. Далекое. Некоторые говорили: от хорошего мужика женщина не уедет, другие возражали: смотря какая женщина. При кажущейся суровости и даже грубоватости, Дима был тонкой и ранимой организации, и это лучше всех знала Неля. Она вообще хорошо его знала... ещё со школьной скамьи. Но он выбрал не её. И вот, должно было пройти долгих двадцать восемь лет, чтобы всё вернулось на круги своя. И они, уже сорокашестилетние, оба одинокие, с четырьмя на двоих, правда взрослыми детьми, рванулись навстречу друг другу.

Сначала она не поверила, что счастье возможно. Слишком много пережила: и мужа-пьяницу, и ранний развод, и долгое бесконечное житьё-бытьё в статусе одинокой женщины с двумя детьми. Было всякое, но вернуться к

мужу – нет!!! Всё что угодно, только не это.

Уже вечером того памятного дня Дима сказал ей, что всегда её любил и никогда не забывал, ни на день, ни на минуту. Вот только не знал, что и она его по-прежнему любит... Потом они танцевали в вечерней кафешке, тесно прижавшись друг к другу, но не как молодые, всем телом, а, скорее, всей душой! Дима смотрел на неё, как он умел смотреть на любимых женщин. А Неля подставляла и подставляла губы для быстрых, якобы не видимых ни для кого, прикосновений и через эти прикосновения в неё словно вливалась река прозрачной, хрустальной, обжигающе ледяной воды, река огня, река любви. В эту же ночь всё состоялось! Быстро? Ещё бы, двадцать восемь лет – как одно мгновение.

Наутро... она была красива, как и вечером, после дорогого шампанского, полумрака ресторана и безумного желания любить. Любить не какого-то там, выхваченного из прежнего небытия, а... своего, долгожданного, выстрадавшего! Она была красива, как женщина после ночи бесконечной любви с любимым человеком.

Потом был медовый месяц, второй, третий. Весной Дима открыл ей, что у него есть дача, свозил туда, они несколько раз попарились в баньке, и он ушёл в рейс.

Она полюбила дачу, как Диму. Никогда ранее не зная, что это такое, она открывала и открывала для себя всё новые прелести дачной жизни. По какому-то наитию всё правильно посадила, и всё не просто росло – «пыhalo» – как говорила соседка и новоявленная подруга по даче, Татьяна, похоронившая в прошлом году мужа-пьяницу, с которым, в отличие от Нэли, не разошлась, а прожила всю свою несчастную, чёрно-белую, бесконечную, полную надрыва и борьбы с пьянством мужа, жизнь.

На Троицу у неё и собрались. Пришли подруги по дачному сообществу, которые знали ещё Люську, жену Димы. Завтра должен приехать и он сам. По телефону договорились, что Нэля встретит его здесь, в город выезжать не надо.

Снова было так хорошо, как не бывает. Уже под вечер над дачами летело протяжно и самозабвенно: «Вот кто-то с горочки спустился», «Зачем вы, девочки», с хохотками «Клён ты мой опавший», а под конец фирменная «Напилася я пьяна». С ней и расходились, тяжёлые, как корабли, дородные, раскрасневшиеся. Нэля в обнимку с Зинкой, соседкой справа по дачной улице. Вернее Нэля Зинку тащила до самой её калитки практически на себе и, даже, пришлось зайти в дом и уложить на диван, от греха подальше. И вот с этого-то дивана Зинка и прохрипела, неожиданно зло, пьяно выплёвывая слова:

– А Димка твой всё равно тебя бросит. У него Люська, знаешь, какая была?

Нэля знала, какая была Люська.

Она стояла над Зинкой, обомлевшая, вдруг опьяневшая сама, и тяжело раскачивалась из стороны в сторону. Зинка, пятидесятипятилетняя, давно опустившаяся баба, срамно растёкшись по дивану, во всю храпела. Завтра вряд ли вспомнит, что брякнула пьяным языком, и за что на неё смертельно обиделась соседка.

Потом был путь домой. Нэля остановилась точно посередине между двумя калитками, тяжело навалилась на забор спиной и, подняв очи долу, воззрилась на Луну. Она не была, но думала, что вот так... на неё, сердешную, и воют. Она глядела на неё долго, неотрывно. Луна была полной, лик её, простой деревенской бабы, навял ей, что если когда-нибудь, в древних своих ипостасях, она была женщиной, то судьба у неё тоже была не очень.

Она усмехнулась неожиданной аналогии и... всхлипнула. Повернулась к забору, и, ухватившись мёртво руками за две штакетины, уперев лоб в третью, что между первыми двумя, тонко и некрасиво провыла. Потом замолчала, отлепила лоб от забора и снова втемяшилась в него им, многострадальным, и снова взвыла. На третий раз подскочила Татьяна:

– Господи, я думала собака... ой... – и закрыла рот ладонью: – Нелька, ты что? Завтра же твой приедет, а ты расписалась! А ну, пойдём.

Она долго отдираала руки подруги от штакетины, вела её опять к себе, заставляла выпить то оставшееся в чьих-то рюмках вино, то горячего чаю. Хотела даже позвать кого-нибудь на помощь, пока, наконец, не услышала отчётливо-спокойное:

– Не приедет!

На следующий день Нэля проснулась с мыслью, что: «Дура, приедет, конечно, как перед Татьяной стыдно». После вчерашнего было тяжело, но похмеляться к соседке не пошла. Во-первых, тяжело было не от выпитого, во-вторых, дел много, да и Татьяна, кажется, должна уехать. Бегала по даче, наводила порядок, приводила в божий вид себя. И неотрывно смотрела на часы: девять, десять... стрелки шли с какой-то сумасшедшей скоростью, как в другом временном измерении.

Когда, перевалив через одиннадцать, обе стрелки, большая и маленькая, решили наконец слиться воедино, в груди ёкнуло: «Да нет, не может быть...». До трёх она ещё бродила по дому, расслабленная, перекладывая что-то с места на место. После трёх села, к шести решила, что надо собирать вещи.

Вещи Нэля собирала три дня. Бродила, как тень, по участку, сидела на крылечке, выживала по одной вещичке то из шкафа, то со стула, снимала с вешалки, закидывала в сумку, иногда мимо и снова садилась на крыльцо смотреть в никуда.

Татьяна действительно уехала домой, и Нэля не знала, хорошо это или плохо: вот так, в одиночку биться со своим горем, один на один с телефоном сидеть и ждать, сидеть и ждать!

Позвонить? Нет! Что-то случилось? Да нет же, она бы почувствовала. Позвонит он, позвонит. Вопрос лишь в том, что скажет. Конечно же, ей давно пора уезжать. Но что-то внутри ещё держало. Может, тот звонок, где Дима весёлым, любящим голосом пообещал ей, что завтра непременно будет. Она бы услышала фальшь, но её не было, не было до самого Зинкиного... «бросит». Так что же

случилось, что-о-о?!)

Дача засыхала, душа чернела, а сама Нэля тихо старела. Из влюблённой, красивой, молодой женщины, медленно, но верно превращалась в старуху. Зинка за три дня раза три подходила к калитке, но Нэля не пускала, ухидила в дом.

На третий день Нэля вышла на крыльцо, чтобы в последний раз посмотреть в никуда. Сегодня она уедет. За три дня собрать вещи так и не удалось, ну и чёрт с ними, пусть остаются. Душа затихла, и она уже с кружкой горячего чаю присела на ступеньку. Поставила кружку на крыльцо и хорошо, что успела это сделать, потому что в следующее мгновение утреннюю дачную прохладу разорвала раскалённая трель звонка. От неожиданности, Нэля подскочила на месте и судорожно схватила телефон.

Она не сразу поняла, что это Дима. Каким-то не своим голосом он сообщил ей, что вернулась Люся.

– Понимаешь, мы решили...

– Да не волнуйся, я давно уже знаю, и меня нет на даче. Вы же хотите приехать?

И – отключила телефон. Быстро встала: надо торопиться, ещё припрутся раньше, чем она уедет. Долго ждала автобус на остановке. Проехала «Хонда» с Димиными номерами. А вот и он за рулём. Поверил, что она уехала. Зачем соврала? Люську не было видно за затемнёнными стёклами салона, но она-то её видит наверняка. И Дима от неожиданности притормозил, но потом проехал всё-таки.

Подошёл автобус, и она села в него. Стало окончательно «спокойно». Даже яду бы выпила, не поморщилась. О жизни не думала, жизни не было. Автобус какое-то время покачался на колдобинах сельской дороги и тяжело затормозил на очередной остановке. Пассажиры резко качнулись вперёд, а двери с противным лязгом открылись. И... в салон ввалился Дима. Он прислонился к автобусной стойке и стал смотреть на неё.

Перед ним сидела немолодая, страшно уставшая женщина, и острое чувство жалости сдавило сердце. Потому что это была его женщина! Настолько его, что он простил бы ей каждую её морщинку... если бы она мог-

ла сейчас простить его. Но Нэля смотрела на него стальным непрощающим взглядом. Он знал этот взгляд. Он видел его уже когда-то очень давно, в той, другой жизни.

Как молоды они были, а их школьная любовь не знала границ. Школа была закончена, и дело шло к свадьбе. О ней ещё не говорили, потому что и не надо было, это становилось как бы само собой разумеющимся фактом. И тут появилась Люська, смелая, дерзкая, страстная, а главное, азартная. Она сразу поняла, что Димка ей нравится, но он принадлежит другой. Это был двойной приз, она обожала брать с боем всё, чего ей хотелось, и любила побеждать!

Тогда он тоже едва успел к отходу поезда. Нэлина мать сказала, что дочь уезжает поступать. Случайно в магазине встретила и сказала. Он мчался на мотоцикле по такой же пыльной, разухабистой деревенской дороге и молил бога: успеть, только успеть! Она стояла у вагона и непримиримо смотрела мимо него, пока проводница не рявкнула:

– Закрываю двери! Девушка, вы заходите или остаётесь?

Но Нэля не терпела, когда её предавали. И кто? Дима! Её Дима!!! Такое невозможно простить, и он и она это понимали... и тогда, и... теперь.

Тогда она заскочила на подножку вагона и единственное, что прочитал Дима по её губам, когда она обернулась на него в последний раз, это было едва слышное, беспомощное, но неумолимое:

– Я... тебя... ненавижу!

Он ещё собирался сам запрыгнуть в вагон, и никакая проводница его бы не удержала, но после этой фразы ничего уже не имело смысла. И он остался стоять на перроне.

Автобус тяжело перевалился с боку на бок, тряхнул на колдобине содержимым и грузно остановился на следующей остановке. Надо было собрать всех дачников, страждущих вернуться из деревенской жизни в городскую. Двери снова ржаво взвизгнули и открылись. На этой остановке народу было много. Все лезли, толкая Диму. Какая-то бабища с корзиной, низким, мощным голосом, не терпящим возражений, предложила:

– Мужчина, пройдите в салон, а то встал тут... хрен обойдёшь.

Надо было принимать решение, и Дмитрий отчаянно взглянул на Нэлю. И снова, как в тот раз её губы приоткрылись, и он услышал убийственно знакомое:

– Я... тебя... ненавижу...

Нет, сейчас, в автобусе, она этого даже не прошептала, ни громко, ни тихо. Но Дмитрий услышал это так отчётливо, так ясно, как будто она прокричала ему на весь белый свет:

– Я – те-бя – не-на-ви-жу!!!

Дмитрий тяжело вывалился из автобуса, прихватив с собой пару-тройку устроившихся за его спиной пассажиров. Бабища каким-то чудом осталась в салоне. Это было невозможно. Два таких тяжеловеса не могли пройти друг сквозь друга, но факт был на лицо: Дима вышел, а бабища осталась. Автобус пытался стронуться с места, помятые пассажиры отряхивались, вытесненные – рвались в закрывающиеся двери, и всё это сопровождалось перлами ненормативной речи. Но Нэля ничего не слышала и не видела.

Она не видела, как Дима ловил попутку, чтобы вернуться обратно, к первой остановке, где он оставил «Хонду», на которой на этот раз догонял её. Она не могла видеть, как он возвратился на дачу и, как гневно на него смотрела Люська: «Пожалела дурака, приехала, а о-он»?!

Как радостно-одобрительно кивали друг другу добрые соседки: «С ума сойти, Люська два года хвостом мотала, а он её опять принял, а Нельку бортанул».

При этом Зинка, стоя у своей калитки, они уже перемолвились парой слов с Люськой:

– Никуда он не денется, он бы рад, да Нелька его восвояси отправит, – качала по бабьи головой и думала, как она была права, когда выдала этой гордячке Нэльке, что Димка её всё равно бросит. Пророчество то пьяное она вспомнила только что.

Нэля ничего не видела ещё и потому, что глаза застилала слёзы. И сколько она их не вытирала ладонью (украдкой, как она думала), они текли и текли по щекам, и этому потоку не было конца-края.

Пассажиры автобуса все, сколько было,

по очереди (украдкой, как они тоже думали), оглядывались на неё. Но ни улыбок, ни злорадства в их взглядах не было. Все понимали, что тот импозантный мужчина у автобусной стойки и эта симпатичная, моложавая женщина, упорно разглядывавшая что-то за окном автобуса и беспрерывно утирающая слёзы, только что пережили нечто такое, что достойно, как минимум, их молчания...

Нэля стояла у окна, и ей казалось, что небо никогда уже не прояснится. Не наступит ни весны, ни лета, ничего не наступит в божьем мире для неё. Но, как только в её мыслях мелькнуло это слово – «божьем» – что-то произошло. Пелена, плотно задрапировавшая небо, именно в том, более светлом месте, где, в вышине, над облаками, предположительно должно было находиться солнце, истончилась и прорвалась. И в это отверстие с рваными краями блеснуло чем-то светлым и тёплым.

Лучик, тонкий, радостный, целенаправленно достиг земли, выхватил из всего мира людей одну маленькую, грустящую за окном рабочего кабинета, женщину и на мгновение ослепил. Нэля зажмурилась, а когда открыла глаза, поняла, что мир меняется не постепенно, нет, он меняется в такие вот мгновения и, за одно такое мгновение, проходит путь... да хоть в тысячу лет!

Она посмотрела на телефон, который зачем-то теребила в руках всё сегодняшнее утро, глубоко, облегчённо вздохнула и стала набирать Димин номер.

Он ответит, он обязательно ответит...

НАТАЛЬЯ СОРОКИНА

Пыль кулис-2

Записки из жизни одной актрисы

Предисловие автора

Кто-то вызолачивает свою историю, заматывая досадные, стыдные или неблагоприятные факты биографии веником лицемерия под ковер. И получается лубковая ткань повествования, в которой правды ни на грош, которая бесполезна для применения и даже может нанести вред в случае бездумного подражания. Конечно, надо оставлять после себя только хорошее и помнить лучшие моменты жизни. Но такая слащавость еще никого не уберегала от ошибок. А честный рассказ? Может быть! Ведь поколению молодых не справиться со своими проблемами и ворохом противоречий, который уже «наклубился» в их незрелой социальной биографии. Им нужна эта правда во что бы то ни стало, и они, не найдя ее зерен в современных книгах, пойдут искать по улицам и подворотням. Хочу помочь вам, ровесники по духу мой бесшабашной и безоглядной юности. Вы не одиноки в своих метаниях. Конечно, у вас все иначе. Но нравственные крепки, законы Мироздания никто не отменял. Читайте и соперствуйте вашей сверстнице. Ведь ей повезло жить во времена «Великих перемен». Возможно, вы увидите в ней себя, что-то поймете и что-то сможете изменить в своей жизни. Пока не поздно! Удачи ВАМ!

«Летучка» 33 года спустя

- Споешь Летучку¹ сейчас? Сегодня? Что, слабо?.. – Фея Мелюзина точно рассчитала, что азарт захватит Тамару с первой же секунды с ног до головы и от этого предложения она не сможет отказаться. Феи ведь никогда не ошибаются.

Тамара задумалась...

Вспомнить партию, конечно, не слабо... И она вспомнила.

На третьем году обучения в ЛГИТМиК ей сказочно повезло: в институт пришла попробовать свои силы в преподавании солистка

¹ *Летучка* - оперетта И. Штрауса «Летучая Мышь».

Кировского театра, народная артистка СССР Е. П. Центровальник. Почему не в Консерваторию? По-видимому, там были сильны другие конкурирующие школы. Ей предложили взять двух учениц, в общем-то считавшихся «бросовым материалом». Второй педагог по мастерству, Лидия Заврилова, вызвав Т. к себе на ковер, сказала:

- Тебе надо менять педагога... Пора... Что-то у тебя с голосом не то....

А ведь год назад за такую же точно просьбу поменять преподавателя по профилирующему предмету на курсе «Музыкальной комедии» Т. просто чуть не выгнали из альма-матер на Моховой. За «неблагодарность». Неофициальный разговор со вторым преподавателем по актерскому мастерству о смене вокального педагога квалифицировали как несоблюдение этики.

Фортиссимо на фиоритурах в кульминационной части фразы выкрикивал Гном²: «Театр – кровавое дело!». Но, как часто бывает в жизни и поется в песне: еще неизвестно, кому повезло....

После этого была некрасивая сцена с обиженной Л. В. Надуменко, первым преподавателем по вокалу, которой Т. была обязана свалившимся на нее чудом обучения в ЛГИТМИК. Ведь благодаря ей она и попала в Театральный институт.

Т. была ее надеждой, звездочкой, которую она, Л. В. Надуменко, собственноручно нашла и выпестовала... И вдруг ее отняли. «Добрые» люди незамедлительно доложили о тайном разговоре, представив его в искаженном виде, как наушничество. Жалобы за кулисами не считаются. Они становятся известны мгновенно. Т. об этом театральном законе еще ничего не знала.

Конечно, это был удар, и не только по самолюбию. Все подробности Т. не знала и не узнала до сих пор. Но Надуменко после этого случая ушла с курса, а потом и из Театрально-

² *Гном* - (мастер курса Музыкальной Комедии в ЛГИТМиК Изакин Абрамович Гриншпун).

го института.

Т. настолько считала себя виноватой, что не могла даже прийти к ней и поговорить по душам. Какое уж тут по душам... Это был обвал в дружеских отношениях. И с семьей Т. в том числе. Ведь Надуменко дружила с ее родителями, называла их по-простому, без реверансов: Кира и Олег. Конечно, это была непоправимая трещина в отношениях на всю жизнь. Первая преподаватель Тамары не имела своих детей, все силы отдавала вокалу и своим ученикам. После ухода из Театрального института Л.В. стала давать частные уроки песнопения и поднимать высокую форманту голосов в музыкальном училище при Консерватории. С Т. они с тех пор больше не виделись. Где похоронена Л. В. Надуменко, как и отчего она умерла, Т. так и не узнала.

Поколения детей всегда отвергают советы отцов. А потом нестерпимо жалеют, что не взяли то, что им предлагалось на блюдечке. Об этом, как казалось Тамаре, был снят фильм «Андрей Рублев» Андрея Тарковского. Кадры, когда плакал мальчишка, отцовский подмастерье в литейном деле, потрясли её больше всего. Он гордился, что единственный знал секрет отливки колокола с малиновым звоном, потому и ставил всех на уши, не страшась даже смерти, под которой ходил как крепостной в случае неудачи. А когда готовый колокол зазвенел, и парень услышал не «тот» звон, то плакал и валялся в грязи от обиды, что отец унес в могилу свою тайну, хотя люди вокруг восхищались прекрасными обертонами «голоса» искусно отлитого гиганта. Вот так и мы, потеряв своих наставников, возможно, только через многие годы понимаем всю ценность их самопожертвования ради становления нашей личности.

Итак, Е. П. Ц.¹ дали двух учениц, заведомо неформатный материал: Тамару – мечтавшую прежде быть драматической артисткой, и Наталью Хуль, манкую и местами пегую блондинку, умудренную вокальным, а также интимным опытом. Поднахватавшись разнообразных приемов «коридорной академии», Х. считала себя спецом и в сексе, и в вокале, хотя в первом и древнейшем подавала гораздо больше надежд, в противовес успехам во вто-

рой области. В интимной сфере она была просто ассом, могла приворожить к себе любого, даже самого умного и как бы не зависимого от низменных эмоций мужчину. При общении с ней у них сразу вышибало мозги от ее вида и откровенных разговоров. Ее речь изобиловала возбуждающими рассказами фривольного содержания. Просто ходячий «Декамерон» в юбке. Такое впечатление, что она вообще думала только об этом. Мужики залипали на нее и гибли, как тапочки в гудроне... Хуль клеила их везде: в институте, на пляже, на репетиции, в магазине. Это перешло у нее не просто в привычку, а в способ общения. Хобби по призванию. Тамару это удивляло до восхищения. Она так не умела. А жуть как хотелось владеть этим оружием. И наивная простушка попросила Х. на правах подруги научить ее этому искусству. Теперь это называется женский pick-up. Приемы у прожженной соперницы оказались жесткими.

Удачный период учебы в ЛГИТМиК (ныне Театральной Академии) оттенялся эмоциональным излишеством в виде головокружительного романа с прима-тенором студенческой группы С. Кисловым. Первый этап этого «жесточкого сценария» пришелся на третий курс. И когда пегая подружка начала свою тактику отрабатывать на теноре, Тамара от нее отшатнулась, как ошпаренная.

Она получила порцию негатива, пройдя через измену «любимого человека». Это произошло прямо у нее на глазах после, как говорится, отданного с лихвой права первой ночи... Дело было на студенческих гастролях. Производственная практика по заштатным площадкам Ленобласти, куда входили даже коровники и сенозаготовки в чистом поле, «прошла по Шекспиру», как по маслу. Романтичное скалолазание по трубе на второй этаж женского общежития, где разместили начинающих артистов. «Солнечный удар»² и его последствия. Фантастический секс в помещении для технического оборудования... И развязка – поцелуи с пегой блондинкой на кровати в общей палате. Такой треш в смене кадров для неопытного сердца стажерки в амурных делах Тамары был непереносимо преждевременным. Да и заядлый сердцеед от этого бы

¹ Е.П.Ц. - Евгения Павловна Целовальник, солистка Кировского театра, Вагнеровское сопрано, Народная Артистка России.

² «Солнечный удар» - название фильма Никиты Михалкова. В данном контексте внезапная страсть, повлекшая за собой роковые последствия.

поморщился. «Пегая» бесцеремонно реализовала свой драконовский план наказать соперницу за излишнюю удачливость в профилирующем предмете. «Увести» «первого тенора на деревне» прямо в день признания и слияния тел оказалось для Хуль проще простого. Тамара от него отвернулась тоже.

Воспоминания нестерпимо жгли. Хотя именно через эти «ссадины и шрамы» она пришла к успеху и добилась воплощения своей мечты, вычленив главное в своей жизни: стать артисткой и выйти на сцену. Тогда никакие соперницы уже не будут страшны.

Глубоко в мозгу засела «заноза» своей вины перед первым преподавателем. А возможно, это и было то неотвратимое и таинственное наказание, которое ждет каждого, поступившего, как хочется. Ведь никто не уходит из этой жизни незапятнанным... Возможно надо было вырвать ее, эту боль? Только вот как? Найти педагога? Прийти и повиниться... А... В чем?

Ведь успех после смены преподавателя оказался просто ошеломляющим!!! И Надуменко это было бы слышать очень больно, Тамара добила триумфа без неё. Как ни крути, но Надуменко дала Тамаре основную профессиональную базу в вокале. И Е.П.Ц. со своим филигранным мастерством пришла уже на подготовленную почву.

Наказание состоялось, но главная сакральная жертва была еще впереди...

Таких заноз, уколов, дубин потом было предостаточно. Сколько осталось пробоин? И сколько еще выдержит голова, сердце?

Лобовое столкновение с чугунной декорацией «МАМА – МИЯ»¹ - просто легкий шелбан по сравнению с тем, что было дальше.

Боль воспоминаний глодала душу, как тля распутившийся зеленый куст. Поэтому измотанная муками совести артистка, с целью излечиться и исследовать, что же происходило в ее жизни все эти 33 года, стала переключать свои болезненные воспоминания на бумагу. «Теперь я понимаю слова Эрнеста Хемингуэя о том, что значит писать роман», - размышляла она, делая первые наброски: «Сядишь за стол. Берешь в руки перо и... начинаешь медленно истекать кровью...»

Но надо было подытожить прожитое. Со-

всем, как у любимого мамочкой В. Маяковского:

«... Когда я итожу то, что прожил
и роюсь в днях - ярчайший где,
я вспоминаю одно и то же
двадцать пятое, первый день»

И вот этот первый день оглушительного успеха настал: итоговый экзамен по вокалу на третьем курсе «Музыкальной комедии» с неожиданным фарсовым финалом.

Первый курсовой экзамен 25 мая N* года с новым педагогом по результатам трехлетнего обучения на курсе музыкального театра прошел с грандиозным успехом.

Т. Пела Джудитту с блеском, легко и сильно, с чувством, как она это умела.

«Но зло и фатально разбросаны карты.

И все так не просто
в финале «Дель Арте».

Тенор и не думал сдаваться... То ли от «большого ума», то ли от еще большего тщеславия у него выиграло чувство собственности. Он, не задумываясь о последствиях, лихо расстроил свадьбу Тамары с преуспевающим юристом своей циничной выходкой. Инцидент произошел как раз после экзамена по вокалу, на котором Т. блестяще спела Джудитту. Алексей – перспективный жених из состоятельной и преуспевающей семьи юристов преподнес ей роскошный букет из алых роз в «три обхвата» руки. Т. помнила, как накануне он показывал ей шкатулку с драгоценными камнями и говорил, что любой из них может украсить ее руку. Т. не взяла ничего. Она думала только об экзамене.

Перед летней экзаменационной сессией они с Кисловым расстались и Т. поставила на этом романе жирный крест, не желая простить ему измену с соперницей пегой болонкой Х. Но смена картин этого спектакля была неумолимо запрограммирована.

Кислов зажегся от неожиданного успеха строптивой пассии и, прорвавшись сквозь заграждения из поздравляющих тел и человеческой нравственности, ринулся ее целовать при остолбеневшем женихе. Действие произошло на виду у всего сонма преподавателей театрального института... Тамара, инстинктивно защищаясь от неотвратимого прикосновения, не в силах дать ему жесткий отпор, побежала наверх по ступеням. На втором этаже кружевной, просматривающейся снизу вверх

¹ См. продолжение повести.

знаменитой лестницы, он ее догнал и, не стесняясь окружающих, стал покрывать поцелуями шею, лицо, губы... Она уронила букет, слабая, присела на пол. Он тоже. Острые чувства, которые еще не остыли, и головокружительный успех на экзамене превратились в адскую смесь бесстыдной в своей простоте и прелести эйфории... Они сплелись телами. Поцелуй был слишком откровенен, чтобы иметь толкование как случайный. Оцепеневшие поначалу окружающие сделали вид, что ничего не происходит. Так... студенты веселятся, празднуют окончание сессии. Жених, стоявший задрал голову и наблюдавший всю сцену снизу, тут же бесследно исчез. Потом проявился... Через десять лет, раненый, разведенный и больной, после очередного «солнечного удара».

Правильно говорят: никогда не возвращайтесь к бывшим возлюбленным. Бывшие возлюбленные никогда не превращаются в настоящих. На экзамене мастер курса Гном сказал, что дипломной работой пятого года обучения будет постановка «Летучей мыши» Иоганна Штрауса на сцене Учебного Театра на Моховой.

Встал вопрос: кто же будет петь заглавную партию Розалинды?

- Конечно же, мы! - сказала вдохновенная творческим триумфом ученицы Евгения Павловна Центровальник. После сказочного успеха «Джудитты» ни у кого не возникло возражений.

Только П. Б. Жбанчикова, педагог считавшейся до этого ведущей солистки курса колоратурного сопрано Е. Урбановой, спросила: «А вы что, на терцию будете понижать партию?»

На что Е.П.Ц. повернула свой орлиный профиль в сторону комариного писка и вагнерским сопрано провибрировала: «Мы поем только в оригинале!». И все вопросы закончились.

Других вариантов не было. Все остальные «не тянули». Диапазон выходной арии Розалинды «Чардаш» на балу у графа Орловского - три октавы, с верхним «ре» в финале имелся в арсенале только у студентки Е.П. Центровальник – Тамары Набокиной. Как кудесница и Народная артистка раздвинула драматический диапазон своей ученицы до верхних регистров осталось загадкой для всех.

На партию Айзенштайна был назначен

С.Кислов.

Все закрутилось в событийной воронке неотвратимо и заново.

Сейчас, вспомнив эту предысторию к «Летучке», тогда, тридцать три года назад Т. допустила в голову избитую мысль, что все мужики «сво... и ко...», но с новым для нее, казалось, поворотом.

Все верующие, да и неверующие мужчины подсознательно боятся высшего суда.

А высший суд – это женщина, которую Вы обманули.

У всех женщин есть божественная покровительница, прародительница Мать – Природа, а она вам спуска не даст!

Обманывают постоянно: жену, сестру, любовницу, близкого человека, как некоторые лицемерно говорят, чтобы не нести ответственности за акт познания, которому цена – рука и сердце, то есть проще говоря, замалчивает предложение выйти замуж.

Соитие - это уже брак, который вы совершили перед Богом и теперь это дело Вашей совести, закрепить его на земле или нет. Если нет – то Вы предаете свою женщину... Можете сто раз говорить, что она не Ваша. Но... Ваша она становится, когда отдает вам свое тело на защиту. А Вы его просто используете для сиюминутного удовольствия. Так-то вот. Отсюда и все ваши беды, предатели!

Впрочем, к женщинам это тоже имеет отношение «зеркально», допустила Тамара. Далеко ходить не надо. Яркий пример - судьба пегой болонки Хуль, вылетевшей из института со справкой, без диплома.

Партию Розалинды через 33 года Тамара вспомнила быстро. И когда стали репетировать с молоденьким восточным тенором крепкого телосложения, из которого руководитель режиссерского курса в СПб Консерватории Фей Мелюзина собиралась сделать австрийского бюргера, умудренная опытом артистка вспомнила, чего ей стоило играть в юности с Кисловым в любовь на сцене после полного краха их обреченного чувства.

Потому что дальше произошли еще более трагические события.

Но пока, после удачного экзамена и блестяще сданной сессии, между влюбленными произошло бурное объяснение. Т. попеняла будущему партнеру по дипломному спектаклю за отвратительный эксцесс в общежитии на гастролях. На что он ответил:

- Если бы ты вела себя так же - убил бы!

«Значит любит», - затрепетало сердце Тамары. Вот податливая женская душа. И она все простила!

Т. собиралась отдыхать в Скадовске, поехав туда «дикарем». В юности ничто не пугало, такие поездки уже были. Например, они впятером с девчонками из спецхрана библиотеки ЛГУ «оторвались» в отпуск в Крым. А потом и в Абхазию, Гагры, Геленджик. Это было сказочно. Проезжая из города в город на корабliках, Тамара вызвала у себя в памяти пептидное воспоминание от свежих хачапури с кавказским сыром сулугуни, щедро растекающимся под «масляным» руководством южных пекарей. Вкусовые ощущения были весьма необычны для северных девчонок. Мороженное под названием «Пингвин» просто уничтожило все детские установки в сознании, что лучшее мороженное – это «Ленинградское». Теперь оно все одинаково – импортное по всей стране. А этот «Пингвин» пузырился от щедро пролитого на него, поверх тертых орехов густого, с ягодами, сливового варенья.

Ей тогда еще не было 19 лет. Но почему-то ее везде принимали за лидера и называли «старшой», хотя в группе были барышни и повзрослее. Просто тогда еще Т. была яркой брутальной брюнеткой, а это на Юге всегда ценилось дороже. Впоследствии Тамара сменила «масть» и на это были серьезные причины.

Итак, впереди был Скадовск. Туда Тамару пригласили друзья родителей. Но все равно, она купила билет до Симферополя, и полетела, как в мир копеечкой. Кислов сказал, что он задержится, надо заработать денег и рванул с однокурсниками красить заводские трубы куда-то на север. Это тогда было чрезвычайно доходным делом. Обещал потом разыскать ее на Юге. Во что Тамара не сильно-то и верила¹.

Сначала нового года вертихвостка Х. продолжала свою интригу с новой силой. И так и сяк терлась на репетициях о все места безголового тенора с продуваемой настежь головой. Но безуспешно. Надо отдать должное, К. на нее теперь стоически не обращал внимания.

¹ Продолжение повести в рассказе «Театр - Кровавое дело» в следующем выпуске «Золотого слова».

Потерпев крах и разозлившись, пегая болонка в отместку и в доказательство своего всемогущества вышла замуж за ведущего конференсье параллельного эстрадного курса Ж. Пальпера. У нее действительно не было барьеров нравственности, и этим она брала мужиков.

Ну... это отдельный разговор, как он от нее потом натерпелся. Следует на этом остановиться подробнее.

Выпускной эстрадный курс, ставший впоследствии «Театром Ухх»², вернулся из заграничной поездки, взбудоражив весь институт. Новая программа была сделана в стиле западного ревю. Блистательные цитаты из фильма-мюзикла «Кабаре» с участием Лайзы Миннелли перемежались пикантными шутками про «живуюпись» остроумного на заграничный манер и электризующего зал Евгения Пальпера. Ему прочили будущее второго Аркадия Райкина. Хуль это завлекло. Умный, перспективный. Надо брать! И она женила его на себе.

Поездка выпускного курса за рубеж в страны соц. лагеря в те времена практиковалась на всех отделениях ЛГИТМиКа и входила в учебный план по культурному обмену. Пальпер из-за границы привез новоявленной скоростной жене сногшибательные, по тем временам, наряды. Это придало внешнему виду прирожденной распутницы дополнительную запретную прелесть в глазах столбенеющих самцов. Хуль хвасталась, показывая шмотки обалдевшим однокурсникам: «Ой! Женечка все привозит только мне... Ничего для себя. Так меня любит. Но я ведь это скоро все сношу».

Болонка, несмотря на замужество, не переставала «цеплять за живое» прежнюю жертву, стреляя глазами и на попадавшихся в поле зрения других самцов. На вокал она, скорее всего, «забила». И Е.П.Ц., находясь по поводу второй ученицы в недоумении, уже ничего хорошего от Хуль не ждала. Тем более, что после брака с Пальпером, Х. пустила слух, что она забеременела. Потом беременность внезапно «замерла». Так говорила Х., откровенно признаваясь Тамаре, что не хочет детей от Пальпера, потому что он не красивый. Потом сказала, что у нее случился выкидыш. Возможно, это было правдой, но проверить в ее

² См. продолжение повести.

рассказни уже было невозможно.

Цель современной «Манон» была определена: выгодное замужество, как средство пополнения гардероба. Кандидатов для поездок за границу было предостаточно, рядом учились также студенты иностранных государств. Какое было потрясение для Пальпера, загремевшего в армию и вернувшегося на побывку, узнать, что его жена снова беременна и, по свидетельству очевидцев, вовсе не от него. А от студента режиссерского курса абиссинца Хуана. Но это опять совсем другая история.

Тамара напрямую спросила у любимого, как он теперь реагирует на ужимки и прыжки этой замужней и распушенной дряни? И любимый заявил: «Пусть теперь ее муж обслуживает»! Значит между ними все-таки «было», - мелькнуло в голове у Тамары. Но она его уже простила, поэтому запретила себе вспоминать прежнюю обиду. И даже помирилась с Хуль.

Что за человек был Кислов? Многие считали, что дурак. Тенор, одним словом. Голова – резонатор для ветра. Дунешь - сама запоем. Ему иногда сказочно везло, он находил не находимое, терял ненужное и приобретал запретное.

Еще у него было чувство бесшабашной удали. Выглядел он, как поющий Есенин! Красавец, танцор, блондин. Мечта любой поклонницы, абитуриентки, но, как выяснилось, экземпляр абсолютно неподходящий для обычной семейной жизни.

«Заноза Джейн»

На курсе у каждого студента был свой излюбленный трюк или фишка, как сейчас говорят. Тамара, например, считалась превосходной драматической актрисой. Недаром на втором году обучения она «вытащила» спектакль старшего режиссерского курса, сыграв в их дипломном мюзикле главную роль. Студентка, кавалер-девица Уланова, распределенная на роль мастером курса, впоследствии режиссером театра «Зазеркалье» А. В. Тигровым, по плану, как раз собралась рожать. Так бывает на дипломных курсах. Так могло случиться и с Тамарой, но все произошло наоборот.

Кавалер-девица была очень целеустремленная и все хотела успеть в сжатые сроки, не отказываясь при этом от главной роли. А для диплома на режиссерском курсе был

взят американский мюзикла-вестерн «Заноза Джейн» со всеми вытекающими отсюда ковбойскими последствиями. То есть: трюками с пистолетами, хлыстами, танцевальными и вокальными ансамблями. Физические и профессиональные нагрузки не для слабаков. А заключительное финальное явление народу «Американ Стар» Эделайт с мужским эскортом танцоров придавало музыкальному действию запретный флер закордонного шоу-ревью.

Тамара спасла премьеру. Она за две недели вгрызлась в ведущую партию, насчитываящую 10 музыкальных номеров, не считая ансамблей и речевых сцен. Сыграла два спектакля с живым оркестром. Но опроставшаяся от бремени Кавалер-девица через неделю заменила ее без права передачи и повторения успеха, не сказав при этом даже спасибо.

В принципе, Тамаре можно было уже тогда давать диплом. Она его защитила!

«Актер начинается с пятки»

Мастер курса, обаяшка и эксцентрик Гном, бесчисленное количество раз на занятиях по мастерству актера крещендо повторял свой основной педагогический тезис: «Актер начинается с пятки!» И к пяткам у него была особая любовь. Все студенты обязаны были владеть танцем в рамках жанра «каскад». А это не просто танец. Он ставил в пример 75-летнюю фееричную Богданову-Чеснокову в арии «Частица черта в нас» из оперетты «Королева чардаша», где она перетанцовывает и превосходит актерской даровитостью своих молодых партнеров по сцене. Из «трюкачей» на курсе Т. учился студент-степист А. Кузьменков. Его танцевальное мастерство, конечно, подкупило Гнома на вступительных экзаменах. Кузя был из семьи эстрадных артистов, служивших в Минском театре оперетты. Гном любил абитуриентов, «знакомых» с профессией. Еще Шурик, несмотря на белорусскую национальность, среди своих друзей имел прозвище «трижды еврей Советского Союза» за изобретательное уклонение от воинской повинности. На территории пространства, отведенного музыкальным артистам института, стоял огромный железный сейф для реквизита. На нем было мелом написано: «Здесь живет Александр Кузьменков... Трижды еврей... и т.д.». Бесконечные поиски Шу-

рика сотрудниками военкомата так и не увенчались успехом. Это не мешало небольшого росточка трижды еврею ходить по ночным улочкам Ленинграда в котелке, с тросточкой и в сопровождении двух амбалов. Мишка Япончик позавидовал бы его элегантности. Кислов, с присущей ему легкостью, быстро подхватил ремесло степа от сокурсника. Перенимать чужое мастерство, заимствовать пристройки, идеи и приемы, шутки, а потом и заменять коллегу на сцене – входило в положительные актерские качества и по законам сцены всегда приветствовалось. Такая уж неверная богиня Мельпомена.

Сегодня – ты. А завтра – я!

Ловите миг удачи... Пусть неудачник плачет....

И под руководством Кузьменкова Кислов сделал с ним эстрадный степ-дуэт, проходивший потом в дипломных представлениях «Прощай, Моховая» с ошеломляющим успехом, впечатляя порой публику даже больше, чем профилирующие номера. Ведь Эстрада – это очень яркая конфетка! Мало какой жанр выдерживает с ней сравнение. Болонка все-таки Кисловым тоже восхищалась. Возможно, даже любила, из зависти к Тамаре. Как же? «Первый тенор на деревне» и не ее теперь! Она его называла «Белый негр». Он мог безбашенно залезть по трубе на нужный этаж, чтобы покорить избранницу. Мог сказать, что найдет, как гальку в море, только скажи в какой точке земного шара ты будешь галькой лежать на пляже или греться на солнышке иголкой в стогу сена. И, что удивительно – находил.

После неудачных «забегов» в массовке Театра музыкальной комедии Кислов уволился и пропал. Экстремистски настроенный к Гному, его враг по призванию №1, худрук Ленинградской оперетты Воробей¹ всех учеников, закончивших театральный ВУЗ на неприятельском курсе, мстительно оформлял только в хор. Не смирившись с унижением своего таланта в пыльных грим-уборных Музкома, «давно замыслил он побег». Т. вспомнила, как они после примирения на третьем году обучения разыгрывали по ролям сцену у фонтана из «Бориса Годунова». Выяснилось, что в детстве они играли этих же персонажей в своих

театральных кружках. Каждый в своей школе. Вот такое совпадение распределения ролей. Вот и говорите после этого, что не бывает амплуа, которое видно издали....

Они декламировали эту сцену наизусть.

Кислов – за Гришку Отрепьева, а Тамара – за Марину Мнишек:

Кислов (Гришка Отрепьев): «Под клобуком свой замысел отважный обдумал я... Готовил миру чудо... И, наконец, из кельи бежал...»

Тамара (Марина Мнишек): «Садись на трон Московский. Тогда за мной шли брачного посла».

Сцена репетировалась, где и когда придется, лишь только находилось соответствующее пространство и не только у фонтанов.

Так вот он и сбежал от Воробьева сначала в Румынию, потом в Югославию, а потом его следы затерялись в пыли кулис каких-то заштатных европейских театров.

Кислов попытался сделать карьеру мирового масштаба и канул в неизвестность где-то в оперных терниях Европы, оставив в памяти Тамары боль и романс «Под созвездием Девы». Он был первым его исполнителем. Что и привлекло Тамару. Осталась запись из первой студии Дома радио. Продемонстрировал её поэт Е. Раевский в офисе РСМП на Рижском, предложив спеть. Романс запал в душу болезненными воспоминаниями юности. Она услышала его уже после эмиграции бывшего сокурсника. Кислов с женой – концертным агентом уехал на продолжительные гастроли по контракту в Югославию. И не вернулся. До сих пор о нем ничего не знает даже его лучший друг и уже заслуженный артист Паша Даренков.

Почему он его исполнил? Может, вспоминал о ней? Как о найденном и потерянном чуде? Ведь Т. родилась под созвездием Девы. К. был совсем не романсовый исполнитель. Но эту вещь он спел с неподдельным чувством. Тамара, разгадав язык песенного шедевра, взяла это чудо в свой репертуар. Спев произведение композитора А. Палецкого на стихи Е. Раевского в БКЗ на первой «Весне романса» в 1998 г., она стала новоявленной «звездой» жанра и получила звание «Мисс Романс».

Курс был талантливый, но прощальный. Выпускники способны были исполнять и играть все: от комедии до трагедии, от роман-

¹ Воробей – главный режиссер Театра Музыкальной Комедии в период с 1978 по 90 е годы.

сов до каскадных фейерверков оперетты, от рок-н-ролла до оперных арий. Недаром студентов его курсов «разбирали» режиссеры по всему миру в труппы разнообразных по жанру музыкальных агентств.

Больше Гному набирать студентов-актеров с вокальным профилем не дали. Сказались интриги, которые как нигде живут и разводятся в пыли кулис богини Мельпомены. На этом изощренная своей филигранностью профессиональная подготовка музыкальных артистов «легкого жанра» в Санкт-Петербурге закончилась. Традиционным названием спектакля выпускного курса «Музыкальной комедии» было: «Прощай, Моховая». И это говорящее название себя оправдало!

Распределение курса Тамары после диплома в деканате сочли чрезвычайно удачным. Почти всех «адептов» Гнома «раскупили» на музыкальной ярмарке в Красноярске самые престижные площадки страны. Трое актеров уехали работать в Московский театр оперетты. Двое в Екатеринбургскую, тогда Свердловскую Муз-комедию к маэстро Куропаткину. Шурик – «трижды белорусский еврей» - в Минск, к родителям степистам. Многих солистов разобрали по областным филармониям. Тамара получила предложение сразу от трех театров, включая даже еврейский. Но не подписала ни один контракт. Не захотела променять родимый Питер ни на какой другой город. Но это еще одна, уже совсем другая пылинка, застрявшая в кулисах подмостков Мельпомены.

Те, кто не хотел уезжать из Ленинграда, безвыходно пошли в хор к Воробью, в надежде выслужиться до исполнителей эпизодических ролей. Тамара посчитала такое начало актерской карьеры оскорбительным для своих великих в своей самоотверженности учителей.

Вот такие жесткие события на поприще приобретения профессии актера и познания жизни будущими властителями зрительских сердец происходили и зарождались за кулисами ЛГИТМиКа, театрального института, а нынче Академии театрального искусства Санкт - Петербурга. И все это в стране, где не было секса, а царил только Любовь.

«Если обаяния нет, то его надо вырабатывать»

Симпатичный тенорок южного происхождения и крепкого телосложения, похожий на румяный восточный деликатес, был поначалу скован и работал без оценок. Шел, как говорится «на результат». Но голос был сочный, свежий, с амбициозно вибрирующим призывным оттенком. А голос – это зеркало души. И он со временем раскрылся.

Т. заметила, что с дамами он сразу был адаптивно галантен. За кулисами стало понятно, что у парня есть еще и обаяние, без чего артиста просто не бывает. Еще К. Н. Чернозёмов говорил: «Если обаяния нет, то его надо вырабатывать». Тренинг и муштра, - сказал Станиславский. Совершенствуй тело и актерские навыки. Культивируй то, что дала природа! А как вырабатывать то, чего нет? Ну вот если Бог не дал? Ни один педагог, ни один режиссер не знает и советов не дает, как вырабатывать обаяние.

На этот вопрос частично ответил один опытный эстрадный артист: в душе должно быть обаяние. Обаяние – это внутреннее благородство. Доброта. Гармония. И все это видно на сцене и слышно в голосе.

«Я знаю, когда человек обаятельный, то он светится изнутри. На мой взгляд, это может каждый, - размышляла Тамара, - если поймет, в чем именно дело. Надо в себе культивировать доброту, благородство чувств и гармонию. Когда-нибудь изобретут такие устройства, которые по голосу будут узнавать о человеке все: его привычки, характер, человеческие качества, психофизические параметры и даже группу крови. Хотя характер определить можно и на слух! Когда настроишься, это удастся.

Для отрывка на экзаменационный показ Фейя Мелюзина выбрала сцену с часами из оперетты великого венца Иоганна Штрауса «Летучая Мышь». Музыкальный материал Тамара вспомнила с первого же занятия с концертмейстером. А вот для партнера, исполнявшего роль Айзенштайна, материал опереточного шедевра был абсолютно незнакомым. Он готовился стать оперным певцом.

После первой же спевки тенор, спускаясь

по лестнице с Тамарой с четвертого этажа нового здания учебного корпуса СПб Консерватории, завел разговор о своих планах на будущее. Сказал, что максимум через два года его здесь не будет. Т. спросила:

- А где же ты будешь?

- Я, – ответил Нариман, – в Европе!

Тамара свернула в студенческую столовую. Нариман помешкал и пошел за ней вслед. Дождался, пока она возьмет обед и сядет за стол. Сел рядом с ней. Стал расспрашивать, где она работает на профессиональном поприще, и очень удивился, что она артистка Эстрады.

- А оперетту почему так поете?

- Партия Розалинды – это моя дипломная работа на курсе Музыкальной комедии в ЛГИТМиК, - ответила она, умолчав о том, что это было 33 года назад.

Нариман чего-то ждал... Видимо, он хотел продолжения истории. И тогда Тамара ему пообещала: «Мы, конечно же, этот отрывок обязательно повторим на моем юбилейном концерте!»

- А когда это будет?

- Через полтора года.

- Да, это возможно. Через полтора года я еще здесь буду.

- А что означает в переводе с арабского твое имя?

- Нариман в переводе с древнеиранского это солнечный воин, - ответил он.

- Красиво, - проронила Тамара.

Нариман, частично удовлетворенный, ушел. Еще один ловец удачи, маякнуло у Тамары в голове. Имя потрясающее – Нариман – воин солнца... Что же, благословила его мысленно Тамара, сражайся за свой успех! Пусть тебе повезет!

Репетировали не долго, но до кровавых мозолей на пятках. Решающая фаза, где планировалось собраться всем вместе, была назначена, естественно, на воскресенье, пусть никто не думает, что у артистов есть выходные...

На репетиционной сцене кафедры режиссуры СПб Консерватории Фея Мелюзина, мастер курса, штудировала начало отрывка: выход служанки Адели на балу у графа Ор-

ловского со своей студенткой Ритой, которая никак не могла войти в роль. Сессия была в разгаре, поэтому на исполнение функции Адели Мелюзина назначила саму экзаменуемую. Студенты часто друг другу помогают, но у этого состава исполнителей встречаться часто времени просто не оказалось. Нариман сам учился на вокальном факультете и параллельно сдавал свои предметы. Тамара сразу поставила барьер эксплуатации на жесткий уровень. Мне достаточно одной репетиции, сказала она. На что Мелюзина подскочила, что было слышно даже в телефонной трубке.

- Как, но этого недостаточно мне!

- Хорошо, хорошо, давайте договариваться, у меня график службы на постоянной работе, - дипломатично не уступала Тамара.

Раз пять студентка-режиссер не могла закружиться на начало сцены в вальсе, обмахиваясь веером, как того требовала добрая волшебница курса. С каждым дублем добрая Фея все больше превращалась в медузу Горгону, потому что студентка Рита была настолько неповоротлива, что не могла сделать естественно ни одного тура. Мелюзина сама вышла на учебную сцену и, ловко развернувшись дородным телом, показала изящное «па». Балетная школа у фей – это на всю жизнь.

«С начала!» - командно приказала «Мастерица» и: Рита закружилась, Нариман загарцевал, а Тамара заскакала по ступенькам декорации, сдирая пятки. Надо сказать, что декорациями считались кривые и провалившиеся блоки, сбитые из фанеры и обтянутые черной в прошлом и уже серой от пыли фланелью для репетиционных декораций. Это было еще в прошлом веке. Она поскакала по ним уже в шестой раз взад и вперед, так что натерла кровавые мозоли новыми туфлями. Надела их, желая проверить, подойдут ли для работы на сцене. Досадная оплошность. Пятка дала о себе знать сразу! Колодка оказалась неповоротливой, шоссе (па в танце) не шло. Высокий кливенс толстого импортного каблук задерживал скольжение, как добротный автомобильный тормоз на иномарке. Туфли не подошли для легкого актерского шага... Уйти со сцены было уже невозможно, так как обстановка Новогодней Карнавальной ночи нака-

лилась уже, как руда в домне. Пятка, натертая неправильным «копытцем», ныла и отдавала в голову острой болью. Нариман опаздывал на экзамен по вокалу и тоже стал злиться на Риту. Шептал в кулисах Тамаре:

- Неужели нельзя встретиться и пройти с ней эту сцену отдельно?

Прогон пробуксовывал в самом начале сцены и не двигался с места. Муштра продолжалась.

На шестом дубле произошло чудо! То ли тенор тоже натер свою пятку до боли в темени, то ли просто «забил копытом» от нетерпения, но все его оценки и пристройки стали настолько живые и органичные, что он, казалось, сам вошел в нужное русло искрометной роли Айзенштайна и устроился там, как у себя дома, согласно своему восточному темпераменту. И Рита как женщина просто ему покорилась, ей нашлось, что играть. Она вынуждена была реагировать на поведение партнера и парировать реплики своего предпримчивого господина, авантюрно плетущего интриги светского Дон Жуана.

Арабский скакун, мелькнуло в голове у Тамары.

У Наримана был фрак. Но к нему не было аксессуаров, ни цилиндра, ни перчаток. Мама Риты, курировавшая процесс со стороны, - тоже оперный режиссер, принесла несуразный, как всем поначалу показалось, реквизит: расписную, похожую на персидскую чашу чалму из папье-маше с выщипанным длинным плюмажем на качающейся проволоке, плащ с кровавым подбоем, из владений Воланда в Иерусалиме. Сказав, что это очень хороший реквизит и что другого не будет, она гордо удалилась, выполнив свою миссию профессиональной поддержки дочери.

Хороший артист все оправдает! Тамара ловко согнула проволоку в несколько раз, превратив плюмаж в прочный «Султан». Надев этот горшок на голову и в плаще от Понтия Пилата, Нариман внезапно превратился в восточного принца. Все ахнули, просто арабский «ZORRO». Тут же решено было назвать его не маркиз, как в дремучем переводе либретто австрийского клавира на русский язык сельским переводчиком, а принц Де Карамболь. Пред-

лагаемые обстоятельства - сцена с часами на Рождественском маскараде, для актеров и зрителей все спишут. Рабочая атмосфера зимнего праздника была уже жарковата. Серебряные часы с цепочкой принесла на репетицию сама Фея, взяв их на прокат у собственного брата Чародея и физика-аналитика. С миру по нитке - артисту королевский имидж.

Экзамен в понедельник начался с того, что режиссер и участница своего же отрывка студентка Рита, пышная брюнетка, в полном соответствии экстерьеру служанки-растяпы Адели при доброй барыне, сообщила Тамаре, что Нариману прокололи колесо на его мерседесе, и он едет в Консерваторию на такси. Герой приехал, когда экзамен уже шел. Показывали свои работы другие студенты кафедры режиссуры.

Исполнители ролей в отрывке даже не успели перед выходом прогнать его на сцене. Как только тенор вошел в костюмерную, Тамара его схватила:

- Быстро, быстро «гоним» текст!

Она сама уже была в костюме, в черно-белой маске на пол-лица, блестящей черной шапочке, в топе с серебристыми прозрачными фалдами и открытой спиной. Для удобства движения на ней были надеты юбка-брюки из муслина, привезенные в лихих 90-х из Франции. Довершал «собирабельный» образ не то мышки, не то кошки прозрачный плащ с алмазной пылью и рукавами а-ля пелерина, отороченный белыми страусовыми перьями. Черный кружевной веер свисал на золоченой цепочке с аристократично закрытой черной перчаткой тонкой руки. Гардероб эстрадной артистки выдержал самое серьезное испытание. Накануне, у себя в апартаментах, Мелюзина приняла наряд без рекламаций. На ноги Тамара надела черные, с двойным переплетением крест на крест волшебные итальянские босоножки, старые, поношенные, но проверенные в многочисленных сражениях за успех на знаменитых подмостках Европы. Эти волшебные башмачки ее не подводили никогда!

С фантастической скоростью оделся Нариман. Т. помогала застегнуть бабочку, а потом короновала восточного принца чалмой с султаном.

Их позвали на сцену.

Получилось очень убедительно, особенно когда партнер по сцене сказал:

- Ну, за три года можно изучить арабский язык, а не то что свою жену... - фраза, произнесенная с гарцующим на гласных природным восточным акцентом, превратилась в репризу!

В зале, где сидели не только эксперты, но и студенты, аспиранты и просто гости экзаменуемых, рассмеялись от души. И даже высокая комиссия благосклонно заулыбалась. Породистый «скакун», несмотря на прокол колеса, прошел паркур согласно экстерьеру, пронесся изящным аллюром свою партнершу по драпированным кубам, как по паркету.

Артисты были обречены на успех!

И он не замедлил сказаться. Не смогли остановить ни мозоли на пятках, ни проколотые шины, ни неопытность партнеров. По взмаху палочки Феи Мелюзины, все недостатки волшебным образом превратились в достоинства!

Да, актер начинается с пятки, и он становится транслятором новой, придуманной в воображении реальности. Иногда участие таких артистов, актерская природа которых проявилась в экстремальных ситуациях, артистов, состоявшихся вопреки всем препятствиям, и определяет успех театрального действия.

Улица Моонолао д. 9 или Променад в кольце бастионов

Если Вы хотите, чтобы в Эстонии, в пограничном городе Нарва вас никто не нашел, поселитесь на улице Моонолао д. 9 в частном отеле. Даже зная точный адрес, сделать это будет непросто. Потому что такой улицы там нет. Вернее, она есть, но это всего лишь почтовый адрес, а сам деле дом стоит вовсе на другой улице.

Бронирование, как пальцем в небо, было чистой случайностью, то есть, одним кликом в интернете по первому выскочившему предложению, попавшемуся в программе поиска дешевых гостиниц и хостелов. Процедура происходила в спонтанно-скоростном режиме, как дежурное бронирование для оформления

документов на визу, при вновь изменившемся порядке ее получения в Эстонию. Проблема была еще и в оплате. Не хотели брать резервный взнос. Либо оплачивайте полностью, либо отказывайтесь. Пришлось оплатить три дня пребывания в апартаментах, таковы были условия, выставленные в письме. Документ, подтверждающий бронирование прислали очень сомнительный. Фигурировала шаткая словестная конструкция: «Частный отель в г. Нарва государства Эстония готов принять гостей». Тем не менее название отеля в заявке было указано очень пафосно: «Бастиони Моонолао Резиденс». Но визу дали.

Приехав на место, лихая путешественница долго кружила по навигационному комментарию Агнесс, - эстонской подруги одной своей приятельницы, которая выслеживала маршрут, сидя на работе в интернете втайне от начальства. Свой «нафигатор», конечно, ничего не показывал. Надо сказать, что это только наши служащие могут всю рабочую смену провести на игровых сайтах в интернете, не получив за это нагоняй от недремлющего ока органов трудового дисциплинарного контроля. А в Европе это, мягко говоря, не принято. И Агнесс очень осторожничала. Поэтому процесс затягивался. Утюжа своим автомобилем живописные окрестности знаменитой набережной Нарвы под названием Променада, Тамара стала терять надежду. А вдруг это просто развод и мошенничество? Улица Моонолао отсутствовала. Вернее, на карте в интернете она была. А на местности ее и след простыл. Ни одного дома с табличкой Моонолао танав. Но наконец-то какая-то эстонская бабулечка, вспомнив молодость, сжалилась над заблудшей бывшей соотечественницей и показала на обшарпанный в облезлой желтой краске дом. Вообще-то, он, видимо, ранее был красив с крышей в остроконечных башенках и балюстрадами на нарисованных поверх штукатурки балконах. Ткнула в него пальцем и сказала, что это и есть Моонолао. Нет, это была не улица. Это было то, что от нее скорее всего осталось в памяти местных жителей. А именно: всего лишь один дом, который стоял на Вестерваалли танав, длинном живописном

бульваре, вьющемся параллельно набережной реки Нарвы, по которому Тамара колесила уже битый час. Но на самом сооружении времен «ОНА», давно требующем не только косметического ремонта, значился злополучный адрес: Моонолао, д. 9. Это был жилой многоквартирный дом. Одна из недовольных жительниц этого обветшалого «гнезда», проходящая мимо, сказала, что здесь парковаться нельзя. Все складывалось «замечательно».

Тамара позвонила в домофон кв. № 9, как было указано в заявке. Ответил хмурый мужской голос. И сообщил, что заселение планируется только с 14-ти часов дня и она, якобы, рано приехала. Это Тамару несколько ободрило: появилась надежда, что все-таки поселят.

Был неторопливый эстонский буднич-ный полдень, и она, припарковавшись перед «Темным сквером» близ казематов бастиона Виктория, пошла по набережной Променада делать променады вдоль исторического русла знаменитой пограничной артерии бывшей Ингерманландии. Она шагала по историческому центру, где в этот час как будто бы всё вымерло. Была не по-прибалтийски теплая погода. Плюс 25. Профилинившееся два месяца лето наверстывало обороты. Бешено жарко цвели липы, источая аромат, до боли знакомый с детства. В сочетании с жасмином, не отцветшим еще, из-за невылупившегося из кокона августа, очумевшее эстонское лето источало в эфир свои непредсказуемые флюиды. Этому неопознанному фимиаму могли бы позавидовать окрестности Граса и Прованса. И все эти запахи неслись в прозрачном воздухе абсолютно беззвучно. Только иногда эту мистическую тишь нарушал одинокий крик чайки, по навигационной ошибке, залетевшей с залива. Со временем она привыкла к этой тишине. Прочитав несколько мемориальных табличек Тамара поняла, что оказалась в кольце восьми древних бастионов, от которых остались лишь одни руины. Даже не руины, а просто камни. Эти укрепления были построены при герцоге Германе, потомке датских королей, первых властителей этой земли вдоль Нарвских берегов, то есть задолго до возведения крепости, главной достопримечательности города. Здесь остановилось время. И старинные

покосившиеся каменные плиты, чувствуя ее шаги, тревожно пошатывались, перешептываясь друг с другом на языке средневековья.

В 14-00 к дому № 9 по улице Моонолао подъехала машина форд эконом класса. Управительница Светлана вышла и сказала, что Тамару поселят совсем в другом месте, так как в данном помещении это сделать невозможно. Условия будут намного лучше. Ее поселят в элитном доме, стоимость квартиры в котором превышает самые высокие планки, и он находится рядом, практически на берегу Нарвы. Ну вот, началось, подумала Тамара.

Она высказала протест. На что хозяйка сразу её успокоила, что это их вина, и Тамаре ничего не придется доплачивать. Переселение за их счет. Тамара, сдерживая радость, вежливо согласилась.

Апартаменты были действительно классные и современные, на четыре звезды. Уютная просторная студия с кухней, со всей современной утварью, от чайника и тостера до кофеварки и посудомоечной машины и, вдобавок, со стойкой бара.

Комната была оборудована мягким, раскладывающимся по желанию диваном, кроватью, превращающейся в шкаф, панельным телевизором, прозрачным журнальным столиком и, главное, настоящим, а не нарисованным балконом с узорчатыми чугунными перилами, выходящим на разбитый под окнами сад с фонтаном и скульптурами.

Шикарно! То обстоятельство, что дочь отказалась ехать вместе с ней по причине поступления в очередной ВУЗ и Тамара обречена здесь кайфовать целых три дня в полном одиночестве, чтоб «отбить» визу, постепенно превращалось в подарок судьбы.

Отдохнув, она решила совершить более подробную краеведческую вылазку. Выйдя за калитку, наша героиня поняла, что шагает по ступеням времени. Резиденция находилась ровно посередине кольца легендарных бастионов, которые были построены потомками принцев Датских и короля Германа, коронованных особ, ставших прототипами, если верить исторической подоплеке великого англосакса Шекспира, персонажами трагедии «Гамлет». Ступени скрипели, их шепот

был непонятен. Но говорить с ними хотелось, может, они откроют свои тайны, если их попросить? И она запела: «Как соловей о розе... поет в ночном саду... я говорил вам в прозе... на песню перейду»...

Представив себя простоволосой девушкой, собирающей полевые цветы, гуляющей под стенами замка, она забралась на земляной холм. Ступени времени привели ее к бастиону Фортуна, где в заброшенном одноэтажном каменном здании, постройке более поздних веков содержался художественный музей. Музей был закрыт, поэтому, находясь на возвышенности, страннице пришлось довольствоваться видами разветвляющегося русла реки Нарвы. Фантазии и мечты, уносящие в прошлое, нахлынули с удвоенной силой.

Девушка собирала цветы и мечтала о всаднике на коне. Если хорошо помечтать, то все обязательно сбудется. Она спустилась с земляного вала, обогнула оградку и вышла на Вестерваалли танав. Он появился внезапно. Вылетевший из-за угла мерседес чуть не сбил ее с ног. Водитель оказался молодой эстонец русского происхождения.

Он выскочил из машины и долго извинялся. Потом предложил отвезти ее домой. Но Тамара отказалась. Тогда он пообещал, что выполнит любое ее желание. Тамара робко ответила, что путешествует и хочет на следующий день съездить в Тарту. Сергей, так звали принца, – согласился ее отвезти.

Принц пропал так же, как и возник. Внезапно. Просто не приехал утром к назначенному часу. Наверное, его вообще не было, или Тамара не достаточно ясно мечтала, чтобы он материализовался на следующий день. Не долго сомневаясь, она сама отправилась в Тарту на своем маленьком летающем броневичке. Нафигатор не работал за границей, Т. не стала тратить деньги, чтобы сделать ему *up grade*, по дорожным указателям было ехать веселее и дешевле. Дороги хорошие, позволяли развить максимальную скорость.

Т. вспомнила Болгарию, там хоть указатели и были написаны кириллицей, но заблудиться было гораздо реальнее. Промелькнули картины авантюрной поездки по захолустьям фракийских глубин на разваливающемся

вездеходе «Лада-комби» с отставным журналистом Валерой Печевым. Дело было на переезде со старой «планины» на новую, по дороге в Русэ. Они трижды проезжали мимо одного и того же перекрестка, читая указатели и не находили выезда из ловушки, пока цыгане на телеге с сеном не вывели их окольными путями на большую дорогу.

Здесь, в Эстонии, трасса в Тарту вела только прямо, и ошибиться было невозможно.

Первая достопримечательность, которую она нашла без карты и знания языка, была гора Домберг, увенчанная руинами Домского собора XIII века. Парк Тоомьяги на возвышенности был разбит по приказу императора Павла в подарок Дерптскому (Тартускому) Университету. Посвящение написано на Ангельском мосту и гласит: «*Otium reficit vires*» (отдых восстанавливает силы). Девиз призывает отдохнуть и освежить свои жизненные ресурсы в старинном парке на горе.

Домский собор величественен. Но от него остались одни кирпичные стены. Тем не менее, он, воздушно ажурный, высился внушительно и горделиво в своей великолепно гибнущей готической стати. В левом крыле сиротливо лепился музей Тартуского Университета, подпитывая и замедляя уход под землю обветшавшей истории. Зеленые склоны Домского холма держали это филигранное сооружение для прогулок ветров и духов как на ладони. Далее по склону на свежеподстриженном газоне лежали расслабленные тела. А в хаотичном порядке были разбросаны жалкие продукты современной цивилизации, объекты новомодного искусства, украшающие территорию парка, сглаживая впечатление от его ветхости. Это были аляповатые деяния новомодных ваятелей с неустойчивой психикой, потомков Герострата с синдромом уязвленного самолюбия и неутоленной гигантомании. По мнению чванливых авангардистов и деятелей от Эстонской культуры, это освежало пространство.

С Домской горы от парка Домберг ведут два старинных моста – Ангельский и Чертов, которые также являются достопримечательностями Тарту. Ангельский ведет на территорию Университета. А Чертов возвращает в

городскую суету.

Из парка Тоомьяги по Ангельскому мостику с узорчатыми перилами в стиле середины XIX в. Т. плавно перешла в современную реальность и очутилась на территории знаменитого Тартуского университета - Мекки научной мысли Эстонии, имеющего многовековые традиции вплоть до наших дней.

Огромные солнечные часы перед зданием Университета показывали пять часов вечера. Времени было в обрез. Пора было возвращаться в Нарву. Она спустилась к ратушной площади.

Единственное, что понравилось из городской скульптуры это: фонтан «Целующиеся студенты» перед Мэрией. Основу облюбованного молодежью архитектурного излишества составляла скульптура студентов, целующихся под зонтом. Вокруг него можно было найти названия городов-побратимов с Тарту с указанием расстояний до них. Ребятки действительно были «живые», поэтому у фонтана постоянно колготились детишки и присаживались влюбленные пары. Вот у статуи опоросной свиньи перед городской биржей почему-то никто не присаживался и не мнил себя партнером для сюжета на память, хохотнула про себя Тамара.

Но пора было двигаться в обратный путь.

На границе с Россией всех беспечных выезжающих ждала неожиданность.

Этот сюрприз всем автомобилистам, отбывающим из Эстонии на Родину приготовил «доброжелательный» по своей инквизиторской сути Евросоюз. На выезд надо было заказывать талончик, причем, заранее. А если ты этого не сделал, то в накопителе пропускного пункта можешь провести и полдня. Битое время Тамаре помогла заполнить Агнесс. Сначала они болтали о ее работе, потом о женских штучках, а потом Тамаре пришла в голову мысль познакомить Агнесс со своей новой книгой, готовящейся к изданию. Все-таки удачно она захватила с собой её распечатку. Планировала в уединении сесть за редактуру, но, завороченная шепотом ступеней времени и гулом средневековья, совсем о ней забыла.

Но вот все-таки она пригодилась.

Тамара предложила почитать. Агнесс неожиданно согласилась и во время чтения на проронила ни звука. Из чего Т. сделала заключение, что проза слушательнице понравилась. Так, из вежливости спросила, не скучно ли ей? И, увидев отрицательное мотание головой, продолжила повествование.

Агнесс жутко хотелось дослушать продолжение романа, чтение которого Тамара оборвала на полуслове, увидев свой номер на табло регистрации. Получение талона на выезд свершилось, и граница с Россией была уже для нее открыта. Надо было торопиться прибыть в Питер до развода мостов. Тем более, что наутро требовалось свеженькой стоять на сцене перед Адмиралтейством и петь на празднике юбилея Военно-Морского флота России. Все было по-взрослому, на торжества ждали президента. Огорченной и заинтригованной Агнесс она пообещала дочитать продолжение в следующий раз, то есть в следующей жизни. Теперь эта информация дойдет до нее не скоро, ведь их разделяет не только расстояние, но и холодная разобщенность стран, зараженных Вавилонским синдромом непонимания, охватившим с Библейских времен все человечество с новой силой.

Мир разлетелся на множество осколков. И тот, кто хочет собрать черепки истории хотя бы одной жизни, одной биографии, одной судьбы, обречен кропотливо подбирать друг к другу острые сколы краев, чтобы восстановить единое целое.

А Вы хотите узнать, как складывались события в недавнем прошлом? Всего лишь тридцать лет назад за кулисами театральных подмостков легендарной Мекки культуры, Эвереста искусств, трижды крещенного революциями города Великого Петра? Тогда ждите продолжение романа под названием: «Пыль кулис - 2».

А принц... он, несомненно, появится. Надо только очень сильно о нем мечтать.

Продолжение следует.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВА

Вороны – птицы умные

Серенькое августовское утро. Нехотя собираюсь на работу. Лето в этом году выдалось неудачное, вернее, его не было совсем, если не считать нескольких тёплых солнечных деньков. Петербург – город дождей, и погода решила лишний раз подтвердить это. Вот и сегодня моросит мелкий осенний дождик. Если бы не зелёные листья на деревьях и цветы на газонах, можно было бы подумать, что за окном конец октября. Надев туфли на высокой танкетке, чтобы не промочить ноги, и накинув поверх платья курточку, беру обязательный атрибут петербургского жителя – зонтик. В это лето не работает даже Правило Амулета: «Взял зонт – дождя не будет!». Ещё как будет!

Как бы то ни было, а на работу ехать надо. До автобусной остановки идти минут семь – не размокну, но в это ненастное утро мне пришлось остановиться на полпути, забыв о своих обязанностях. Дело в том, что меня задержала ворона. Не однажды я наблюдала за этими птицами, за тем, как они строят и защищают свои гнёзда, кидаясь сверху на пробегающих собак и даже на проходящих мимо людей, как учат своих воронят размачивать в лужах чёрствый хлеб, но сегодня я стала свидетелем другой сцены. Передо мной на дороге стояла ворона, а рядом с ней была коробочка из-под йогурта, видимо, сдутая ветром из расположенного не вдалеке мусорного контейнера. Птица важно обошла её со всех сторон и, подцепив клювом ближайший край пластикового стаканчика, взмахнула крыльями... Случилось то, что я успела предположить за доли секунды в своих мыслях: стаканчик накрыл вороне голову. Дёрнувшись в воздухе от неожиданности, она приземлилась и выпустила добычу из клюва. Немного покачавшись, баночка опять спокойно стояла на асфальте перед птицей. Наклоняя то вправо, то влево испачканную молочным продуктом голову, ворона медленно делала шаги вокруг стаканчика, даже разглядыва-

ла его блестящими чёрными глазами снизу вверх, явно о чём-то размышляя. Во всяком случае, было совершенно ясно, что отказываться от лакомства она не собирается. Я стояла, забыв, что надо на работу, что идёт дождь и дует промозглый ветер, думая о том, чем же в итоге всё закончится? Ворона ещё пару раз произвела так же безрезультатно взлёт-посадку, держа стаканчик в клюве, но он так же, как и в первый раз, накрывал колпаком её голову и ничего не видящая птица, неуклюже хлопая крыльями, опускалась на дорогу. Меня так увлёк этот процесс, что я перестала замечать время. Как уже говорила, я не однажды наблюдала за этими пернатыми и нахожу их очень умными, и данная особь не выбивалась из их числа. Обойдя ещё два-три раза вокруг стаканчика, ворона подпрыгнула, словно её осенила прекрасная мысль (не хватало только крика «Эврика!»), и, захватив клювом его противоположный край, гордо взмыла в воздух со своим завтраком! Подумав о том, какая же она умница, я бегом помчалась на автобусную остановку.

На работу, конечно же, опоздала и пришлось вечером задерживаться, но увиденная в то утро история запомнилась, лишний раз доказав мне, что вороны – птицы умные.

СВЕТЛАНА ПАНОВА

Новый Чиполлино (Подражание Джанни Родари) Окончание. Начало в № 15

Глава 10 Аптека доктора Артишока. Встреча с полицией

Эта аптека принадлежала доктору Артишоку, который, если вы помните, лечил сырыми артишоками. Аптеку мало кто посещал, хотя предприимчивый доктор и повесил на всех четырёх окнах рекламные объявления, где было написано:

«АртиШОК – это по-нашему!»

Так как артишоки брали плохо, незадачливый аптекарь стал приторговывать свежей мочой молодого поросёнка, когда выяснилось, какое чудесное лекарственное действие она оказывает. Для оповещения жителей о новом препарате не потребовалась даже реклама, которую придумала жена доктора:

«Примочки для вашей дочки».

О новом лекарстве узнали сразу все, так как лекарством несло за версту. К этой аптеке и потащили наши друзья мышонка, который, учуяв аптечный запах, сразу пришёл в себя и, задрыгав лапками, стал вырываться. Пришлось его отпустить. Почувствовав свободу, мышонок снова нырнул в норку.

- Безобразие, – возмущалась Косточка, – эти мышата вместо того чтобы ходить в школу отравляют свой молодой мышинный организм наркотиками. И никому никакого дела до этого нет. Куда только смотрит полиция?

Друзья подобрали пакетики с наркотиками, которые выпали из кармана мышонка и пошли в полицейский участок. Но в полиции, узнав в чём дело, пёс Мастино быстренько арестовал Косточку, Чипо и Реди как распространителей наркотиков. Хитрый полицейский конечно прекрасно знал о подлинном положении дел. Но ему выгоднее было арестовать

наших друзей, чем гоняться за настоящими преступниками, тем более с которых он и сам брал солидный куш. То, что наши друзья попали в тюрьму, было на руку и сеньору Помидору, который недолго любил Чиполлино и его друзей и при всяком удобном случае старался им досадить. Вот и теперь он решил ослабить ребят в глазах общественности. Для этого поручил сеньору Горошку напечатать фотографии Косточки, Чипо и Реди в газете. Являясь главным редактором, Горошек быстро придумал репортаж о них, как о наркоманах, но перед тем, как опубликовать материал, решил ещё навеститься к Чиполлино и, шантажируя, потребовать и с него деньги за неразглашение тайны.

Глава 11 Сеньор Горошек приносит Чиполлино весть об аресте Косточки, Чипо и Реди

В то время, когда Чиполлино и Вишенка обсуждали, каким будет первый номер газеты «Утро огорода», в дверь постучали.

- А я к вам, сеньоры, – послышался скрипучий голос, похожий на треск лопнувшего стручка, и кто-то зашёл без приглашения в комнату.

Наши друзья переглянулись, в посетителе они без труда узнали бывшего адвоката Горошка. И, хотя вместо зелёного фрака на нём был надет жёлтый мятый костюм, с загнутыми фалдами, он остался тем же юрким, как стручок, сеньором Горошком.

- Я, конечно, понимаю, – заскрипел Горошек, кивая зелёной головой, - что вырваться без приглашения неприлично, но дело не терпит отлагательств. Друзья моих друзей и мои

друзья. И если они попали в беду, то надо помочь.

- В чём, собственно, дело? – спросил Чиполлино.

- Как, вы ещё ничего не знаете? - изумился адвокат, закатывая глаза. - Ну, как же, бедные детки. Как они будут некрасиво выглядеть. Представьте заголовок большими буквами:

«Наркотикам – нет!» и рядом их фотографии.

- Какие наркотики? Что вы мелете, адвокат? - Чиполлино начинал уже сердиться.

- Чипо, Реди, Косточка, их схватили в то время, когда они распространяли наркотики. Сеньор Помидор лично передал мне эти сведения для того, чтобы опубликовать в вечерних новостях. Но Горошек помнит, кто спас ему жизнь. Я постараюсь помочь вам. Конечно, не безвозмездно.

- Сколько вы хотите? – прервал его бормотание Чиполлино.

- Чтобы не запрашивать с вас лишнего, 10 тысяч лир, и эти сведения никогда не попадут на страницы печати, - заюлил Горошек.

- Хорошо, мы согласны, – ответил Чиполлино.

- Тогда встретимся завтра в 10 часов утра, у почты. А, сейчас, сеньоры, разрешите откланяться, - и Горошек исчез так же быстро, как появился.

- Какой подлец! - воскликнул Вишенка, когда за адвокатом закрылась дверь. - Но надо действовать не теряя ни минуты.

- Что ты предлагаешь? - повернулся к другу Чиполлино.

- То же, что и ты, - ответил Вишенка.

- Крот! - догадался Чиполлино.

И друзья, взявшись за руки, побежали разыскивать сеньора Крота.

Глава 12

Рассказывающая о том, как Лимон и Мандарин спустились в винный погреб и что из этого вышло

- Осторожно, осторожно, принц, здесь высокая ступенька, – лебезил перед Лимоном

Мандарин, спускаясь вниз по лестнице, ведущей в погреб Замка. - Ах, как давно я здесь не был. В последний раз мы спускались сюда вместе с бароном Апельсином. Тогда замок принадлежал ещё графиням Вишням. Хорошее было время! Кузины держали тогда в погребе огромную коллекцию дорогих вин. Сколько воды утекло с тех пор, вернее вина.

Теперь здесь не осталось ни одной целой бутылки.

- Перестаньте разглагольствовать, болван, а лучше смотрите под ноги, – ворчал оглядываясь Лимон.

Но Мандарин уже не услышал этих слов. Поскользнувшись на куске битого стекла, он кубарем покатился вниз, увлекая за собой принца.

- Я вам говорил, смотрите, куда ноги ставите, – зашипел поднимаясь и держась за ушибленное место, Лимон.

- Ах, как тут темно! – удивился Мандарин, открывая перед Лимоном железную дверь и пропуская его вперёд. - Погодите, дорогой, я зажгу свечку.

Он пошарил в кармане и извлёк оттуда огарок свечи. Мерцающий огонёк осветил стены погреба, его проёмы, заваленные разбитыми ящиками, пустыми бочками и битыми бутылками.

- По-моему здесь ничего нет, - с сожалением заметил Лимон, пробираясь среди завалов.

- Давайте пройдем вперёд по коридору, ведь погреб очень длинный, – предложил Мандарин, и они медленно пошли под сводами старинного погреба, постоянно натываясь на битые бутылки.

- Хоть бы субботник здесь провели! – возмущался Лимон.

- Это никому не надо. С тех пор, как замок перешёл в ведомство народного образования, сюда никто не заходит, - покачал головой Мандарин.

Тут они увидели в проходе перевёрнутую бочку.

- Присаживайтесь на бочку, дорогой принц – предложил Мандарин, вытирая пыль с дна полой своего сюртука и усаживая Ли-

мона, еле переводившего дух.

- А вы куда? – спросил Лимон.

- Я простучу стены, – отозвался Мандарин.

Он принялся тщательно простукивать соседние стены и скоро исчез за углом, покинув принца, оставив его высочество в темноте. Тут Лимону показалось, что кто-то постучал в стену.

- Кто бы это мог быть? – подумал принц. Не успел он ничего сообразить, как ему на голову посыпалась штукатурка, стена обрушилась, и в проёме замаячили чьи-то силуэты.

- Ну, мы пошли – послышался чей то голос.

В углу кто-то завозился и вдруг наступил Лимону на ногу. Принц хотел было уже закричать. Но тут вспыхнул свет, и в проходе он увидел Чиполлино, Вишенку и с ними каких-то ребят. Читатель, наверно понял, что это были Косточка, Чипо и Реди.

Глава 13 Объясняет читателю, куда отправились Чиполлино и Вишенка

После того, как сеньор Горошек удалился, Чиполлино и Вишенка со всех ног помчались в школу, где преподавал старый Крот. Но, войдя в помещение школы, они нашли её пустой.

Только в дальнем углу комнаты кто-то копошился. Подойдя ближе, они увидели старую жену Крота, Роту, которая склонилась над бухгалтерскими книгами. Кругом была кромешная тьма.

- Как вы тут работаете в такой темноте? – удивился Чиполлино, поздоровавшись.

- Вы, наверное, шутите, молодой человек. Здесь так светло, что я боюсь совсем ослепнуть, – ответила Рота. – Сколько раз просила своего мужа перенести письменный стол в подземелье, где глаза действительно могут отдохнуть. Но вы ведь знаете моего старого упряма, от него никогда не дождёшься помощи. Какой бухгалтерский отчёт можно написать при свете? Это просто смешно! Только в темноте, в кромешной темноте только и мож-

но свести дебет с кредитом.

Рота продолжала, причитая, что-то вычёркивать в своих бумагах, не обращая внимания на гостей. Но Вишенка, которому надоело ждать, перебил её вопросом:

- А где может быть сейчас Крот?

- Он на полевой практике со своими учениками, – ответила Рота. – И как мне не нравятся его ученики! Явятся все в пыли, и, пожалуйста, кормите их. У меня весь день уходит только на приготовление обеда. И, когда только это всё закончится? – Рота продолжала причитать, но Чиполлино с Вишенкой её уже не слушали. Выйдя из школы, они бегом понеслись в сторону леса, где на лужайке проходила практика. На поляне было нарыто множество бугорков. Да и понятно, здесь трудился не один, а наверно с десятков кротов.

Наши друзья бегали от бугорка к бугорку и звали крота, но его нигде не было. Из норки выглядывали кротовые ученики, но самого старого учителя не было видно. Наконец из одного отверстия в земле они услышали голос их старого знакомого:

- Навались, ребята! А ты что филонишь?

- ругал кого-то старый Крот.

- Сеньор Крот – в один голос закричали Вишенка с Чиполлино.

- А, это вы сеньоры! Опять хотите втянуть меня в историю? Нет, нет и нет!

- Но, ради всего святого, помогите! Наши дети арестованы, их обвиняют в распространении наркотиков.

Крот молчал, только время от времени слышалось его приглушённое сопение. Наконец, ямка в земле расширилась и на поверхности показалась запорошенная физиономия Крота.

Приподнявшись из норки, он обнюхал наших друзей, почесал лапкой ус и сказал:

- Ладно, я помогу вам, пойдёмте.

Чиполлино показал Кроту, в каком направлении находится полицейское отделение. И уже через полчаса они были на месте.

Глава 14 Расскажет нам о том, что происходило тем временем в полицейском участке

Мы расстались с Косточкой, Чипо и Реди в то время, когда за ними захлопнулись двери камеры.

- Ну вот, называется, приехала отдохнуть к дяде, – хихикнула никогда не унывающая Косточка. Первым делом она проверила решётки на окнах и заключила, что они очень крепкие.

- Да, попали мы в историю, нечего сказать, – подтвердил Чипо.

- Наверное это произошло потому, что вы не слушали старших? – послышался вдруг чей-то голос с соседней стены.

- Ой, кто это? – удивилась Реди.

- Это я, паучок.

Тут ребята увидели маленького паучка, который плёл свою паутину недалеко от окна.

- А что ты тут делаешь? – спросили ребята.

- Я здесь живу. И мой отец, и дед тоже жили тут. Мой дедушка когда-то служил почтальоном в тюрьме. Но это было очень давно. Он ходил из камеры в камеру и приносил весточки заключённым от их родных. Но однажды он погиб в стычке с полицией. Он помог тогда многим заключённым выйти на свободу.

«Уж не тот ли это хромой Паук, о котором рассказывал нам Чиполлино», – подумал Чипо. – Как же тесен мир. И вот мы уже встретились с сыном паука-почтальона».

- Чем же вы занимаетесь? – спросил он у паучка.

- Я передаю арестованным посылки от родных. Если хотите, я помогу и вам.

- Нет. Я думаю мы тут долго не задержимся, – ответила за всех Косточка.

И словно в подтверждение её словам, в углу камеры послышался стук и в норке показалась морда Крота. Не успели наши друзья оглянуться, как рядом уже стояли Чиполлино и Вишенка.

- Ура! Свобода! – воскликнули ребята и, попрощавшись с пауком, прыгнули в норку, вырытую Кротом.

Глава 15 Приключения в винном погребе

Долго путешественники: Старый крот, Чиполлино, Вишенка, Чипо, Реди, Косточка шли в кромешной темноте, пробираясь запутанными подземными галереями. Крот сам давно позабыл, когда их вырыл и куда какой подземный ход ведёт. Ориентируясь по компасу, они, наконец, вышли к Замку.

- Здесь где-то должен начинаться подземный ход, ведущий к винному погребу, – сказал Крот.

Взяли курс на север, и попали в бассейн. Хорошо, что воды там давно не было. Тогда попробовали рыть проход южнее и наткнулись на стальную ограду.

- Надо бы расспросить кого-нибудь, где тут находится погреб, – посоветовал Чиполлино.

- Кого здесь расспросишь? Кроме безмозглых червей здесь никого нет, – ворчал Крот.

- Вот и спросите у них, может им что-нибудь известно. Эй, любезный, - закричал Чиполлино, обращаясь к ползшему мимо червячку, - вы не подскажете, где здесь находится винный погреб?

- Я не пью, молодой человек и вам не советую, – промолвил червяк и скрылся в норке.

- Я же вам говорил, - засмеялся Крот. - У них вы ничего не узнаете. Надо самим найти дорогу.

И Крот, решительно повернувшись, взял курс на восток. Вскоре он наткнулся на стенку.

- А, что я вам говорил? Вот и погреб, ликовал Крот.

Так после многих усилий, проломив стену, наконец, пришли к цели своего путешествия.

И, как мы видим, столкнулись со своими конкурентами, Лимоном и Мандарином.

Своим появлением они произвели на них сильное впечатление. Принц Лимон лишился дара речи и чуть не свалился с бочки, на которой восседал, а появившийся в проходе Мандарин, принял их за приведение. Первым очнулся Вишенка

- Что вы здесь делаете, господа? – спро-

сил он.

- То же самое мы хотели бы узнать у вас?
– хитро улыбаясь, ответил Мандарин.

Да простят меня читатели за то, что я не буду описывать небольшую потасовку, произошедшую под сводами винного погреба, после которой Мандарин с Лимоном были крепко связаны нашими друзьями по рукам и ногам. После этого мешавшую в проходе бочку попытались сдвинуть в сторону. Но она будто приросла к земле. На первый взгляд бочка ничем не отличалась от своих подруг. Но, внимательно осмотрев днище, Чиполлино заметил в центре небольшую выемку. Тогда Косточка достала из кармана серебряную вишенку и попробовала приложить к выемке. Представьте себе, они совпали. Значит, вишенка и была тем ключом, которым открывалась удивительная бочка. Вставив ключ, Косточка повернула им, и крышка со скрипом отодвинулась. Перед глазами удивлённых зрителей засверкали драгоценные камни и золотые монеты, которыми доверху была наполнена необыкновенная бочка.

И последняя глава

Ну, что сказать вам, ребята, ещё? Благодаря найденным сокровищам графа Вишни, Замок быстро отремонтировали. Приходите, сами увидите, какой прекрасный Дворец для детей открыли вновь в стенах старинного Замка. Какие широкие и просторные школьные классы разместились здесь. Сколько замечательных кружков открылось в Замке. Здесь появилась даже школа юного грызуна, где учатся мышата. Они, под руководством старого Крыса, выгрызают узоры на деревянных ложках и делают игрушки.

Перед Замком, на месте спиленных деревьев, вновь разбит чудесный парк. Все ребята окрестных деревень помогали взрослым сажать деревья. Участвовали в посадке и герои нашей повести: Косточка, Чипо и Реди. Они вместе с другими детьми своими руками посадили десятки яблонь и груш, которые в будущем должны принести прекрасные плоды на радость всем жителям.

Да будет так!

ЮЛИЙ ТАГЕР

Быт иль не быт

Как часто сталкиваемся мы в быту с вопросами культуры, религии или истории? И задаваясь философскими темами, переходим от них к бытовым? Казалось бы маленькая проблема в быту может оказаться делом принципов и убеждений, и вопросом сохранения здоровья в самом серьёзном морально нравственном смысле.

Так сложилось, что единственный раз в жизни у меня были деньги, чтобы сделать ремонт в квартире. И делал я его, вкладывая все свои силы. Денег не жалел, времени тоже.

Желательно было всё сделать правильно. Но, увы, опыта в таком деле у меня было мало. И для санузла купил я фарфоровое изделие производства Чехии под скромным и кратким названием «Олимп».

Ну, поначалу сидеть на «Олимпе» было как-то совестно, святыня всё таки, сам ведь мифами древней Греции увлекался всей душой. Но постепенно успокоился, унитаза всё таки не гора на юге Балканского полуострова. Однако, с годами стало всё как-то хуже обстоять и с мифами, и с этим «Олимпом», и вообще со всем произведённым ремонтом. В глубине души крылся и рос упрёк за осквернение святыни, и она, то есть святыня, действительно регулярно осквернялась. Свойство у этого изделия из фарфора такое было, что когда ты ему туда, так он тебе обратно... Этакая месть за поругание. Поругание и глупо потраченных денег, времени и здоровья, и всего того же самого, незаслуженно отданного проходимцам, и чувство раздрая в доме, где плохо сделан ремонт. И началась у меня чуть ли не фобия отсутствия санитарной гигиены в доме. Появилась боязнь пускать гостей в сортир, мало ли что у них со здоровьем? При этом я наблюдал, как все, за редким исключением, наёмные работники, вызываемые для ремонта квартиры и для устранения последствий этого ремонта, непременно устремлялись именно туда, в сортир. Словно неделю они не ходили по нужде, и специально ждали когда явятся в мой дом с основной целью — преднамеренно и цинично осквернить всю

древнегреческую мифологию, вместе взятую, и мой унитаза тривиальным опорожнением своих совсем не писательских брызгалок. И в моё сознание закралось подозрение, что они так делают потому, что в своём сознании хотят уравниваться со мной посредством контакта с моим «мифологическим» унитазом. Им без этого, наверное, обидно было в нормальный сортир ходить у себя дома, не доказав себе, что они в родном Отечестве не хуже любого писателя могут гадить в сортире самого этого писателя. И таким образом даже породниться с ним как бы и без его, собственно, ведома. Вот, однако, с каким комплексом неполноценности трудящихся граждан сталкиваются у нас люди в сфере гуманитарной, когда она пересекается со сферой бытовой... И хорошо ещё, если писатель может защитить женщин в своей семье от посягательств из вне. Иначе вся семья рискует, что её поимеет на деньги, и не только на деньги, какой-нибудь недоразвитый, озабоченный и амбициозный придурок с трудовой книжкой где-нибудь в фирме ремонта квартир, или и вовсе любой наглый и завистливый извращенец без опознавательных знаков, кроме последствий после себя.

Беда была ещё и в том, что среди моих тогдашних друзей не оказалось ни плиточников, ни штукатуров, ни плотников, к которым можно было бы обратиться за помощью. Увы, всех их мучили те же низменные комплексы, которыми страдали работники разношерстных фирм по ремонтам квартир.

Материть морально-нравственных уродов, получавших доступ в мою квартиру, здоровья уже не было. И безо всякого сомнения можно сказать, что незадачливому чешскому инженеру-унитазологу я пожелал не слезать с «Олимпа» сего очень долго, и всемерно общаться к культуре древних греков. Изделие, конечно, пришлось заменить на другое, гигиеничное, отечественного производства. Да и с совестью своей спорить, будучи писателем в родном Отечестве, дело неблагодарное...

6 мая 2017 г.

Псих

Псих проснулся и пошёл на кухню. Вскипятил чайник, налил чашку чая, закурил. Уже с утра возле окна кто-то бубнил. Прячась от летнего дождя, под козырьком парадной часто кто-нибудь стоял. Или разговаривали, или курили, иногда очень шумели, и это раздражало. Слишком близко и слышно. День был пасмурный и тёмный. Говорильщики ушли, и Психу стало легче. Он не любил слушать чужие разговоры, и ему было спокойней когда говорили тихо, и было непонятно о чём. Он выпил чай, выкурил очередную сигарету и пошёл в комнату. Там он включил компьютер и стал рассматривать красивые фотографии разных диких и домашних зверушек, величественных Храмов, уютных домов, произведений искусства и живых пейзажей. Те, что ему особенно нравились, он сохранял. Они привносили в его жизнь элемент той условно идеальной жизни, которой у него не было. Музыка Псих теперь слушал мало, так как очень быстро уставала голова.

- Проклятый первый этаж, — подумал Псих, — опять чей-то ребёнок плачет или балуется. Или это подброшенный котёнок? — у него так уже было. Много лет тому назад с бывшей женой. После потери его первой собаки, которую он сам вырастил и воспитал ещё в детстве, слегка задавленной тогда, впрочем, как и сам Псих, квасным авторитетом его уже покойного отчима-алкоголика. Ещё по детским наблюдениям Психа, алкоголики и собаки, вообще, были несовместимы. Умная и деликатная эрделька, воплощённая мечта детства, унесённая из жизни неизлечимой болезнью, не была даже толком оплакана им, в связи с появлением у Психа долгожданной и желанной жены. С лёгкой руки которой Псих принялся за дело и был совершенно счастлив. Он всё делал для неё, потому что для себя ему было не интересно, оттого так и мучился он до её появления, прозябая в собственном бездействии и безденежье. Однажды вечером, на лестнице возле входных дверей кто-то долго плакал или мяукал, он не выдержал и вышел. Там был котёнок, измученный собственным

криком и бездомный. Увидев Психа, котёнок стал судорожно и неумело карабкаться к нему по ступенькам. Псих бросился к нему, взял на руки и унёс в квартиру. Вскоре пришла жена, они вымыли малыша, накормили, и котёнок так и остался с ними. Когда мама привела себе нового мужчину, они вынуждены были уйти из дома, и на очередной съёмной квартире подобрали ещё одного котёнка с лестницы.

С улицы явственно доносился жалобный котячий плач. Псих курил, ходил из комнаты в кухню и обратно, но пойти за котёнком не мог. Слышались голоса людей, люди о чём-то говорили, но котёнка словно и не слышали. Может быть, при их появлении он пугался и замолкал?

- Странные люди, — подумал Псих. — Как можно выбросить на улицу беззащитное животное? — он не выбрасывал котят на улицу. Когда в его семье от подобранных кота и кошки рождались котята, он даже раздать их никому не мог. Из всех котят Псих вырастил только двоих. Один так и остался дома, а второго он специально выкармливал месяц, приучая к обычной еде, чтобы отдать человеку, который этого котёнка ждал. Это было такое событие, когда тот человек забирал маленького живчика, он словно светился от счастья! Одинокий человек нашёл друга. За будущее котёнка Псих был спокоен. И всё это было чудо.

Всех остальных котят Псих топил, потому что желающих найти друга больше не было, а выкидывать малышей на улицу или стоять в переходе метро с котятами, предлагая их прохожим, он не мог. Жена ушла от него к другому, и попросить её о помощи он тоже не мог. А просить мать, чтобы она топила котят или стояла с ними в переходе метро, было совсем недопустимо. Когда он топил котят он понимал, что это очень плохо, он чувствовал, что сердце его умирает вместе с ними. Но жена настояла чтобы кот и кошка не были стерилизованы, она говорила, что животные должны полноценно жить! И что она брезгует убирать их туалет, поэтому убирать за кошками пусть будет он! И кормил их тоже он. Она, просто,

этого не делала. И он уступал ей во всём. Так он тогда понимал любовь и мужское великодушие.

Псих снова услышал как громко мяукает под дождём котёнок где-то на газоне в кустах. Опять было больно, но он не вышел на улицу.

Вернувшись с женой в мамину квартиру, он согласился взять в дом очередную чужую собаку. Жена уже не в первый раз так «пополняла» семью. Годовалую суку немецкой овчарки, по просьбе жены, да ещё теперь и мамы, он принял, безвольно уступив беспечной и навязчивой женской прихоти, и мучился, потому что собака была напрочь испорчена предыдущим хозяином. Это был тот мужчина, с которым мать уже рассталась, но собаку они заводили вместе, пока Псих с женой скитались по съёмным квартирам. И теперь этот бывший мужчина от этой собаки отказался, потому что она писала на паркет в его новой квартире, которую он и ждал, живя с мамой, и по сути выгнав Психа из родного дома. Психу стало жалко собаку.

Дрессировать огромную неуправляемую овчарку Психу было тяжело, и всё же постепенно получалось, до того момента, пока его не бросила жена. Он тогда сильно ослабел, и перестал заниматься собакой. Так... Водил на прогулку, кормил, убирал квартиру. И именно тогда начали появляться маленькие котята, которых было некуда деть. Всё рушилось как-то незаметно и непоправимо. Другие женщины, которым он нравился, не радовали ни его душу, ни его разум. И он надеялся, что жена вернётся к нему. И они заживут, как раньше. Но когда она действительно вернулась, через полтора года, — как раньше не получилось. Он не знал, что как раньше — не бывает. Прояввшись ещё год, они расстались совсем. А кошки и собака остались у него с мамой.

Неуправляемая собака понимала только силу. Взрослые кошки, да и сам Псих, постоянно страдали от её несмолкаемого громкого лая в доме. А единственного оставленного в семье котёнка, пока он не стал постарше, приходилось или закрывать в комнате или носить в подоле свитера. Иначе бы собака его просто сожрала. Она была не только испорченная, она была глупая. На улице она хватала камни

зубами. Когда, однажды зимой, на вечерней прогулке она стала грызть грязную корягу, отобрать которую было невозможно, то коряга расщепилась, и обломок заклинился у псины между зубов поперёк верхней челюсти. Она не могла высвободиться и беспомощно мотала головой. Псих засунул руку ей в пасть и вытащил обломок, но в тот же момент, сама его рука оказалась в зубах этого нелепого создания. Это было счастье, что вблизи никого не было. Иначе бы зверюга рванулась вместе с его рукой. Он взглянул на небо, там тихо мерцали звёзды. Он смотрел на них, молился и думал — что сделает, когда высвободит руку? Было очень тихо, и только псины слегка порывивала, то ослабляя, то усиливая хватку своих мощных челюстей. Псих знал, что бить нельзя. Ему было мучительно топить котят, он не любил бить собак. Но он уже не мог справиться с собой. Если собака, освобождённая от мучительного плена, ничего не поняла, даже не почувствовала, только стремилась сжать зубы на чём попало — такая собака глупая или сумасшедшая. Полученные в школьные годы знания на курсах собаководства стали бессмысленны и напрасны. Он побил её той же корягой, обломок которой вытащил из её зубов. По законам зверей, лидер в стае может быть только один, тот, кто сильнее физически... И нужно было стать сильнее. Только вот методы эти Психу совсем не нравились. От такого насилия над своей душой он всё больше замыкался в себе, всё меньше верил в теории, да и во всё человечество в целом. Он любил зверушек больше, чем людей. И не смог поддерживать свой авторитет силовым методом постоянно. Даже пытался хитрить, чтобы совсем не «озвереть». Приходилось просто недокармливать собаку, потому что только тогда, когда она меньше весила, он мог сдерживать её на улице при встречах с агрессивными маленькими собачками, на лай которых та яростно бросалась, помня обиды, полученные ещё щенком от им подобных, при недосмотре первого хозяина. Псих лупил её поводком чтобы подчинить, и понимал, что со стороны выглядит подонком, но ничего не мог ни объяснить, ни изменить. Только вот хозяева маленьких собачек почему-то совершенно

не переживали, что их взбалмошные засюсюканные питомцы провоцируют большую, глупую овчарку. Он никогда не питал к ним особых симпатий, но допустить неравносильную агрессию, прочным поводком сдерживаемую в своих руках, категорически считал не позволительным. Он запомнил что это такое — когда привык к своей собаке, а оказалась чужая. Это была ошибка, много ошибок. Вскоре после психушки он усыпил собаку. Опять было больно. Много, много боли, чужой и своей. Утопленные и погибшие котята, чужие собаки, предательства жены. Дорогостоящая помощь ветеринаров. Постоянные унижения. Ужасные мамы мужчины и подруги. Помехи в работе, их последствия. Не свои женщины. Нездоровое любопытство соседей. Сплетни, грязь. Непонимание со стороны друзей.

Время унесло и кошек, и собак. С женщинами он давно перестал сближаться, потому что устал от грязи и пустоты таких сближений. Постепенно исчезли и все прежние друзья. Впрочем, с ними расставался он сам, потому что все прежние дружбы как-то скоростижно и единовременно себя изживали.

С улицы снова раздался «мяв». Психу было больно, очень больно, и он подумал: «Я просто не хочу. Я не хочу! Если бы я хотел завести котёнка, давно бы завёл. И почему никто в доме не слышит его?» — как было невыносимо трудно — слышать и не откликнуться. Он уже очень любил одну женщину, которая отвечала его уму и сердцу. И не хотел заменять её никаким животным. Платонические отношения, комплексующие его когда-то в юности, с ней стали благотворны. Они радовали, согревали и оживляли сердце. Желание создать самостоятельную семью отдельно от мамы всё ещё теплилось в сознании Психа, но уже не толкало на грехи, а стало чем-то вроде красивой несбыточной мечты.

Какое-то время снова было тихо. Он надеялся, что котёнка подобрали. Всё время кто-то проходил возле парадной, разговаривали. Уже стемнело. Но «мяв» опять повторился. Псих снова заметался по квартире, потом чуть успокоился. Подумал: — Сейчас позвонит мама, я ей ничего не скажу,— мама была на работе и всё равно ничем помочь не смог-

ла бы. Она была единственным кормильцем в семье практически всю жизнь Психа, и он, по мере сил, пытался уберечь её от лишних проблем. Ему было жалко её, и за неё обидно. Пока они с женой жили отдельно, он ещё достаточно зарабатывал, чтобы обеспечить семью, но потом, после кризиса, уже не мог прокормить даже себя и кошек. Он опять закурил, сидя на кухне с очередной чашкой чая, и вдруг услышал какую-то собачью грызню и утробное урчанье с улицы, и голоса людей. Псих подумал что котёнка загрызла собака, а люди не увидели и не успели её отогнать. А сам он так и не спас этого котёнка. Стало как-то — то ли безумно, то ли безразлично... Он устал от боли, от чужих мнений, от чужих прихотей, чужих правил, от чувства вины. Он захотел есть, и смог уже немного поесть после целого дня нервотрёпки.

И теперь, уже под самым кухонным окном, раздался явственный зов взрослой гулящей кошки. Псих понял, что никакого котёнка там и не было, а именно она мяукала всё время на газоне. И, утробно рыча, она отогнала напавшую собаку. И именно она измотала ему всю душу. Он устало улыбнулся и сказал:

— Уходи, я не твой.

Потом всё стихло. И Псих спокойно лёг спать. По-прежнему шёл дождь. Подступала осень...

25 августа 2017 г.

ВАЛЕНТИНА СЧАСТЛИВАЯ

Подарочный плед

Правдивая история из жизни петербурженки

- Радость-то какая! – произнесла с восторгом Вероника Петровна.

Из общественной приемной известного в городе депутата Овечкина Карла Петровича, позвонили и предложили Веронике Петровне, пенсионерке, которой восемьдесят четыре года, быстро подъехать за подарком, который должны были вручить к празднику Победы - 9 мая, да не успели, а сейчас в срочном порядке раздают эти подарки.

Вероника Петровна подошла к шкафу, долго выбирала себе платье, наконец, выбрала - зеленое с большими цветами, и цветы эти были похожи на красные маки. Присела и задумалась: «Какие обуть сапожки? Теплые?». Еще не зима, стояла осень. В туфельках - холодно. Стала искать и нашла резиновые сапоги: «Вот, пожалуй, самые подходящие, я в них еще на даче работала», - подумала Вероника Петровна.

Так вот. Вероника Петровна надела сапожки, накинула платок, куртку, что висела в прихожей на вешалке, и, с палочкой, по лестнице, с пятого этажа, спустилась и вышла на улицу. Пока Вероника Петровна искала одежду, потом не спеша одевалась - быстро она не могла это делать, все же возраст - потом медленно спускалась по лестнице, времени прошло часа два. Выйдя на улицу, побрела на трамвайную остановку, и через десять минут она уже поджидала трамвай с номером семь.

Стоит Вероника Петровна пять минут, десять минут, но трамвая нет, да и народу на остановке тоже нет. «Вот досада! - подумала Вероника Петровна. - Трамваи не ходят. Что же делать?»

Оказалось, за пределами этой остановки был ремонт трамвайных путей.

Осторожно пройдя к обочине дороги, Вероника Петровна подняла свободную руку и стала ждать попутную машину. Стоит пять минут, еще пять, прошло уже пятнадцать ми-

нут, продрогла - все-таки уже не лето, осень вступила в свои права. И вдруг подъезжает к ней легковая автомобиль – красивый, чистый, серебристо-голубого цвета. Модель его Вероника Петровна не знала, а номер не запомнила.

- Вам куда ехать, мамаша? - спросил водитель, приоткрыв дверь.

- Сынок! Здесь недалеко, полторы остановки, в приемную к депутату за подарком.

- Слушай мамаша, я очень спешу, мне налево, - и протянул пенсионерке сто рублей.- Поймите другую машину! - сказал он и быстро уехал.

И снова стоит на обочине Вероника Петровна. Правда, стоит недолго. Подъезжает другая легковая машина, большая, белого цвета, очень красивая, и водитель в ней не такой, как первый, усталый. Этот красиво одет, в костюме серого цвета. Приоткрыв дверь, он поставил черный лакированный ботинок на порожек машины, и выкрикнул:

- Куда едем, мамаша?

- Сынок, да мне недалеко, полторы остановки, в общественную приемную, к депутату за подарком, там сегодня пледы выдают.

- Сто рублей заплатишь?- спросил водитель.

- Заплачу! – ответила Вероника Петровна и стала медленно забираться в машину.

Наконец, она уселась удобно и подняла голову, чтобы посмотреть на улицу, по которой ехали. Она давненько здесь не была.

- Мамаша! Приехали!

Вероника Петровна протянула водителю обещанные сто рублей и так же, как и усаживалась, медленно вышла из машины. Огляделась. Увидела вывеску «Общественная приемная депутата Овечкина Карла Петровича» и потихоньку побрела туда.

Открывает дверь, заходит, а там народу видимо-невидимо. Спрашивает:

- Здесь пледы выдают?

- Здесь, здесь! - ответила женщина. - Но сейчас в приемной обед, вот мы все ждем, когда придут с обеда, будут выдавать пледы.

Прошел час, но пледы так и не вынесли. Наконец, люди, сидевшие в приемной, не выдержали, и стали требовать свое:

- Немедленно выдайте пледы! Сколько можно ждать?

Одна женщина, что сидела в углу за дверью, увидела, что Вероника Петровна стоит с палочкой, встала и уступила ей место. «Теперь смогу ждать, сколько нужно», - подумала Вероника Петровна.

Наконец, вышел администратор и громко объявил:

- Встаньте все в одну очередь.

Народ засуетился, стали выяснять, кто за кем стоит в очереди. Разбирались полчаса, наконец, затихли и ждут. Администратор, полная дама, Руфина Мироновна, громко добавила:

- Поскольку всем были разосланы приглашения и сделаны звонки, буду называть Ваши фамилии, а Вы будете ко мне по одному подходить.

Вероника Петровна обрадовалась: «Не надо с места вставать в линейку, сиди себе на месте и жди своей фамилии, а то встану, и займут мое место».

Звучит долгожданная фамилия:

- Макарова Вероника Петровна.

Вероника Петровна встала, подошла к стойке и получила свой подарочный плед. Он был зеленого цвета с большими красными розами - очень похож на платье Вероники Петровны, и ее это еще больше обрадовало. Она упаковала плед в полиэтиленовый мешок, взялась за набалдашник своей палочки, и, счастливая, вышла из приемной.

«Что же мне делать? На какую остановку

идти? - подумала Вероника Петровна. - Ладно, пойду на автобусную».

Дошла до остановки, стоит, ждет автобус. Подошел, правда, минут через двадцать пять. Остановился. А в нем народу столько, что даже на подножке места нет. Но Вероника Петровна смело двинулась вперед и запрыгнула с палочкой в центральную дверь автобуса. Передняя дверь была слишком узкая, и Вероника Петровна просто бы не вошла с мешком, в котором был подарочный плед. Зажали пассажиры Веронику Петровну со всех сторон. Молодая особа в красном берете кричит:

- Уберите мешок, людям стоять негде!

А куда она его денет? Вероника Петровна еще крепче стала держать свой мешок в правой руке, а левой держалась за набалдашник палочки. Одна остановка показалась Веронике Петровне целой вечностью. Наконец, автобус затормозил, пассажиры зашевелились. Два молодых человека нажали на толпу и вытолкнули Веронику Петровну из автобуса. Оказавшись на остановке, Вероника Петровна по-прежнему левой рукой держала набалдашник, а в правой руке оказалась ручка от полиэтиленового мешка, а сам мешок с подарочным пледом уехал вместе с пассажирами в автобусе.

- Плед! Плед! - закричала, захлебываясь от слез, Вероника Петровна.

Но водитель, и тем более пассажиры, не слышали ее...

Вероника Петровна со слезами побрела к своему дому. Это был две тысячи девятый год в Санкт-Петербурге.

Вероника Петровна – ребенок, который чудом выжил в блокаду Ленинграда. Она сорок лет проработала на секретном предприятии ведущим конструктором.

СЕРГЕЙ ПСАРЁВ

Научиться считать...

Даже в наш компьютерный век ребенку нужно самому уметь считать без подсказки, хотя бы до десяти. Учиться Амели любила, но за лето ее знания где-то потерялись. Еще недавно она бойко пересчитывала все интересное на улице, а теперь начинала запинаться уже на третьем голубе, собиравшем крошки на городском асфальте. Цифры в ее голове путались и никак не хотели построиться в правильный ряд.

Сели они тогда с дедушкой играть, лепить из пластилина разных зверюшек. Вначале сделали зайца длинное ухо, важного такого, с галстуком-бабочкой и белой манишкой на животе. Пустили они зайца в свой огород погулять, и стал он там овощи хрюпать. Даже ушами захолопал от удовольствия, вкусно ему показалось. Амели посчитала свои расходы на угощение. Получилось пять морковок и одна капуста.

- Ничего себе, зайчик, хороший у него аппетит. Это он еще друзей с собой не привел. От таких гостей только один убыток хозяйству и сплошное разорение.

Потом они вылепили косолапого мишку. Зверь он солидный и хозяйственный, пошел в лес собирать ягоды для медведицы с медвежатами. Ягод в лесу нынче много, только все они непростые, без подсчета в лапы мишке не давались. Заревел от такой обиды косолапый, стал просить маленькую Амели помочь ему. Дома его с полной корзиной ждали...

- Он же не занимается, как ты в дошкольной развивающей группе, считать еще не умеет, - пояснил дедушка.

- Вот еще, он уже папой стал, а такой простоты не знает, - удивилась Амели.

Пришлось ей и медведю ягоды считать. Жалко стало медведицу с малыми медвежатами.

Наконец Амели с дедушкой сделала из пластилина симпатичную юркую белочку.

Кормов ей запастись на зиму ох, как много нужно! Собрались они вместе в лес, кузовок с собой взяли. Белка за шишками верхами по веткам шла, а Амели ее внизу ждала, грибы и ягоды смотрела. Без таких заготовок теперь никак нельзя. Все лучше, чем потом на одних желудях дома сидеть. На дворе бесконечный кризис, зима впереди холодная и длинная, а она белка слабая, одинокая и зарплата у нее маленькая. Сегодня одного красивого хвоста для жизни мало, а к лету он и облысеть может. Придется снова бежать в парикмахерскую шерсть наращивать. Не век же одной по деревьям скакать, молодость в лесу быстро проходит. А еще белочку доверчивость подводила, обманывали ее часто разные лесные проходимцы. Про таких зверей обычно говорили, что они жизни не знали.

Хорошо еще, что скоро местного леопарда в президенты станут выбирать. Он опять в приличной спортивной форме, демонстрирует на своем сайте мышечный рельеф. Может и зверью лесному к выборам чего-нибудь на зуб подбросят, животы их порадуют. Вот уже и официальная статистика по грибам и ягодам глаз радует, лесные пожары бобры-спасатели потушили, а наводнений пока не было...

Много у них тогда с белкой получилось собрать разных семян и орешков, все кладовые в старом семейном дупле заполнили. Грибы по веткам развесили, пусть теперь сушатся. Тут даже дедушка принялся помогать им, самим не посчитать.

Так случилось, что цифры и их разные комбинации у Амели опять послушными стали. Построились они, как солдатики перед генералом на параде. Каждая цифра теперь хорошо знала свое место в строю и бойко считалась по команде. Амели тоже хотелось весело шагать по городским улицам и бить в барабан. Она слышала про девушек в красивых гусарских мундирах и коротких юбочках, которые ходили на разных праздниках. Амели часто видела их в Доме молодежи...

- Кто тебе сегодня больше понравился, Амели?

- Белочка. Она по веткам скачет, прыг-прыг...

- Тогда давай в следующий раз вместе поедим на Елагин остров, будем на пару кормить орехами настоящую белочку. Серую такую и очень быструю. Заодно закрепим сегодняшние успехи. Мы там считать еще быстрее научимся. Для будущей взрослой жизни это всегда пригодится.

- Как, дедушка, настоящую живую белку?

- Да, самую настоящую. Теперь она нас узнает и орехи из рук возьмет. Остается дожидаться в Петербурге хорошей погоды...

Поверить ангелу

Однажды дедушка рассказал Амели про необычную куколку под зонтиком в Измайловском саду на Фонтанке. Ей стало интересно, и она захотела обязательно ее увидеть. Любому петербуржцу легко догадаться, что речь шла об ангеле мастера-кукольника Романа Шустрова. Эта кукла стала для жителей новым символом города и мостиком из детства. Теперь они весело шагали туда вдвоем по Державинскому переулку, и место их встречи было почти рядом. Солнце светило ярко, но вчерашнего сентябрьского тепла уже не было. От этого желтая листва на деревьях казалась нарисованным костром, который никого не грел.

Амели проявляла нетерпение. Она еще никогда такого прежде не видела. Удивительно, что эта кукла сидела на лавочке в саду и ждала ее. А вдруг она уйдет?

- Дедушка, давай пойдем быстрее.

- Куда же еще быстрее? Мы и так уже почти бежим. Кукла от нас никуда не денется.

Дедушка подумал, что вообще-то туда действительно следовало приходиться вовремя, пока еще веришь в чудеса. Это как детская прививка от будущего безразличия и пошлости взрослой жизни. Они сегодня успеют. Может, и жизнь у Амели тогда станет другой, интересной. Она же открывает каждому ровно столько, сколько сам того захочешь. Совсем не важно, где ты живешь. Страшно, когда

дети потом вырастают и уже больше ничего не хотят, кроме самого примитивного. Впереди будет еще много разных препятствий, но главное из них – мы сами.

Вот и Измайловский сад. Дедушка решил обогнуть ближайшие дома и зайти со стороны набережной Фонтанки, так интереснее. Черная решетка ограды и театральные маски на каменных стенах. Это было похоже на приглашение поучаствовать в чем-то необычном. Они переглянулись и шагнули в сад. Кроны деревьев сразу отрезали от них уличный шум, остался только шорох осенних листьев под ногами. Получился маленький островок тишины в самом центре города.

Измайловский сад показался пустым, и только в одном единственном месте у лавочки с ангелом было оживленно, там фотографировались. Амели с дедушкой сразу туда и направились. Они терпеливо дождались своей очереди и подошли поближе. На спинке лавочки под зонтиком сидел маленький бронзовый старичок с открытой книгой в руках. О том, что это был ангел, свидетельствовало только наличие крыльев за его спиной. По всему остальному, он выглядел как самый обычный пожилой петербуржец скромного достатка. Он будто гулял где-то рядом и решил сюда заглянуть.

Амели посмотрела на него и влюбилась с первого взгляда. Подойдя ближе, она шепотом поздоровалась с бронзовым ангелом. Амели так часто делала. Ей всегда казалось, что можно разговаривать не только с людьми, но и со своими куклами, с деревьями и цветами. Отвечать они не могли, зато умели слушать и понимать ее. В переселение душ Амели не верила и едва ли знала что это такое. Просто для нее одушевленный мир был гораздо больше, чем думали взрослые.

- Какой он хороший, добрый. А что читают ангелы?

Дедушка только развел руками, он не знал этого...

- Книжка у него наверняка интересная, иначе не сидел бы здесь так долго.

Спросив разрешения у дедушки, она осторожно потрогала ангела рукой, а потом крепко обняла. С его бронзовых коленей на зем-

лю посыпались собранные монеты. Амели оглянулась на дедушку и едва не заплакала от огорчения.

- Дедушка, а дедушка, это же не я сделала? Они... сами упали...

- Конечно, сами. Мы сейчас с тобой все это соберем и еще свою монетку положим. Это люди здесь на счастье оставили. Не знаю, нужно ли ему это. Вдруг кому-то деньги понадобятся, тогда пусть возьмут себе их у ангела.

- А можно, я ему еще рябину положу?

- Можно, конечно.

Дедушка оторвал рубиновую гроздь с соседнего дерева и отдал ее Амели. Она тихонько подошла и аккуратно положила ее в раскрытую книгу старичка-ангела. Дедушка подумал, что это у нее было проявлением особого расположения. Прежде, со всех своих осенних прогулок она приносила рябину только маме.

- А его не уберут отсюда?

- Нет, теперь это его место в саду.

- Дедушка, а почему у него блестит нос?

- Некоторые люди считают, что если потереть ангелу нос, то у них будет счастливая жизнь. Мы с тобой этого делать не будем, нам и так хорошо. Правда?

- Не будем, - с сожалением вздохнула Амели.

Наверное, это была не самая лучшая петербургская традиция: натирать отдельные детали у многих бронзовых памятников. Потом они сверкали первозданной обнаженностью и портили общий вид. Сколько же здесь побывало несчастных людей? И все они чего-то просили у доброго ангела. Получалась довольно мрачная картина общего неблагополучия.

Дедушка задумался. Петербург с самого своего основания был плотно заселен ангелами. Крылатые божественные посланники летели над городом, стояли на колоннах, куполах соборов и фронтонах старых домов. Каждый раз они смотрели на людей сверху вниз. Иногда сурово и осуждающе, но чаще всего гордо и равнодушно, будто хранили в себе особую тайну, недоступную земным людям. А здесь кукла с большими добрыми глазами и носом,

весьма похожим на путинский, сразу влюбила в себя многих петербуржцев. Получалось, что этот ангел нового поколения заметно изменился внешне, «приземлился» и приблизился к простым людям.

Где же была настоящая правда, если ангелов и прежде никто не видел? Нельзя человеческому глазу узреть такое бестелесное существо. Это притом, что с ними иногда общались и брали себе в хранители. Даже их особенный образ сложился. Чаще, в виде красивого светловолосого отрока или юноши с большими белыми крыльями за спиной.

Понятно, что такие представления никак не вязались со старичком в поношенной одежде. Зато по сравнению со своими предшественниками он обладал редкими по нынешним временам качествами: доступностью и особой интеллигентностью своего образа. В общем, этот ангел получился своим в доску, похожим на кого-то из близких людей.

Амели подняла голову и увидела над собой большой шар. Ей показалось, что он летел и вращался, а потом завис в одном положении. С него на нее смотрели какие-то люди, и она хорошо видела их лица, маски. Эти люди о чем-то разговаривали, но Амели не слышала их голосов. Если смотреть подольше, то там можно было разглядеть горы, реки и города. Наверное, это была какая-то другая, неизвестная ей планета. Рядом, среди ветвей деревьев, висело еще несколько подобных шаров поменьше.

Амели оглянулась и встретила глазами со старичком-ангелом. Ей показалось, что тот одобрительно кивнул ей головой. Она загадочно улыбнулась ему в ответ и, танцуя, пошла дальше по аллее. Шары-планеты медленно двинулись за ней, словно следовали в галактическом хороводе. Сказка продолжалась и можно было ожидать новых чудес. Вначале она увидела какие-то фигуры, повисшие джинсы, старые рыцарские доспехи и длинное копье. Амели вопросительно посмотрела на дедушку, и он объяснил ей, что сейчас перед ними появился доблестный рыцарь Дон Кихот Ламанческий со своим верным оруженосцем Санчо Пансо и конем Росинантом, а рядом поместилась ветряная мельница. Все

это здесь перепуталось и потому так непонятно выглядело.

Потом мимо них проскакал странный конь с крутившимися по его бокам велосипедными колесами. Следом за ним пролетел крылатый сфинкс, похожий на большую черную кошку Багиру. Он мягко приземлился на зеленую лужайку, отряхнулся и начал старательно облизывать свою шерсть. Сфинкса можно было погладить и даже забраться на спину. Амели его совсем не боялась, она догадывалась, что это только сказка.

Возле красной кирпичной стенки увитой плющом Амели увидела девочку, которая собирала букет из осенних листьев. Девочка слегка присела и кивнула ей головой. Это называлось «сделать книксен», что означало приветствие. Амели так тоже умела. Это движение они много раз разучивали на своих занятиях.

- Меня зовут Каролина, а тебя?

- Амели.

- Какое у тебя красивое имя. У меня здесь работает бабушка, и я часто играю в этом саду. Ты еще придешь сюда?

- Не знаю, если мама отпустит.

- Ты приходи, вместе всегда лучше играть. Смотри, сколько у меня желудей, возьми их себе. Из них дома можно смастерить интересных человечков.

Каролина насыпала ей полный карман крепких коричневых желудей. Поблагодарив новую подружку, Амели пошла дальше и скоро оказалась возле игрушечного города. Своими домами с высокими красными черепичными крышами он был похож на Стокгольм. Она уже знала этот город, потому что там жили ее друзья, Малыш и Карлсон. Однажды Амели даже приезжала туда к своей бабушке. Сейчас она внимательно обошла каждый домик, заглянула во все окна и двери. Интересно, какие же карлики или тролли могли там сейчас жить? Домики своими верхними этажами оказались на уровне ее глаз, и рассматривать их было удобно. Везде пусто. Наверное, все его жители куда-то ушли...

Придя домой, каждый из них занялся своим делом. Дедушка уселся работать за ком-

пьютер и попросил Амели играть одной в своей комнате и вести себя хорошо.

- А кто будет знать, как я себя веду?

- Никто, только ты сама.

- Тогда я не буду себя хорошо вести, так не интересно.

- Ладно, считай, что я тебе ничего не говорил.

- Дедушка, а он может знать, как я себя сейчас веду?

- Кто «он»?

- Ангел, которого мы сегодня видели.

Дедушка удивился ее словам. Оказывается, все это время она продолжала думать о своем ангеле из Измайловского сада.

- Обманывать тебя не буду, не знаю. Не обижайся, но мне сейчас нужно немного поработать...

Время шло, дедушка что-то записывал и печатал. В соседней комнате, где играла Амели, было подозрительно тихо. Он не выдержал и осторожно заглянул туда. Амели старательно лепила что-то из пластилина и по обыкновению с кем-то разговаривала. Заметив его, она хитро улыбнулась:

- Дедушка, а я себя сейчас хорошо веду?

- Ты прекрасно себя ведешь.

- Тогда давай вместе сделаем ангела, у меня без тебя ничего не получается.

Они вместе принялись мастерить новую игрушку. В ход у них пошли все подручные средства: желуди, мягкая проволока, бумага и пластилин.

Амели сегодня было о чем подумать. Взрослые люди часто называли ее своим ангелом. Но она на него совсем не похожа. Значит, дело было не в этом. Просто, так называли тех, кого очень любили, ничего другого больше придумывать не стоило. Амели довольно улыбнулась своему маленькому открытию. Потом она вспомнила, как под Новый год мама принесла ей серебряные крылышки. Их можно было надевать себе на спину и прыгать вокруг елки. Интересно, где они сейчас? Господи, как же хорошо, что ее жизнь украшена такими необыкновенными событиями и добрыми людьми...

ГАЛИНА ТАРАСОВА

Этому нет названия

Повесть

Окончание. Начало в №№ 13-15

Глава 4

Несметное количество раз я подпрыгивал в восторженном упоении навстречу высоким волнам. Бодро взбрыкивая ногами в воде как лягушка, я покорял пик вздыбленной воды и с наслаждением скатывался по пенному склону. Пару раз я не успел форсировать быстро выросшие гребни, и они, пользуясь моей нерасторопностью, быстро завились барашком, увесисто шлепнули по темечку брызжущей ладошкой, накрыли с головой, словно приговаривая: «Один : ноль... два : ноль!» – явно приглашая продолжать экстремальное состязание. Мои мышцы бойко пользовались предоставленным случаем, чтобы как следует размяться после дорожного застоя. Душа и тело бурно ликовали, узнавая аромат терпких соленых брызг, наслаждаясь теплом потемневшей, густой, но удивительно прозрачной воды. Мой организм, уставший за холодную зиму и затяжную весну, все никак не хотящую переходить в лето, испытывал восхитительное блаженство, возрождая давно забытые эмоции от купания в животворном природном бальзаме – в м о р е...

Однако скоро я устал. Меня начало мутить от бешеной качки и горькой воды. Пора было выходить на берег. Он был близко, но грохот тяжелых ударов разъяренных волн об угрюмые, насупленные валуны, высокие кипучие фонтаны распадавшихся веером пенных брызг – пугали меня, и в который раз заставляли откладывать принятое решение. Страх загонял душу в замерзшие пятки и ураганным шквалом обрушивался на борющийся с ним разум. Я знал, что выходить надо там, где прибой идет по касательной вдоль невысоких скал. Несколько выступов, за которые можно зацепиться руками и пяточки площадок, куда, изловчившись, удастся поставить ноги – позволят мне быстро вскарабкаться на возделенный берег. Надо всего лишь внимательно

посчитать накатывающие волны (они чередуются по своей силе), выбрать нужный промежуток и совершить молниеносную атаку. Но очередной взрыв бросающейся на скалы водяной туши заставлял зажмуриваться и предпочитать болтаться подальше от берега. Лежа на спине, я как синхронистка помогал руками поддерживать тело в горизонтальном положении, чтобы как маленький плотик скользить по поверхности бегущих гор. Тягучая предательская слабость, свинцом вползая в руки и ноги, высосала в животе дыру, через которую улетучивались мои последние силы. Внимание рассеивалось, координация движений давала сбои; уже несколько раз я хлебнул воды, а это – верный способ потерять плавучесть и пойти ко дну. Я прекрасно помнил наставления отца о том, что люди гибнут в волнах, поддавшись панике и отяжелев от попавшей жидкости в желудок и легкие.

«Хорошо, что меня пока не сносит в открытое море!» – ободряя самого себя, подумал я, и вдруг – с мучительной и отрезвляющей ясностью ко мне пришло осознание, что я – трус! И сразу же, обжигающе ярко, впечатываясь в каждую клеточку, открылась истина: быть трусом – смертельно опасно!!

От внезапного стыда стали гореть щеки. До ломоты, до боли. Я открыл глаза и опять зажмурился. Слепило яркое солнце. Приставив козырьком ладонь ко лбу, я осторожно разомкнул веки. Море было сине-голубым, спокойным и неистово сверкающим. Я ничего не понимал, блуждая мутным разумом на разломе двух миров. Но вот сознание очнулось и напомнило, что в открытой воде Зиготы, отдыхая после очередного отрезка пути, я задремал и в сновидении или грезах перенесся на Землю, в прошлое, в Херсонес, где двенадцатилетним мальчишкой в первый же день приезда тайком от родителей убежал к штормовому морю кататься на волнах. Каким глупым я был, когда гордясь своим умом, расчетливо зашел в бур-

ное море по секретной «тропе», где сила волн была невелика и давно изученные каменные выступы позволяли мне быстро спускаться и подниматься в этом пустынном месте.

Да, тогда я на всю жизнь запомнил, что быть трусом – смертельно опасно. Это помогло мне собрать в свой мальчишеский кулак весь страх, вернее, в два кулака, когда зацепившись пальцами за спасительные выступы, я не успел найти ногами нужную площадку, и меня болтало и размазывало по шершавым скалам двумя просчитанными, более слабыми волнами. Руки словно впаялись в спасительную твердь, дав возможность ступням нащупать маленькие, но надежные выступы, и в последний момент, вместе с брызгами надвигающейся большой девятой волны, оттолкнуться из всех оставшихся сил, оттолкнуться отчаянно, до судорог в криках, взлететь и пасть животом на драгоценную сушу. Распластанный на холодном берегу, побитый и исцарапанный, я гладил равнодушные камни неразгибающимися ладонями и не верил своему счастью, потому что меня все еще качало, качало и подташнивало.

Когда я чуть живой плелся мимо одинокого монументального туманного колокола¹, мимо раскопок древнего города с квадратами стен жилых домов, длинными прямоугольниками храмов с устремленными в небо колоннами, мимо скромной купели крещения князя Владимира, ставшей мощным источником силы для Руси – солнце, разорвав у горизонта плотный саван облаков, разгоряченным в борьбе пурпурным шаром изнеможенно погружалось

¹ *Туманный колокол* стоит на возвышенности в северном районе Херсонеса. Его отлили из трофейных турецких пушек в 1778 году. В 1803 году колокол был помещён на звоннице Никольского собора в Севастополе. В 1850 году его поместили на звонницу Херсонесского монастыря. Во время Крымской войны колокол как трофей вывезли во Францию, где до 1913 года он находился на звоннице Собора Парижской богородицы. Затем его вернули на родину, благодаря хлопотам французского консула в Севастополе. В 1925 году, после закрытия монастыря, колокол оставили для звона в туманную погоду – его звуковые сигналы были своеобразным предупреждением кораблям о прибрежных скалах.

в море, и огненные брызги плясали на волнах свой победный танец. Выгоревшая до желтизны трава широкого поля клонилась в одном направлении, и я брел словно по золотистой шерсти на спине волшебного гигантского льва, отливающей розовым цветом. Мир сбросил свою рутинную обыденность и пустил меня в нереальность, в некую Нарнию, где я жил на растянувшейся во времени нулевой точке, в которой прошлое, со всеми его коллизиями, минуло, а будущее, куда я должен был войти уже другим человеком, еще не наступило...

Сейчас, в водном царстве Зиготы, моя нулевая точка – точка вневременной эйфории, уже отошла в прошлое, и я вступил, вернее – вплыл, словно слепой, в свое будущее, полное новых, неизвестных путей... Несколько трудных часов мне потребовалось, чтобы восстановить технику брасса и плыть как встарь – размеренно, эффективно. Все это время мозг скрупулезно отслеживал каждое движение, производимое мышцами ног, рук, спины, диафрагмы, внося коррективы в каждое новое, добываясь слаженности с каждым вдохом и выдохом. Это задача была не из легких – новый вид мозговой атаки, но я справился с ней и вновь почувствовал счастье от обладания своим телом, его послушностью. Процесс телепортации не привел к состоянию истощения, вялости и слабости, как предполагалось, напротив, я словно прошел перезагрузку, обновив все системы организма. Конечно, если бы я был натренирован, как когда-то, то за четыре часа без перенапряжения проплыл бы по спокойной воде расстояние в восемь километров, для марафонца это – не вопрос. Но, увы, мой физический аппарат был к этому не готов. Я часто останавливался, отдыхал лежа на спине, а в последний раз даже задремал и увидел себя подростком, проходившим невольный обряд инициации...

С детства я легко держался на воде. В юности она стала для меня родной стихией, убежищем, средой, неподвластной наэлектризованной суеде гигантского скопления людей и техники. Я был легким и непотопляемым, мог долго, беззаботно лежать на поверхности, заложив руки за голову. Бабушка со скрытым удовольствием объясняла мне: «Это потому, что ты не ешь тяжелой пищи, не имеешь тяжелых мыслей, не носишь в душе тяжелых

обид», – на что я, как будущий ученый, а пока первокурсник, смеялся, а втайне был горд согласиться с ней. Я умел даже дремать, находясь в море. Многим это казалось невозможным, но ученые давно выяснили, что у человека, который спит, например, в новом для себя месте, отдыхает только одно полушарие мозга, другое относительно бодрствует так же, как у спящих в воде дельфинов и китов. Овладевая мастерством пловца на длинные дистанции, я выработал привычку восстанавливать силы, уходя в состояние, подобное сну, при котором многие мышцы хорошо расслабляются и отдыхают. Мне было достаточно пятнадцати минут такого покоя, чтобы с новыми силами продолжать марафонский заплыв...

Страхнув остатки полусна, я ощупал пальцами лицо. Похоже, жаркие лучи, за неимением другой мишени на обширной блестящей глади, отыгрались на мне, всаживая раскаленные стрелы в «яблочко» бледной физиономии. Кожа словно стянулась и саднила неприятной болью. Хорошо, что плечи и спина были защищены одеждой и не пострадали. Надо скорее плыть к земле, которая при штиле синела на горизонте густеющей дымкой. Приняв два глотка шоколада, я поплыл. Теперь, когда руки и ноги работали почти автоматически, а голова освободилась от строгого контроля мышц – я мог предаваться размышлениям. Из глубины сознания вдруг красочными стайками всплывали слова, которыми я давно не пользовался, воображение предоставляло богатую палитру с множеством тонов, память не скупилась на подробности картин жизни прошлых лет.

Глава 5

Где-то внутри – в памяти? в сердце? в... душе? – глухо жгло и свербило. Неуспокоенно ворочалось в невозможности улечься и затихнуть, задавленное решением насущных проблем – горькое чувство утраты. Мне было остро жаль, что я так глупо, словно в наваждении, лишился своей семьи. Полина была... да что там искать слова – действительно идеальной женой. Только сейчас, освобожденный от своей одержимости телепортацией, я начал осознавать все, что она для меня делала. Став супругой подающего несомненные надежды ученого-физика, поняв, что значит для меня моя работа, она, не раздумывая, принесла в

жертву моей науке свои многотрудно возделанные таланты, променяв редкий дар живописца на рядовую специальность конструктора синтезированной мебели – массового ширпотреба. Она великолепно справлялась со своими обязанностями и даже слыла модным и нарасхват востребованным дизайнером, но в проекты не вкладывала особых сил, эксплуатируя обширные способности, искусствоведческие знания, богатую фантазию и суровую организованность. Все волшебство души она проявляла дома, тщательно выстраивая сложный несовременный быт (уютный, со множеством вдохновляющих предметов, обволакивающий добрым теплом), создавая нам с дочкой безупречные условия для развития, учебы, работы, отдыха. Она любовно хлила и лелеяла нас, одаряя многочисленными поводами для радости. Рядом с ней мне было не трудно ощущать себя бодрим и веселым, стараться быть рдетельным мужем и отцом, оставаясь при этом гениальным ученым.

Я вспомнил нашу первую встречу в Петербурге в Академии Живописи, куда я зашел навестить приятеля. Тогда, в одной из мастерских, худошавая, в смешно перепачканном красками балахоне, с небрежно завязанным хвостиком, на первый взгляд ничем не примечательная студентка, буквально за полчаса написала маслом на холсте невероятно красивый галактический пейзаж, причем с таким знанием космологии, что я был уверен: она здесь получает второе высшее образование. Почти не размышляя, забыв представиться, влекомый хлынувшими вдруг бурными токами феерической экзальтации, я пригласил девушку в Мариинский театр на спектакль с натуральным вокалом. В ее коротком взгляде я успел заметить быстрое удивление, сменившееся заинтересованностью. «Меня зовут Полина. А Вас?» – исправила она мою оплошность и согласилась.

У винтажной круглой тумбы старого здания театра, где по-музейному разместились бумажные афиши, щедро украшенные причудливыми вензелями, я с нарастающим волнением ждал появления столь поразившей меня художницы. В ее смелой картине я уловил знакомый вкус жадной, пытливой любви к космосу и много чего-то родного, пока еще не осознанного. Я отчетливо переживал ощущение, что наши души выросли на одной ветке.

Несколько раз я воображал себе предстоящую встречу, но узнал Полину не сразу. Наблюдая за остановкой муниципального транспорта, я ждал появления скромной студенточки, такого серенького пикселя, на худой конец – богемной девицы в вызывающем туалете, с разноцветными волосами и геометрической стрижкой. Я внимательно рассматривал выходящих из автобусов девушек – мне было важно увидеть, с каким настроением она придет на свидание: с буднично-обыденным или с особенным – чтобы понять, заинтересовали ли ее и в какой степени. Отвлекаясь я только, на вышедшую из такси необычную молодую женщину. Стройная, длинноногая, с блестящими пепельно-русыми волосами, уложенными крупными волнами она парадоксально выделялась из толпы своей некричащей, старинно-классической красотой. Легкое, перламутрово-бежевое платье со струящимися складками подчеркивало красивые линии тела. Оно было не стандартно эксклюзивным, а каким-то особенным, с «дыханием» старины, – такая одежда требует более тщательного ухода и многого времени на приведение его в порядок, а в антикварных салонах наверняка стоит кучу денег. Кремовые лакированные туфельки на высоченных каблуках (как она может так плавно ходить и не падать?!) плотно охватывали немаленькую, но красивую, сильную, с высоким подъемом стопу и были тоже «времен прабабушки». Лицо ее словно излучало нежный, жемчужный свет, а матовый румянец слегка оживлял бледные щеки. Немыслимо раритетные солнцезащитные очки в деревянной (!) оправе придавали мягкую динамику ее образу. Она была более чем индивидуальна и по-настоящему красива! Современные богатые модницы стремились обрести этот статус, используя новейшие достижения химической и косметической промышленности: но, не имея вкуса и хотя бы начального эстетического развития (пиком их устремлений был образ «сэкси») – зачастую выглядели посмешищем в глазах более бедной творческой и технической интеллигенции. Девушка смотрелась тысячепроцентно индивидуально! Все было на грани. До вычурности не хватало чуть-чуть. Но именно это недо-чуть-чуть во всем создавало эффектный, сдержанно яркий, глубоко гармоничный и утонченный облик. «Актриса», – подумал я и удивился, увидев,

что она направляется ко мне. Актриса вежливо заговорила со мной мягким контральто, и я постепенно, ошеломляюще стал прозревать, что это – Полина... К такому свиданию я был не готов! Я боялся красивых женщин. Я робел перед ними. На меня наваливалось косноязычие, ладони потели как перед страшным экзаменом и я не знал, куда пристроить свои вдруг выросшие, огромные руки.

Никогда, даже на короткое время, хотя бы в малой степени, мне не удавалось стать мачо. Во мне были не развиты даже лидерские качества, которые в современных школах методично прививались ученикам, способные хотя бы отчасти помочь мне. В младших классах я слыл «бабушкиным сыночком» и «мазилью», так как ежедневно после уроков, в смешном берете, с папочкой в руках, в сопровождении любимой опекунши, я шествовал по двору, направляясь художественную школу. Став постарше, я преобразовался в сутулого долговязого «ботаника» в очках, с рьяным интересом к естественным наукам. В то время, когда мои одноклассницы, а потом и одноклассники приобретали опыт близкого общения с противоположным полом, я был безумно помешан на теории Стива Хоккинга и бредил путешествиями по галактике. Девочек я избегал, так как не знал, как с ними следует себя вести, тем более, что многие из них шокировали своим поведением, стремясь соответствовать идеалу коварной стервы, а с редкими природными тихонями было скучно, так как они стеснялись еще больше, чем я, физикой не увлекались и говорить нам было не о чем. Несколько идиотских свиданий было достаточно, чтобы закрыть для себя эту тему и надолго отчалить в свой ареал – сферу наук.

Поступив в университет, я начал заниматься спортом и перестал быть дрищом, нарастив мускулатуру и выправив осанку. С удовлетворением я стал замечать оказываемые знаки внимания сокурсниц, но последовательно имел неудачный опыт встреч с двумя физмастками. Одна активно взялась водить меня по ночным клубам и настойчиво вовлекать в круг абсолютно неинтересных мне людей. С другой, хоть и увлекательно было обсуждать вопросы стремительно развивающейся астрофизики, пришлось поспешно расстаться, так как при более близком знакомстве она оказалась отталкивающе грубой и нахрапистой.

Обе они были некрасивы: одна компенсировала блеклость черт ярким макияжем, другая оставляла все как есть, пытаясь привлекать накачанным интеллектом и эпатажным мировоззрением.

Красивых я боялся, внушив себе, что они – не для меня. Поэтому, увидев, что на свидание Полина пришла совершенной красавицей, я с острой тоской подумал: зачем мне этот стресс? Она что-то говорила, а я молчал словно в ступоре, тупо созерцая свое растерянное, словно помятое лицо, отраженное темными стеклами в эксклюзивной оправе. Полина вдруг опомнилась, извинилась, сняла очки, и меня внезапно окатило такой лучащейся синевой ее глаз, что все вокруг – и бьющие по сетчатке люминесцентные вычурные наряды проходящих мимо зрителей, и брызжащая кислотным цветом реклама на многочисленных щитах, и яркие голографические баннеры афиш – все в миг стало плоским, монохромным, блекло-серым, и лишь две аквамариновые вулканические чаши, заставляющие безотрывно смотреть в их бездонную глубину, изливали голубые, плотные и прозрачные волны доселе неизвестного мне силового поля, топили в нем все, существующее здесь и сейчас, размывая в дребезги обломки моей прошлой жизни...

Тогда, во времена нашей юности, драматические и оперные театры (живые, не голографические), чтобы привлечь современных зрителей, придумали увлекательное и дорогостоящее путешествие во времени. Они восстанавливали спектакли разных лет, начиная с театров Станиславского и Мейерхольда. Зрители, словно переместившись на десятилетия назад, могли увидеть точное воспроизведение бутафорных декораций из картона и тканей, расписанных красками; костюмов, сложнейшего кроя из бархата и парчи; множество предметов реквизита, создающих странные для современного человека, лишённые минимализма интерьеры; непривычную манеру актерской игры с речью, слышимой даже на галерке без усиливающих микрофонов – то есть, точную копию постановки прежних лет. Бюджеты таких спектаклей были заоблачными, но и сборы они приносили немалые, потому что люди разных сословий, многие не осознанно, соскучились по живому – не электронному, не виртуальному, не лазерно-голографическому 20D – а по живому челове-

ческому теплу, по спокойствию (даже страсти Отелло на фоне нашей сверхскоростной жизни воспринимались как медленное плавное действие), по неспешной гармонии. В буфете угощали какими-то историческими, в хорошем смысле, бутербродами и напитками; пожилые дамы, скромно одетые по моде тех лет, предлагали купить бумажные программки. Моя бабушка-долгожительница часто консультировала режиссеров и артистов по быту, манерам и условиям жизни ушедших времен, поэтому я без особых усилий достал две проходы с местами в актерской ложе.

В нашей первой, сбивчивой, осторожно разведывательной, но потом, на удивление покотившейся как по маслу беседе, выяснилось, что Полина очень любит восстановленные спектакли: «Они не бьют по глазам и ушам своими эффектами и дают возможность обдумать происходящее на сцене, ощутить те же чувства, которые испытывают герои, оценить их ситуации, получить новые знания о жизни». Я соглашался с ней, ее рассуждения активно затрагивали именно те вопросы, над которыми я часто размышлял и не вызвали философских противоречий. Но, тем не менее, я был словно зачарованным, замороженным. Казалось, что мозги отключились, и я с трудом выуживал из них хлипкие и глупые слова. Меня то бросало в жар, то мелко колотило в ознобе. Но Полина, похоже, умела общаться с такими «больными» и, словно ничего не замечая, разговаривала со мной заинтересованно, как с влечеречивым собеседником.

Мы слушали «Мадам Баттерфляй» вериста¹ Джакомо Пуччини. Спектакль шел в менее старинном здании театра – «Мариинке-2». Оказалось, что рядом с Полиной, я гораздо богаче воспринимаю оперу. Эта необычная девушка словно усиливала все мои впечатления, просто так, своим присутствием, помогала ярче и тоньше видеть и слышать. Я попал в сказку. По сцене, как по воде, на

¹ *Веризм* – (итал. *il verismo*, от слова *vero* – истинный, правдивый) – стиль в итальянской литературе, музыке и изобразительном искусстве конца XIX – начала XX веков. Возникнув после объединения Италии, веризм стремился достоверно отобразить социально-психологические конфликты новой национально-исторической действительности.

фоне пурпурно-закатного задника беззвучно скользили изящные японские джонки с высокими носами и перепончатыми парусами. Силуэты артистов, в стилизованных объемных костюмах, прямые линии декораций из черного дерева на фоне меняющего сочные цвета задника – казались мне дивной восточной графикой. Актеры божественно пели на прекрасном старо-итальянском языке. Музыка живого симфонического оркестра воспринималась как чудесное снадобье, врачующее душевные раны и царапины, неизбежные для жителя мегаполиса.

Во время накала сценических страстей Полина подавалась вперед всем телом, как бы стремясь приблизиться к происходящим событиям, и тогда я, украдкой рассматривал ее нежную шею, бархатистый абрис виска, щеки и подбородка, маленькое ушко, изящно лежащие локоны, волнуяще красивую линию груди; всеми дрожащими фибрами души и тела я вдыхал пьянящий аромат духов, любовался мягким мерцанием ее платья – все это будоражило, вызывало попеременно то экзальтированный восторг, то сковывающий испуг, порою рьяным тремоло взвинчивало тревогу и вместе со всем этим исподволь рождало непривычную нежность и мощную силу, спокойствие громадного утеса и одновременно жгучую жажду свершения чего-то масштабного, по-настоящему хорошего.

«Интересные выводы напрашиваются! – Говорила в антракте Полина, с монаршей невозмутимостью игнорируя откровенно и исподволь бросаемые на нее взгляды: заинтересованные – мужчин и ревностные – женщин. – События в опере происходят в самом начале двадцатого века, а люди решают одни и те же проблемы, что и мы: добра и зла, верности и безответственности, совершают бездумные поступки, оборачивающиеся предательством. Все как у нас – надо делать выбор: сохранять свою бесценную душу или внушить себе, что она миф, что существует только тело и ради его комфорта себе можно позволить все – и подлость, и нравственное людоедство. Во все времена категории внутренних людских миров одинаковы, разница только во внешнем – технологиях, интерьерах, моде, манерах». Ее взгляды на жизнь я разделял, но больше был занят взглядами, которыми искоса и меня награждали зрители, дефилирующие в антракте

по узким галереям. Они смотрели, пытались определить: кто этот молодой мужчина, к которому благоволит неземная принцесса? Но вряд ли кто из них признал во мне простого физика на распутье, заурядного «ботаника». Во всяком случае, мне так казалось. Моя самооценка стремительно летела вверх. Я стал ощущать себя увереннее, разговаривать более вдумчиво. Беседа выстраивалась интересно, и я стал возвращаться на круги своя, паря на широких крылах.

После спектакля Полина была взволнована. Ее не устраивал финал с самоубийством героини. «Как можно было отдать своего ребенка чужой женщине, а самой устранить таким преступным образом?» Я, достаточно отстраненно, пробовал объяснять ей исторические условия, национальные особенности, социальные условности и, наконец, максимализм подросткового возраста юной гейши, но она отвергала все. «Есть только одно – твой ребенок, который будет расти душевным инвалидом без родной матери. И мать должна сделать все возможное и невозможное, чтобы самой растить и пестовать дитя, самой обеспечить здоровую атмосферу любви. Никакое материальное богатство не заменит любовь матери. Мать – это уникальное явление, это необъяснимое чудо, данное женской природе просто так, ни за что, изначально». Я слушал, но еле вникал в смысл произносимого, потому что почти весь последний акт не смотрел на сцену, а любовался ею, заставляя себя поверить, что это я – герой, вот уже три часа разворачивающейся параллельно с театральным действием, необычной для меня истории, что эта прекрасная девушка пришла на свидание именно ко мне, к дилетанту, не нажившему достаточного опыта в любви. Умом я боялся, что эта история не будет иметь продолжения, а душа уже томилась в грезах, отвлекаясь от философских рассуждений, и мое тело становилось просыпающимся вулканом...

А потом она попала в аварию. Укуренный малолетка не справился с управлением огромного навороченного автомобиля, угнанного у своего уважаемого отца, и страшной торпедой летел на припаркованный к башне экскурсионный аэробус с дошкольниками. Полина, не раздумывая, пресекла его смертоносную траекторию, подставив под удар свою воздушную машинку, отскочившую словно

горошина в бетонную стенку супермаркета и смявшаюся в лепешку. Отважную девушку зажали между пультом и спинкой сидения. Пока приехали спасатели и медики, пока разрезали стенку ее капсулы, дежурный полицейский, оказавшийся равнодушным и грамотным, прилагал все усилия, чтобы раненая, испытывающая травматический шок, держалась в сознательном состоянии: успокаивал, разговаривал, просил не закрывать глаза, задавал различные вопросы. Ее высокий болевой порог сыграл добрую службу – болевые сигналы оказались не столь интенсивными и роковыми для организма. И самое главное, как позже сказал умный доктор – у нее не было психологического потрясения от произошедшего, так как она сознательно пошла на ВТП¹. Организм мгновенно получил установку: пожертвовать частью для спасения целого – спасения собственной психики от последующего долговременного, на всю оставшуюся жизнь, разрушающего здоровье стресса – стресса от каждодневных терзаний о несовершении поступка по спасению тридцати детских жизней.

Врачи установили наличие открытой черепно-мозговой травмы, переломов ключицы, двух ребер и тазовых костей. На три дня девушку ввели в искусственную кому, и первое удивление медиков, при выходе из нее, она вызвала тем, что сразу попросила айпад и чашку кофе. Она спорила со специалистами, отказываясь от операции и гипсования сломанной ключицы, узнав, что ей все равно придется лежать восемь недель без движения в позе лягушки, и кость благополучно заросла. Она изумляла медсестер желанием делать все самой, при первой появившейся возможности: брала со стоящего рядом стула и подкладывала под себя архаичную утку; раскладывала на краю кровати в зоне досягаемости рук сумочки с необходимыми предметами по гигиеническому уходу, продумывала все действия по извлечению их содержимого и соблюдению порядка. Регулярно выходила в интернет на особый форум, где обменивались опытом и подбадривали друг друга такие же «сильно битые». Когда с восстановленными ребрами и ключицей, с аппаратом Илизарова

¹ВТП - воздушно-транспортное происшествие.

(«вертолет», как назвала она систему стальных штырей, ввинченных в медленно зарастающие тазовые кости) ее перевезли домой, положили на широкую кровать, разрешив лежать только на спине и чуть поворачиваться на бока – она миглом организовала свое увеличившееся жизненное пространство так, что могла большую часть суток обходиться без посторонней помощи. Она сама меняла себе памперсы, пользовалась чайником на тумбочке, заваривала быстрокаши, ела оставленные ей фрукты и овощи, презируя тюбики с сублимированной едой. Она, перебирая руками и ногами как паучок, передвигалась на спине по своему просторному ложу, и доставала нужные вещи, расположенные в зонах с разных сторон кровати: книги по искусству, графический планшет, нетбук, небольшие гантельки и другие ручные тренажеры, пакет с одноразовыми пеленками и памперсами. Эти зоны она шутливо называла: мастерская, тренажерный зал, библиотека, санузел.

Я приходил к Полине каждый день. Она ничуть не стеснялась своего болезненного вида и вела себя так, словно мы были родственниками или знакомы лет десять. В этой экстремальной ситуации я узнал всю силу ее характера, духа, жажду жизни, неутомимое трудолюбие – и полюбил ее окончательно и бесповоротно. Нам безгранично интересно было разговаривать обо всем: о богатой географии Земли, о космологии (я старательно обогащал ее познания в этой области), о нравственности современников и людей прошлого, о смысле жизни – всего не перечислить! Я не придавал значения легкому запаху туалета от мешка с использованными памперсами, когда забирал их от ее кровати, не замечал ее исхудалого бледного лица с темной размытой синевой под глазами. Я умилялся хрупкости ее фигуры, державшей на себе пять килограммов медицинской стали. Я восхищался ее невероятной радостью во время первого мытья головы горячей водой (после полуторамесячного обтирания влажными салфетками). Причем, все манипуляции с шампунем и ополаскивателем она производила сама, я только старался аккуратно лить воду. Лежа на спине, свесив голову над тазиком, она намыливала волосы, массируя голову, и со сдержанным восторгом, почти тихо, с интонациями человека совершившего открытие после долгих изнуря-

тельных испытаний, приговаривала: «Какое счастье! Какое счастье!!! Какие бриллианты, какие сокровища будут равноценны с этим грандиозным удовольствием – помыть голову горячей водой!» Когда она начала стоять с костылями после двухмесячного постельного режима, я пугался, видя как синеют ее истончившиеся ноги, как их одолевает тремор, как она белеет, слабеет и не может ступить ни шагу. Как я радовался, когда через час она уже сделала пять шагов, а потом – каждому новому, пройденному ею пространству комнаты, а потом и улицы.

После того, как с нее сняли «вертолет» и разрешили ходить с помощью костылей около пяти часов в день, не опираясь на правую ногу, она организовала через интернет пешеходные экскурсионные группы для таких же «битиков», доставляемых родственниками и сиделками в разные участки старого города. Иностранные туристы столбенели в глубоком изумлении на улицах Петербурга, видя эпатажную группу товарищей: впереди в развевающемся, словно флаг, сочно-оранжевом сарафане скакала на ярко-желтых костылях Полина и бурно-эмоционально, в красках, с помощью усилителя голоса, рассказывала на ходу очередную интригующую историю домов и их жителей. За ней, словно танковая дивизия, воодушевленно ехали колясочники, за ними атакующей пехотой почти бежали реабилитирующиеся на костылях и с тросточками, боясь пропустить хоть одно слово. И всегда к концу маршрута ее группа обильно обрастала случайными, заинтересовавшимися прохожими. Каждый раз прощальные слова экскурсовода тонули в громкой благодарной овации.

Я учился ее удивительному мужеству, бесстрашной целеустремленности в преодолении своего беспомощного, казалось бы, положения. Моя бабушка, при знакомстве и нескольких встречах с ней, много молчала, предоставляя больше говорить собеседнице, а потом задумчиво объявила мне, что это редкостная женщина и что лучшей спутницы жизни мне не найти. Но я и сам давно уже это понял. Мы поженились, как только она окончательно выздоровела, и моя жизнь окрасилась в яркие тона, и каждый день был полон радостных событий и глубокого смысла...

Вот сокровище, которого я лишился! Разве сравнится эта потеря с утратой материаль-

ного богатства?! «Душа здесь у меня каким-то горем сжата...». Давно я понял, что потеря славы, власти – это не страшно. Страшно оказаться одиноким среди бурного жесткого мира, страшно не ощутить поддержки родного человека после трудного дня жизни, полного общения с лстецами, подлецами, лицемерами, а порой с тупыми агрессивными как бы людьми. А вот достаточно вечером почувствовать у себя на спине тепло узких ладоней, прикосновение нежной щеки к своей слегка щетинистой, ощутить под ладонями бугорки гибкого позвоночника и проступающие ребрышки под тонким шелком туники, достаточно осознать, как радостно прижимается к тебе родное любимое существо, чтобы забыть все трудности и потери дня, чтобы вновь ощутить, как в душу вливается покой, уверенность и желание свернуть горы.

А когда из детской вылетает с криками: «Папка пришел! Смотри, какого шмеля я поймала!» – ангеленок с твоими чертами лица, часть самого тебя, часть твоего возобновленного детства, человек, жизнь которого полностью зависит от тебя – усталость и огорчения как рукой снимает. И ты готов для них, для любимых, продолжать создавать вселенную счастья...

Сейчас мне вдруг ясно открылось то, к чему, я знаю, приходят люди в весьма преклонном возрасте: самое настоящее дело – это созидание семьи, твой вклад в последующие поколения. Моя дочь – это наше с женой личное авторское изобретение. Она уникальна и неповторима, как каждый человек, и работая над ее совершенствованием, я улучшаю, можно сказать, систему людей – моих и ее потомков. А значит в какой-то, пусть крошечной мере (и в большой, если она станет личностью, способной внести глобальный вклад в существование человечества), улучшаю жизнь на Земле и ее сопределах... Так где я больше приношу пользы?

Я вспомнил вкус победы после долгой работы над телепортацией и волна горечи вновь затопила душу – ведь я же совершил величайшее открытие, которое принесет глобальную пользу всему человечеству! Ведь теперь столько можно было бы придумать, опираясь на достигнутое! А я всего этого лишен, я – отец телепортации, а меня просто вышвырнули вон! Кровь гнева прилила к голове, и я

стал задыхаться. Пришлось положить немало усилий, чтобы успокоиться и заткнуть рты зудящим мне прямо в мозги тварям-мыслям о том, какой я бедный-несчастный, как несправедливо со мной поступили и теперь все пропало. Я стал отчаянно лупить руками по воде, с остервенением перейдя на кроль, плыл до полного изнеможения и отупения и, наконец, без каких-либо чувств и мыслей лег на спину и, раскинув руки и ноги, болтался в небольших волнах как пустое ничтожество.

Глава 6

Передо мной вдруг что-то тяжело упало. Я увидел мертвенно-бледное лицо человека, с тупым помешательством озирающегося на меня. Впереди рухнуло еще одно тело – большое и грузное, которое осталось лежать на мокрой от дождя мостовой. Я направился было, чтобы помочь встать явно не молодому мужчине, но он, перевернувшись лицом вверх, запел счастливым пьяным голосом какой-то ретро-шлягер и вдруг, поперхнувшись, завыл от боли, так как на него сверху упали сразу две девушки, и одна из них попала каблучком прямо в пуп его объемного пивного живота. Барышни взвизгнули, отскочили в сторону и стали тревожно осматриваться. На старинной ратушной площади, я без труда узнал этот древний прибалтийский город, в метре над землей беспорядочно материализовывались и как спелые груши смачно шлепались вниз испуганные люди. Одни падали плашмя и какое-то время лежали в оцепенении, другим удавалось устоять на двух ногах, третьи приземлялись на четыре конечности. Вот подросток, с подрисованными глазами и зеленым ирокезом на голове, очутился верхом на бычьей шее краснолицего, глупо моргающего, недоуменно оглядывающемуся по сторонам байкера. Вот щегольски одетый мачо, согнувшись пополам, беспомощно повис на консоли рекламного щита, потеряв свою ковбойскую шляпу и явив суетному миру так тщательно скрываемую блестящую лысину. Вот рядом с поднимающейся с зашибленных колен, ярко-накрашенной девицей, натягивающей короткую юбочку на заголившийся зад, свалился и распался на части винтажный мотоцикл байкера. Люди продолжали падать, сшибая друг друга своими телами, дорожными сумками,

чемоданами и даже горными лыжами. Худосочная старомодная бабуля в канотье, словно выплюнутая из воздуха в огражденную зону проекции голографического монитора, неловко взмахнула тросточкой, чтобы удержать равновесие, нечаянно ударила по допотопному пульта и заметалась в ужасе среди ожившего видео: «Таллин! Сезонные скидки в отелях старого города. Только сегодня! Спешите зарегистрироваться в льготные часы!» Площадь, минуту назад еще пустынная, теперь же густо заполненная нервными, озлобленными людьми, создающими живые пробки в начале узких улочек, бурлила в диких криках, нецензурной брани, остервенелых драках. Немногочисленные полицейские пытались навести порядок, но, как и простые смертные, падали под ударами обильно прибывающих телепортсажиров. Что-то размашисто и больно ударило меня в спину, и я, задевая и валя находившихся впереди людей, грянул на отполированные временем камни. Они рассыпались в песок под тяжестью моего тела.

Я с трудом поднялся, увязая в этой белой зыбкой массе, и с изумлением обнаружил вокруг себя полуголых, бронзовых от загара, разморенных жарой мужчин и женщин. Они вальяжно распластались на ковриках, разнеженно застыли в гамаках, привязанных к склоненным пальмовым стволам. Рядом, переливаясь хрустальными бликами, голубела сонная лагуна. Леность и покой проникали через все поры, вливались с каждым вдохом, растекались по телу густым сиропом.

Вдруг гладкая поверхность лагуны забурлила, словно по ней промчалась стая летучих рыб, и начала исторгать странных существ. Приглядевшись, я увидел людей, которые выпрыгивали из воды словно мячики, погруженные на небольшую глубину и внезапно опущенные. Одеты они были в разноцветные, несколько раздувшиеся, явно не дайверские, комбинезоны с капюшонами; лица были искажены одинаковым паническим страхом. Кто-то из них, быстро сообразив, погреб к берегу, а кто-то беспомощно бил по воде руками, очевидно, не умея плавать. Им на помощь бросились отдыхающие, первыми пришедшие в себя от неожиданного видения. Через мгновение к ним подключились остальные встрепунувшиеся пляжники и, еще не понимая, что происходит, помогли всем выбраться на сушу.

Зрелище было невероятное и жалкое. Яркие горнолыжные костюмы набухли от воды и не хотели выпускать перепуганных законных владельцев из своих недр на раскаленный песок. Далекие от спорта светские дамы, с порушенными прическами и в беспорядке прилипшими к лицу волосами, с размазанным черно-красным макияжем, сидели на берегу в мокрых, кажущихся облезлыми, драгоценных меховых шубках и выглядели оцепенелыми выкупанными кошками.

Вскоре спасенные начали приходиться в себя, отыскивать своих знакомых и возмущенно переговариваться. В это время один из находящихся в лагуне пловцов истоиво закричал, замахал руками, призывая других и, нырнув, потащил что-то из воды. Ему помогли. На песок положили юношу. Лицо его, с закрытыми веками, очерченными густыми темными ресницами, с тонким красивым носом, сдержанно пухлыми розовыми губами – было словно мраморным, точеным, бледную кожу украшала аккуратная россыпь маленьких темных родинок. С его плеч сняли две тяжелые сумки, образовавшие ремнями перекрестие на спине и груди, видимо сразу утянувшие на дно. Одна из нош была ярко-розовая, украшенная розовыми игрушечными собачками и мишками. Из мальчика пытались выкачать воду, делали искусственное дыхание, грамотно надавливали на грудину, стараясь запустить сердце, но все оказалось безрезультатно. Тем временем двое мужчин вынесли из воды девочку-подростка в намокшей синтетической шубке, надвинутой на лицо набухшей вязаной шапке, обутую в грубые ортопедические ботинки. Следом плечистый парень тащил мокрую, сложившуюся инвалидную коляску нестандартного розового цвета...

Я зажмурился в бессилии и ущипнул себя, чтобы проснуться, но когда открыл глаза, увидел, что нахожусь на Красной площади в Москве. Не успел я опомниться, как двое солдат в летней парадной форме какого-то иностранного государства заломили мне руки и втокнули в зону, словно высоким забором огражденную голубым электрическим полем. Внутри нее находилась толпа встревоженных разновозрастных мужчин, мрачно перешептывающихся. Я всматривался в лица, выбирая, у кого спросить: «Что здесь происходит?» и вдруг увидел знакомого, уже старенького, с

благородной осанкой ученого, с которым часто встречался на конференциях и любил беседовать в перерывах между заседаниями. Я обрадовался ему, как близкому родственнику. Он тоже узнал меня, оживился и заговорил горячим шепотом мне в ухо: «Это ужас! Это ужас, что происходит! Это конец света! Говорят, что нас захватили за несколько ночных часов. Кто-то продал им секретные технологии, и они освоили наше изобретение быстрее и гораздо лучше, чем мы и применили его против нас! Вас долго не было, коллега, говорили, что вы на Зиготе, а у нас тут – беда! Один чрезвычайно мерзкий тип, но удивительно талантливый ученый (вот и поспорь опять о несовместимости гения и злодейства!), вы его должны знать, осилил-таки ТЕ-ЛЕ-ПОРТАЦИЮ!!!, но отказался от дальнейших разработок по ее внедрению в жизнь, сославшись на другую крупную работу, и отдал их в распоряжение своей команды, которая состоит из бездарных чинуш, прилипал, стукачей и подхалимов. Они запороли всю идею на корню, создали примитивные, неудобные устройства, и, похоже загребли космического масштаба деньжищи, продав чертежи и формулы другой стране. Так вот, поговаривают, что сегодня среди ночи группы иностранного спецназа появились прямо у постели спящего президента и главы правительства и ликвидировали их тепленькими. Кто продал им координаты?! Группы захвата телепортировались в главные ракетно-стратегические пункты и теперь вся наша армия обесточена! Во вражеских руках и черный президентский чемоданчик! Я был сегодня по своим делам записан на прием к министру обороны и уже подходил к Спасским воротам, как вдруг по краям площади появились цепи солдат с лазерами, причем одеты, гады, даже не в камуфляж, а как на праздник, уже победу отмечают! Они сгоняли нас как скотину, обступая со всех сторон... Что теперь будет?! Прахом все международные договоренности! Прахом весь достигнутый таким сложным процессом мир! Нас просто уничтожат, оставят только необходимое количество для obsługi предприятий... Доворовались! Добеспредельничались! Пропала наша страна! Погибла Родина!!! Лучше бы я не дожил до этих дней! Знать, что мои дети, внуки и правнуки будут несчастными рабами, о, горе, горе!» – он заплакал, как-то сразу

обмякнув и еще больше постарев. Я в оцепенении опустил на брусчатку. Меня словно придавили каменной плитой, и не было сил ни держать ее на себе, ни сбросить. И обратиться за помощью было не к кому.

Внезапно за оградой возник будоражащий шум. Солдаты сгоняли женщин и детей в центр площади. Они не церемонились, действуя пинками и прикладами. Малыши не могли передвигаться быстро, и нетерпеливые, накачаные годзиллы, не церемонясь, хватили их за шеи, а то и за волосы, рывками поднимали над землей и бросали в общую толпу. Вопли и отчаянный плач детей, надрывные крики матерей – все слилось в один умопомрачительный, разрывающий сердце гул. Многие из заключенных мужчин бросались на силовое поле, но падали под его шоковым воздействием, теряя на несколько секунд сознание, потом поднимались и опять пытались пробиться сквозь это, казалось бы, зыбкое препятствие, опять падали и, лежа, словно в параличе, рычали от бессилия помочь. Другие, более крепкие, старались хотя бы ползти, хотя бы что-то делать, лишь бы не видеть и не слышать безучастно, как издеваются над их детьми и женами. Мой тщедушный, заплаканный знакомый вдруг застыл с гримасой непреодолимой боли и начал заваливаться на бок, я только успел подхватить его и услышать еле разборчивый лепет: «Будь проклят!» В это время одна из женщин изловчилась и вырвала свою дочь из огромных ручищ особо мерзкого, грубо хохотавшего солдата. Тот в ответ ударил мать своим гигантским кулаком так, что голова ее словно отлетела в сторону и худенькая женщина, выпустив подростка, пролетела два метра, с размаху стукнулась о брусчатку и осталась лежать неподвижно. Девочка пронзительно закричала, бросилась к убийце, замахиваясь худыми ручками, но не добежав, сложилась и упала, разрезанная пополам лазерным лучом...

После этого я больше ничего не слышал и не видел. Весь мир стал багровым и беззвучным. Я понял, что меня – нет, что я – умер. Потому что за мгновение до выстрела, сквозь зыбкое, агрессивно струящееся, плотное, но прозрачное электрическое поле, я узнал в девочке свою дочь, Алю.

Глава 7

И все же я был жив. Я лежал на брусчатке, а она плавилась и плескалась подо мной обжигающей магмой, и я медленно погружался в нее, словно погружался в преисподнюю. Я желал быть погребенным заживо, если нет возможности вернуться во времени и предотвратить то, что я увидел. Надо было открыть глаза, но зачем, зачем невольному преступнику видеть мир, который он погубил...

Звуки появились внезапно: вместо ужасных криков – тихий настойчивый шум легкого ветра, слабые всплески. Сквозь веки проницал ровный спокойный свет, но я боялся открыть глаза. Наконец, тактильные ощущения пробились в сознание и убедили, что я нахожусь в море. Я поднял веки, уткнувшись тяжелым взглядом в высокое, легкое небо. Кошмар постепенно отпускал, но ощущение давящей плиты, погребавшей всю мою душу, осталось.

Что это было? Расшатанные нервы? Тепловой удар? Галлюцинации от нехватки воды? Сон? Тогда что – сон, а что – реальность? Может, моя морская робинзонада – тоже сон? Или сон начался раньше и моя одержимость телепортацией, потеря семьи и мой эксперимент – всего этого не было? И сейчас Полина, как бывало, теплыми ладошками разгладит мне лоб, поцелует мягкими губами мои закрытые глаза и тихо, ласково скажет: «Дорогой мой, тебя забрали в плен кошмары? Просыпайся. Доброе утро! Мы – твои освободительницы! Мы – с тобой!»...

Ыааааа!!! Аааааа!!! Нет! Нет! Нет! Я – один! Один – в этой долбаной морской пустыне!!! И хоть до крови защирай себя – ты не проснешься и время вспять не повернешь! Что я наделал?! Как так получилось?! Ведь я хотел сотворить грандиозное благо! Я хотел осчастливить человечество! Ради этого я разрушил свою семью!.. Ни разу в процессе работы я не сомневался в необходимости моего изобретения. Ведь не бомбу же я делал!!! А теперь... теперь мне страшно. Мой аппарат во власти подлеца, во власти компании, стремящейся только к обогащению и присвоению всех рынков. Я сотворил добро, которым могу гордиться или буду сокрушаться о сделанном до последних дней? Смогу ли я, когда придет время, отойти в иной мир, как много раз

представлял себе, со словами любимого героя Севастопольской войны адмирала Корнилова: «Скажите всем, как приятно умирать, когда совесть спокойна» или на одиноком смертном одре буду просить прощения у столов и стульев¹!?

Мрак заполнил душу. Мрак густеет вокруг. И только яркое солнце (здесь, на Зиготе, светилом служила другая звезда, но в жизни мы ностальгически звали ее – солнцем, как и сушу – землю), только яркое красное солнце, из последних сил распространяет свет, клонясь к закату. На потемневших волнах сияли пурпурные блики, выстилая широкий путь, ведущий к светилу, и я поплыл по нему. Я поплыл мощным брассом, словно обезумев или, нет, с необычайной ясностью ума и неукротимой решительностью. Сделав глубокий вдох, я погружался с головой во встречную волну, смежая веки и наблюдая темноту с дорожкой из зеленых брызг, делал хороший выдох, мощный гребок и, открывая глаза, приподнимая голову и плечи над разлитой блестящей киноварью, вбирал в себя весь свет, делая опять глубокий вдох. Я плыл методично, размашисто – на огромный огненный шар, по единственному светлomu пути. Только свет, только свет был мне нужен! Мне больше некуда плыть! Иначе – погружусь в смертную темноту, а со мною и весь мир...

Вдруг дорожка погасла. Солнце обессилело и, утратив последние лучи, превратилось в багряный круг, готовясь упасть в море. Я огляделся, стараясь держаться в воде так, чтобы особо шальные волны не плескали мне в лицо и вдруг... увидел в стороне огромный корабль. Он медленно двигался вдоль горизонта, но был невероятно большим, как будто плыл совсем близко! Я быстро достал свой нож, торопясь и досадуя на неуклюжесть пальцев, вынул металлическое зеркальце, потом решительно убрал его обратно и достал насадку со световым лазером. Я направил зеленый луч в сторону корабля и стал посылать сигналы на старинном, но известном всем капитанам, как таблица умножения математикам, языке Морзе: «SOS!» Вахтенный у пульта управления

¹ Говорят, что В.И. Ленин просил в конце своей жизни прощения даже у столов и у стульев: «Мы шли ложным путем, России нужен был подвиг десяти Францисков Асизских...».

должен их заметить и отреагировать! Я сгреб в кулак всю силу воли, чтобы спокойно, не сбивчиво и ясно излагать морской призыв о помощи. Я остро ждал. Я неистово надеялся.

Но корабль медленно и равнодушно двигался, не меняя своего направления. Терпение мое было на исходе, но я, усиленно работая ногами, держал тело в вертикальном положении и упрямо отправлял световые послания. А судно упрямо и безразлично двигалось своим курсом. Но вот оно еле затрепетало и слегка приподнявшись, поплыло над горизонтом... В отчаянии я ударил руками по воде и чуть было не утопил свой трансформер. Болван! Тупица! Физик называется! Забыл про рефракцию²! и не смог отличить корабля от верхнего миража³! Злосчастный мираж, словно поняв, что его разоблачили, начал таять и пропал, словно его и не было.

«Что, сукин сын, все-таки хочешь жить?! Хочешь?! Хочешь?!» – орал я сам на себя, лупя по легко прыгающим, ни в чем не повинным волнам. Солнце все быстрее скатывалось к морю. Вот его нижний край нетерпеливо вытянулся, коснулся линии горизонта, и светило приобрело форму перевернутой капли, уходящей пиком в море. Вот это уже был почти овал, поглощаемый водной поверхностью. Вот полукружье, стремительно превращающееся в часть узкого серпа и – все – конец света! Я остался один в наплывающей темноте, лишь далекие перистые облака сияли кумачом у горизонта. Волны постепенно успокаивались и превращались в валики, перекатывающиеся под смятой, пережеванной пленкой. Небо надо мной было еще голубым, но у горизонта его оранжевое зарево быстро густело до коричневости, потом до грязной серости. На востоке оно было цвета свинцовой грозовой тучи, постепенно окрашивающей все воздушное пространство. Наступала ночь.

² *Рефракция* – преломление светового луча.

³ *Верхние миражи* могут иметь поразительный эффект за счет кривизны Земли. Если изгиб лучей примерно такой же, как кривизна Земли, лучи света могут перемещаться на большие расстояния, в результате чего наблюдатель видит объекты, находящиеся далеко за горизонтом.

Только теперь я ощутил, как был измучен и обессилен, как сильно хотелось пить. Отдыхая, раскинувшись на спине, я боялся заснуть, потеряв привычный контроль. С надвигающейся тьмой надвигался и страх. Да, это не тренировка, заканчивающаяся приходом катера к определенному месту и времени, не марафонский заплыв под контролем специалистов, не отпускное, тщательно продуманное и оснащенное путешествие, полное романтических любований звездным небом и живописной водой.

Помочь мне было некому. Некому! И тогда я поднял лицо к гаснущему небу и как ребенок прокричал в отчаянии: «Господи! Бог! Если ты есть, спаси меня! Я погибаю! Спаси!!! Я буду каждый день благодарить тебя и молиться!» – трижды перекрестился, как в детстве учила бабушка. Потом прислушался, словно ожидая ответа. Но ничего вокруг не изменилось. Так же густел мрак, так же плясала мурашечная рябь на волнах, так же пусто и безмолвно было вокруг.

Глава 8

Псих! Я поддался эмоциям, впал в панику и чуть было не погиб! Надо вернуться в разум, действовать осмысленно. Прежде всего – привести себя в порядок, насколько это возможно! Я поправил ремень, передвинул застежку на одну дырочку потуже и он перестал ездить и натирать пряжкой мой впавший живот. Затем проверил надежность закрытых карманов с сокровищами – спасительным скарбом, потом застегнул на все пуговицы мою самодельную гавайку, соединил до конца молнией две полы жилета. Строго одернул все, зная бессмысленность этого жеста, так как через несколько секунд одежда опять вспузырилась в волнах, и расчесал пятерней и пригладил, как получилось, спутанные, вязкие от морской соли волосы.

Небо надо мной почти погасло, густой туманный сумрак кругом окутывал горизонт, и возделенного берега не было видно. Ждать сплошной темноты и появления полной картины звезд – бессмысленно, так как карты ночного неба Зиготы я не знал. Поэтому примерно, относительно зашедшего солнца, я выбрал направление, в котором мне казалось, была земля, и поставил себе задачу: делать

пятьсот гребков, занимая мозги подсчетом, потом пять минут отдыха, занимая мозги воспоминаниями – в подробностях! – историй из прошлого, потом опять пятьсот гребков и так далее. Двигаясь, я избегу ночной гипотермии и бесконтрольного засыпания, буду занят конкретным спасительным делом. Бездействие – смертельно! Дождусь рассвета, а там во всех смыслах будет видно.

Начальную историю я выбрал по насущной теме – морскую. Первый раз я ощутил впечатляющую мощь водной стихии в детстве, когда плыл с родителями на пароме из Хельсинки в Таллин. Мы сидели на седьмом этаже нового, громадного, одиннадцатипалубного лайнера, в кафе у большого окна с подсохшими мутными брызгами. Что это, размышлял я, дождь или соленые капли, и все никак не мог найти ответа, так как не могло быть таких грязных капель с неба, а от уровня моря до окна – высоко.

Солнца было не видно, ровная пелена серебристых облаков, словно пенка на кофелатте раскинулась почти над головой. Море было привычно серым, спокойным, лишь у горизонта темнела узкая полоса. Однако скоро водная гладь начала недовольно морщиться, словно досадуя, что назойливые муравьишки-людишки опять разрезают ее своими посудинами. Волны становились все больше и реже, морское поле там и тут было усеяно белыми барашками пены. Я совершенно зачарованный наблюдал сверху, как из тяжелой, многотонной, свинцовой массы воды формируются, как складки гор, разного размера волны. Самые большие высоко вздыбливались, украшая свой пик белой пеной, как горы одевают свои вершины нетающим льдом. Но она, как плохо надетая шапка на голове резвящегося шалуна, несколько секунд держалась на гребне, а потом неизбежно съезжала по спине волны, разбиваясь на пузырчатые пятна. Сначала я объяснял их появление тем, что волна налетает на подводные камни, и долго удивлялся искусству капитана, неустрашимо и ловко ведущему наш корабль рядом с опасными рифами, и лишь потом, приглядевшись, понял их истинную причину.

Паром качался и слегка поскрипывал. Ходить по нему устойчиво можно было, только широко расставляя ноги. С каждым наклоном наше окно стремительно падало навстречу

бурной воде, и в душу все больше и больше втекал густой мучительный страх. Мне казалось, что вот этот толстый дядька, несущий за соседний столик, где сидели столь же упитанные члены его семьи, большой поднос с горой гамбургеров и стоящих как кегли в сплите¹ бутылочками колы, станет последней весовой добавкой, чтобы окончательно опрокинуть наш паром. Мне хотелось вскочить и закричать, чтобы люди равномерно распределились по всей площади палубы и не скапливались на одной ее стороне, но я отказался вести себя так глупо, не желая быть похожим на моего дедушку в детстве. Будучи пятилетним мальчиком, он с мамой и старшим братом летел в самолете и страшно пугался, когда самолет попадал в турбулентные потоки. Ощукая, что их домик с крыльями вдруг «ухает» вниз, он хватался за старшего брата, но тот, вместо того, чтобы успокоить, окончательно нагнал смертельной жути, объяснив, что самолет может упасть, если не помогать ему. Для этого надо взяться руками за свое сиденье и тянуть его кверху. Три часа бедный ребенок «спасал самолет», и по прибытии, изможденного мальчика домой несли уже на руках... Но я-то был уже большой, мне было девять лет, поэтому всеми силами я старался не уходить в панику. Время от времени я видел вдали другие паромы, разноцветными игрушечками спокойно плывшие по своим делам – это успокаивало. Беспечность массы взрослых пассажиров, попивавших кофе, пиво и шампанское, спокойный финский говор и медлительная эстонская речь – окончательно развеяли мои страхи, и я поверил, что все-таки надежно защищен на этом чуде современной техники...

Ритмичная нагрузка не сразу, но все же успокоила. Тело и мозги были заняты, и я сознательно не подпускал гнилые мысли о моем опасном и бессмысленном положении. Но вот после очередных пятисот гребков, которые еле-еле были доделаны ватными руками, я решил отдохнуть как следует. Перевернувшись на спину, я с наслаждением потянулся и, не закрывая глаз, чтобы случайно не заснуть, болтался в легчайших волнах. Чужое, чужое

¹ *Сплит (Split)* – в боулинге оставшиеся несбитыми кегли после первого броска, разделенные на две отдельные группы, между которыми проходит шар.

небо! Оно так и не стало родным. Оно близко мне только тем, что, возможно (!), под этим небом где-то сейчас находятся мои родные и любимые, единственно необходимые мне Полина и маленькая Аля... Мне самому захотелось оказаться маленьким, в своем детстве, когда я с местными мальчишками убежал купаться в море темными южными вечерами. Я любил доплыть до буйка, зацепиться руками за его «уши» и болтаться в ласковых волнах, рассматривая мерцающее небо. Мне нравилось отыскивать созвездия, изученные днем, нравилось мечтать о том, как я буду путешествовать, среди этих сверкающих точек, которые на самом деле больше солнца. Я стану бесстрашным капитаном и где-нибудь найду свою Ассоль... Мир был добр и светел. Будущее сладко манило безграничными возможностями и победными свершениями. Мне хотелось скорее стать взрослым...

Что-то мягко и настойчиво билось мне в бок, мешая извлечению подробностей из давно не отрываемых файлов моей памяти. С неохотой я вернулся в реальность и с изумлением увидел, что рядом, тычась в меня апельсиновым боком, плещется старый и потрепанный... боек для фридайверов! Голова пошла кругом. Что это – опять галлюцинация, наплывы сумасшествия? Моя нервная система окончательно поражена? Я со всей дури дернул себя за ухо, рука соскользнула, царапнув щеку, но ощущение боли и визуализация буйка объединились. Я не верил своим глазам, бормоча: «Такого не бывает!» Но такое – было. Боек не исчезал и, словно представляясь, повернулся ко мне боком с торчащей ручкой. Он покачивался передо мной, приглашая к более близкому знакомству, хвалясь как колобок, что он и от бабушки, и от дедушки... Я, осторожно, все еще не веря, взялся за его ручку на боку правой рукой, левой нащупал на противоположной стороне вторую ручку... и повис, как в детстве. На меня опять налетел шквал мыслей о снах во сне. Опять захотелось проснуться и стряхнуть с себя все последние зиготские зловключения.

Спокойно! Я остановил поток стихийных мыслей и чувств, приказав им выстроиться в очередь и начал дисциплинированно размышлять. Все правильно: каким-нибудь боковым зрением я видел на воде появляющееся, при каждом вдохе и исчезающее по мере моего по-

гружения в воду одновременно с выдохом, еле заметное пятнышко; мое подсознание, так как сознание целенаправленно было занято подсчетом гребков, установило, что это буюк, не донести эту информацию до строго охраняемого сознания смогло только через картинку из детства. Я радостно рассмеялся. Ну, теперь все понятно! Стоит только дисциплинировать разум, как все проясняется. И не нужно никаких молений. Просто нельзя впадать в панику! Как только я спокойно и разумно принял решение о правильном распределении сил, так и удача пошла. И не нужно никакого Бога. Надеяться нужно только на себя! В свое время, одним из аргументов поступления на физический факультет было желание доказать бабушке, что все в мире движется по физическим законам, что все можно объяснить наукой, что ее вера в Бога, казненно как разбойника, нелогична и примитивна. Это только меня маленького, слепо верящего взрослым, можно было беспрепятственно водить в церковь, а подрастая, я уже и сам стал разбираться, что к чему. И всякие там чудеса и даже плашаница – все это ловкие современные подделки. Только я так и не убедил мою, такую умную и так глупо заблуждающуюся, бабушку, своими пылкими рассуждениями экзальтированного первокурсника. Правда, потом, по мере все большего погружения в науку, мне и самому стало иногда казаться, что такая стройная система мироустройства не может появиться сама по себе из хаоса. Если есть законы природы, то кто их сочинил? Похоже, что есть над всем какой-то всемирный разум, абсолют, но никак не человек, распятый на кресте, похороненный в пещере, закрытой огромным камнем и куда-то потом как бы воскресший. Ведь телепортации раньше не было, она вот только сейчас изобретена... мной... и что я тоже могу считать себя Богом, если взял и исчез из лаборатории моего усиленно охраняемого института? Да, часто мифы и проза фантастов становятся прообразами каких-то изобретений, но разумные люди должны отделять мифы от реальности. Настоящий человеческий разум – вот могущество! Не смотря на всю мою громадную любовь к бабушке, она раздражала меня тем, что никак не хотела признавать торжество человеческой мысли над всем существующим... Мне стало стыдно своей слабости, когда со-

всем недавно я, взрослый человек, маститый, можно сказать, ученый, как ребенок, как дикарь обратился с зовом о помощи к... мифу. Очевидно, что нервную систему мне надо как следует подлечить.

Так и сделаю. Когда достигну суши. А пока мне лучше подумать, как эффективней применить это... все же явное чудо. В диаметре оно было сантиметров восемьдесят и представляло собой старую автомобильную камеру, упакованную в чехол из оранжевой, изрядно потрепанной и выгоревшей, но все еще прочной ткани. По бокам имелись четыре матерчатые ручки, соединенные между собой черными когда-то, плетеными тросами – леерами, за которые можно было держаться, находясь в воде. Сверху по окружности так же шли леера – за них можно было держаться, навалившись грудью на буюк. К кольцу на дне этого поплавка был привязан обрывок троса, метров семи длиной – здорово! – пригодится! С замиранием сердца я полез в карман все еще неплохо пристегнутой крышки, закрывающей верх буйка, не давая воде проникать внутрь этой как бы ватрушки без начинки. Там что-то лежало. Молния, склеенная морской солью и, похоже, спаянная жаркими солнечными лучами, поддаваться не хотела, но мой кагата-но решил эту проблему. Аккуратно просунув руку в образовавшуюся прореху, я нащупал... нет, не может быть!.. и вынул сильно помятую, небольшую пластиковую бутылочку, на треть заполненную прозрачной жидкостью. Трясущимися от волнения руками я попытался отвинтить крышечку... нет, не получилось. Тогда я обстучал ее со всех сторон ножом, как следует, терпеливо, много раз, накинуд на нее полу рубашки, чтобы мокрая рука не скользила, прижал сильно, на сколько мог, пальцами и стал поворачивать. Рифленый кружок сначала не поддавался, но потом уступил и медленно, с нервным треском стал вращаться – сезам открывался! И вот, передо мной светлая полость покореженной бутылки в которой плещется... нет, не может быть, это опять сон!.. плещется... да!.. это вода!!! Осторожно я делаю первый глоток, выдержав перед этим священнодействием паузу, во время которой осаживаю неумемный пыл, настроив себя всего на два (не больше!) глотка... Вода сильно пахла пластиком, но это был самый лучший напиток из всех, что я пробовал в жизни! Вода была про-

хладной, ведь солнце давно село. Я держал ее во рту и, казалось, что она впитывалась сразу, мне было нечего глотать. Но организм мгновенно откликнулся каким-то мягким, сдержанным приливом сил... или возбуждения. Второй глоток я так же покатаю во рту и – проглотил. Сто грамм воды, какое счастье!.. Теперь подайте шоколад! – сказал я сам себе и вынул тубик, о котором я и думать запретил, зная, что после него обострится жажда...

Отужинав, как гурман на удачном фуршетте, смакуя мои мизерные порции еды и питья за круглым оранжевым столиком, я благодушно стал укладываться спать, трансформируя его в специфичное походное ложе. Для этого я навалился грудью на буюк, просунул руки сквозь боковые леера так, что они стали выше моих локтей и лег щекой на край. Руки и нижняя часть тела болтались в воде, а торс надежно держался на плотике. Теперь я мог не бояться заснуть. Ведь я так хорошо все продумал! Слава разуму! Да здравствует вера в себя!

Глава 9

Мне снился страшный таракунь – мифическое существо, придуманное когда-то моей трехлетней дочерью. Он пытался обхватить меня своими мерзкими щупальцами, чтобы утащить на дно и там съесть. «Ой, боюсь, боюсь!» – изображал я испуг, как было принято у нас в этой экстремальной игре. Но маленькая Аля не хохотала, как обычно, а смотрела на меня с нарастающей тревогой. «Ой, страшно, страшно!» – старался я сказать еще смешнее. Но Алины большие глаза, распахивались все шире и все полнее наливались блестящими слезами. Меж тем таракунь больно впивался в меня своими многочисленными присосками, и мне стало не до веселья. Я старался не показывать своих страданий, но дочь, как будто зная все лучше меня, стала кричать, почему-то беззвучно раскрывая рот. «Что?» – дурашливо переспрашивал я, силясь понять. Но она кричала все отчаяннее и надрывнее. Слезы уже не крупными горошинами, а пульсирующими ручейками катились по ее покрасневшим от напряжения щечкам. Но ни один звук не доносился до моего слуха. Вдруг острая боль, как разряд электричества, пронзила все мое тело, и я мгновенно услышал истошный Алин вопль: «Просниииись!!!»

Я проснулся. В глаза резко впечаталось агрессивное зарево рассвета. Вода вокруг меня кипела алыми всплесками. Боль, словно огни фейерверка, рассыпалась по конечностям частыми острыми вспышками. Я поднял над водой левую руку, чтобы посмотреть, в чем дело и с ужасом обнаружил на ней штук двадцать небольших разнокалиберных рыб, впившихся в кожу и висевших словно гроздь. Кровь багровыми градинами тяжело падала в воду, придавая ярости полчищам мелких зубастых тварей, которые тесня друг друга, набрасывались, стараясь отхватить кусок побольше. Мороз продрал меня с ног до головы. Я попытался резко стряхнуть монстров, но они еще активнее вгрызались в мою плоть. Хищники были размером с ладонь, но их было так много, что я мгновенно понял – минут через пять от меня останется один лишь скелет. Превозмогая нестерпимую боль, я с трудом отодрал тварей от кистей рук, не слушающимися, истекающими кровью пальцами отцепил с кольца жилета нож-трансформер, приковал его цепочку к браслету на руке, вынул сегмент с водным электрошокером, сдвинул герметичную крышку, поставил прибор на самый маленький разряд, еще раз подумал, плотно навалился и крепко обнял одной рукой буюк и, нажав кнопку опустил оружие в самую гущу снующих юрких тел и потерял сознание...

Я очнулся от обширной тупой боли. Все тело было как одна саднящая рана. Я висел на мерно покачивающемся буйке в болтающемся, словно накипь на бульоне, слое из плавающих кверху брюхом красноватых, словно вымазанных кровью рыб. Ни малейшего движения я не замечал. Враг был повержен. Я взял в ладонь несколько трупиков и, преодолевая давящую боль в глазах, стал рассматривать эти невероятные существа. Похоже, что разговоры о морских мутантах имели реальный повод. Не смотря на нервный шок, мне было интересно – кто стал жертвой установления порядка естественного отбора. У рыб была большая голова с крутым, почти вертикально опускающимся рылом. Нижняя челюсть выступала вперед и длинные, беспорядочные, растрепанно-торчащие зубы смыкались над верхней губой. Небольшие вытаращенные глаза были посажены высоко и казалось, что на мордах застыло тупое изумление от неожиданно трагического завершения увлекатель-

ной трапезы. На подбородке обнаружили повисшие белые усики. Цвет хищников был серебристым с пурпурными пятнами по бокам. Сомнения отпали. Это была безобидная барабулька! Ранее безобидная. Я столько раз видел на Земле этих маленьких тружеников, беспрестанно баламутящих своими усачами песочную рябь в поисках еды, но никогда не мог и представить, что чуть не погибну на Зиготе, заживо съеденный этой озлобившейся мелочью.

Похоже, что мутация произошла недавно, так как зубы не оформились окончательно. Из мелких щетинок они выросли острыми, но тонкими, слегка загнутыми и торчащими в разные стороны, какими-то лохматыми. Нижняя челюсть накрывала верхнюю, поэтому хватка была крепкой. Однако укусы оказались не глубокими, и все же превратившие в мелкие лохмотья мою одежду и не прикрытые ею участки тела.

Я покинул островок, колышущийся в поднявшейся вдруг зыби. Хотелось подальше уплыть от недавнего ужаса, но я внезапно ослаб. Из мелких, но многочисленных ран сочилась кровь. Особенно пострадали кончики пальцев на руках и ногах. За мной в воде тянулся слегка красноватый шлейф. Надеюсь, что акул здесь все же нет! Я вновь повис на поплавке измученный, волевым усилием приходя в себя после кошмара. Какие еще внезапности готовит мне океан? Вот вам и благополучная планета! Хотя какое благополучие может быть в мире, где человек хищнически, не буквально, но тем не менее коварно и беспощадно пожирает другого человека...

Мои крупные сосуды не пострадали. Соленая вода промыла рваные ранки. Мне нужно было плыть дальше. Волны понемногу росли, хотя стоял полный штиль. Бояться новых опасностей не было сил. Я медленно, тупо, но упорно поплыл к предполагаемому берегу, волоча за собой на тросе мой запасной аэродром.

Глава 10

С большим трудом я сделал пятьсот гребков и, перевернувшись на спину, стал разглядывать меняющееся небо.

Здесь я плохо знал морские и океанические течения, чтобы сообразить, куда они мо-

гут меня вынести. Прости, Зигота, мне было не до тебя! Только на Земле, во времена моей юности я, получивший возможность совершать самостоятельные поездки, нашедший столь много интересных, малоизвестных, но красивейших уголков в разных странах, начал жадно поглощать научную информацию о местах предстоящих путешествий: о климате, растительном и животном мире, о царстве звезд и увлекательной, крайне необходимой географии течений. Здесь же, моими главными географическими зонами были – телепортация и семья.

Не спорю, передо мной раскинулся замечательный шатер, дивного голубого цвета, по нему словно работал белилами гигантский художник, делавший полусухой кистью быстрые мазки, и длинные пушистые перья, изящно загибаясь, развеивались, быстро двигаясь по небосводу, зачаровывали своей красотой. Но не было в их гармонии покоя. Земля... Сейчас мне были бы милы и твои черные тучи, и могучие грозы. Прости, Зигота, я люблю тебя, ты хороша, но родина... она – как мать. Пусть это банальная фраза, но ведь все истины – просты и банальны, и только каждый человек наполняет их своим богатым содержанием, своей жизнью, своим потаенным смыслом.

Я плыл тяжело, медленно, уже не вдаваясь памятью в прошлое и не занимаясь подсчетами гребков. Это стало лишним. На болезненное воображение просто не хватало сил. Я потерялся во времени, двигался безразлично, машинально, как запрограммированный робот с подсевшими аккумуляторами. Но все чаще приходилось отдыхать, периодически поглядывая в небо. Оно мне уже не нравилось. Перистые облака быстро летели по траектории моего маршрута, в то время как свежий студеной поток дул прямо в лицо. Появились темнеющие кучевые облака, которые на глазах росли, раздуваясь ввысь, громоздясь в болезненно распухшие, зловеще бесформенные башни. Ветер свистел в ушах, злорадно подывая. Волны, утратив благодушие, нервно вытягивались, свирепели и плевались пеной.

Я подтянул буюк. Трос, изначально прикрепленный к кольцу на днище и перекинутый мною через боковой леер для более удобной буксировки, я несколько раз пропустил через пару прочных ручек так, чтобы можно

было подлезть под образовавшуюся петлю и лежать грудью на плотике, держась за эти ручки, вдев руки в леера – это давало дополнительную страховку по удержанию на буйке во время грядущего шторма, в яркой силе которого, я уже не сомневался.

Мне не оставалось ничего другого, как дрейфовать, вцепившись в буй. Равнодушная стихия носила и швыряла мой поплавок, как ненужный мусор. Гигантские волны вздымали его вверх и на подступах к вершине мощно накрывали тяжелой кипящей лавой. Работая ногами как моторчик, я старался дотянуть до пика прежде, чем завиток волны накроет меня с головой, но сил уже не хватало. Избитое и измученное тело плохо реагировало на приказы разума (да и приказы отдавались все слабее и слабее). Вот ноги уже не слушаются, руки держат меня на плоту только за счет лееров и втиснутых под ручки кистей, туловище фиксирует сделанная мною петля из троса. Я из последних сил стараюсь контролировать дыхание: вовремя задерживаю его, чтобы не захлебнуться перекатывающимися через меня волнами и вовремя делаю спасительный вдох. Небо черно, шквалистый ветер рвет тучи у меня над головой, срывает с волн белые шапки и разметаёт их в мелкие брызги.

Я вижу эти мелкие брызги на стекле окна, и не сомневаюсь теперь, что это настоящие морские соленые капли, которые скоро высохнут на солнышке, что обязательно придет после бури, и заставит гадать о происхождении мутных пятнышек на окне седьмой палубы следующих пассажиров парома

«Викинг-лайн». Мама мне что-то говорит, но я отдаленно слышу ее речь и не понимаю, потому что мой взгляд прикован к необычному предмету, появившемуся в волнах – что-то темное на оранжевом фоне. Да это человек! «Человек за бортом!» – кричу я и тычу пальцем в свое окно. Там, далеко внизу, громадные бушующие волны колотят маленький плотик с привязанным к нему человеком. А вокруг меня, как в тумане, как в сумеречной мгле с грозowymi отблесками, бурлит зеркальная жизнь: воеет сирена, мама надрывно кричит, папа куда-то исчез, толпы пассажиров мечутся и рвутся к окнам, и только бабушка напротив меня как будто выросла в своем недвижимом напряжении и спокойствии, в ясности своего сосредоточенного лица, в остром обращении куда-то внутрь и ввысь уверенного светлого взгляда. И я знаю, что сейчас она всем своим любящим и заботливым сердцем, всей своей теплой и широкой душой молится за этого бедного, пропадающего человека. И я начинаю вместе с ней, безмолвно, внутренне кричать во всю силу своего детского существа и молить Бога о спасении этого несчастного, и во мне все больше и больше растет уверенность в том, что ОН поможет людям отринуть панику, продумать и организовать как следует сложный и опасный процесс спасения этого взрослого мужчины, без сознания погибающего в бурном море, ведь ОН всегда действует через людей, через хороших, СВОИХ людей, и я хочу стать ЕГО человеком, и я тоже хочу помогать людям!

Конец I части. Продолжение следует.

НАТАЛЬЯ ВЕСЕЛОВА

Морзянка из камеры смертников

Повесть

Сердце мое смятется во мне,
и боязнь смерти нападе на мя.
Страх и трепет прииде
на мя, и покры мя тьма.
Пс. 54, ст. 5-6

Глава 1

Диалектика правды и лжи

Дорогой друг Санька!

И когда ж ты, наконец, в вашей глуши появится надежный Интернет, – а главное, когда ты научишься – и захочешь! – им пользоваться? Сам подумай, скольким чадам ты мог бы помочь не медля, если б растался с идеей-фикс о злокозненности всемирной Сети! Я же вот прекрасно освоился, хотя мы с тобой в одной песочнице жизни учиться начинали, – и злодеем не стал. Хм. Надеюсь. Хотя... Пишу на бумаге, конверт уже припасен, – и самому странно, будто на волю почтового голубя намереваюсь доверить это письмо, хотя и знаю, что дойдет как положено. Теперь, спустя полных полгода, я почти точно могу сказать, что выкарабкался. Твоими ли молитвами, стараниями ли Алены, усилиями ли коллег... А может, просто благодаря удачно выбранному для меня мамой тридцать с гаком лет назад институту: все-таки, когда обширный инфаркт долбанет именно врача, шансов уцелеть у него несколько больше, чем у простого смертного... Шучу. Для тех я тоже делаю все, что могу, ты знаешь: и дерзание, граничащее с дерзновением, применяю, и фантазию – нашу, российскую, исконную, без которой четверть больных перемерла бы еще на стадии приемного покоя... Здесь совесть моя чиста. Почти. Потому что, если дают, – беру, ты знаешь. Но сам никогда плату вперед не оговариваю, и даже если подозреваю грядущую оцутимую мзду, – не раболепствую, золотых швов не накладываю. То же и когда наоборот: вижу, что и пол-литра

родной не поднесут, и сволочь у меня на столе лежит отменная – а клепаю и шью, как хорошего человека. Ладно, ладно, не хмурь брови: и сам знаю, что не мне судить.

Короче, Санек, я, наконец, на реабилитации – в отдельной палате с личным душем, сортиром и дополнительной койкой для неотомимой Алены, которая почти поселилась здесь, – и, честно говоря, иногда очень уж душно от ее неустанной заботы... Она все видит меня лежащим и беспомощным – а стало быть, находящимся в полной ее собственности, аки грудничок, – чуть ли не протертыми супчиками норовит меня с ложки кормить... Не ведает, бедная дура моя, что я от нее уже четыре раза в одних тапках по снегу сбежал на соседний рынок – благословенное место, только от запаха съестных павильонов можно в астрал выйти! – где то шаурму ядовитую на картонной тарелочке, то чебуреков горелых пятóк, то шашлычка перченого от души наворачивал. Планиет у меня несколько раз пыталась отобрать в десять вечера – дескать, переутомишься, миленький, – ну, тут уж я не выдержал и пригрозил, что если меру терпения моего, и без того близкую к краю, переполнит, то вообще запрещу персоналу ее пускать, пусть, как все порядочные жены, приемных часов дожидается... А утром, чуть проснусь – опять два тревожных глаза надо мной зависли – и вопрошают безмолвно, не собираюсь ли от чего-нибудь загнуться, выражая полную готовность немедленно спасти, даже вопреки моему желанию... Так бы и стукнул, прости меня, Господи, козла неблагодарного. Просто не люблю я ее, Санек, хорошую такую...

Ладно. Не об этом я хотел вообще. Это – данность, теперь не вывернешься. Я последние полгода совсем о другом думаю. Я тут, под инфарктом лежа, как девка под насильником, ухитрился вылежать целую теорию, которой даже эффектное название дал: «Диалектика правды и лжи». Был бы философом в пиджаке и при воротничке с отогнутыми уголками да с хитрым галстуком – книгу бы написал, с примерами и отступлениями. Хотя, наверное, и без меня написал уже кто-нибудь прыткий. А я просто скажу: самая страшная, самая опасная ложь – эта не та, что утверждает то, чего не было, или, наоборот, небывшее выдает за случившееся. А та, в которой по отдельности – только маленькие подлые правдочки, незыблемые факты, с которыми не поспоришь, – а собери их вместе – и получится одна грандиозная ложь. Смертоносная и безжалостная. Та, которая на корню губит, кроме солгавшего, – что еще и пусть бы! – всех, кого коснулась. Какой пример мне привести, чтобы именно тебе было понятно? Достаточно вспомнить дощечку, которую Пилат приказал прибить над Крестом: «Иисус Назорей, Царь Иудейский». То-то старейшины всполошились – вели, мол, написать, что выдавал себя за Царя иудейского! Сколько правд здесь перемешалось – а главной, той, что Бог на Кресте том висел, – ее не было. Царь был? Конечно, из рода Давидова. А для старейшин (по официальной версии, хоть мнится мне, знали, Кого казнят, иначе не торопились бы так, да и другие сомнения имеются) – бродяга и богохульник, что и с их точки зрения, и с общественной тоже было вполне правдиво, да так и выглядело, собственно...

А уж в жизни, Санек... Мы же взрослые люди, нажившие каждый по нешуточному брюшку и по серой, что шерсть у дворового кобеля, бороде, – не по чину нам врать, как первоклашкам перед нахмурившей брови мамашей: не трогал я, дескать, того варенья, честное октябратское, само оно – того... себя съело. Поэтому мы осознанно говорим только проверенную правду – как позже учили вожатые, чтобы можно было беспорочно клясться «честным пионерским»... И как

тридцать лет спустя, когда уже в другой школе – воскресной для взрослых, желающих креститься, – вдруг заново узнали, что лгать не есть хорошо. А правда – вот она, готовая и незыблемая: и отцами Церкви, и дядей Маяковским, что хорошо и что плохо, навеки написано...

Спасибо, что приехал в те страшные, незабываемые дни. Ведь когда я дышать едва-едва начал, и ощущения недоумершего вампира от предусмотрительно воткнутого ему под ребра осинового кола чуть ослабели, то понял не только, что жив еще и слева сидит, как идеальная мать над больным ребенком, Алена, но и что совсем этим обстоятельствам не рад, потому что... жить не хочу.

Но, справа, потеснив Ангела-Хранителя, сидел ты – не круглоголовый питерский шкет из наших глубоких и гулких, мощных черным булыжником дворов, не скромный хорошист с задней парты для непризнанных гениев – а понимающий сельский священник отец Александр, в меру строгий, веселый и пронизательный, чуть юродствующий и выпить не дурак (кстати, что Ольга-то твоя, вездесущая и всеведущая, как все матушки, – все так же по ночам тебя, пьяного, домой из гостей огородами гоняет?). Я не забыл и никогда не забуду той исповеди, про которую тогда уверен был, что она – последняя. Да, собственно, если помнишь, – исповедовался-то за меня ты, а я только испуганно моргал глазами – так, батюшка, так, грешен... Иногда, правда, смутно мелькало, что грешен не так, а по-другому, будто безотягчающих, – но еще усердней моргал на всякий случай: Саньку видней, его учили. Так и звучит до сих пор у меня в ушах твой добрый насмешливый голос, походя исключаящий меня из списка приличных людей: «Ну, чего, допрыгался, раб Божий? Долетался? До неба решил взлететь и там остаться? Ну, туда торопиться мы не будем... Потому что кто его знает, что там на самом деле ждет... Мы тут еще покопошимся маленечко... Да и с грузом таким можно не долететь – сверзиться... Вот, к примеру, ты чего, охальник, шесть лет с чужой женой путался? Знал ведь, что прелюбодеи Царства Небесного не наследуют... Знал

– а путался... Ну, ладно, так и быть, поженились, наконец, – хоть живите мирно, грех свой заглаживайте... А еще чего-нибудь по этому делу за последнее время было? Моргаешь – значит, было, да? Ох, грехи наши тяжкие, а этот и вовсе смертный... Надо же, наш пострел везде поспел – бес, что ли, в ребро сунулся? Эти мне блудницы вавилонские! А ты и не упирался, небось, шел, как телок на веревочке... Ну, ладно, раз помирать собрался, так что тут скажешь? Иди и не греши – как Христос велел... И еще рукоблудствовал, поди, и на красоток-медсестер разжигался... Моргай-моргай, бесстыжий... Я ведь почему с самого неудобного начал: эти грехи ад наполняют, а уж остальные – постольку-поскольку... Но тебе хватит... Детей когда растил – на руку скор был, признавайся? С них спрашивал, но на воспитание времени жалел, на жену стихивал – не отрицаешь? На работе что – превозносился, конечно? Лучший хирург на свете, и руки твои... золотые? Хм, бриллиантовые – точно: мздоимствовал ведь, признавайся? Вот видишь, было дело. А еще осуждал всех, кого видел, за то, что грешат не по-твоему, и слова, что Мать-Богородицу оскорбляют, почем зря в людей кидал, даже не думая... И врал, когда надо и не надо, и от работы, когда мог, отлынивал, а если провинился чем, так искал, на кого свалить, да? А как гадость какую делал, – давай сразу себя оправдывать! – мол, ну, никак не обойтись было, – правильно говорю? И одежду носил с выбором, что получше, и пьянствовал, как... (ну, это ладно, тут у каждого своя мера, кхм... зато обжорствовал)... Что, моргаешь, сердечный? То-то и оно. На свой пол мужеский, надеюсь, похотливо не заглядывался? К экстрасенсам-гадалкам не ходил? Ну, да то дело бабье, а ты ведь врач, не должен, вроде... На столе никого не зарезал с бодуна или там по оплошности? Баб до абортотв не доводил? Таращишься? Ну, и слава Всевышнему: ты хоть не содомит, не вероотступник и не убийца. Э-хе-хе... Если еще чего вспомнил, про себя покайся, Господь простит. Ну, подставляй голову грешную... Господь и Бог наш Иисус Христос Своею благодатию и человеколюбием да простит ти, чадо Виктор, вся

согрешения твоя. И аз, недостойный иерей, властью Его мне данной, прощаю и разрешаю ты от всех грехов твоих во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь».

Помнишь? Или для тебя это дело обычное? Я помню. Помню, как легко сразу стало, как далеко отодвинулась мимолетная мысль: «Неправда!!!», что четко мелькнула два раза посреди твоего вольного монолога, в котором неправды по определению быть не могло. Потом я прилежно и серьезно, как послушный ребенок, облизал маленькую ложечку, которой ты перед тем зачерпнул из нагрудного флакончика (забыл название) густую багровую каплю Чего-то непознаваемого и целительного, – и торжественно возлег на приподнятые подушки, все так же опутанный трубками, но уже другой, таинственно новый, – и заснул неожиданно и беспробудно. Мне снился пыльный летний город с его будто припудренной скупой листвой, широкая полоса Невы зловещего цвета каленой стали; ржаво-рыжая бесконечность питерских крыши, за которые увядшей розой валится тяжелое июльское солнце; стаи суровых серых и черных котов; пророчески-страшный грай умных, почти как люди, ворон; затянутые плотными бельмами, но все равно зрячие и враждебные глаза измученных атлантов; лица разнообразных сфинксов, полные спокойного зла, – и ни одного человека, будто по планете пронесся последний мор. Я шел и знал, что умер, и мыкаться в одиночестве по этому великолепному адскому чертогу мне предстоит до века. Проснувшись, я позорно плакал и выдергивал острую, как шпиль Петропавловки, медицинскую сталь, понатыканную там и тут в мое жалкое голубоватое тело, и жалобно, по-стариковски заливался перед сонной некрасивой ординаторшей: «Я должен ее увидеть, поймите! Я не могу без нее!! Приведите ее ко мне!!!» – но это было все, что я мог произнести вслух по имевшимся правилам игры в правду. Она кивнула с усталым пониманием и вскоре доставила к скорбному ложу мою верную незаменимую Алену... Все встало на свои места, я был сильно и нежно наглажен по голове и ушам, как взбунтовавшийся пес, быстро и умело усмирен и утешен. Я большие

не был ни виртуозным лжецом, ухитрившимся одним лишь подлым морганием соврать аж на предсмертной исповеди, ни гнусным предателем – а просто мелко психанувшим инфарктником.

Тебе до меня из Брянских лесов так просто не добраться, но к другому я с этим идти не хочу: как-никак, а ты в теме, все-таки. Прости, Санек, – или отец Александр, это уж как тебе больше нравится, – придется тебе прочитать эту небольшую рукопись о диалектике истины – больше никому.

Но сперва о приходящих обстоятельствах, иначе снова получится большой лживый пазл из маленьких правдивых фрагментов...

Глава 2

О рисках подслушивания

Ужасно, когда даже официантки тебя узнают и уже почти не прячут свое отвратительное любопытное сочувствие. Шалман не из дорогих и пафосных, а с претензией на домашность – того и гляди какая-нибудь из этих простых возрастных теток, осторожно, как на тумбочку болящей, ставя горячий френч-пресс на твой одинокий столик у окна, проронит как бы про себя: «Да бросьте вы убиваться – такая красивая... Да у вас таких еще будет – ...» – и махнет освободившейся рукой, эдаким длинным-предлинным махом, символизирующим грядущую долгую и счастливую жизнь. И в качестве утешительного бонуса подкинет лишний пластиковый кругляшок со сливками. А вдруг... (Виктория прекрасно понимала, что вот именно такого в жизни происходить не может, это было бы уже слишком, – но не могла отказать себе в удовольствии чуть-чуть пофантазировать.) А вдруг – он тоже приходит сюда, страдающий и потерянный, садится за тот же «их» неизменный столик и так же, как прежде, заказывает себе большую кружку кофе с молоком, но без сахара, и так же обреченно смотрит в огромное окно на постепенно оживающий к концу августа, мягко золотящийся город... Но приходят они в разные дни и часы – и официантки вот-вот решатся ради женской солидарности, которую никто не от-

менял, шепнуть об этом своей грустной посетительнице... А может, им плевать и они этого не сделают – тогда Виктория с Виктором, весьма сомнительные победители, останутся навеки в одном и том же месте, но в непересекающихся реальностях...

Чушь собачья. Никуда он не ходит. Живет себе преспокойно с той нормальной женщиной, на которой женился, – а этот его (наверняка же один из многочисленных!) краткий яркий роман с пациенткой был всего лишь последней быстрой походкой налево перед вторым брачным закабалением. Жаль, Юля уволилась из их больницы, а то бы рассказывала, как там дела у Виктора с этой его коллегой, как там ее, Алена, что ли... Нет уж, не жаль: хорошо, что махом отсекло, – чик и все, а не по кусочкам. Вика даже решила сменить телефонный номер, перенесла все сопутствующие неприятности, – именно чтобы не ждать звонка. Какого-нибудь фантастического звонка на тему: «Я понял, что мне нужна только ты, приди в мои объятия!».

Самое ужасное заключалось в том, что Вика знала, что ощущение острого горя отпустит не скоро: ее цельная впечатлительная натура не позволяла весело переходить от одного увлечения к другому, и разбитое сердце могло оставаться таковым не один год, пока не стучалась в него внезапно новая страсть, – чтобы столь же глубоко и больно вонзиться в едва подживший рубец. Ей советовали вспоминать только счастливые, самые светлые моменты погибшей любви, но кому они были нужны теперь, когда их грубо и жестоко перечеркнули, продемонстрировали их фальшивость и конечную зрящность! Одно только воспоминание о последнем случайном столкновении с Виктором чего стоило... На той неделе Вика купила себе в утешение замечательные коричневые замшевые туфли с крупными причудливыми бантами и, надев под них тонкие колготки в тон, отправилась на Невский, чтоб выгулять обнову и заодно развеяться человеческим мельканием. Зашла и в Дом Книги приглядеть какой-нибудь продвинутой роман, который успешно приглядела и, прижимая к груди свою недешевую покупочку, ступила на крутую лестницу, ведущую со

второго беллетристического этажа на первый научный. Сделала один шаг – и увидела внизу плотно остриженную седеющую голову Виктора, его испуганно приподнятое лицо, охватила сверху мгновенным взглядом смешную раскоряченную позу человека, делающего, лунатически цепляясь за перила, первые шаги по высоким ступеням, идущим вверх... И сразу в темпе прокрутился в голове нехороший ролик: вот она от неожиданности оступается и беспомощной тушей гремит вниз по лестнице, сметая на пути людей и хватаясь за все подряд, а потом впечатляюще плюхается на площадку, по пути привычно подвернув ногу на высоком каблуке. «Спокойно! – успела приказать себе Вика. – Считать! Раз, два...» – три, четыре, пять – грозно чеканя шаг и неотрывно глядя на дивные замшевые банты своих быстро мелькающих туфель, она пронесла мимо его постепенно поднимающихся глаз свои полные, туго обтянутые колени, летнее яркосинее пальто с красно-золотым жаккардовым узором и мнимо равнодушную, на совесть подстриженную и в солнечный цвет выкрашенную голову... Она не помнила, как выбралась на воздух, как постепенно вернулись временно отступившие дружелюбные звуки, как ударил по ноздрям, приводя в чувство, родной и сложный запах мегаполиса: тут тебе и водоросли вперемешку с соляжкой от канала Грибоедова, и бесконечные стада машин с их милым бензиновым дыханием, и обнадеживающая струя густого кофейного аромата... Полуобморок прошел. Она поковыляла в ненавистных уже туфлях вдоль набережной, где удалось удачно приткнуться немолодую проказливую девочку-«Шкоду», хлопнула дверцей, уронила голову на руль...

- Молодые люди, этот стол заказан. Может быть, вам в том уголке будет удобно? – близкий голос официанта, обращающегося к юной паре с осоловелыми от гормонов глазами, заставил Виду словно вынырнуть из-под воды.

- Да-да, это как раз я, наверное, заказывала! На пять часов! – звонко возникла рядом худенькая женщина в стильных дымчатых очках и с пышными, волос к волосу уложенными волосами. – Нас будет восемь человек, и я думаю, столик маловат... Вот если бы к нему

другой такой же... или чуть поменьше...

- Сию минуту сделаем, – тотчас засуетился монументальный официант, опытным носом учуявший запах нешуточных чаевых.

- Годива! – послышался низкий женский голос, и его обладательница, высокая дама в каштановых локонах прошуршала нарядным платьем мимо Вики и бросилась, раскинув руки, к очкастой.

- Мирей, ты, что ли? – радостно отозвалась та, и женщины аккуратно обнялись прямо перед Викиным столиком.

«Что за имена такие дурацкие? – с неудовольствием подумала та. – Взрослые тетки, а гламурничают, как малолетки. Наверняка же – одна Галя, а другая Маша какая-нибудь или Марина... Дуры старые».

Манерные тетки между тем уселись за свой стол непосредственно за ее спиной, и абстрагироваться от их сорочьего щелканья уже не получалось:

- Кто еще обещал? Я только про Анжелину знаю точно, и Заюня, вроде, собиралась.

- Ну, Веруца еще... Лапушка с Нютой... Лапушка вся из себя довольная – стабилизировалась, вроде...

- Чудеса... Зло у нее уж до головы дошло, говорили... А что мужики – так-таки и ни одного?

- А что им наш курятник... Но Ланселот сказал, придет обязательно. Будет тут с нами сидеть, как султан в гареме.

- Да уж... Видать, дамский угодник был неслабый... Ну и сейчас – не потрогает, так хоть понюхает. А вообще, он герой, Годива. Такой герой, какой редко бывает. Его цыца ведь не больше, чем на восемь месяцев рассчитана, из них пять прошло, я специально посчитала... А он книгу писать задумал – про нас и вообще про все это...

- Может, пока писать будет, так и цыца заглохнет? Склонится перед силой?

- Дай-то Бог... Сама-то как?

- Как-как – как сбитый летчик...

- Да все мы тут сбитые летчики. Бак пробит, хвост горит, но машина летит...

- ...на честном слове и на одном крыле!

Это последнее они почти выкрикнули хором, и озадаченная Вика, невольно под-

слушивая и последовательно миновав стадии презрения, любопытства и искренней заинтересованности, шагнула на следующую – уважительного недопонимания. Тут происходило что-то настолько неординарное и серьезное, скрытое пока за кодовыми словами, понятными только посвященным, что поначалу собравшаяся немедленно заплатить и сбежать Вика невольно прислушалась, стремясь разгадать шифр невиданного ребуса. А там, позади, их было уже четверо: теряясь в догадках, Вика пропустила тихое присоединение еще двух женщин, судя по возгласам за столом – неких Веруцы и Лапушки.

- Мирей, я сейчас застрелюсь от зависти. На канекалон разорилась?

- Ну вот, кто о чем, а лысый о расческе. С Троицкого рынка он, просто новый. Я предпочитаю не трястись над одним драгоценным, а почаще задешево разнообразить свой неземной облик.

- Ой, девчонки, мне срочно... Что-то стома разбушевалась...

Мимо Викиного столика птицей пролетела изящная женская тень. «Что там у нее разбушевалось? – недоумевала та. – А, вспомнила: "stomach" – это ведь "живот" по-английски! Тогда понятно... Только уж очень как-то заковыристо».

Но за столом продолжали:

- Чую, мне тоже пожизненная светит. Смогтру на Лапушку и обалдеваю: как ни в чем не бывало, бегаёт... Сроднилась, видно. А я оттягиваю, оттягиваю – пока в мозги не выстрелит.

- Ты, Веруца, стому не бойся – она хорошая. Она жить помогает. Я вот...

- Стоп, стоп, стоп, девушки! У меня рацпредложение! Давайте сегодня не будем обэм-тэ-эсах, катэшках и прочих вкусняшках... Давайте как люди...

- Вот именно – как... – прервал вдруг говорящую новый хрипловатый голос – и за столом сразу стало тихо-тихо.

«Что у них там за хрень происходит? – вздрогнула Вика. – Прямо инопланетяне какие-то...». С каждой минутой в ней усиливалось противоречивое, раздирающее чувство: одновременно страстно хотелось отгородиться, не

слушать, не знать – и столь же непреодолимо тянуло немедленно проникнуть в заманчивую бездну тайны.

- Ньюта-шестьдесят девять, королева пессимизма! – ожил тем временем соседний стол. – Нет уж, будем трепыхаться, бабоньки, – ведь еще спаржи не поели!

- Это поправимо, Годива-две семерки: сейчас закажем и можем закругляться со спокойной совестью... Эй, официант, как там тебя, имеется спаржа в меню? – отозвалась Ньюта все с той же легкой хрипотцой.

«Ах, вот оно что! – озарило в эту минуту Вику. – Это форумчане! Обычное, собственно, дело: питерские активисты какого-то форума решили встретиться вживую! И зовут друг друга по никам, латинских букв ведь на слух не воспринимаешь...».

В эту минуту у соседней раздался восторженный рев – и Вика с полным правом обернулась: к столу приближался высокий мужчина с благородной посадкой и формой гладко выбритой головы и сдержанными манерами эмигранта первого поколения – он вел под руку фигуристую улыбающуюся даму – яркую брюнетку с задорной молодежной стрижкой и быстрыми веселыми глазами. В дружном го-моне удалось разобрать: «Ланселот!!!».

- Он самый, честь имею представиться. Для желающих – Арсений. Вот, по дороге захватил и доставил нашу любимую Заюню – рекомендую.

Заюня помахала рукой и представилась:

- Катя.

- Рита, Марина, Вера, Люся... – посыпалось из-за стола, – и Ланселот принялся усердно целовать дамские ручки.

Вернулась Лапушка, оказавшаяся Леной, а Ньюта осталась, как была, не пожелав превратиться в Анечку. Все рассаживались, оживленно обсуждая меню.

- Я уж по-нашему, по-космонавтски, – шутил, переворачивая страницы, Ланселот. – Суфле из крабов, пюре из брокколи... Ныне блендер – мой лучший друг.

- Да вы, гурман, поручик! – хихикнул кто-то.

- О, да, между трамадолом и промедолом! – согласился он. – Ну, милые дамы, кто за

красное, кто за белое?

- И то правда, девочки! – сказала одна из женщин. – Я все колебалась, а теперь думаю: и так ливер уже, наверное, в темноте светится, так что вино для нас – просто слезы младенца...

За столом одобрительно загалдели, принялись наперебой терзать терпеливого официанта составляющими блюд, а полностью игнорируемая всеми Вика медленно холодела за их спинами. Она почти готова была догадаться – вернее, догадка уже сидела где-то неглубоко и рвалась в сопротивляющееся сознание. Промедол и этот второй, как его, – да, она знала, что это такое... Это полунаркотические обезболивающие, которые Виктор не стал назначать ей даже при ее свежем двойном переломе (она незаметно побаюкала постепенно выздоравливающую руку), когда хотелось горько выть в недоступные небеса, – сказал, что с такой ерундой справятся два кубика анальгина! И справились... Это что же должна быть у этого Ланселота-Арсения за боль, если... Вдоль хребта будто сороконожка пробежала, откуда-то отчетливо повеяло влажной землей...

- Первый тост – за насущное! – торжественно провозгласил Арсений в полной тишине. – Долгой нам всем стабилизации! Легких химий!

- Ура, ура! – подхватили его сотрапезницы. – Чтоб всем нам настал полный и окончательный стабилиздец!

Дрожащими руками Вика отодвинула беззащитную чашку; дыхание перехватило, и волосы отчетливо приподнялись. Позади нее беззаботно радовались полноте жизни петербургские блогеры с международного онкологического форума.

Глава 3

Нормальные герои

Она никогда со мной не выходила в так называемый «свет» – стеснялась: «В качестве кого я пойду?». Все мои попытки ненавязчиво растолковать, что в двадцать первом веке бояться жестокой участи Анны

Карениной, по крайней мере, странно, ровно никак не отзывались в Алене. Она никогда ни о чем не спорила – просто улыбалась и молчала, сразу становясь олицетворением внутрь направленной женской тихости: такие каменные стены я не штурмую, себе дороже. А вскоре мне как бы и по нраву пришлось наш глухой виртуальный бункер – когда даже на работе о нашей прочной связи коллеги целых шесть лет могли лишь догадываться. Ты – и то только после свадьбы узнал. Но, поскольку я из последних сил заставляю себя верить в «едино крещение во оставление грехов», то надеюсь, что хотя бы половина из этих лет мне – там – скостится. «Нашим» стал мой дом – то есть, та хилая однокомнатная фатерка в новостройке, что мне удалось выцарапать после развода. (Кратко о нем, чтоб не возвращаться: ты несколько раз видел первую мою жену – не хочу рефлексорной кислотой на языке при устном или письменном упоминании ее благозвучного имени – женщину достойную, но непонятливую; она и на двадцать втором году супружеской жизни не смогла постичь тот неоспоримый факт, что ни один мужнин браваый перепихон на стороне не может быть достаточным поводом для «зеркальных мер», ведущих к варварскому крушению непотопляемого семейного лайнера, – спасибо, хоть дождалась окончания института нашим умницей-сыном и свадьбой дурочки-дочки; ну, и хватит о ней... Чуть не написал: «Упокой, Господи, ее душу» – но нет, успел одуматься, в том смысле, что рановато еще, пусть поживет, сколько совесть позволит. Шучу.) Так вот, о бункере: я, что называется, привык быть женатым и вовсе не против был бы немедленно с Аленой «выйти из сумрака», честно зарегистрировав наш перспективный брак, но... Пришла, видно, пора рассказать тебе о том, как я, «охальник, шесть лет с чужой женой путался», и почему прозвучал во мне первый немой вопль протеста во время нашей с тобой последней исповеди.

Короче, вот как дело было. Муж ее – звали Анатолий, и меня при звуке этого имени совсем не передергивает – работал в нашем

же Гадюкино, только на гинекологии, и, кроме всего прочего, ради небольшой денежки на полставки дежурил по санавиации. Может, знаешь, что это такое: когда где-то в далекой области приключится БП (это, надеюсь объяснять не надо), а местная хирургическая или какая там еще бригада стоит вокруг стола помытая и в позе крайнего изумления, то туда срочно направляется на «скорой», если получится, а чаще на вертолете подмога: команда опытных профильных медиков. У них дежурства суточные в прямом смысле, с полуночи до полуночи. Я тоже одно время, когда детей тянуть надо было всерьез, так калымил – и ничего, знаешь, чаще всего деньги поступали по принципу «солдат спит, а служба идет». Если вызов – то не дальше Луги какой-нибудь, да и пока доберешься, в машине выспишься, – а там больного уже своими силами вытянули... или не вытянули; матюгнешься – и в обратный путь. Так и Толик Аленин ездил – годами. Семья, казалось, крепкая, жили дружно, без особой романтики, пацана растили, как раз первый класс окончил. И вот однажды, за десять минут до конца дежурства – Алена на даче была, к приезду сынка с родителями дом намывала и борщ наваривала, а само-то дите у бабки с дедом припухало – Толян звонит на мобильный: выезд-вылет в какую-то сельскую больницу далеко за Лодейным Полем, бригада в составе анестезиолога-реаниматолога, хирурга-травматолога и гинеколога; больная нетранспортабельна, даже до райцентра везти боятся. Ну, что делать, нетбук (планшеты тогда еще в моду не вошли) в зубы – а ноги в руки, чай, не привыкать. Вниз спустился – уже машина с колесами подъезжает, внутрь залез – и ахнул: наш Костик-хирург, нажранный до четвертой стадии, мешком на носилках лежит, реаниматолог над ним только головой качает. В воздушное судно Костика, как известного коллегу его, Женю Лукашина, вдвоем погрузили, а ближе к Лодейному полю зенки он от тряски продрал и прогундосил – простите, мол, други, однокурсник вечером из Владика прилетел, как откажешь; думал, пронесет, да вишь, как вышло... – и опять в несознательность. Боль-

ница в деревне не больница оказалась, а дощатый барак с пятью лампочками, в операционной – испуганные фельдшерица с интерншей друг к дружке жмутся, дрожащими руками по очереди капельницы перезаряжают. «Три литра крови перелили, – шепчут, а у самих глаза по юбилейному рублю. – Хорошо хоть, у нас тут первой отрицательной группы запас оказался... А у нее какая, даже и не знаем – откуда...». Реаниматолог Костика головой в ведро с колодезной водой макнул раза три, совместными усилиями помыли кое-как – и к столу пинками. Фельдшерица простыню откинула – а там почти то же, что в свое время предстало перед булгаковским доктором Бомгардом¹. Нет, хуже, гораздо хуже: ниже пояса – месиво, и ноги врозь... (Да не смутит тебя такая картина; сам-то привык.) Все просто: отправились питерские скауты в дальний поход; на место прибыли, лагерь разбили; а эта вот дура пубертатная возьми – да и влезь на ночь глядя с биноклем на сосну, вожатых не спросясь; сук под ней сломался, она вниз – а там другой такой же, у которого обломок вверх торчал; так на него и села с разлету... Женское там все, мочевого пузырь, кишечник – насквозь... Болевой шок, кровопотеря, перитонит и прочие прелести на лице. Да и лица-то нет уже, вместо него – маска Гиппократ²: ну, да что тебе объяснять, врачи и опыты знают. Костик только глянул – и буркалы, почти трезвые уже, – на лоб: «Да она, считай, давно покойница, нн-а; сейчас кишки лишние отчекрыжим, конец, какой останется, на бок выведем; мочеточник один перевяжем, в другой катетер сунем – и туда же; клоаку сформируем, чтоб видимость работы была; ты, гинеколог, матку убереешь со всеми причиндалами... Зашьем, что сможем, – и, глядишь, до Лодейного Поля дотянем, а там... Ну, с чем ей жить, мужики, сами подсудите...». Смотрел Толян на это, смотрел, прикидывал – и, как ни крути, а видел, что

¹ Главный герой цикла рассказов М. Булгакова «Записки юного врача»; рассказ «Полотенце с петухом».

² Изменения на лице больного как один из симптомов острой патологии живота.

Костик прав, и главное, чтобы больная прямо со стола не ушла. Кивнуть уж собирался – да вдруг подбородок под маской сам вздернулся: «Не позволю, – говорит, – девку на месте губить, шанс ей дам! Ты, козел вонючий, ассистировать будешь – и только взбрыкни мне тут – враз скальпелем поперек пьяной морды пройдусь...». «Э-э, коллеги, вы полегче там! – реаниматолог от изголовья. – А ты, Углов¹ пальцем деланный, учти, что аппаратуры тут вообще никакой нет, поэтому анестезия только местная будет, а давление уже и так на двадцать делений выше, чем у трупа!». Анатолий зубы сжал: «Рискнем! Два раза не умирать!» – и понеслось. Время остановилось, но потом выяснилось – семь часов шили без перерыва на обед. По кусочкам ее сложил, как пяти тысячный пазл. Бабой оставил, для которой в будущем родить не заказано, дермо из брюшины выгреб, кишки, как в анатомическом атласе, выложил, мочевого пузырь залатал, мочеточники приладил... Промыли, зашили, трубок, где надо, понатыкали, прокапали стотысячный раз – живи, родная! А у той уж и давление само расти начало... На обратном пути вырубился Толян – не помнил, как из вертолета в «скорую» пересел. Домой приехал, холодильник открыл, там полбутылки водки для компрессов оставалось – не уважали в семье крепкого, а тут пролежался: так стакан и шарахнул. Только голова с подушкой сроднилась – звонок в дверь. Доплелся кое-как: тесть с тещей и сынулей его махоньким на площадке. Теща – дама, как положено, голосистая: мы тут как тут, с вечера еще договорились, что ты нас на дачу везешь, а у тебя телефон отключен... И трещит, трещит... Ну, ты представляешь: сам не без тещи. И что, в этот вот стрекот пытаться вклинить свои жалкие объяснения, что у тебя полчаса как двести пятьдесят грамм во лбу? Да и не сказываются они никак – еще бы, шкаф такой, чуть не в полтора центнера весом, и водила классный, одним мизинцем водит, и трасса у них до фазенды спокойная, да и воскресенье, три часа пополудни, – завтра

на работу, не на неделю же их отъезд откладывать... А поспать – так, вроде, вздремнул на обратном пути, остальное на даче доберем, а уж утречком, по холодочку – обратно вдвоем с Аленой покатаем... И вообще, с тещей спорить – что ссать против ветра. «Грузитесь, – велел. – А я пока рожу ополосну»...

Ну и все. На пустой трассе пошел на обгон, да откуда ни возьмись – фура. Резко вывернул руль... Сам водитель, знаешь, как это бывает. Фура мимо проскочила и уехала. Их трижды перевернуло. Сын и родители жены – на месте. Сам – в инвалидное кресло навсегда: от пояса и ниже – только осколки. Хотел руки на себя наложить – кишка тонка оказалась: вдруг там действительно что-то есть? – подумал – а дальше по Шекспиру: «...и начинанья, взнесишися мощно, сворачивая в сторону свой ход, теряют имя действия²...» – короче, до действия дело не дошло. Так и просидел восемь лет, пока от воспаления легких не помер, – правда, по-христиански отошел, чин по чину. До катастрофы-то он сроду в Бога не верил, слышать даже не хотел, и сына, младенцем еще, бабушке выкрасть пришлось, чтоб до церкви добежать и окрестить внучка. А как в кресле оказался, – так разобиделся на Него вдруг прямо до чрезвычайности: я, мол, девочку от неминуемой смерти спас, а мне за это – нет, чтоб орден с небес спустить герою, а Он семьи, почитай, лишил, и самого в жалкие калеки упек. Но как-то раз поутру покойного деда, которого отроком любил, уважал и слушался, не то во сне, не то наяву увидел: сел тот напротив дивана, седой бородой, длинной, как у святого Онуфрия, потряс грозно, наклонился – да и рукой Толяна за ухо. «Ты, – говорит, а сам знай себе ухо внуку накручивает, – чего Бога гневить, нехристь? Милость Он оказал тебе по молитвам нашим: не забрал со всем багажом на суд! Девочку, говоришь, спас? За то и милость: согласился бы с Костином твоим у стола – и лежать бы тебе на шоссе четвертым под тем брезентом. Потому как

¹ Федор Григорьевич Углов (1904-2008) – великий русский хирург.

² В. Шекспир, «Гамлет». Перевод М. Лозинского.

одну – спас, а скольких сгубил, абортмахер-ирод? Сказать тебе? – четыре тысячи во-семь...». Толян очнулся, за ухо хватается – а оно горит, будто и впрямь дедовой ласки от-ведало...

Я почему так подробно пишу? Просто не хочу, чтобы какие-то неясности остались насчет шести лет нашего разнузданного раз-врата. Два года спустя рассказала Алена мне все это как-то в ординаторской, когда я де-журил, а она платный прием вестии осталась. Тогда Алена с удивлением призналась, что ей не пришлось ни по сыну, ни по родителям даже толком поубиваться: на руках у нее сразу оказался муж, несколько недель проле-жавший между жизнью и смертью в нашей реанимации! Похороны, которые организовы-вали свои же коллеги, прошли для нее как-то между делом, в мыслях о многообразных не-утешительных показателях гаснущей муж-ниной жизнедеятельности, и свежая рана затянулась, как под анестетиком, потому что все силы души сразу же сосредоточились на одном: не отпустить хоть этого! Когда Толяна перевели к нам в отделение, она койку себе у него в палате поставила – как теперь у меня, ха! – ну, и дедка за репку, бабка за дед-ку – вытянули его всем миром... А когда муж оказался дома, душа его потребовала срочно найти виноватого – тоже понятное дело: на себя одного такую вину взвалить – не потя-нешь. Виновный быстро нашелся – под боком, можно сказать: а зачем Алена накануне одна на дачу уехала? Знала, же, что мужа могут вызвать, и из него водитель никакой будет! Ведь если б она за рулем была, – ничего бы не случилось! И вообще – что за фантазия ей припала в этом году так рано выезжать – никогда же раньше июня не собирались! А мать свою, дуру, почему не укротила – не по-дождать было денек?! И вообще, экспертиза показала, что там тормозные колодки поис-терлись – именно из-за того, что она их вовремя не заменила, все и случилось, а он человек занятой, ему некогда по сервисам мотать-ся! А дачу она что – раньше подготовить не могла? Это он от стола днем и ночью не от-ходит, а она только знай на приемах халат

просиживает – могла бы и время выбрать, не загнулась бы! А вот теперь из-за нее, суки... И почему это она на час позже приходит по-вадилась – что, муж инвалид, так она по ко-белям мотается, горит у нее там?

Эта лавина желчных слов встречала Але-ну ежедневно после изматывающего рабоче-го дня – и поток оскорбительных обвинений аккомпанировал всем ее вечерним трудам, как то: смена мужниных памперсов и калоприм-ника, промывание его стомы (это дырка та-кая в боку для отвода г...а, на случай, если ты не знаешь), приготовление отдельного, пред-писанного диетой ужина для мужа, и уборка, и стирка – и чем там еще жены по совмести-тельству занимаются...

Через два года, после того нашего вечера откровений в ординаторской, Алена слома-лась. Ты готов осудить ее? По факту мы, ко-нечно, прелюбодеи конченные, но так ли это на самом деле? Не допускаются ли некото-рые исключения из правил в виде гераньки в горшочке для белой мышки под стеклянным колпаком? Пожениться мы не могли по опре-делению, но шесть тяжелых и страшных лет я был ее маленькой вентиляционной отдуши-ной, а она – моей. А насчет разврата... Я му-жик, со мной все ясно, а что до нее... Алене, наверное, это вообще не требовалось, она го-ворила, что для нее секс вообще не плотское, а душевное наслаждение, типа, радость бли-зости с любимым, – ну, того мне не понять, хотя и от других баб раньше слышать при-ходилось... Я привык к ней, доверялся и жа-ловался – все как положено. Ожидал дельных советов и получал их. Ну, и опять же – проза, а куда денешься: джинсы постираны, рубаш-ки наглажены, в холодильнике рассольничек... Приходила, правда, ненадолго, мчалась домой, врала там что-то. Мне было легче, конечно, и я твердо знал, что как только муж ее из земной юдоли выступит, – а он к тому шел потихонечку, мы оба, как врачи, понимали, – то немедленно станет эта чудная женщина моей женой перед людьми, не только перед Господом... Так и случилось, как видишь...

Но так не должно было случиться, Са-нек.

Глава 4

Такие состоявшиеся женщины

Вика включила обогрев стекол – и запотевшее ветровое немедленно прояснилось. Домой? Предыдущий заказ она сегодня утром отправила, а следующий – ерундовый: этикетка для винной бутылки, что-то кубанское... Нарисуем казачку – костюм в Интернете посмотреть, а шрифт... может, «устав»? Ладно, это в любом случае завтра... Значит, через четверть часа она будет хрестоматийно стоять у своего усеянного каплями окна, с высоты последнего семнадцатого этажа (на двести тысяч дешевле оказался – не кот начхал) тоскливо наблюдать недалекую, в час пик небыструю рубиново-золотую реку Московского проспекта сквозь сероватое густеющее марево. И – да, все-таки ждать звонка на неизвестный Виктору новый номер телефона! Легко или нет, а вычислил бы: в наше время стоит только захотеть по-настоящему! Милая моя, угомонись со своими мечтами: да если он хоть имя твое еще помнит, так потому только, что у вас они одинаковые... почти...

Именно в эту минуту проснулся и призывно залился новенький смартфон – опять у Вики, как и весь последний месяц, при звуке этой нейтрально-светлой мелодии на миг прострелило сердце: вдруг?! Сколько длинных и вполне оформленных мыслей может проскочить в голове за те короткие секунды, что вылавливаешь аппарат из сумки и отбрасываешь крышечку! На этот раз Вика успела дать себе страшную клятву, что сегодня же установит на *его* номер отдельную, какую-нибудь громовую музыку, типа Баха – та-та-та-там, та-та-та-там – чтоб уж точно не ошибиться, и при остальных вызовах не вздергиваться так панически, рискуя каждый раз схлопотать сердечный приступ. Открыла – экран сиял морковного цвета веснушками и очаровательной редкозубой улыбкой: племянник Павлушенька, одиннадцати лет отроду. Конечно не забыла, миленький, он у меня и сейчас на заднем сиденье лежит... Когда, когда... да сегодня и завезу... скоро... поки-чмоки... Этот старый планшет у нее уж сколько пылился без дела – а ребенку все радость, от матери и такого не

допросится.

Конечная точка маршрута нарисовалась сама собой: отчий дом, принципиально покинутый, наконец, два года назад вопреки едким упрекам и мрачным предсказаниям матери и надутому неодобрению младшей сестры. За год до этого Вике свалился, как метеорит в огород, небывалый заказ – единоличный дизайн-проект и авторский надзор оформления респектабельного двухэтажного ресторана, и работа пошла настолько гладко и безконфликтно, что вскоре не осталось и тени сомнений: это – один из редких даров Небес, неких долговременных беспроцентных ссуд, положенных время от времени каждому человеку, и уж только от него зависит грамотное вложение сего оборотного капитала – и размер прибыли. Тут главное – слушать только себя и не поддаваться на провокации ложного человеколюбия и болезненного чувства долга. «Ах, как удачно! – возрадовалась мама. – Теперь мы на нашем участке быстренько построим жилую времяночку и выкопаем колодчик, грядочки с клубничкой разобьем, петрушечку с морковочкой посадим, парничок с огурчиками-помидорчиками устроим, – и будет наш Павлуша летом витаминчики кушать и в речке купаться, а на зиму мы закруточек понаделаем...». И сердце Вики умилительно качнулось было в сторону доброделания – хорошо хоть не успела дать положительное обещание – тогда уж точно ей слаженно вывернули бы руки. Но засветилась в мечтах, как бы уже и собственных, солнечная полянка с домиком-пряником, пригрезились сладкие чудо-ягоды под крупными рельефными листьями – и стукнуло в голову: стоп! А кто будет руководить постройкой, убиваться над грядками, трудиться над заготовками – и до кучи три месяца в году, то стуча зубами от обидного летнего холода, то погибая от долгожданной жары, приглядывать, чтоб обаятельный сорванец Павлушенька не утонул в упомянутой речке? Да кто, кроме нее, которая «все равно целыми днями ничего не делает», а «дурацкие картинки можно и на даче рисовать»?! Это мать с сестрой – «ломовые лошади, от работы не продохнуть», а сестра вообще «ребенка одна, без мужа, тянет, да еще в такое время»... Она

им обязана. Как дочь, как сестра, как тетя, как человек, как христианка. Конкретно сейчас – купить себе ради них веселенький дощатый гроб на шести сотках... Но ведь Господь не учил любить ближних *больше* самого себя, Он заповедал любить их – *в той же мере*... Она внесла весь свой гонорар целиком в качестве первого взноса за миниатюрную квартирку под крышей хрупкой дешевой многоэтажки: студию с прихожей и даже кладовкой, куда вполне влезал полуторный диван.

Просто чтобы иметь свою территорию за дверью, в которую никто не войдет без стука, как долгие годы спокойно входили днем и ночью в ее проходную, семи ветрам открытую комнату в отчем доме. Чтобы наклеить такие обои, как нравятся ей, дизайнерски-вульгарные, – а не те, которые прилично показать нормальным людям. Чтобы все весьма спартанское хозяйство пригнано было под ее беспечную, а не чужую строгую руку. Чтобы ложиться спать и вставать, когда нужно и удобно ей, а не вздрагивать и воровато тушить голубой ночник, заслышав в коридоре материнские шаги, во избежание суровой проповеди о вреде и аморальности ночного чтения, и не просыпаться оттого, что любимый племянник со звонким смехом бросается в шесть утра тебе на сонный живот. Чтобы спокойно приглашать хороших знакомых обоюдо пола для интересных бесед за бокалом «Кьянти» – и не сжиматься от острого чувства вины, когда с непроницаемо мраморным лицом сестра под надуманным предлогом проходит сквозь комнату, как одинокая каравелла по вражеской гавани, и оскорбленно цедит на ходу: «Нас ты за свой стол, разумеется, не приглашаешь...». И чтобы, может быть, в один благословенный вечер устроить там ужин для двоих: себя самой – и того единственного мужчины, которой совсем уж близко в ее жизни, почти на подходе, – это ясно хотя бы из-за того, что не так уж много ему времени остается, чтобы успеть прийти.

- У тебя еще за машину кредит не выплачен! – схватилась за сердце мать. – Отнимут!

- Под полтинник бабе подкатывает, а все никак не перебесится... – презрительно кинула в сторону сестра, узнав, на что истрачены деньги.

Мать боялась, что лишится бесплатного и безотказного семейного водителя с личным транспортом, а сестра – что Вика на свободе выйдет замуж... Странно было даже вспомнить теперь о том, что эта старообразная худая женщина с крашеным хвостиком секущихся волос, тонкой и частой паутинкой морщинок, крикливая, как весенняя городская утица, с глазами постоянно «на мокром месте» – была когда-то резвой хохотушкой, активисткой кружка юного журналиста, уже в старших классах активно публиковавшейся в молодежной периодике и подававшей по этому поводу серьезные надежды... «Ты посмотри на них, на этих журналистов! – хором сказали ей мама и живой еще папа после выпускного вечера. – Это же не люди, а каторжане! Вечные командировки, вся жизнь на колесах, друг другу – враги... Была бы парнем – еще бы подумали, но девочка... Среда сомнительная, семейная жизнь под вопросом, а ведь для женщины главное – дети... И, наконец, посмотри на упрямую Вику с ее дизайнерством, будущую безработную...». Сестра послушно закончила на все четверки престижный финансово-экономический, успела даже научный коммунизм на госах сдать, вскочив в последний вагон уходящего социализма... Так же быстро разобрались и с ее несостоявшимся мужем, начав с проверенного: «Ты посмотри на него...» и закончив самоуверенным: «Сами прекрасно вырастим, выучим и женим!». Гипотетическую карьеру экономиста ей подточили частые и длительные детские болезни, а повторная, самая скромная попытка сестры задуматься об устройстве личной жизни немедленно пресеклась на корню неоспоримым постулатом овдовевшей матери: «Ну, какой он твоему сыну отец!». Больше сестра не рыпалась. Окна ее рабочего кабинета вот уже лет восемь можно было прекрасно видеть из окон их квартиры: она трудилась главным бухгалтером родного ЖЭКа в здании напротив и на протяжении рабочего дня свободно летала домой и обратно, контролируя учебу и досуг всегда находящегося в поле зрения сына. В освещенных домашних окнах с раздвинутыми шторами все его перемещения были известны матери так же хорошо, как золотой рыбки в

аквариуме, и мальчишка мог скрыться от всевидящего ока разве что в туалете.

- Я бы попросила советоваться со мной, прежде чем дарить моему ребенку дорогие вещи, – и сегодня холодно отчеканила Ляля, когда отпрыск ее, высоко подскакивая от избытка чувств, рыжим котенком ускакал в обнимку с теткинским подарком к себе в комнату – бывшую Викину, чин по чину на него переписанную, за что только и было прощено ей самовольное отселение.

- Да уж, действительно, дочка, – поддержала бабушка, – Ляленька – мать и лучше знает, когда можно бы и поощрить мальчика. Сейчас, как из лагеря приехал, – совсем от рук отбился. Поэтому следовало планшет твой пока припрятать и подарить в сентябре – ну, скажем, после первой пятерки.

Их мама была заслуженным учителем России, в свои семьдесят пять лет преподавала боготворимую географию запоем, как хронический алкоголик, и всегда заверяла дочерей, что из школы ее вынесут только вперед ногами – и такая возможность вовсе не исключалась, так как именно там она перенесла на ногах уже два ничуть не согнувших ее инфаркта. Спорить с ней на воспитательные темы было бесполезно, тем более Вике, немножечко презренной не-матери. Теперь, регулярно бывая в отчем доме, она намеренно обходила в беседах острые углы – впрочем, на обнаженный нерв нигде было не заказано нарваться – и ни о чем не спорила: почти осязаемое ощущение твердого тыла в виде маленького, но собственного гнезда позволяло не ломать копыя в... да, уже в чужом. Но нужно было о чем-то говорить за неизбежным чаем – и Вике вдруг пришлось в голову посмотреть с мамой старые школьные альбомы, где с фотографий минувшего века уверенно смотрели в век грядущий светло-серые лица их с сестрой ровесников, – и вот как минимум с четвертью из них случайно на улице уже никогда не столкнешься... Мама узнает всех безошибочно: вот Люда, у нее трое детей, все прошли через мамины руки; вот Володя – тот по политической части преуспел; ну, Ося, ясное дело, в Израиле, – зубной техник; Женечка-медалистка – доктор-кардиолог, муж у нее военный; а вот эти две

– закадычные Викины подружки: Валя закончила иняз и работает при ООН переводчиком, живет в Европе, свой дом, деток – двое; Нина – та преподает в университете, кандидат исторических, сына вырастила...

- Да, состоялись твои подруги, что тут скажешь... – мама демонстративно вздыхает и шумно захлопывает альбом, ее брови скорбно изломлены. – Самой-то не обидно? Мне было бы обидно... Если б и подруги, и сестра...

Она не договаривает. И не спрашивает, как раньше: «На работу устраиваться не собираешься?». И так все ясно: ее неудачная старшая дочь расплатилась за послушание родителей полным жизненным крахом. Что это за занятие для взрослой женщины – стряпать дома на компьютере какие-то этикетки-обложки-альбомы?! Другое дело – если б дизайнер в солидной фирме, – хоть какие перспективы... Четыре персональные выставки? Когда это было, да и кто их заметил, – два человека-то всего и видели, старушки, небось, какие-нибудь, которые случайно зашли, – Вика же, в конце концов, не Пикассо! Ни семьи, ни детей – пустоцвет... Слава Богу, хоть Ляленька – мать и на уважаемой службе...

Вика тоже грустно смотрит на маму: неужели та всерьез считает, что ее «младшенькая», которую в общих с мамой невыразительных одеждах часто принимают за не Викину, а мамину младшую сестру, – потухшая, истеричная, болезненная особа, не ведающая и не дающая ласки, ежедневно с проклятиями несущая свою отупевшую от недосыпания костлявую тушку на ненавистную работу, эта женщина только по названию, – достойно состоялась в жизни? Да, считает, и цепляется за эту уверенность.

Добравшись до машины уже в темноте, Вика чувствовала такую опустошенность, что, казалось, не наскрести сил повернуть ключ и проехать три улицы до дома: каждое посещение семьи словно выпивало из нее некую важную жизненную силу, которую приходилось потом долго восполнять – созвучными стихами, любимыми художественными альбомами, странными и умными фильмами. Она снова выудила из сумки смартфон, чтобы перебить неприятную душевную оскомину от чая

в кругу самых близких хотя бы просмотром поступивших за это время сообщений, – но и их не оказалось для нее в глобальной паучьей сети. Мутно поднялось изнутри еще одно тяжелое впечатление сегодняшнего неудачного дня, и пальцы быстро набили адрес сайта, прозвучавший недавно позади нее за веселым столом. Вика уже точно помнила только один ник – godiva77 – и он тотчас же выскочил перед ней в топовой десятке и здесь неминуемого рейтинга. На аватарке красовался черный пудель, наверняка, питомец той стильной, похожей на яркую стрекозу дамы со стрижкой из салона-люкс. Не долго думая, она вошла в ее блог и сразу инстинктивно перескочила на самый первый пост под соответствующим названием «Позвольте представиться». Полтора года назад леди Годива пришла на сайт так.

godiva77:

Здравствуйте, уважаемые форумчане! Я давно уже читаю вас и со многими даже мысленно породнилась, но из какого-то суеверия не хотела вступать в ваши дружные ряды. Думала – вот напишу, и случится рецидив. Получилось все наоборот: рецидив произошел – и вот я пишу. История моя повторяет некоторые ваши: 8 лет назад, когда мне был 31 год, – РМЖ TINOM0. Левосторонняя мастэктомия (хотели только резекцию, но я сама настояла, чтобы целиком убрали, – все равно оставили бы только огрызок, а тут с запасом оттяпают, думалось мне...), прохлещили красненькой, тамоксифен в зубы на пять лет – и гуляй по холодку, считай, что отделалась легким испугом: при твоих исходных – 98% пятилетней выживаемости. Муж, с которым прожили 10 лет, сбежал, даже не успев увидеть, как выпали мои волосы, – но после всех, как теперь, увы, понимаю, смешных (тогда казавшихся фатальными) мучений я это восприняла чем-то вроде комариного укуса: думала, волосы отращу, новую сисю пришью – и опять невеста хоть куда. Все кругом, как заведенные, твердили про пятилетние почти гарантии, но никто не говорил, что дальше идет порог – десятилетний, и выживших там – только две трети... Пять лет пролетели, как пять дней, но я еще рань-

ше расслабилась, только и слыша со всех сторон: победитель рака! победитель рака! На седьмом году ежегодные проверки бросила: ну, сколько можно в инвалидах себя числить! Имплантат прижился идеально, говорили, что новая грудь – краше прежней, волосы вообще кудрявые с тех пор росли, любовников меняла себе на радость. Низ, правда, полгода побаливал – так думала, от активного секса... А на прошлый свой день рождения – вдруг за столом закашлялась... Постучал меня друг по спине, водки дал... Но кашель проходить и не думал, через неделю прибавилась одышка... Сказали – пневмония, отправили на рентген... Дальше, думаю, вы и сами догадались. Из легких откачали три литра жидкости, на МРТ – mts в костях таза, легких – и в печени уже два очага... 6 курсов химии сделали – так все зеркала дома завесить пришлось, будто при покойнике, потому что как гляну туда, – фонтаном рвет... Друга, конечно, и след простыл – я даже и не заметила. Так-то вот. Никакой я, оказывается, не победитель. Примите меня, пожалуйста, в вашу семью! Я теперь, пока дышу, уже никуда от вас не денусь, честное слово.

Глава 5

...и вавилонская блудница

Прости, Санек, прервался на побег: Алены сегодня, Божьей милостью, нет, отпросилась на наш медицинский корпоратив по поводу 23 февраля – я вчера чуть календарь от радости не поцеловал. У жenuшки, поди, целый день сердце не на месте: ну, как я тут, сердешный в прямом и переносном смысле, без крепкой женской руки в такой праздник обойдусь! Грозил пожертвовать собой и остаться на посту у моего скорбного ложа – я только на колени не встал, чтоб уговорить ее хоть на один вечер пощадить себя (подразумевалось, что меня, но разве такое вслух произносят?). Чуть она исчезла с гарантией, многократно вздохнув, прослезившись в дверях и вернувшись разок с половины лестницы, вся в колебаниях, не проявить ли все-таки самоотверженность, чем чуть не довела меня до повторного инфаркта, – мы с мировым

мужиком из палаты напротив, тоже оказавшимся в прошлом суровым балтийским матросом, немедленно набросили халаты на свои больничные олимпийки и, один другого прикрывая от дежурной медсестры, тишком пробрались на черную лестницу... Он-то воспринимал нашу тайную экспедицию вполне всерьез, за водкой шел, будто в разведку, по всем правилам блюдя почти профессиональную конспирацию, – ну, а я радовался, как школьник, сачкующий контрольную! Я-то ведь знаю, как при попустительстве опытного персонала наши больные обоего пола, чуть сползя с койки, шитые-перешитые, гремящие гипсом, костылями и спицами, точно так же, как жирафы на водопой, тянутся к внушительному, многократно заделанному, но неизменно возникавшему вновь лазу в стене больничного сада, что граничит с бойкой рыночной площадью. Здесь, в реабилитационном центре, все обстоит точно так же: по широкой народной тропе, ведущей к столь же гостеприимному пролому, бороздя талый снег отнявшимися правыми и левыми ногами, ковеляют в обоих направлениях целеустремленные инсультники, бодро топают выжившие жертвы обширных инфарктов... Мы с товарищем судьбу не искушали – я, как доктор, на том настоял: раздавили в его санузле по симпатичному «мерзавчику» и парой темного отполировали... Все хорошо. Бутылки выкинули в окно – там кусты. Жизнь продолжается. Пишу уже утром.

А теперь о вавилонской блуднице, вернее, о моем втором и главном в горле застрявшем крике: «Неправда!». Сам посудите – ну, какие в моем возрасте и при моей профессии могут случиться сантименты? Рядом со мной шесть лет была женщина практически родная, до печенок мне преданная, известная до последнего сантиметра, не сулящая неожиданностей. Миловидная, на ощупь бархатная, как мне нравится. Если б я даже и хотел гипотетически под занавес надкусить что-то экзотическое, то профессия хирурга-травматолога этого попросту не позволяла, так как иногда цинично низводила меня почти до мясника. А что ты хочешь, когда на столе перед тобой подчас лежит просто куча не-

известно чего – но, вопреки здравому смыслу, она еще дышит и страдает, и твоя задача – собственными руками придать ей форму и вернуть функции, максимально близкие к тем, что имелись у нее до, скажем, какого-нибудь производственного взрыва. Я стал серьезно уставать – физически и душевно – после того, как добрал до середины шестого десятка... Я много чего умел и предвидел в своей области, обзавелся надежной профессиональной интуицией, почти никогда не подводившей; я подходил к больному, смотрел его и никогда не ужасался; я с трезвой головой и холодным сердцем обдумывал, как ему помочь, принимал решение и прикладывал максимум своих обширных знаний и навыков...

Как священник, ты скажешь, что я должен сострадать каждому, – поверь, в этом нет нужды: мое дело спасать, а не соболезовать. Если случались на тридцать пятом году карьеры проблески человеческого соучастия, то они всегда оставались более умственными, чем исходили из глубины души. Для чего я тебе обо всем этом пишу? Да чтобы ты понял, что однажды со мной произошло нечто чрезвычайное.

Я просто вальяжно шел вечером кофейку попить – на спокойных «сутках» да по коридорчику – мимо прикрытой двери смотровой, когда из-за нее донесся самый обыкновенный женский голос. И вот теперь я скажу тебе что-то необычное: я узнал его сразу, хотя в тот же миг понял, что никогда **на земле** не слышал. Нет, нет, ничего ангельского и даже особо красивого: нечто такое, знаешь, резко-ватое, на средних тонах... Женщина спрашивала кого-то: «А он точно согласится?» – и у меня, битюга здорового, ноги на месте подкосились, и сердце зашло. Потому что там, за дверью, была – она. В этом коротком словечке самым таинственным образом заключалось все: мое веселье и горе, жизнь и смерть, и даже благополучие самого по-смертного бытия... Там, за стенкой, могла ждать меня совершенная дура и крокодилница – я уже был и на такую согласен, потому что узнал ее сразу и всю, еще не видя, – и все клетки остро и сладко пронзила радость... Не похоть – заметь себе наперед. Я открыл

дверь и вошел. Заплаканная женщина лет сорока пяти, осторожно поддерживая правой рукой шину, наложенную на беспомощную левую, ссутулясь, сидела на низкой оранжевой кушетке рядом с нашей тогдашней старшей сестрой, которая обнимала ее за поникшие плечи и что-то успокоительно бормотала. Коротко остриженная – а мне всегда нравились у женщин длинные волосы; рыжеватая блондинка с карими глазами – а я всегда предпочитал светлоглазых шатенок; с крупной грудью и широкими бедрами – а у меня только на хрупких тростиночек раньше стоял... Так вот, все это за считанные секунды сорвало, смяло и выбросило – так внезапный городской ураган расправляется с рекламными щитами и крышами жалких ларьков: передо мной во всю мощь сияло солнце – а какие на солнце могут быть пятна?

Ее и звали-то, как меня, но на женский манер: Виктория. Одноклассница нашей старшей медсестры, она позвонила той – прямо в ванную! – после того, как дома из-под ног вывернулась хлипкая табуретка... Когда кое-как поднялась с пола и, проведя ревизию сотрясенного организма, поняла, что уши-бы не критичные, зато рука висит плетью и пальцы не шевелятся... Конечно, связываться с районным травмпунктом в здравом уме не захочет никто, а частный вполне способен выпустить пострадавшего под утречко да без штанов. Наша Юля не подкачала: из ванны вылезла, оперативно вернулась к месту работы, встретила там расстроенную товарку и доставила на починку в родное отделение, по дороге заведя в приемном на рентген, четко показавший самый простой, без роковых смещений, перелом лучевой и локтевой косточек... Случай для фельдшера – да и опытная сестра бы справилась...

Я кружил вокруг нее больше часа. Лично вытирал ей слезы, заговаривал зубы и тряся, как первокурсник, – не причину ли малейшей боли прикосновением; украл ради нее упаковку облегченного платного гипса и ампулу трамала, а когда сестра колола ей попу, – отвернулся! Позже, обманом заманив в комнату отдыха, отдал ей свой ужин и заставил съесть, записал номер телефона, чтоб заоч-

но контролировать течение болезни, а потом довел до такси... У нее мог быть муж и пятеро детей – но это даже в мыслях у меня не промелькнуло. Ну, а Алена... Алена как раз похоронила незадолго перед тем своего много-страдального супруга и, вроде бы, находилась в официальном отпуске и трауре, но для меня с той первой минуты и на целый месяц она просто исчезла с лица земли.

То есть, возникал временами смутно знакомый испуганный голосок в телефоне – но я каждый раз торопливо отделялся от него парой небрежных фраз, внутри себя знал, что она обо всем догадалась и страдает, обиженная, – но было мне, прости, друг Санек, глубоко плевать. Я даже не думал, как стану объясняться, – просто списал ее, будто просроченную колбасу в универсаме.

А там, в том единственном пригодном для Вечности месяце жизни, что была мне Господом милостиво отпущена, – многим и того подчас не достается – все шло так, как может идти только настоящее. Июль прошлого года не был ни жарким, ни дождливым. Я бросал машину невдалеке от метро, где мы встречались (ее рука под гипсом предсказуемо быстро перестала болеть, а гипс парадоксально даже шел ко всему ее облику), сразу вел ее и себя обедать в один полупустой по случаю лета и кризиса рестораник – и до уже далеко не перламутровой, а скорей, сиренево-бархатной июльской ночи мы шатались, видя только друг друга, вдоль каких-то полусонных каналов, мимо невнятных домов и размытых скульптур... На ней всегда были необычные, яркие платья и кофточки, каждый вечер разные: нарядная, зрелая женщина мегаполиса, дизайнер на вольных хлебах... Не замужем и без детей – но это ничего не меняло, ни в лучшую, ни в худшую сторону. Думаешь, целовались по подворотням? Ни-ни, Санек, сам до сих пор удивляюсь: мы разговаривали. О чем?! Ни руки мои, ни ноги до какого ни есть изобразительного искусства так и не дошли серьезно – когда бы это?! – только мелькают в памяти какие-то насильственные школьные экскурсии, когда что-то пестрое по стенам было повешено, да разве Джоконду на картинке узнаю; в женатую бытность раз в

полгода модный спектакль, вроде трудовой повинности, отбывал – только как шея, к воротничку непривычная, чесалась, помню... Да Вика в медицине, лучше, чем я во всем этом, разбиралась, – а ведь не замолкали же! В детстве одно и то же любили, те же книжки читали, в юности одним мучались, в молодости одинаково обожглись, в зрелости пришли к схожим выводам... Словарь у нас похожий – это когда один за другого договаривает, отцы у обоих почти одновременно умерли, а матери живы... Глубокой ночью до подъезда ее доводил и обе руки целовал по очереди: здоровую по-гусарски, больную, что из-под гипса выглядывала, – с братской бережностью... А чтоб на кофе какой-нибудь напрашиваться... да я бы при одной мысли от стыда сгорел! Закрыется за ней дверь – и я лечу в машине через весь город, торопя рассвет, – потому что новый день опять принесет встречу... И такие кульбиты на половине шестого десятка.

Я пишу сейчас тебе, а не ей, потому что заветный адрес с тех пор для меня таков: указанный ею правый, один из многих, если ехать от центра, поворот с Московского на тихую улицу; там уже метров через двести – левый, в зеленый дворик с детской площадкой – в центре еще синий коник стоит мозаичный! – и несколько разновеликих новостроек, вроде карикатуры на Стоунхендж. В крайней правой – вторая парадная, и на семнадцатый этаж лифтом... Но туда подняться не пришлось, и я даже номер квартиры не знаю. Да что там номер – я и фамилию не спросил!

О том месяце досказать осталось немного. Тут я уж скупо, потому что ведь сокровенное. Время пришло, конечно, – взрослые же люди, не век под ручку ходить. Привез ее к себе, потому что в берлоге своей любой самец себя уверенней чувствует, а в чужой – там еще обнюхаться надо. Гипс размочили и срезали, руку ее несчастную высвободили, и я сразу без всякого рентгена понял, что все срослось, как в учебнике, – благо четыре недели кальций в нее во всех видах запихивал... Если ты видел человеческую конечность непосредственно после гипса, то помнишь, конечно, что из-за временной атрофии мышц она выглядит тощенькой, как у дистрофика,

и жалкой до невозможности... Я ее двумя пальцами обхватил – и они сошлись. Кто бы мог подумать, что так сексуальна окажется травмированная женская лапка...

А под утро вступила в дело наша подлая мужская физиология: брюки на мужике или ряса – а знакомо это любому не понаслышке. Когда, наконец, добиваешься желанной женщины, то после всяких гормональных восторгов и соловьиных трелей почти неизменно приходит легкая пресыщенная разочарованность. И все те сомнения, что за ненадобностью были до поры отложены, вдруг дружно обступают тебя, как вражья сила одинокого витязя... Я лежал на спине, закинув руки за голову, и было мне страшно: что я тут наворотил? Какие такие крутые выражи в моем возрасте? Я, возможно, и влюблен в эту женщину, но с чего я взял, что с ней надо связать жизнь? Она ведь не одна в мире, у нее какие-то родственники, друзья – как я во все это буду вписываться? А она – в мое? Не станет ли для меня через пару месяцев попросту неприемлемым этот ее неуютный художественный мир, в котором она своя, а я чужой, хоть голову разбей? Мы далеко не юные – и ни одного из нас не перекроить уже по мерке другого! А с Аленой как быть – так вот взять и бросить? Наступил понедельник, она с дачи, наверно, еще вчера приехала, сегодня на работу выйдет – и что? Ей теперь из больницы увольняться? Был момент, когда я почти с неприязнью глянул на тихо спящую рядом женщину: правильные черты ее лица постепенно проступали в ненавязчивом утреннем полусумраке, и уже очевидно было, что возраст не щадит ее, как и всех. Машинально отметил, что у нее, должно быть, грядут серьезные проблемы с почками и давлением, потому что за ночь лицо довольно заметно отекло... Скоро, пожалуй, придется показывать ее нефрологу и кардиологу – а как ты хотел, дорогой: муж – врач, она что, в поликлинику пойдет? Я скрипнул зубами и осторожно тронул спящую за плечо: «Вика, пора вставать, я почти проспал на работу...».

В машине молчали – женщина была сонная, бледная и некрасивая, едва припудренная. «Конечно, – с легким раздражением подумал

я. – С твоей божественной свободой ты, пожалуй, раньше полудня вставать не привыкла!». Я подвез ее только до метро, предвидя нешуточные пробки, – на прощанье Вика подняла на меня неприятно вопросительный взгляд. «Сегодня не получится, сил не хватит», – вымученно улыбнулся я в ответ. «Конечно, не сегодня! – радостно застрекотала она. – Завтра! И давай не у тебя, а у меня, да? Надоели эти рестораны – я приготовлю праздничный ужин сама! Вино у меня есть! Не все же тебе... Ты во сколько приедешь? Номер моей квартиры...». «Созвонимся...» – перебил я.

До больницы полз, как обычно, больше часа, перебираясь из «красной» пробки в «желтую» и обратно. Руки тряслись на руле, я видел их, и отстраненно думал – как буду сейчас оперировать? Никогда еще не двигался так медленно нетерпеливый поток машин, никогда так долго не горел на перекрестках красный... Я должен был успеть. Успеть помешать повороту всей своей жизни на прямую дорогу в сомнительную неизвестность. Предотвратить легкомысленную утрату всего таким трудом нажитого, близкого и понятного, не подлежащего мгновенному пересмотру. Не допустить полный хаос вместо привычного и надежного порядка... Успеть, пока она вновь не проросла во мне ощущением жгучего счастья и боли. Пока не вернулся на губы вкус ее губ, пока не встали ее вопрошающие глаза перед моим смятенным внутренним оком... Спасись от всего этого, попросить помощи – сейчас, немедленно, пока не поздно!..

Я шел по больничному комплексу почти неприлично быстро, кое-где переходя на рысь в коридорах, потому что Виктория уже начала вновь победительно распускаться где-то внутри, как тугой пионовый бутон, постепенно являющийся волшебную нежную сердцевину... О, счастье! – успел, конференция еще не началась, и наши доктора цепочкой тянулись в ординаторскую... «Алена Никитична, можно вас на секундочку?».

И, когда она подошла, на ходу просияв и вспыхнув, я с остановившимся сердцем без улыбки спросил в упор: «Теперь ты станешь моей женой?».

Глава 6

Умереть под пальмой

К тому времени, когда бурная осень, вволю натешившись над закаленными чувствами давно ничему не удивляющихся горожан, готовилась передавать права бесконечной питерской зиме, уже мягко подступающей на серебристых, как у породистого кота, лапах, Вика значительно расширила свои познания в области расплывчатой науки под коротким названием жизнь.

lancelot:

Как-то внутри это слово – «рак» – организм гармонично переложил на себя и мгновенно сросся с ним, словно ждал.

В таком небольшом, едва за пределы ладони выходящим прямоугольничке смартфона обитали теперь живые люди, ничего о Вике не знавшие и, пожалуй, сильно удивившиеся бы, если б узнали, с какой силой любви и сострадания думает о них каждый день не знакомая ни с одним из них лично немолодая женщина. Те, что сидели когда-то за соседним столом в третьесортном ресторанчике, – и другие, порой вступавшие в их зазеркальный, нетутошный диалог... В Викином арсенале неожиданно оказались новые и страшные знания, отражавшие привычную картину мира, словно в кривом зеркале, – но порой казалось, что именно это невероятное отражение и выдает истинную суть вещей...

miry:

Боюсь, странный пост у меня сегодня получится. Знаю, что у нас на форуме не приветствуется всякая мистика, но ведь втайне каждый из нас думает об этом. Разве не правда? Знаете, у меня теперь ночью заснуть почти не получается: в плевре вода – хоть рыбок запускай, лежу на пяти подушках, как шамаханская царица, мешаю мужу спать своим пыхтением, да и вообще страшно... А днем – вырубает, то на два часа, то больше... Перекимарю – и, вроде, опять жива. А сегодня часа так в четыре дня... Вот честно – не знаю, что это было... Как будто

понимаю, что в комнате у себя, завтра на Песочную, нужно собрать себя в кучу и подготовить скорбный узелок. Но одновременно стою посреди какого-то пляжа с серым песком, рядом залив не залив, а какой-то водоем, полностью замусоренный. И идет ко мне от кромки ужасная женщина в отрепьях – вроде бомжихи. Это я только так пишу – женщина, а на самом деле просто карла какая-то, даже хуже. Кто картины Босха знает, – вот вроде такого персонажа. Роста пигмейского, ножки кривые, короткие, ручки торчат, как у сахарницы, прости, Господи... Голова и туловище слились, глаза навывкате, будто у старой жабы, сама сине-зеленая и скользкая, как падал, волосы пучками по всей поверхности, а поперек во всю ширину – пасть с сальными губищами. А как она ближе подошла, так стало ясно, что это не пасть никакая, а... ну, она, в общем. Та, что у меня уж давно не работает – после всех прелестей РШМ(3)-то... И говорит она – то ли ртом, то ли, ну, этим самым – и кокетливо так ко мне то одним, то другим бочком поворачивается: «Ну, как я тебе? Скоро свидимся...». И вдруг ручки свои тянет – а в них две карточки с цифрами, как в школе были... На обеих по единице нарисовано. «Ты кто?! – кричу. – Я тебя знать не знаю!». Она ухмыляется: «Ну, как же! Я душа твоя. Неужели не узнаешь?». И сгнула...

Девочки, я бы с удовольствием решила, что это кошмарный сон. Но это как бы и не сон, не знаю, как объяснить. С кем-нибудь бывало похожее? Я по квартире, как лунатик ползаю, все из рук валится. Завтра мне ехать воду в третий раз откачивать, и химика, наконец, дожму... Господи, неужели опять доцетаксел? У меня только ногти на руках появляться стали... Я не нытик по природе, вы меня знаете, но тут... Блин, а вдруг этот сон означает, что я из больницы вообще не вернусь? Ведь завтра десятое, а послезавтра как раз... Ну, те самые две единички... Или она одиннадцать дней имела в виду? Или месяцев? Ни то, ни другое не вдохновляет.

Девочки не смейтесь надо мной, я по жизни не суеверная, просто у меня впервые такое!

solnyshko1970:

Люся, успокойся, это она тебе одиннадцать лет обещала.

mirey:

Ну, ты-то ясное дело: «в гроб пойдет, пляша...»¹.

solnyshko1970:

Ты в мой блог не заходила? Я тут вознамерилась умереть под пальмой и уже третий месяц лечусь в Израиле. Представляешь, когда в клинику химичиться в первый раз пришла – они на рецепшн сделали такие улыбки, что я начала озираться в страхе – не стоит ли у меня за спиной премьер Израиля...

lapushka:

Зоя, а ты рассказы писать не пробовала? Зоценко нервно курит в сторонке...

godiva77:

Слушай, Люсь, ну, правда, вдребзднись давай! Это из-за воды ты такая квелая, а кошмары потому, что вода на мозги давит. У меня тоже было: живот такой вырос, что, когда брат с племянником меня на откачку в машину почти несли, консьержка спросила, кого я жду – мальчика или девочку. Полгода прошло, восемь раз химию прокапали, ттсы укротились чуток – так я даже вечернее платье себе сшила. Выйдешь, как огурец, а прокапают – на паричок канекалоновый² разоришься и можешь замуж идти.

Angelina:

Ей нужен волшебный пендель от Заюни. Катя, ты где?

Zajuna:

Здесь я! Люся, встань раком и приготовься. Раз-два-три – мой волшебный пендель на удачу поднимет тебя с колен.

Mirey:

Спасибо, чувствительно. Дай Бог, чтобы помогло. Сама-то как?

Zajuna:

Как, как – как бездомная мышка: мне-то пенделей не давали. Я в хосписе вторую неделю. Отправили меня на симптоматику...

Angelina:

Где?!! Что случилось?!!

¹ Стихи М. Цветаевой.

² Изготовленный из особого вида водорослей.

Mirey:

Слушай, Катя, – ты того... Дурак ты, боцман, и шутки твои дурацкие. Торпеды-то вон, где прошли...

Zajuna:

На этот раз не промазали. Кроме шуток. Я и сама не ожидала, что так скоро все кончится. И полтора лет с рецидива не прошло. Химичка как на анализ крови глянула – а там билирубин в 30 раз превышает норму. Вы, говорит, еще одной не перенесете. У вас и печени-то нет больше, один сплошной метастаз... Предложила хоспис, чтоб хоть как-то промыли, и мне б каждый день в ОД не таскаться, – так ведь и по дороге откинуться недолго.

Lancelot:

Спокойно, милые дамы. С симптоматики возвращаются, я сам видел. У нас в ОД одного мужика с РЖ(4) два раза отправляли. Три года прошло, он до сих пор на своих ногах и с новой женщиной.

Angelina:

Катя! Не смей, слышишь?! Не смей! А мы тут как все без тебя?! Ты о нас подумала?! Закогтись и не сдавайся! Вот назло! Катя, ты здесь?!!

Mirey:

Арсений вернулся!!! Где Вы были целый месяц?! Последний пост в конце сентября – и все. Я уж боялась...

Lancelot:

Я был в Иерусалиме.

Angelina:

Вот здорово, наша Зоя-Солнышко как раз там сейчас свой РМЖ(4) лечит.

Lancelot:

Не знал. А то отыскал бы. Но я не лечиться ездил, я в паломничество. Зайди в мой блог, я только что запостил там что-то вроде отчета, а здесь другая тема. Люся, я тебе вот что хотел сказать: то, что у тебя было, – это называется страхование. Неужели сама не понимаешь? Это тебя пытаются деморализовать, показать, что все твои муки напрасны, что никакими покаяниями ты свою душу ничуть не очистила, и все напрасно, не трепыхайся, дескать. Уверяю тебя, дорогая, если б твоя душа была такая, как ты описываешь, на тебя никто – оттуда, снизу, я имею в виду – и тратиться бы не стал. У

всех нас души раньше были похожи – да, на твою «бомжиху», но ведь не могли даром пройти эти месяцы и годы страданий. Давай же, вспомни про тех лягушек в молоке!

godiva77:

Слушайте все... Мне только что позвонил сын Ани. Которая nuta69... Она умерла вчера утром. Дома.

Вика отложила в сторону смартфон. Нет, это невозможно – прямо камера смертников какая-то... Словно по одному уводят на расстрел... Вот кто-то обернулся в дверях, махнул шапкой: прощайте, товарищи! И стучат, стучат по обшарпанным стенам, направо и налево – точка-тире-точка-тире – услышите хоть кто-нибудь, не забывайте меня! Не так ли оглянулась в дверях Нюта? Ее последний прерывистый пост на блоге – как криво выцарапанная надпись на тюремной стене – «Братья и сестры, отомстите за меня!»:

nuta69:

Девочки, родные, пишу, наверное, последний раз. Диктую мужу, потому что у меня уже нет сил держать айпад... Если обезболики – то плавать в нирване, а без них – мечтать о петле... Я не вижу ничего, все сливается, гадов в мозгу ничто не берет, зато они последние, кажется... Новым просто уже некуда ползти... Пишу, чтобы сказать всем спасибо, – без вас мне бы так долго не продержаться... Вы стали второй моей семьей, до последнего дыхания вас не забуду... Простите, если кому чем досадила или сказала что-то не так... Кто ходячий – подайте записочки за упокой Анны, а я вас и там буду помнить... Солнышку-70 отдельный респект... Пусть ее там вылечат, пусть все вы выздоровеете, вечной вам ремиссии... Если б мне обещали, что завтра найдут лекарство от рака, мне бы все равно не жаль было уходить сегодня, потому что лучшим подарком было бы знать, что вы победили проклятое зло... Это все. Простите... Прощайте... Вспоминайте иногда свою Нюту...

Несколько месяцев Вика на форум не заходила, порой испытывая там неприятное чувство праздного любопытного, бесцельно стоящего на улице над покалеченной жертвой

несчастливого случая, которой уже кто-то оказывает умелую помощь в ожидании «скорой» – и вот-вот с осуждением оглянется на тебя: «Вам здесь что – кинотеатр?». Потому что сколько ни сострадай – а не переведешь же ты им деньги на лечение, хотя бы потому, что их просто нет, а если б были... У тебя кредит с ипотекой, как шерочка с машерочкой, солнечный зайчик-племянник, да мать надо на пенсию выталкивать... У тебя одиночество почти на чердаке и разбитое сердце – от него ведь тоже не придумали лекарства!.. Как будто вчера, а ведь почти полгода прошло...

solnyshko1970:

Наклеила я ногти, ресницы прицепила, ногу пристегнула – и парик напялила новенький с обалденной стрижкой. Оказалась мстами даже красивая тетенька.

Это она спустя три месяца прочтет, а в тот день...

Тот день после их первой и единственной ночи она весь, почти до вечера, проспала – тем глухим сном выздоравливающего, что целебен, как горный воздух, как пряный запах трав... Она не ждала тогда звонка от Виктора, а, наоборот, с жалостью, уже почти как жена, думала о нем: и двух часов, наверное, не проспал мужик – а ему же людей оперировать! Небось, еле до дома добрался и упал в кровать, как подрубленный... Упал, а там запах ее духов по всем подушкам... Ночью на одном дыхании Вика вдохновенно слепила чуть не всю серию заказанных плакатов – решения приходили стремительно, будто выстреливали, – и, встав из-за компьютера с ощущением хорошо поработавшего и заслужившего награду человека, успела еще сладко и тягуче вздремнуть до полудня... Ее подбросило: ужин! Виктор работает официально до трех – ну, полчаса накинуть на всякое разное, да час добираться...

solnyshko1970:

Принимаю поздравления и подарки! Мой зацелованный до дыр анализ крови показал лейкоциты 3,7 – это значит: химия, химия, химия, сугубая химия!

Вика рассчитала, что приедет он между половиной пятого и пятью, и, стало быть, звонка следовало ожидать после трех: он ведь по-прежнему не знал номер квартиры! Она улыбалась, наскоро собираясь на недалекий рынок: сегодня предстояло то, зачем вообще было упрямо и жестоко свито год назад это странное гнездо со спальней в кладовке и кое-как отгороженным кухонным закутком. Ужин! В собственном доме! Славная бутылочка доброго вина, лукавый взгляд поверх полупустого бокала, протянутая через узкий стол рука... Как просто – и как грандиозно, если вдуматься!

lancelot:

Все пытаюсоь донести до Кого-то наверху, что мне тут надо еще миллион дел доделать!

Вика оперативно купила ляжку упитанного ягненка у знакомого дружелюбного дагестанца, он же досылком сунул ей в сумку с продуктами пакетик специй – и на попытку достать деньги протестующее сверкнул страстными глазами и зубами: это подарок, как постоянному покупателю! Весело было выбирать тугие азербайджанские помидоры – один был разрезан напоказ, и сахарный налет на пунцовой мякоти напомнил какой-то особенный арбуз из детства... Яркие букетики южной зелени пахли остро и завораживающе, а кондитерском она чуть не заплакала от умиления, увидев и немедленно купив точно такой же – или очень похожий! – бисквитно-кремовый торт в стиле рококо, какой ее молодой папа каждый раз пунктуально приносил домой в день полочки, – и тогда в доме сразу начиналась радостная суэта. Все виделось добрыми предзнаменованиями простого человеческого счастья...

solnyshko1970:

Бабоньки, счастье в жизни, определено, есть, только я не там, где оно.

...Засыпанная дареными специями, заботливо обернутая в несколько слоев фольги ягнечья ножка так вкусно, мирно и по-домашнему благоухала на всю квартиру, ровные розоватые картофелины покоились на дне белой ка-

стрюльки, почищенные и залитые водой, уютно гудел и подмигивал неуклюжий добрый кондиционер – вот сейчас зазвонит телефон, и тогда Вика поставит картошку на огонь, чтоб поспела к приезду Виктора... Сама она, с пушистыми одуванчиковыми волосами, в легком платье с рисунком из перепутанных роз, в меру подкрашенная, летала вокруг стола, поправляя и так идеально разложенные приборы. За час до того она специально пошла на ужасную, почти казуистическую хитрость: заранее кратко поболтала со всеми, кто гипотетически мог позвонить, – чтоб не вздрагивать понапрасну, когда в час настоящего ожидания они вдруг скопом, будто сговорившись, начнут добираться до нее, – и каждый раз придется хвататься за сердце. Она навек запомнила головокружительный аромат теплых специй, дружески пахнувший ей в лицо из духовки в тот момент, когда раздался звонок в самое подходящее время – в половине четвертого. Вика споткнулась с противнем в руках и с лязгом запихнула его обратно, схватила телефон – но на экране высветилось: Юля. Та самая, что работала старшей медсестрой и месяц назад, в тот незабываемый день, передала ее с рук на руки Виктору. Было бы приятно услышать ее когда угодно, но сейчас... Не брать трубку. А вдруг – Виктор на срочной операции, и это именно он попросил ее позвонить от его имени?

veruca:

Совсем не хочется писать о том, как я в очередной раз страдала!

Юля звонила по собственной инициативе. Просто так. Обсудить новости – они ведь одноклассницы. Женька вернулась из Америки и прокликает ее так же рьяно, как год назад перевозносила, – невкусными оказались тexasские хлеба. Таня и Митя развелись – жалко, да? – а казались такой классной парой... Алексеевы уехали в отпуск – совсем рехнулись, годовалого внука с собой в Тунис повезли... А с работы она со следующего понедельника увольняется – хватит, напыхалась за копейки – ее взяли в новый перинатальный центр, должность та же, зато оклад в полтора раза выше и премии не на словах, а на деле...

Боже мой, Боже, пожалуйста, пожалуйста-

ста... Если она протарахтит так еще минут десять, то Витя просто не сможет дозвонится, и ему придется ломиться во все шесть дверей на площадке – по закону стервозности природы, в ее дверь он позвонит в последнюю очередь.

«...Ну, в общем, такие дела... Да, помнишь своего доктора? Ну, этого, Виктора Иваныча, еще гипс тебе накладывал, здоровый такой, седоватый... Так представляешь, он нашей докторице одной, ее Алена Никитишна зовут, вчера при всех предложение сделал, а сегодня у них тут что-то вроде помолвки было... Довольные оба, как веники... Она ничего такая, худенькая, нашего примерно возраста... Муж у нее недавно умер – раньше здесь на гинекологии работал – так и башмаков еще не носила...».

skazka2012:

А вот вам, девочки, мой смайлик, утонувший в слезах!

Господи, прости, ну когда же боль-то отпустит?! Полгода уже... Господи, я же не прошу Тебя – дай мне его. Я давно не прошу. Я прошу – отжени... И можно – пусть я сейчас зайду на сайт, а у Солнышка-Зои там, в Израиле, все это время – ремиссия...

solnyshko1970:

Миленькие люди, в меню фильм ужасов. Собралась со всеми своими силами и решила написать, объяснить, чего это я растворилась на блоге... Может, это неприлично, то, что я сейчас пишу, но ни думать, ни говорить про болезнь у меня теперь не получается. Так скажем, у меня в последнее время вообще мало чего получается – ни поесть, ни лечь, ни даже нормально дышать, последний ПЭТ показал, что угажены практически все органы. Опухоль пытались облучить, сама она подсохла, но тотчас полезла к левой груди, шею и поясу. В больнице лежать на облучении оказалось очень тяжело, потому что даже поднять чашку попить без посторонней помощи могу не каждый раз – только сильно обезболенная. До туалета, который прямо в палате, доползти еще как-то, но заканчивается плачевно, сразу в обморок, иногда с произвольным хождением в туалет по-большому, прямо уже на кровати. В таком вот состо-

янии я домой и прибыла. В химии мне отказано – ваш организм уже получил нереальную дозу химии, ну, я и сама уже чувствую, что врачи не врут. Тем более, что облучать пытались, с самим облучением тоже вышла нестыковка – опухоль так проела кости, что скелет развернуло, и спереди и сзади narосли два больших горба кошмарных и распялить меня на аппарате не удалось, вернее, удалось два раза, но, как доктор сказал, аномальными способами. Да и смысл, если шишки с гноем и кровью прут в левую сторону по всему телу, на голове только 20 штук, и самые смачные уже намекают на то, что скоро заколосятся. В общем, про все это, честно, даже говорить неохота. Стали приходиться ужасные психические состояния, кто не испытывал, тому не объяснишь. Я стараюсь держаться, расслабиться и пореветь не могу, задохнуться боюсь... Ночью так тяжело, что кажется – с ума сойду, мысли о смерти просто душат. Не теряйте меня. Я люблю всех, всем благодарна, и не только за помощь, а просто за то, что вы есть и я не одна, я это чувствую... Хотя последнее время что-то более сильное выпинает меня от всего моего куда-то туда, где мне, отчаянной трусихе, совсем невыносимо и не хочется!!! Я целую вас всех, люблю, мои хорошие, пусть вам всем повезет!!!

Ваша я.

Глава 7

Найди мне синего коня

Собственно, это все, что я хотел написать, Санек. Наша вера православная, наша вера парадоксальная. За то и люблю, что не как у людей: родила Девственница царского рода, да не во дворце, а в хлеву, ждали царя – пришел Какой-то Девшии, хотели благополучия – получили страдания – и радуются... И вполне допускаю, что осуждены будут не те, что осуждаемы, и оправданы не оправданные, а заклеянные. Откуда я знаю, отец ты мой Александр, что не поставит мне Бог во грех ни смятенный месяц, ни благословенную ночь, – а сурово осудит мой самый законный и праведный брак? А оттуда. В прямом смысле.

Пять недель, считая с памятного утра, я прогордился своей правильностью, с чув-

ством победителя попирая покорную, как безответно влюбленная женщина, землю. Пять недель мне успешно удавалось справляться с рвущимся наружу, как невинно осужденный из острога, приговоренным чувством. Я успешно запретил себе обращать внимание на трещающую по ночам от глухой боли грудную клетку-камеру – и лишь крепче прижимал к ней сонную голову официальной невесты... Но все равно неслась изнутри далекая морзянка, как последний призыв о помощи с уходящего в пучину корабля... Я не отвечал. Я принял решение. Я не мальчик, я муж.

Сразу после нашей приятной и скромной свадьбы Алена взяла на работе три недели за свой счет – ну, а я, выйдя в законный отпуск, вознамерился отпустить нас обоих на волю каких-нибудь благодатных волн Средиземноморья, для чего мы однажды и решили отправиться с уважаемой супругой в сговорчивое турбюро за горящими путевками. Она пришла на место нашей заранее назначенной встречи – известный мостик через канал Грибоедова – минут за десять до меня, целый день прозанимавшись счастливым шоппингом: я уже знал по телефону о двух французских рубашках для себя и новых ее, невиданных босоножках – и вот новоявленная супруга моя взалхлеб щебечет в трубку об авангардном дамском романе, в поисках которого хищно рыщет по второму этажу Дома Книги... Я понял, что, чем нервно стоять у парапета в течение ближайшего тоскливого полудня и с презрением созерцать папуасский досуг резвящихся там и тут представителей очередного подросткового и вполне готового потребовать неких прав поколения, я лучше поднимусь в прохладное святилище книголюбов и подберу себе неприятную книжицу на сон грядущий.

Остро помню, как стремительно прошел человеческий поток, бурливший на кратком пути от входа до лестницы, как рассеянно ступил на нее, слепой ладонью нащупывая перила, как машинально поднял голову, обозревая недалекую вершину... Там стояла, нет, уже начала роковой спуск отвергнутая любовь моя – в нелепом сине-золотом пальто, двумя руками прижимавшая к груди местный фирменный пакет с книгами... Позади напирали – я не мог замедлить шаг; ее тоже несло общее озабоченное течение – в

обратную сторону; прямо перед глазами с удивительным грохотом промелькнули вычурные дамские туфли, проплыли круглые, туго затянутые в темное колени, овеваемые сверкающими фалдами... Почти сразу я увидел каменно-голубоватый профиль с опущенными глазами и успел разглядеть только презрительно дрогнувший угол яркого рта. Не знаю, может быть, привычно исполненный нашей мужской самоуверенности, я полагал раньше, что при никогда не исключаемой внезапной встрече покинутая женщина обязана зарыдать, потребовать объяснений, осыпать горькими упреками... Вика ни разу не позвонила мне из глупой бабьей гордости (просвещенная, уверен, своей подлой товаркой, немедленно донесшей о моем трусливом вероломстве), но я знал, как много значили для нее наши отношения, – она не имела права оскорбить меня, не удостоив и взглядом! Но ни о чем таком я не подумал. Я внезапно понял, что очередному вдоху мешает тяжелая сквозная боль, – и вдруг мои слабеющие ладони оказались на верхней ступеньке. Уже видя, что кто-то бросается ко мне с испуганным лицом, я еще делал протестующе-успокоительные жесты, надеясь расстегнуть воротник и перевести дух... Это неправильно, я же врач, а не больной! Помню странные алые круги перед глазами, чудовищное нечто, проламывающее мне ребра изнутри, – и тишину, непроницаемо-ватную...

Здесь я пленник судьбы и Алены, но не могу ждать выписку, чтобы сделать все это самостоятельно, пойми. Ты не хуже, а лучше меня знаешь, что ни у кого нет гарантии завтрашнего дня: прошлым вечером я случайно выглянул не в то окно – и невольно пронаблюдал, как происходит изгнание из нашего реабилитационного рая: два хмурых санитаров шустро провезли по короткой бетонной дорожке каталку с навеки реабилитированным и в два счета свернули за угол, где, можно не сомневаться, притаился морг. Никаких особенных подвигов я не прошу: просто приезжай отпустить мне грехи – а я дам тебе ключ от своей квартиры и расскажу, где в ней найти мою старую записную книжку. Я мог бы попросить об этой услуге и Алену, но... знаю, что при этом у меня дрогнет и изменится голос, забегают глаза. Неважно, о

чем она, проницательная, догадается, важно, что опять вступит в дело отвергнутая мной диалектика, – и я снова начну неуклюже составлять проклятый пазл из разнородных правд... В книжке есть мобильный нашей бывшей старшей сестры – той самой Викиной одноклассницы, что доставила ее полгода назад прямиком в мои, увы, ненадежные руки. Она, может быть, знает новый Викин номер: не сомневайся, по старому я звонил и звоню, но... там снова и снова говорят, что он временно не обслуживается. Они лгут: это навсегда – она сменила его именно для того, чтобы я не смог дозвониться и так и умер когда-нибудь подлецом. Ну, а если и эта ниточка обрезана, – и скорей всего, так и есть... Ты ведь найдешь для меня ту «квартиру на семнадцатом этаже во второй парадной крайней правой новостройки над зеленом двориком в двухстах метрах слева по одной из улиц направо от Московского, если встать спиной к Адмиралтейской игле»? А главная примета – не забудь, это очень важно! – синий конь посредине детской площадки. Не надо ничего объяснять – просто покажи ей это письмо. Она поймет.

Вот теперь действительно все. Остается надписать адрес и вытащить шоколадку из тумбочки – для нашей Светочки, славной девочки, есть тут такая трепетная сестричка с большими-большими глазами. Надо успеть перехватить ее в коридоре у сестринской: рабочий день закончен, и она там, должно быть, переодевается и прихорашивается. Девочка скушает шоколадку и в благодарность донесет письмо до почтового ящика – я бы и сам выскочил, да не знаю, где теперь искать такой раритет.

Ах, да, вот еще что. У тебя там, наверно, сейчас опять забурлили в ясной голове хорошие сомнения. Выкинь их: ничто назад не вернется. Из Жар-Птицы давно сварен суп.

Теперь, если что, я помру спокойно, когда дело оказалось в твоих крепких – ох, и помню ж я твои целбаны, когда мальчишеский спор во дворе проигрывал! – и верных руках. Теперь ты еще научился ими благословлять – так представь, что свои я держу ковшиком, а седая голова моя повинно склонена перед тобой. Было бы письмо электронным – поставил бы смайлик...

Глава 8

Полный стабилизец

Безответная любовь – это не когда, представляя собой бóльшую опасность для машин и пешеходов, чем вдребезги пьяная представительница золотой молодежи за рулем «лексуса», ты истерически взнуздываешь свою лохматку и несешься на ней в ночи, закусив губу, чтобы просто посмотреть снизу на его темное окно, за которым он безмятежно спит с в обнимку с другой. Это не когда, комкая лист за листом и ломая паркеровскую сталь, ты от руки пишешь ему двадцатишестистраничное письмо, годное только на то, чтобы подшить его в историю болезни. Это не скотские горячечные представления о бесконечных совокуплениях с ним – и не сентиментальные мечты о безоблачных совместных завтраках после бурной ночи. Это когда ты его просто – любишь. Ты механически варишь ежеутренний кофе, идешь, как приговоренная, в детский театр с племянником, стеклянно пялишься в четыре утра на компьютерный экран, отсылая готовый заказ... Да мало ли что еще! – тоскливо ругаешься с сестрой, сплетничаешь со случайной подружкой, спешишь на перспективный деловой обед... Бронируешь билет, чистишь зубы, заводишь машину... И просто любишь его. Он не с тобой, и ты знаешь, что вы никогда не будете вместе. Но он – внутри, прорастает во все клетки, как злокачественная опухоль, и поедает тебя то медленно, страшно медленно, постепенно, то вдруг делая огромный захватнический скачок, – как раз в те спокойные дни, когда тебе вдруг показалось, что начало отпускать, разжиматься... Ты со страхом смотришь в будущее и не знаешь, закончится ли все катастрофой – ты ведь тоже человек, и у тебя есть предел! – или все-таки любовь постепенно изживет сама себя, усохнет и распадется, как забытое на ветке яблоко...

Способов бороться с ней не существует. Можно безобразно напиться в одиночестве, или нахамить ему при встрече, или, наоборот, эту встречу коварно подстроить и сделать для него что-то очень хорошее, или заняться сексом с посторонним человеком... *Расхристануться, устроить истерику – или взять и*

*уехать в Америку*¹ – о, да, стихи тоже на время помогут... Как ударная «химия» только на время приостанавливает рак и дает возможность еще чуть-чуть погулять на свободе в мире здоровых людей, притворяясь перед ними и собой, что ты такая же, как они, и можешь строить планы, давать обещания, и вообще, с тобой можно общаться, как с равной!

А можно просто развеяться, пройдя ежегодную диспансеризацию, – бесплатно и качественно, потому что один из твоих благодарных заказчиков случайно оказался медицинской клиникой, которой понадобились рекламные щиты и проспекты, и он преподнес тебе в качестве бонуса свой годовой страховой полис, – разумеется, предварительно догадавшись, что ты практически здорова и особенно тратиться на тебя не придется.

По уютным, бежевой плиткой выложенным холлам, так густо уставленным кадками с изумительными растениями, что клинике, пожалуй, требовался штатный садовник, Виктория с любовью внутри и смартфоном в руках переходила из кабинета в кабинет.

godiva77:

Только держись, еще чуть-чуть осталось, я уверена! Доцетаксел поможет, не может не помочь, он всем помогает! Со мной в палате одна женщина лежала – так она после этого на четыре года в ремиссию вышла. А ногти новые наростут – и оглянуться не успеешь! Знаешь, когда доходишь до ручки, всегда протягивается рука с Небес.

mirey:

Я так долго жду, жду уже эту руку... Теперь я поняла. В том сне мне обещали одиннадцать не дней или месяцев, а недель. Я знаю. И по всем подсчетам так выходит...

prihozhanin:

Какой руки вы ждете, mirey? Что вы сами для этого сделали-то? Вас, godiva77, это тоже, между прочим, касается. Не тем вы лечитесь, напрасно только губите свой организм, проку не будет: травитесь химиями, сжигаете себя лучами – а стабилизация только временная! Посмотрите: у всех, у всех вас только краткие улучшения, и быстро становится намного хуже! Потом не-

¹ Стихи И. Ганделя

избежная смерть, а дальше что – вы думали? Считаете, как тут написал кто-то, «отмучаетесь»? Ничего подобного, там самое интересное и начнется. Потому что ни одна из вас не желает понять, отчего это с ней случилось. Только и читаю: «За что это мне? Я такая хорошая!» – и длинный список заслуг! А ведь рак – это болезнь непрощенных обид, которые вы в себе растите, болезнь зависти, болезнь ненависти к ближним, болезнь осуждения, блуда и других грехов. Бросайте вы носиться по так называемым врачам и убивать себя ядом, бегите, пока не поздно, к Врачу Истинному – только Он исцелит вас.

zajuna:

Блин, это еще кто? Что это было, девочки? Уважаемый prihozhanin, Вы попали не по адресу. У многих из нас есть свои духовные отцы, с которыми мы советуемся насчет лечения!

prihozhanin:

Вы, Екатерина, уже в хосписе, насколько я знаю, – вам следует пребывать в постоянной молитве, а не шататься по форумам, смущая людей.

lapushka:

Я знаю этого @удака. Он не только на нашем форуме гадит, он и по другим шастает, уча больных не лечится у врачей. Остановитесь, prihozhanin, вы ведь легко можете стать убийцей!

prihozhanin:

А вы сами неужели не стали им давно, уважаемая lapushka? У вас рак шейки матки третьей стадии – а сейчас, наверное, уже четвертая на химиях выросла, да? Рассказать, каким женщинам ставят этот диагноз? Или сами знаете? Задний проход вам на бок вывели – так может, вы его не по назначению использовали? Но вместо того, чтобы круглосуточно замаливать свои грехи, вы поддерживаете на форумах таких же падших женщин, как вы сами.

veruca:

Админы, вы где?! Как навечно забанить приличного человека, в сердцах не поставившего «собаку» на место и так всем известной буквы, – так вы тут как тут, а как надо – так вас нет! Ни один нормальный верующий не станет отговаривать онкобольных от лечения, да еще и измываться над ними! Да сру-

бите, же @лять, наконец, этот гнилой сук! Неужели не видите, что это извращенец?!

prihozhanin:

Ни минуты не сомневался. Христа гнали почти теми же словами. В мире ничего не меняется.

mirey:

Девоньки, давайте закроем эту ветку. Его ведь так просто не остановишь, как «гадов»...

- Так, ну, что у нас тут, прекрасная Виктория... Кардиограмма... Хм, по возрасту... Приливы не мучают еще? Это хорошо. Ну, флюорография, само собой, без изменений... Уж, конечно, заподозрить в вас туберкулезницу было бы странно. Анализы, анализы... Угу.... Надо же, гемоглобин какой хороший – наверное, гранатов много кушаете, да? Все в норме. Так, смотрим, что узисты нам тут понаписали... А ничего не понаписали – печень чуть-чуть великовата... Что он тут пишет... Ага. Ну, я вам таблеточки порекомендую – пропьете. Смотрите, в нашем киоске берите, у нас вам хорошая скидка выйдет, только полис предъявите... О, вижу, кардиолог вам отличный препарат назначил – только не забывайте принимать, как написано, тогда сразу двух зайцев убьете: и давление в норму придет, и лишнюю жидкость сгоните... Похудеть не думали? Пока полис действует, можно вас к нашему диетологу записать... Ну, потом так потом... Маммография... Первый раз делали? Так... Ничего критичного... Возрастная жировая инволюция плюс фиброаденоматоз – все стандартненько... Никакого лечения не требует – наблюдайтесь раз в год... Мазки на гистологию гинеколог брал? Только через неделю будут готовы, наша лаборатория у черта на рогах. Короче, живите спокойно, а полис мы вам продлим – ведь наше с вами плодотворное сотрудничество только, можно сказать, начинается. Я вот о чем думаю: а нельзя нам в коридорах установить такую... ну, как раньше говорили, наглядную агитацию? Помните, в поликлиниках висели такие милые стенгазеты – их еще от руки энтузиасты рисовали? Ну, а мы с вами сделаем шикарные современные рекламные конструкции – на пользу больным... и клинике – что вы об этом думаете?

Виктория думала о Викторе. А не о нем

– только когда читала форум. Потом выписывала оттуда рецепт сырного пирога из блога покойной Зои-Солнышка – полпачки замороженного маргарина натереть на терке, добавить стакан муки и три ложки сметаны с гашеной содой... – тщательно пекла его, чтобы удивить племянника, – и любила. Смотрела фотографии дивного пряничного терема, испеченного Зоей между двумя израильскими хосписами для трехлетнего сынка Герочки, – и любила. И непохоже было, что скоро перестанет.

skazka2012:

Мой химик сказал: какой вам еще Новый год? Вы не люди, а онкобольные, и должны радоваться химии, как празднику.

veruca:

А мой посмотрел в мою медкарту, как в свидетельство о смерти участника Куликовской битвы, и говорит: «Что вас побудило обратиться?».

dekameron:

Не прошло и двух недель от начала, как волосы сбежали, а муж посмотрел и выдал: такой разнообразной женщины у меня вовек не бывало: то с сиськами, то без сисек, то с волосами, то без волос, то ходячая, то лежащая...

solnyshko1970:

Живем, как г... в бурном потоке: куда прибить, туда и ладно.

skazka2012:

Зоя, я сейчас посмотрела фотки твоих кулинарных шедевров – ты волшебница! Внутри пряничного дворца лампочки провести – это ж додуматься надо! Где бы ты ни была – обустроить свое жизненное пространство так, что оно светится! У тебя что, волшебная палочка есть, признавайся!

solnyshko1970:

Была бы у меня волшебная палочка – мы бы завтра все здесь проснулись здоровыми. Нет. У меня только волшебная скалочка и волшебная духовочка. А миксер вчера в руках застрелился.

mirey:

Прости и прощай, Катя-Заюня! Нет, я не говорю «прощай» – до свидания... До скорого свидания.

lapushka:

Упокой, Господи, душу новопреставленной рабы Твоей Екатерины! Упокой ее в месте светле, в месте злачне, в месте покойне! Смотрите, какую мне вчера знакомая с другого форума молитву прислала: «Отче наш, пройди через мой дом и заведи все переживания и болезни! И пожалуйста, оберегай мою семью! Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Господи, люблю Тебя, нуждаюсь в Тебе, войди сейчас в мое сердце!».

Господи, войди и в мое – пусть эта молитва и неправильная... Дай здоровья моей матери, утихомирь мою сестру, сохрани племянника – и заведи из меня эту любовь, посели в кого-нибудь, кому она нужна, Господи. Да, и этим людям, которые тут, на моей ладони, борются и умирают, – пошли, Господи, то, о чем они тебя просят – все вместе и каждый по отдельности!

lancelot:

Этот опыт был изумительным и бесценным. Сам не знаю, как получилось. Знаете, не люблю громких и пустых слов: наитие... под-сказка свыше... Просто взял и пошел с ними. До этого слышал в экскурсионном автобусе, что человек восемь из нашей группы ночью не ложатся спать, а пешком идут в храм Гроба Господня. А тут возвращаюсь из соседней кофейни, только вхожу в холл отеля – а они навстречу: хочешь с нами? У нас, мол, мужчин недобор, шести женщинам по лабиринту старого города с двумя мужиками ходить неуютно... Развернулся и пошел в обратную сторону... В старом городе грозная тишина, слышен лишь настороженный стук наших шагов. В эти минуты я вдруг понял, что там ничего не изменилось с тех пор – совсем ничего: узкие улочки и серый камень кругом, никакой цивилизации вообще, а все ночное освещение – лучи наших фонариков... У Камня Помазания разошлись, сверив время, как перед началом боевой операции. Три часа хватит? Я сначала удивился – зачем так долго, что тут делать? Но очень скоро понял, что времени мало, ужасно мало – как таким за три часа насытись? В Кувуклии шла негромкая служба – и я отправился пока в обход храма по ротонде. Там и днем особого освещения

нет, а уж ночью... Только свечи кое-где мерцают. Из миран почти никого, иногда просто выступит из мрака сосредоточенная фигура, тихо минует тебя – и можно почти не сомневаться, что русский: у иностранцев режим и программа. Я уже писал в своем блоге о каждой святыне отдельно, но сейчас о другом хочу рассказать. Шел и думал: как же повезло! Днем тут не протолкнуться, едва успеешь лоб перекрестить и к святыне приложиться – а сзади уж очередь возмущается... А сейчас вот, как служба закончится, я без спешки войду в Кувуклию, преклоню колени, уроню голову на белый мрамор... И внятно, спокойно, попрошу у Бога исцеления от моей ужасной болезни, пообещаю ходить в церковь, соблюдать посты и заповеди... А еще помолюсь, чтобы дети хорошо закончили Университет, создали крепкие семьи и чтобы тоже никогда ничем плохим не заболели... И чтобы жена моя успешно защитила докторскую, и ее бы взяли, наконец, в тот отдел, о котором она так мечтает... Да, и чтобы внуки обязательно родились, и мы бы их нянчили! Ну, что там еще... – чтобы у друзей и других родственников все было хорошо... Все говорят в один голос: о чем помолиться у Гроба Господня – то обязательно сбудется! У меня хватит времени обстоятельно попросить обо всем – ведь ночью здесь нет никакого ажиотажа! Я ходил, потрясенный окружающим величием и торжественностью момента, благоговейно опускал руку в отверстие на Голгофе – и все это время заучивал список своих молитв наизусть, чтобы совсем уж неподобающе долго не задержаться внутри Гроба! Около двух часов служба кончилась, я чинно отстоял недлинную очередь, прислушиваясь к себе и прикидывая, проглотить ли обезболик сейчас – или уж после молитвы, – а там, может, и глотать не придется, если все так, как говорят. Когда подошла моя очередь, – я сделал, как собирался: вполз на коленях, легонько стукнул головой по белому мрамору и прошептал... Вот что я прошептал, дорогие форумчане: «Спаси, Господи, как Тебе угодно... Ими же веси судьбами спаси меня и всех, кого я люблю, Господи... Делай со мной, что хочешь, но там ли, здесь ли – а я буду верен тебе, Господи, до конца света...».

- Узнали? Польщен, польщен... Как там наша с вами наглядная агитация, двигается помаленьку? Есть подвижки какие-нибудь?.. Ну, вот и ладненько. Я в вас никогда не сомневался, блистательная Виктория... Вы, может, выкроите как-нибудь на днях времечко, чтобы к нам в клинику подскочить? Да нет, какие эскизы-макеты, я ж понимаю, что такое дело в одну неделю не делается... Тут вот загвоздочка одна случилась... Как бы это сказать помягче... В общем, гистология ваша пришла из лаборатории. Вы только сразу не пугайтесь, это все еще проверять и перепроверять... Но только клетки там мне не очень нравятся... Даже очень, можно сказать, не нравятся. От слова совсем. Вы меня поняли?

veruca:

Конец света уже был, Ланселот... У каждого из нас. А вы и не заметили?

Эпилог

Забери меня отсюда

Маму свою Света не помнила, а папа ее не любил. Он работал массовиком-затейником: зимой перебивался по свадьбам, а летом пристраивался на речной круизный теплоход, где имел отдельную каюту. Унылое время с середины осени до середины весны Света ненавидела не за мрак и холод, как другие, счастливые люди, а за то, что почти каждый день, когда не было дежурства в клинике, она была папой бита – сильно и очень больно, а кроме того, несправедливо и обидно. На работе он вынужден был всегда казаться веселым и смешным, зато дома дочь уже девятнадцать лет видела его только злым и мрачным. Когда-то он сказал случайно залетевшей от него девушке: родишь наследника – женюсь, а если на УЗИ скажут, что там еще одна дырка растет, – то лучше уж сразу аборт делай. Девушка не послушалась, родилась Светочка, отца родственники засовестили – и он все равно женился; бабушка рассказывала, что даже в Загсе, когда папу спросили, хочет ли он взять в жены маму, он с ненавистью посмотрел на невесту, сплюнул прямо на ковер и ответил: «А куда я денусь-то?!». Когда мама, родителей давно уж похоронившая, и сама умерла молодой, бабушка, мать папы, взялась воспитывать

внучку и умела как-то сдерживать вечную вспыльчивую сварливость сына, смягчать его жестокие выходки... Но вот уже полтора года назад, когда Света только-только закончила медучилище – почти на одни пятерки, между прочим, чуть-чуть не хватило до красного! – бабушки не стало в одночасье, и отец совсем озверел. Все кругом думали, что он колотит дочь спьяну, – ничего подобного: трезвенник был убежденный, а если пьяным порой казался, – так только потому, что какая-то странная, мутная, нутряная злоба вечно распирала его изнутри – и порой, как водка, бросалась в голову... Но на работе отца ценили, заказчики покатывались от смеху, слыша его оригинальные остроты, – и охотно передавали из рук в руки, рассовывая ему по карманам наградные свех уговора.

После смерти бабушки хорошенькая сероглазая Света очень быстро поняла, что спасение ее – только в удачном замужестве, и желание поскорей выйти замуж стало у нее таким навязчивым, так высвечивалось в ее глазах при знакомстве с любым симпатичным парнем, что все они рефлекторно отшатывались, чуя неминуемые серьезные проблемы в ближайшей перспективе. Ее готовность идти на все и сразу, чтобы задобрить стоворчивостью и покорностью предполагаемого супруга, обычно быстро и цинично использовали, не желая упускать удачный шанс, – и почти тотчас предусмотрительно сбегали, оставляя Свету то беременной, то попросту подвергнутой очевидному надругательству.

Сегодня вечером она снова убито ковыляла после смены на высоких каблуках по нескончаемому коридору их реабилитационного центра, где даже стоящих кавалеров среди больных было днем с огнем не сыскать: все сплошь козлы старые – инфарктники и инсультники, да еще сильно поломанные всякие – какой с таких прок... Слаще шоколадки от них ничего не видела – вот и сегодня дедок из отдельной – говорят, сам хирург, на работе сгорел – торжественно преподнес ей на выходе большую шоколадину с изюмом и орехами, взамен попросив опустить в почтовый ящик письмо. Ну, конечно, к компьютеру, небось, не знает, с какой стороны и подойти – неужели еще любовные письма строчит какой-нибудь климактерической развалине? Конь-то с яйца-

ми оказался – скажите пожалуйста! – жена от него не отходит, а он еще на сторону зыркает... Мельком глянув на конверт, Света почти разочарованно убедилась, что у адресата мужское имя, заученно поблагодарила за презент и сунула письмо в глубокий накладной карман своего старушечьего зимнего пальтишка: что ей, жалко, что ли, – почта-то за углом направо, прямо около остановки... Поганое все-таки пальто, она бабушкино сама, как смогла, на себя перешила... Извернуться бы с деньгами и наскрести на легкий модный пуховичок... практичный какой-нибудь, черненький... Ага, пуховичок, как же! За айфон еще почти год выплачивать, и абонемент в фитнес-клуб – сплошное разорение, но без него никак: где еще с денежным парнем познакомишься? Еще раз кивнув оказавшемуся никаким не героем-любовником инфарктнику из полулюкса, она поплелась к вестибюлю, мысленно уговаривая себя выкинуть уже из головы Кирюху и заняться серьезными поисками нового ухаже-ра. Обычно, в очередной раз покинутая, Света горевала недолго, лихорадочно ища и быстро находя столь же недолговечную замену неверному возлюбленному, но Кирюха, черт, зацепил ее чем-то не на шутку. Ласковый был, щедрый: вот золотой кулончик с фианитом подарил, сережки к нему обещал, если хорошо себя вести будет, – уж она ли не старалась! Специально порнуху ночами смотрела, хоть и с души от нее воротило, – не как забаву, а как учебное пособие: потом такие кренделя в постели выписывала, только держись! А Кирюха все равно пропал. Даже не позвонил ни разу, сам – вне зоны, хоть волком вой, – а с квартиры съехал... Другой бы с глаз долой – из сердца вон, а тут прям заноза какая-то, сил нет, как душа болит... Только вспомнит Света, какие у него глаза наивные, как у десятиклассника, руки большие, теплые и шершавые – в авто-сервисе компаньон, кузовщик классный, бабло особо не считает, тачку даже не в кредит брал – и сожмется у нее где-то там, в глубине... Трезвым никогда на нее руку не поднимал – не то что папаша! Ну, а если выпивши, – так ведь нечасто же... Зато потом всегда подарок дарил – из косметики, что она просила, или сумочку там, – и не скупердяйничал...

Втянув голову в плечи, Света шагнула в раннюю городскую темень – да не крути ты

башкой, дура, нет там его машины, он про тебя и думать забыл! – и повернула направо, подставив спину хваткому колючему ветру.

«Би-бип!» – весело раздалось позади.

Казалось бы, все машины гудят одинаково, – а ведь она узнала, узнала, узнала – как родной голос! – и уже летела, оскальзываясь и еле лоя равновесие, туда, где у распахнутой дверцы знакомого «Фольксвагена» цвета голубинового крыла стоял, подбоченясь, Кирюха – ее Кирюха! – и призывно махал рукой...

Они встретились так, словно не расставались ни на день. Кирюха сыпал деньгами и поцелуями – «Гуляем, Светок, один раз живем!» – немедленно повез ее в стильный ресторан, где сразу красиво поставил на место нерасторопного халдея – «Совсем офигела обслуга!» – и заказал бадейку красной икры; потом самолично выбрал ей дорогие духи во французском магазине, изрядно погоняв по нему заносчивую консультантшу, – у той аж рожа вытянулась, вот была умора! После этого поехали в бутик верхней одежды, где Света весело перемерила все фирменные пуховики, и, когда остановилась на скромном, сталистого цвета, – Кирюха самолично сорвал его с девушки и швырнул в продавщицу: «Яркое давай неси, лохудра, а не ватники для эчек нам подсовывай!» – и застегнул на обомлевшей подружке обалденное пуховое полупальто, шелковисто-розовое, невесомое, о каком она и мечтать не смела. «Да не заворачивай ты нам обноски! В помойку эту рвань выкинь... А сдачу себе забери!» – и, заплакав от счастья, Света выбежала из магазина вся красная. Они прошвырнулись вдоль заваленной осколками льдин Малой Невки – там он стащил подругу по обледенелым ступенькам вниз, к спуску, и наскоро не по-детски прижал в темноте к гранитной стене – она даже лбом немножко ударилась – но перетерпела, ничего: сегодня-то уж он полное право имел, на что тут обижаться! – и снова повел в ночной ресторан, где хищно и весело уплетал кровоточащее мясо, отрезая куски и пихая их на вилке ей в рот, – она осторожно жевала, скрывая отвращение, но понимая, что это – особая льгота, и благодарная за нее. Задавать Кирюхе вопросы про его безвестное долгое отсутствие Света, конечно, не посмела, благо суровый урок о том,

что у мужчины могут быть свои неотложные дела, за которые он никому не обязан отчитываться, был вколочен в нее давно и не им, – потому он смотрел на спутницу благодушно и степенно рассуждал, откинувшись на мягкую кожаную спинку дивана:

- Больше ты туда не вернешься. Не хватало еще, чтоб моя баба горшки за старперами выносила. Рожать будешь. Парней, девок – все равно кого. Штуки три. Смотри: справишься – так и распишемся, чего там. Хазу я новую снял, увидишь сегодня, даже кондей есть. Барахло твое завтра от бати вместе увезем, чтоб граблями своими не размахивал... А если морду его видеть не хочешь, – в чем есть тебя заберу, делов-то...

Слезы давно уже струились из глаз Светы, как у голодного крокодила, лились в тарелку, капали с подбородка – от принудительно выпитой бутылки красного вина, от жалости к себе и от за себя же – радости... Размазанный ее рот помимо воли растянулся в некрасивое корытце и выдал тонкий, жалобный бабий вой:

- Забери меня отсюда, Кирюшенька-а... Ой, забери ты меня отсюда-а-а...

Он сочувственно перегнулся к ней через стол:

- Не вопрос. Только откуда забрать, Светок? Не понял – тебя откуда забрать-то?

P.S.

Дорогие форумчанки...

victoria1971:

Дорогие форумчанки! Пишу вам первый раз, хотя уже больше года постоянно читаю ваш форум. А история моя такова...

6 сентября 2017 г.

Букино – Новый Иерусалим

В повести

использованы материалы сайта:

www.oncoforum.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Наталья Веселова 4
Избранные отзывы читателей
о Евгении Раевском 5

Поэзия

Андрей Маничев 11
Виктор Орешкин 14
Наталья Журавлева 17
Вера Кулемина 20
Ирина Ковшевная 23
Патьяна Николаева 24
Юлий Шагера 26
Патьяна Куган 30
Патьяна Крыжановская 31
Валерий Лукин 32
Лемпи Карзова-Головина 33
Нина Озерова 34
Игорь Сафронов 35
Патьяна Васильева 36
Ольга Панкова-Козловская 42
Надежда Арясова 43

Критика и публицистика

Виктор Орешкин 48
Лев Горянин 54
Геннадий Муриков 67
Анатолий Назиров 69

Александр Бобров 71
Анатолий Молоканов 73
Из серии статей
«Как убивали Анатолия
Молоканова» 81
Макар Алпатов 86
Иван Ильин 93
Александр Крылов 97
Вячеслав Поляков 109
Патьяна Соренсен 115
Алексей Воронов и
Анна Игнатьева 124

Проза

Валентина Сибирякова-Горак 129
Наталья Сорокина 133
Патьяна Николаева 147
Светлана Панова 148
Юлий Шагера 153
Валентина Счастливая 157
Сергей Псарев 159
Галина Шарасова 163
Наталья Веселова 181

Золотое Слово № 16
Литературно-художественный журнал

Санкт-Петербург
Издательство «Гамма»
2017 г., 212 стр.

Выпускающий редактор: Ефимова Е.С.
Оригинал-макет: Сафронова Н.А.

Под общей редакцией
Е.П.Раевского

Составитель Н.А.Веселова

Издание Российского Межрегионального союза писателей
Официальный сайт: **www.rmsp.pro**
Адрес для писем: 199178, Санкт-Петербург,
В.О., 15-я линия, д. 34, кв., 17
Эл. почта: igorsirena@mail.ru
Контактный тел.: 8-921-908-97-16

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Палитра»
Санкт-Петербург, наб.Обводного канала, д.87
Печать офсетная. Формат 60x84/8 Печ.л. 14,1
Заказ № 207 Тираж 900